

ПАТРИАРХ СЕРГИЙ

Михаил
Одигинов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Сергий Страгородский (1867–1944) возглавлял Русскую православную церковь в самые трагические периоды ее истории: во время становления коммунистического государства приложил все силы, чтобы найти правильную основу для взаимоотношений церкви и власти, довести до сознания всех верующих, что подчинение «атеистической власти» не является изменой Богу, что забота о благосостоянии Родины — обязанность каждого; во время Великой Отечественной войны призывал к борьбе против захватчиков и самоотверженному труду в тылу, под его руководством все православное русское духовенство активно помогало обороне страны, укрепляло патриотический дух русского народа, оказывало значительную материальную помощь фронту. Вся деятельность патриарха была направлена на сохранение нравственной и духовной связи церкви с народом. Настоящая книга — первое полное исследование биографии патриарха Сергия, основанное на документах и архивных материалах, воспоминаниях и свидетельствах современников и подвижников этого замечательного человека.

-
- [Михаил Иванович Одинцов](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Арзамасский край: семья, детство, духовное образование](#)
 - [На миссионерском поприще](#)
 - [Учитель, воспитай ученика...](#)

- Глава II
 - На Финляндской кафедре. 1905–1917 годы
 - Реформы в Русской церкви в начале XX века
 - Февраль 1917 года: свобода! свобода! свобода!
 - На Поместный собор...
- Глава III
 - Москва. Кремль. Собор открыт!
 - Вооруженное восстание в Москве
 - Жребий пастыря
 - «Церковь отделяется от государства...»
 - Завершение работы Поместного собора
- Глава IV
 - Конец синодальной эпохи
 - Окончание Гражданской войны
 - «Изъять из церковных имуществ...»
 - Обновленческий соблазн
 - И пришел он с покаянием
- Глава V
 - Приемля новое назначение
 - Борьба с церковными расколами
 - «Временно поручаю исполнение обязанностей местоблюстителя...»
 - Декларация митрополита Сергия и Временного патриаршего синода. 29 июля 1927 года
 - Русская эмиграция и Декларация митрополита Сергия Страгородского
 - Постановление ВЦИКа и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». XIV Всероссийский съезд Советов. Апрель-май 1929 года
 - Начало глухих 1930-х годов
- Глава VI
 - Блаженнейший первоиерарх Русской церкви

- [Правящая партия и Советское государство на антирелигиозном фронте. Вторая половина 1930-х годов](#)
 - [Религиозная политика нацистской Германии накануне Второй мировой войны](#)
 - [Начало Великой Отечественной войны](#)
- [Глава VII](#)
 - [Ради ближних своих](#)
 - [Религия, церковь и «новый порядок» на оккупированных советских территориях](#)
 - [Православная церковь в Советском Союзе в условиях военного времени](#)
 - [«Религиозный фактор» за пределами СССР](#)
- [Глава VIII](#)
 - [Сталин и церковь: политика примирения и компромисса](#)
 - [Во главе церковного возрождения](#)
 - [Совет по делам Русской православной церкви и Московская патриархия: время взаимодействия и взаимопонимания](#)
 - [В Бозе почивший патриарх](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРИАРХА СЕРГИЯ \(СТРАГОРОДСКОГО\).](#)
- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)

- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)

- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной](#)
[электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Михаил Иванович Одинцов

Патриарх Сергей

...Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам...

Евангелие от Луки. 6:37, 38

Епископское служение... есть «служение примирения», служение пастырское. Быть же пастырем — значит жить не своею особою жизнью, а жизнью паствы, болеть ее болезнью, нести ее немощи с единственной целью: послужить ее спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем «душу свою полагает за овцы», отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада.

*Епископ Сергей (Страгородский).
1901 г.*

***Патриарх Московский и всея Руси Сергей
(Страгородский)***

ПРОЛОГ

Год 1943-й

Полковник госбезопасности Георгий Григорьевич Карпов стоял у окна своего служебного кабинета. Осенний дождь заливал стекло, но еще можно было разглядеть очертания кремлевских башен.

Со слов комиссара госбезопасности он знал, что оттуда должен последовать вызов к Верховному и там полковник должен будет назвать имя возможного нового патриарха Московского.

На зеленом сукне стола лежали подготовленные краткие справки о кандидатах на патриарший престол: митрополит Киевский Николай (Ярушевич), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) и митрополит Московский Сергей (Страгородский).

Зазвонил аппарат.

— Полковник Карпов... — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес незнакомый голос в трубке.

— Так точно. Слушаю.

— Можете выезжать. Маршрут изменен, вас ждут на Ближней даче.

...В точно назначенный срок Карпов входил в дом. Дежурный молча открыл дверь и провел его в кабинет. В глубине, за столом, сидел Сталин. Подняв голову на звук открываемой двери, он сосредоточенно смотрел на вошедшего. Затем рукой показал на один из стульев.

— Товарищ Карпов, — сразу начал хозяин кабинета, — в правительстве есть мнение нормализовать отношения с православной церковью и дать согласие на избрание патриарха. Кроме того, создать при правительстве специальный орган по связям с будущим патриархом. Каково ваше мнение?

— Товарищ Сталин, по первым двум вопросам — согласен. Но по последнему предложению не готов дать ответ. Может, это будет отдел по делам культов при Верховном Совете СССР?

— Не готовы... А мы... — Сталин повел головой в сторону, и только сейчас Карпов увидел сидящих у стены Л. П. Берию и Г. М. Маленкова, — выдвигаем вас в качестве руководителя этого органа. Ну что же, будет так. При Совнаркоме образуем Совет по делам Русской православной церкви. Кстати, — Сталин заглянул в лежащий перед ним листок, — Георгий Григорьевич, вы русский?

— Да.

— В партии давно?

— Более двадцати лет.

— Хорошо, хорошо... Так вы согласны с новым назначением?

— Я солдат партии и народа. Выполню все, что будет поручено.

— Раз так, давайте свое первое предложение. Кто будет у нас патриархом?

Карпов достал из папки пакет и, передавая Сталину, четко и громко произнес:

— Сергей, митрополит Московский!

Глава I

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Арзамасский край: семья, детство, духовное образование

В 60-х годах XIX столетия Арзамас был небольшим заштатным городком на юго-востоке Нижегородского края. Его славное и теперь такое далекое прошлое города-крепости, важного пункта на транзитном и торговом пути, центра чеканного и иконописного искусства, ярмарочных гуляний, постепенно забывалось. Немым свидетельством уходящего «золотого века» Арзамаса оставались храмы и монастыри «поистине столичного масштаба», в изобилии строившиеся в XVIII — первой половине XIX века. На 12 тысяч населения приходилось 30 церквей и семь монастырей. Здесь повсюду чувствовалась старая кондовая Русь и жизнь текла по старозаветным дедовским традициям.

Род Страгородских с незапамятных времен был связан с миром духовенства. Еще в XVIII веке один из предков Сергия — Сильвестр Страгородский (1725–1802), был архимандритом Переславского Никитского монастыря, а затем, в 1761 году, — епископом Переславским и Дмитровским, а еще позднее — епископом Крутицким. Он был сыном царскосельского придворного священника и своей крестной матерью имел царевну, впоследствии императрицу Елизавету Петровну. Этот факт, видимо, сильно способствовал его церковной карьере. Звезда Сильвестра Страгородского закатилась вместе с гонениями против опального митрополита Арсения Мацеевича (1697–1772), который выступал против политики секуляризации Екатерины II и с которым Сильвестр был тесно связан. Он умер в 1802

году в должности настоятеля Московского Спасо-Андроникова монастыря и был похоронен при входе в Знаменскую церковь. На надгробии была начертана эпитафия: «А ты, кто чтешь сие, прохожий мой любезный, смотря на тлен и прах, что гробный кроет спуд. Прими умершего совет тебе полезный: чтоб, помня смерть, всегда готову быть на Суд».

В 1860-е годы в Арзамасе священствовали два представителя из семейства Страгородских: отец и сын. Старший Страгородский — Иоанн Дмитриевич, протоиерей Воскресенского собора; а младший — Николай Иоаннович, старший священник в арзамасском Алексеевском женском монастыре. В Николаевском женском монастыре послушницей была и дочь Иоанна Дмитриевича — Еннафа Страгородская, принявшая впоследствии монашество с именем Евгения и ставшая игуменьей Алексеевской обители. Страгородские проживали в доме, принадлежавшем протоиерею Иоанну Дмитриевичу, который располагался напротив Святых врат Алексеевской обители.

Отец будущего патриарха, протоиерей Николай Страгородский, получил обычное для детей духовенства образование — в Арзамасском духовном училище и Нижегородской духовной семинарии. В ноябре 1864 года в Арзамасском Воскресенском соборе он венчается с семнадцатилетней Любовью Раевской. В начале же декабря 1865 года прибывший в Арзамас епископ Нижегородский и Арзамасский Нектарий (Надеждин) за Божественной литургией в Воскресенском соборе рукоположил Николая в сан диакона с последующим назначением на вакансию причетника в Николаевский женский монастырь.

Спустя два года, 19 января 1866 года, у отца Николая и Любови Дмитриевны Страгородских родился первый ребенок — дочь Александра. В 1867 году, 11 января, родился второй ребенок — мальчик. По

церковной традиции, спустя несколько дней в Воскресенском соборе было совершено таинство крещения и дано ему имя — Иван. Восприемниками были его дед, протоиерей Иоанн Дмитриевич, и родная сестра его матери Варвара Раевская.

В сентябре 1868 года Любовь Дмитриевна скончалась от чахотки, и Николай Иоаннович остался один с двумя малолетними детьми. Овдовев, отец Николай вел строгую и скромную жизнь, поделив все свое время между церковью и семьей. В монастыре его любили за истовое служение Богу и всегдашнюю готовность к духовному руководству и помощи. В своем доме он установил распорядок жизни в строгом соответствии с уставами общецерковными и монастырскими. На помощь ему пришли родственники, основную заботу по воспитанию детей взяла на себя бабушка будущего патриарха — Пелагея Васильевна. Ей помогали в этом няня Анна Трофимовна и сторож Воскресенского собора Елизарыч, у которого малолетний Ваня порой пропадал целыми днями.

Можно сказать, что детство брата и сестры прошло в ограде Алексеевского монастыря, где священствовал их отец — иерей Николай Страгородский, назначенный в 1867 году старшим священником в обители. Монастырь, расположенный в конце Прогонной улицы, был примечателен тремя каменными храмами: Вознесения Господня, Успенским и больничным — во имя преподобного Иоанна Лествичника и великомученицы Варвары. Главной святыней общины была местночтимая икона Божьей Матери «Утоли моя печали» и образ святителя Николая Чудотворца. При обители существовали странноприимный дом, две больницы и разные мастерские. Воспитанницы обители обучались Закону Божьему, чтению молитв и псалтырей. Кроме этого, юных насельниц в обязательном порядке по два часа в день обучали различным рукоделиям: сначала

вышивке по канве, затем — более сложному шитью золотом и жемчугом. Сестры Алексеевской общины славились изготовлением плащаниц, облачений и различных церковно-богослужебных вещей, вышитых золотом и серебром. Заказы на них поступали даже из Греции и Святой земли. Одна из изготовленных сестрами плащаниц, а также хоругви были пожертвованы общиной в новоосвященный храм Христа Спасителя в Москве, за что матушка Евгения была награждена «золотой медалью для ношения на груди на Александровской ленте».

На территории общины Иван и Александра бывали чуть ли не ежедневно, бегали и играли с девочками из монастырского приюта, ходили в гости к насельницам, которые были ласковы к сиротам.

Отец Николай усердно занимался воспитанием и образованием своих детей: учил их молиться, обучал грамоте и труду. В его доме была хорошая библиотека, в свободное время он переплетал старые книги, в чем ему всегда оказывал посильную помощь маленький Ваня. На церковные службы мальчик ходил к своему деду протоиерею Иоанну в Воскресенский собор и там прислуживал ему в алтаре.

Последующее образование Иван Страгородский, как было принято в семьях духовенства, получил в приходском училище. В восьмилетнем возрасте его определили в Арзамасское духовное училище в подготовительный класс. На следующий год после приемных испытаний он был зачислен в первый класс училища. После окончания первого класса в годичной именной ведомости об учениках напротив фамилии Ивана значилась запись: «поведение — очень хорошее», а в графе об успехах: «хорошие». В списке для отметок «экзаменических баллов» оценки Ивана по предметам выглядели так: Священная история — 4, русский язык —

5, латинский язык — 5, арифметика — 4, пение — 3, чистописание — 3.

В 1880 году учеба в училище завершена, впереди — приемные испытания в Нижегородской духовной семинарии. Согласно разрядным спискам семинарии Иван Страгородский занимал за все годы своей учебы высокие места. В первом классе он — третий; в третьем — на втором месте; в пятом — на первом, то есть оканчивает семинарию лучшим учеником. Обучаясь в семинарии, Иван Страгородский уже сделал свой выбор: продолжать духовное образование в Санкт-Петербургской духовной академии.

В 1886 году из Нижегородской семинарии вызова в академию не было, а потому на свой страх и риск Иван вместе со своим товарищем Иваном Слободским приехали в Санкт-Петербург, чтобы поступать в академию волонтерами, надеясь исключительно на собственные силы, а не на направление и протекцию оконченной ими духовной семинарии. Выбор был сделан не случайно. Петербургская академия блистала именами крупных ученых. Священное Писание Ветхого Завета читал один из лучших знатоков ветхозаветного текста Ф. Г. Елеонский, автор «Истории израильского народа в Египте»; философию преподавал М. И. Каринский, подвергший критике кантовскую гносеологию в своей работе «Об истинах самоочевидных»; а логику — А. Е. Светилин. Особенно хорошо было представлено славными именами историческое отделение. Там читали курсы такие корифеи, как И. Ф. Нильский, известный византолог; М. О. Коялович, И. С. Пальмов, крупнейший специалист по истории славянства; профессор-протоиерей П. Ф. Николаевский; церковную археологию и литургику читал Н. В. Покровский, известный знаток христианской иконописи, а курс догматического богословия — нижегородец А. Л. Катанский. Авторитет Санкт-Петербургской духовной академии был очень

высок, и желающих поступить туда всегда было достаточно.

Во второй половине августа 1886 года все явившиеся к приемным испытаниям, а их было более ста человек, сдавали следующие вступительные экзамены: письменные — по Священному Писанию Ветхого Завета, истории Русской церкви и греческому языку; устные — по Священному Писанию Нового Завета, литургике, латинскому и иностранному языкам.

Сохранившиеся материалы свидетельствуют о весьма различном уровне знаний, продемонстрированных абитуриентами. К примеру, комиссия, подводившая итоги проверочных испытаний по литургике, отмечала, что «в ответах на вопросы о хронологии и истории встречались грубые ошибки»; «об источниках из истории богослужения воспитанники имеют крайне скудные сведения и сбивчивые понятия», а также что обнаружено было равнодушие воспитанников к богослужению и отсутствие должного знания о нем. А в итоговой записке о результатах экзаменов по Священному Писанию Нового Завета говорилось: «Ответы экзаменовавшихся воспитанников были вообще удовлетворительными, большинство высказало более или менее точные и обстоятельные сведения как по истории, так и в толковании наиболее важных мест Священного текста».

По результатам вступительных испытаний треть абитуриентов, получивших неудовлетворительные оценки на письменных и устных экзаменах, не были приняты в академию.

Иван Страгородский успешно справился со вступительными экзаменами. По результатам проверочных испытаний молодой нижегородец оказался в числе тридцати пяти лучших, зачисленных на казенное содержание, в составленном же разрядном списке студентов он был и вовсе шестым.

Началась академическая жизнь: лекции, занятия в библиотеке, экзамены, курсовые и семестровые сочинения. Студенты распределялись в комнатах общежития по землячествам. Нижегородское, Рязанское, Олонецкое и Смоленское землячества помещены были в одном большом зале второго этажа с окнами на Обводный канал и ректорский корпус.

По своему внешнему виду Иван Страгородский не был особо примечательным среди студентов: высокий, худощавый, немного неуклюжий, в очках и с непослушными волосами. Но при близком знакомстве это впечатление изменилось коренным образом: Иван Николаевич оказался человеком на редкость мягкого характера, был приветливым и ровным со всеми. К тому же он обладал прекрасным басом, и новые товарищи были буквально очарованы, когда он в первый же вечер со своим подголоском И. П. Слободским запел народные песни и особенно духовные стихи калик перехожих. Умение петь сопровождалось умением играть на фисгармонии. Иван любил этот инструмент и очень удачно импровизировал церковную музыку. Популярность Страгородского среди товарищей быстро росла, с некоторыми из них его связала дружба искренняя и глубокая, сохранившаяся на всю жизнь.

В то время учебный план академии по уставу 1884 года включал предметы двух отделений: исторического и литературного. Студент Страгородский взял для изучения предмет исторического отделения. По тем временам расписание студентов не было особенно перегружено: слушание профессорских лекций чередовалось с написанием так называемых семестровых сочинений, а потому им предоставлялось много времени для самообразования. Иван Страгородский дополнительно записался на курсы иностранных языков: английского, немецкого и древнееврейского; обладая хорошим голосом, почти

ежедневно участвовал в богослужении в академическом храме. Прекрасные бытовые условия, блестящий преподавательский состав, отличная библиотека давали возможность студентам посвятить себя наукам.

Для самообразования студент Страгородский занялся изучением текста и толкования Священного Писания и святоотеческой литературы. Очень скоро Иван стал выделяться среди студентов своими незаурядными познаниями, его курсовые сочинения отличались глубиной мысли и эрудицией. Светские удовольствия, которым отдавали дань многие его товарищи, Страгородского не интересовали, зато он неизменно присутствовал на ежедневных академических богослужениях.

Один из сокурсников Ивана Страгородского, в последующем архиепископ Варсонофий (Городцев), вспоминал: «Действительно яркой звездой... курса был Страгородский Иван Николаевич... Он с первых же дней заявил себя внимательным отношением к так называемым семестровым сочинениям, вдумчиво прочитывал нужные книги, для чего посещал Публичную библиотеку, слушал лекции и на экзаменах давал блестящие ответы... Еще на третьем курсе он начал усердно изучать творения святых отцов Церкви и знакомиться с мистической литературой... Под влиянием отеческой и аскетической литературы в сердце Ивана Николаевича стало зреть и крепнуть желание принять монашество, и он еще студентом решил поехать в Валаамский монастырь, чтобы опытно изведать подвижническую жизнь иноков этого строгого по уставу монастыря... Он... очень любил творения Тихона Задонского, Феофана Затворника... В беседах он и меня звал в монашество: „Оставь, — говорил он, — мертвым погребать своих мертвецов“»^[1].

При переходе на второй курс студент Иван Страгородский в разрядном списке академического

курса занимал четырнадцатое место, на третий — второе; на четвертый — третье.

Летом 1889 года, перед последним четвертым курсом, Иван Страгородский со своим однокашником Яковом Ивановым отправился на богомолье на Валаам. Пробыли они там все летние каникулы. Иван работал в монастырской канцелярии, а Яков занимался всякого рода физической работой в монастырском хозяйстве. Там к ним обоим и приходит окончательное решение принять монашество. Свою роль в этом сыграли и настойчивые призывы академического инспектора архимандрита Антония (Храповицкого) к студентам воспринять монашеский сан, чтобы послужить всей жизнью своею церкви. К слову сказать, учеником Антония Храповицкого в эти же годы был и Василий Белавин — будущий патриарх Московский, учившийся несколькими курсами старше Ивана Страгородского. Мы не знаем, насколько они были знакомы, но можно предполагать, что пути их в академии пересекались, как будут пересекаться они и в будущем. Студент Страгородский привлекал архимандрита Антония своими блестящими способностями, благостностью и чисто православным пониманием богословия. О характере складывавшихся между ними отношений можно судить по подарку, который Сергей сделал после окончания академии своему учителю и другу. Он подарил ему панагию с изображением Владимирской Божьей Матери, на которой была сделана надпись: «Дорогому учителю и другу. Дадите от елєя вашего, яко светильницы наши угасают» (Мф. 25,8).

Решение Ивана и Якова потрясло товарищей по академии. Терять двух самых любимых членов молодого кружка, сложившегося за три года совместной жизни, было нелегко. Тем более что оба они должны были оставить привычную академическую жизнь, покинуть свои комнаты и своих друзей и перейти в новое

окружение академических иноков. Товарищи взволновались, были попытки убедить, отговорить, были и горячие дискуссии, но желаемых результатов они не дали. Тогда решили написать отцу Страгородского, чтобы с его помощью отговорить Ивана. Протоиерей Николай Страгородский специально приезжал в столицу, говорил с сыном о его решении и в конце концов дал свое благословение на этот шаг.

...30 января 1890 года, в День памяти Трех Святителей, в академической церкви совершался обряд пострижения двух студентов четвертого курса академии — Ивана Николаевича Страгородского и Якова Федоровича Иванова. Медленно шествовали юноши, босые, в длинных белых рубахах под черными мантиями, в сопровождении монахов. При пении стихир «Объятия Отча тверзти ми потщися», с частыми остановками и коленопреклонениями, процессия прошествовала в академический храм. На сцене их встретил ректор академии епископ Антоний (Вадковский) вопросом:

— Что пришли есте братия?

И доносятся едва слышные ответы:

— Желая жития постнического.

Затем последовали обычные при пострижении вопросы о монашеских обетах и смиренные ответы постригаемых: «Ей Богу содействующу», закончившиеся троекратным предложением епископа Антония подать ему ножницы для пострижения.

И... кульминация — пострижение. Нет более Ивана Страгородского. Есть инок Сергей, взявший себе это имя в честь одного из чудотворцев Валаамской обители. А его товарищ взял имя другого валаамского чудотворца — Германа.

Напутственное слово сказал епископ Выборгский Антоний (Вадковский), указав новопостриженникам на смирение как на венец нравственного совершенства. Здесь же присутствовали епископ Смоленский и

Дорогобужский Гурий (Охотин) и управляющий Синодальной канцелярией В. К. Саблер.

В единственном сборнике статей и материалов, посвященном Сергию Страгородскому и выпущенном Московской патриархией в 1947 году, опубликованы некоторые воспоминания об этом периоде однокурсников Сергия. Один из них, в будущем архиепископ Новосибирский Варфоломей (Городцов), писал: «Скоро молодой инок Сергей был рукоположен во иеродиакона и стал служить в академической церкви: служба молодого иеродиакона своим глубоким воодушевлением производила на всех присутствующих в церкви большое впечатление. И я вот сейчас помню, как молодой иеродиакон после принятия Святых Таин, полный умиления, держа в руках святой потир, возглашал: „Со страхом Божиим и верою приступите“. Помню его прекрасное, всегда осмысленное чтение Святого Евангелия, а особенно помню то особое впечатление, которое производило на меня чтение им Святого Евангелия в Великий вторник».

После пострижения Сергей поселился в отдельной комнате, вне студенческого шума. В тихой монашеской обстановке, под руководством инспектора академии архимандрита Антония (Храповицкого) прошли последние полгода учебы. Они были посвящены работе над кандидатской диссертацией на тему «Православное учение о вере и добрых делах». Сама тема уже достаточно наглядно свидетельствовала о богословской зрелости автора и его устроении. Взят был для исследования один из самых трудных вопросов христианской догматики и учения о нравственности. С одной стороны, он стремился критически осмыслить позицию Римско-католической церкви, согласно которой для оправдания человека перед Богом требовалось наличие добрых дел, а недостаток их мог быть восполнен из запаса сверхдолжных заслуг святых; с

другой — анализировал протестантскую этику, которая ставила спасение человека в зависимость только от его веры во Христа, считая, что добрые дела, как бы ни были они значительны, не спасут человека и только праведность Христа покроет грешника как ризою. Православное нравственное богословие, возражая и католицизму, и протестантизму, стремилось утвердить собственное видение этой проблемы, сформулировать точно и ясно взаимоотношение между верой и добрыми делами. Этой цели придерживался и иеромонах Сергей, писавший труд под руководством профессора А. Л. Катанского.

9 мая 1890 года иеромонах Сергей блестяще завершил свое богословское образование. И рецензенты, и оппоненты, и его руководитель сошлись во мнении, что диссертационная работа стала плодом долгих самостоятельных размышлений и искренним выражением сложившегося у автора взгляда на разбираемый им вопрос, что в ней проявилась редкая для студентов начитанность в святоотеческой литературе.

В субботу 9 июня 1890 года совет академии утвердил список кандидатов богословия, окончивших в этом году курс. Первое место среди сорока семи кандидатов-магистрантов занял иеромонах Сергей. Следует сказать, что свыше двух третей студентов этого курса в будущем примут священнический сан, а восемь из них станут епископами и все они с честью и усердием послужат церкви.

Всего академический курс в 1890 году окончили 70 человек. По традиции завершающим моментом торжества окончания стал совместный товарищеский обед выпускников. На этих обедах обычно присутствовали все окончившие академию в предыдущих выпусках. В этот раз среди гостей старейшим был редактор «Церковно-общественного

вестника» Поповицкий, а самым знатным — духовник царской семьи протопресвитер придворного духовенства И. Л. Янышев.

По действовавшему академическому уставу Сергей Страгородский должен был остаться при академии в качестве стипендиата для защиты магистерской диссертации и подготовки к профессорскому званию. Перед молодым монахом открывалась блестящая перспектива ученой карьеры. Но он избрал иное — миссионерское служение. 11 июня подано прошение на имя ректора академии епископа Антония с просьбой отправить на службу в состав Японской православной миссии. Без промедления, 13 июня, последовал указ Святейшего синода о его назначении. 15 июня указ поступил в академию «для зависящих распоряжений». Оставалось немного: получить золотой наперсный крест, полагавшийся по характеру новой церковной службы, заграничный паспорт, подъемные и прогонные деньги. Предполагая долгую разлуку с близкими, Сергей съездил на родину, в Арзамас. Будучи в родном городе, он посетил в монастырской больнице свою няню Анну Трофимовну, которая в тот раз болела и с которой он простился по-родственному. Больше Сергей ее никогда не увидит. Не забыл он и своей родной академии, где только что было организовано Общество вспомоществования бедным студентам, в адрес которого он отправил свой первый взнос — 200 рублей.

Теперь молодой иеромонах Сергей Страгородский был готов к началу своего миссионерского пути.

На миссионерском поприще

...Стоял жаркий август 1890 года. Из Одессы вышел в море пароход «Кострома» Добровольческого флота. Среди пассажиров — торговцев, служилых людей, журналистов и просто отдыхающих и путешествующих

— иеромонах Сергей Страгородский, отправившийся в свою первую заграничную командировку. На борту предстояло пробыть долгих два с половиной месяца. Уже вечером Сергей заполняет свой дневник первыми впечатлениями от расставания с Россией; сведениями о некоторых своих попутчиках, с кем удалось познакомиться; о маршруте плавания и планах, среди которых изучение японского языка, чтение книг. С ним его «хорошие друзья» — японский перевод Октоиха, «Лексикон» Рошкевича, «Грамматика японского языка» Смирнова, американское издание Нового Завета на японском языке. Разглядывая таинственные иероглифы, за которыми пока только предугадывалось их содержание, Сергей понимал, что все это, чтобы быть принятым в далекой и чужой стране, придется изучить и уже после этого по ним и другим учить Христовой жизни.

По борту день за днем вода... вода. Изредка попадались встречные пароходы, рыбацкие шхуны, а еще зеленые и желтые, гористые и низменные острова. На горизонте, в дымке или в прозрачном и чистом воздухе, берега стран, названия которых юный миссионер знал только по картам и атласам. Изредка заходили в иностранные порты: Константинополь, Порт-Саид, Перим, Коломбо, Пенанг, Сингапур, Сайгон, Гонконг, Амой, Шанхай — разноликий, разноречивый и разноречивый мир, вдруг переставший для молодого человека из небольшого Арзамаса быть неведомой «заграницей», сказкой, мечтаниями, а ставший реальностью, где ему предстояло жить и трудиться.

Но вот наконец и заветная цель. 20 октября 1890 года он сошел с палубы корабля на японскую землю. От морского побережья скорый поезд доставил Сергея в столицу — Токио. С вокзала возница на двухколесной ручной тележке быстро повез его по шумным столичным улицам, через парки, по мостам через рвы и сквозь диковинные ворота дворцов. А вокруг — люди, так же не

похожие на россиян, как не похожи и их жилища и сам мир, в котором они живут. Возница, молодой парень, бежит быстро, только изредка поглядывает на белого человека в черном одеянии. Наверное, и у него в голове пронеслась мысль о непохожести мира под названием «Россия», из которого прибыл этот молодой иностранец, на любимую и такую родную ему страну.

Вдали показался холм Суругадай, как будто паривший над всей окружающей местностью. А на ребре холма белел православный храм, сияя своим крестом на чистом небе. Сергей перекрестился и облегченно вздохнул.

Возница, ни о чем не спрашивая Сергея (видно, ему приходилось здесь бывать), остановился возле ничем не примечательного двухэтажного здания, всем своим видом и вежливыми жестами стараясь объяснить, что путешествие закончено, надо идти в дом. На крыльцо вышла какая-то японка и по-русски пригласила Сергея войти, сказала, что владыка давно уже ждет гостя.

Приехавшего проводили в приемную. Сергей осмотрелся: это была маленькая комнатка, стены которой сплошь увешаны гравюрами. В ней стояли стол, диван, несколько стульев. Подумалось: «Тесно и темновато». Но вот шум быстрых шагов. С лестницы спустился очень высокий человек в подряснике, перехваченном вышитым поясом. Это был «апостол Японии» епископ Николай Касаткин, подвизавшийся здесь уже более тридцати лет.

— Милости просим, — быстро заговорил он, благословляя Сергея широким крестом, — пожалуйста, располагайтесь в нашей гостиной.

После длинной дороги был предложен традиционный чай, а затем отправились в храм, чтобы отслужить благодарственный молебен по случаю приезда. Проследовали через различные помещения миссии, где текла обычная церковная жизнь. Вот

младший класс семинарии... Ученики сидели по-японски на полу, поджав под себя ноги. Вместо парт перед ними стояли низенькие и длинные скамейки. Шел урок китайского языка, и маленькие японцы старательно выводили большими кистями самые невозможные китайские иероглифы. Учитель с кафедры «закрякал, зашипел» и совсем рассыпался в реверансах. Это был старичок, маленький, худой, бритый, давно принявший христианство. Преосвященный Николай оставил гостя в классе, а сам пошел собирать свою паству в церковь по случаю приезда нового члена миссии.

Чуть позже за Сергием пришел гонец и повел его в храм миссии, благо и располагался он рядом с классом. Храм, небольшой, но уютный, постепенно наполнялся людьми. Сергей с любопытством смотрел на свою новую паству. Вот попарно тихо прошли ученицы женской школы с несколькими учителями. Побойчее, но тоже сравнительно скромно, вошли и разместились семинаристы с преподавателями. Началась служба, ее возглавил епископ Николай, прислуживали ему японский священник и дьякон. Служили на японском языке, только преосвященный Николай для вновь прибывшего говорил возгласы и читал Евангелие по-славянски. Пел, и довольно хорошо, хор. Пели и все присутствующие в храме, человек сто. Напевы были знакомы Сергию, но только слова другие.

Епископ Николай после службы оставил все свои дела и провел иеромонаха Сергия по своим владениям. Прежде всего он показал строящийся Никольский собор, напоминавший византийскую базилику и потому казавшийся чем-то диковинным в окружении типичных невысоких японских строений. Затем осмотрели церковную школу, художественную мастерскую, семинарию, общежитие для семинаристов и дома для преподавателей.

И на следующий день владыка Николай был рядом с Сергием. Он повез его в другой православный храм, располагавшийся в квартале Коози-мацци. При небольшом храме были еще катехизаторская школа и детский сад для маленьких японцев. Всего в то время в Токио насчитывалось около трех тысяч православных христиан. Каждая община имела во главе катехизатора, который жил в церковном доме, где и происходили различные церковные собрания. На богослужение все сходились или в миссию, или на Коози-мацци.

Даже краткое знакомство с миссией производило впечатление. Сергей в дневнике записал: «Да, жизнь здесь кипит повсюду и в школах, и в канцелярии, и на постройках, и все это стоит на одном преосвященном Николае, везде он, все им начато и поддерживается».

Молодой иеромонах сразу же включился в дела миссии. Служить ему пришлось в Токио, Осаке и Киото. Как свидетельствует запись в дневнике: «Я странствовал по Японии, посещая разбросанные всюду наши многочисленные христианские общины или разыскивая затерявшихся при частых перемещениях и одиноких христиан». Как-то он служил в Осацком молитвенном доме: христиан собралось весьма мало, да и как-то сиротливо, по-видимому, чувствовали они себя в полупустом храме. Глядя на них, молодой миссионер дал в своем сердце зарок: изо дня в день по вечерам ходить по христианским домам для знакомства и назидания. Просить, умолять, обличать своих слушателей и собеседников, прилагать к делу все свое красноречие, но добиваться роста православной общины. И Господь не оставил этих трудов без благословения: христиане, проживавшие в Осаке, постепенно собрались в тесную церковную общину, исправно посещали богослужения. Мало того: они то и дело отыскивали затерявшихся издавна или только переселившихся откуда-либо христиан и приводили их в церковь.

На страницах дневника записывались подробности впечатлений от увиденного и познанного. В виде писем «русского миссионера» некоторые из дневниковых записей публикуются в российских журналах, вызвав неподдельный интерес у общества. О многих сторонах жизни японцев, об особенностях их характера читатели смогли впервые узнать из этих писем. В одном из них есть и такие строки: «Зелени, свежести много здесь, но, замечательное дело, японские цветы не имеют никакого запаха. Все в Японии мило, красиво; прекрасны их цветы, но они не благоухают. Прелестны их птички, но они не поют. Изысканно любезны и ласковы японцы, но у них нет поцелуев, даже между родителями и детьми. Вы проходите точно в панораме, видите природу, города, людей, но все это только картины, только внешняя сторона жизни, скрывающая пустоту». Эта «пустота», что сродни «язычеству», объяснялась автором слабым распространением среди японцев христианства, православия, которые, как ему казалось, только и могут наполнить человека и общество смыслом бытия.

Стремясь быть ближе к пастве, Сергей учит японский язык. Учителем его был тот самый старичок, которого он встретил в семинарском классе при первом своем прибытии в миссию. Учитель прекрасный, только он из вежливости иногда не поправлял ошибок, и порой случались казусы. Но, как бы то ни было, каждое утро Сергей, напившись чаю и отогревшись от ночного холода, встречал своего учителя. Тот, прежде всего с поклоном и низко наклонив голову, подходил к иеромонаху Сергию под благословение. У японцев установился обычай принимать благословение не руками, а головой. И только после этого начинался очередной урок. Усердие и старание в скором времени дали хорошие результаты: во время службы Сергей уже произносит отдельные фразы, держа перед собой бумажку с японскими словами, написанными русскими

буквами. В дальнейшем обходился уже без нее, вполне сносно овладев языком.

Зимой-весной 1891/92 года иеромонах Сергей был прикомандирован в качестве судового священника на военный крейсер «Память Азова». На нем он побывал в Нагасаки, а зимовала команда в Гонконге. Ему удалось на удивление быстро установить добрые отношения с офицерами и матросами крейсера. Морская жизнь произвела на молодого иеромонаха неизгладимое впечатление, и в дальнейшем он не раз вспоминал о недолгой своей службе на крейсере.

По возвращении из командировки, летом 1892 года, владыка Николай направил Сергия Страгородского в Киото. Ввиду невозможности найти частную квартиру, Сергей жил в церковном доме. Православных в Киото было немного, всего шесть домов, которые к тому же были разбросаны в противоположных концах города, и всех своих прихожан Сергей стремился посещать регулярно. Одновременно на него возложена была обязанность преподавать в духовной семинарии в Киото догматическое богословие. Лекции он читал на японском языке.

Молодой миссионер делал заметные успехи. Не зря же впоследствии епископ Николай говорил, что из всех присланных ему из России помощников Сергей был единственным, кого он желал бы видеть своим преемником. Но осуществиться этому было не суждено.

Весной 1893 года Сергия вызывают в Россию. Край языческий — Япония — остался далеко-далеко, о нем напоминали привезенные на родину для близких своих и для себя некоторые памятные предметы.

Короткое время иеромонах исполнял обязанности доцента в Петербургской духовной академии. Затем его перевели на должность инспектора в Московскую духовную академию, где он сумел приобрести всеобщую любовь и уважение. В октябре 1894 года Сергей был

возведен в сан архимандрита и определен настоятелем посольской церкви в Афинах. Студенты Московской духовной академии преподнесли Сергию на память золотой наперсный крест.

17 октября 1894 года архимандрит Сергей выехал из Сергиева Посада в Афины, провожаемый до самого вагона любившими его студентами академии. В Греции Сергей пробыл вплоть до 1897 года. За это время он не только хорошо узнал страну пребывания, но ему посчастливилось совершить путешествие в Святую землю — Палестину.

В годы всей миссионерской деятельности архимандрит Сергей находил время для богословской работы. Его не отпускала волновавшая со студенческой поры проблема взаимоотношения веры и добрых дел. В 1895 году, приехав в отпуск в Россию, архимандрит Сергей нашел время для защиты в Московской духовной академии диссертации на тему «Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Священного Писания и творений святоотеческих». Официальными оппонентами выступали ректор Московской духовной академии архимандрит Антоний (Храповицкий) и экстраординарный профессор по кафедре истории и разбора западных исповеданий В. А. Соколов, неофициальным оппонентом являлся профессор М. Д. Муретов.

Как отмечалось в заметке, опубликованной в «Церковном вестнике», на все возражения оппонентов «магистрант давал основательные и ясные ответы. Совет академии признал защиту удовлетворительной, а магистранта — достойным ученой степени магистра богословия». Выданный советом Московской духовной академии диплом о присуждении ученой степени магистра богословия свидетельствовал, что Сергей Страгородский утвержден в этой степени Святейшим

синодом, а посему ему «предоставляются все права и преимущества, законами Российской империи со степенью магистра духовной академии соединяемые». «Прекрасное, выдающееся по талантливости исследование» — такова была оценка этой работы современниками. Не потеряла она своей актуальности и сегодня, выдержав в последнее десятилетие уже несколько переизданий.

В каждый свой отпуск Сергей стремился в обязательном порядке побывать на родине — в Арзамасе. Летом 1896 года по дороге домой он завернул в Казань, где его друг архимандрит Антоний (Храповицкий) в те годы был ректором Казанской духовной академии. Вечерами у отца ректора традиционно собирались гости: студенты, преподаватели академии и иных светских и церковных учебных заведений. Вот и в этот раз среди собравшихся вдруг зашел разговор о «быстротечности» и «незначительности» человеческой жизни.

— Жизнь пустяшна и коротка, — говорил приват-доцент местного университета, — клочок синего тумана в снежном облаке. И только у немногих людей она проходит легко, «в тепле и свете», а у большинства же переполнена страданиями. И не все ли равно, как прожить эту жизнь, ибо краткость ее и является разрешением задачи и нельзя быть слишком несчастным на протяжении мига.

Последовал обмен мнениями, спор, но все сошлись в том, что, пожалуй, наиболее убедительным был архимандрит Сергей, говоривший: «Да, жизнь быстротечна, но от каждого зависит сделать ее наполненной и если не совершенной, то значительно приближенной к совершенству. Смерть не является полным уничтожением человеческой жизни, она лишь звено в цепи, посредством которой открывается новая, теперь уже бесконечная жизнь. Она же будет

развиваться в направлении нравственно ценном или бессодержательном, мучительно-ничтожном — в соответствии с тем, как и в каком направлении шла земная жизнь человека, данная для приуготовления к жизни небесной».

Эти мысли молодого архимандрита свидетельствовали о его намерении сделать свою земную жизнь содержательной, временем приготовления к переходу в мир иной. Отсюда и его стремление к иночеству, уход от мира сего, «во зле лежащего».

К уходу в иночество он призывал и других. И в этой устремленности он во многом сходил с архимандритом Антонием, что и стало «почвой» для их многолетней дружбы. Уезжая из Казани, Сергей сделал некоторым студентам подарки, привезенные из Афин, которые без слов выражали благопожелание о принятии монашества. Для некоторых из них оно стало свершившимся фактом, изменившим всю последующую жизнь.

В 1897 году судьба вновь привела Сергея в Японию, на этот раз в качестве помощника начальника миссии. Здесь его застаёт приятное известие из России: на 8 марта 1898 года назначено возведение Евгении Страгородской в сан игуменьи арзамасского Алексеевского монастыря. В подарок своей тетушке Сергей заказывает живописцам в мастерской миссии перламутровый посох ручной работы, обложенный серебром, с изображением Алексея, человека Божия. Когда посох был готов, любящий племянник отправил его в Арзамас. В этот раз в Японии Сергей пробыл до осени 1899 года. Состояние здоровья не позволило ему надолго остаться в стране, которую он успел сердечно полюбить. Дело в том, что на пути в Японию корабль попал в жестокий шторм, Сергей простудился и заболел воспалением среднего уха. Последствия этой болезни будут его сопровождать всю жизнь.

Так завершалось десятилетнее миссионерское служение.

Учитель, воспитай ученика...

По возвращении в Петербург архимандрит Сергей назначается ректором в Санкт-Петербургскую духовную семинарию. Однако ему не пришлось работать на этом посту, поскольку 6 октября 1899 года его переводят в *alma mater* — Санкт-Петербургскую духовную академию на должность инспектора с одновременным предоставлением ему кафедры истории и обличения западных исповеданий.

С академией будут связаны последующие шесть лет его жизни. Немало трудов было отдано учебно-административной и научной работе; повышению качества преподавания таких дисциплин, как литература, психология; упорядочению и систематизации фондов библиотеки и архива. Одновременно Сергей читает курсы лекций, рецензирует научные духовные работы питомцев академии, выступает в различных аудиториях по богословским и общественным проблемам; печатается в церковных журналах, деятельно участвует в научных, благотворительных и просветительских обществах.

Вместе с отцом инспектором пришли в академию и некоторые новшества. Он сделал правилом проведение по субботам после всенощной и ужина чаепитий, на которые приглашались все желающие со всех курсов. Здесь же, в покоях инспектора, в простой домашней обстановке читались студенческие рефераты на религиозно-философские темы и на темы современной художественной литературы. Затем происходило оживленное и непринужденное обсуждение услышанного. Эти «субботники» привлекали массу

студентов всех курсов и бесспорно имели образовательное и главное — воспитательное значение.

24 января 1901 года указом Святейшего синода архимандрит Сергей был назначен на должность ректора академии. А спустя два дня, 26 января 1901 года, Николай II утверждает решение Синода о возведении ректора в сан епископа Ямбургского, третьего викария Петербургской епархии, с оставлением в должности ректора академии.

Чин наречения, который состоялся 23 февраля в Троицком соборе Александро-Невской лавры, возглавил первенствующий член Синода митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский). Сергей в речи своей, обращаясь к маститым иерархам церкви, говорил о предназначении епископского служения. Были в ней и такие слова: «Внешняя обстановка епископского служения может быть весьма разнообразная. Епископы могут быть в почете и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном бесправии, в нищете и даже в гонении. Все это зависит от причин случайных и внешних, от государственного положения христианства, от народных и общественных обычаев и т. п. С изменением этих внешних причин может измениться и внешняя обстановка. Но само епископское служение в его сущности, в том настроении, какое требуется от епископа, всегда и всюду остается одним и тем же апостольским служением, совершается ли оно в великом Цареграде или в ничтожном Сасиме. Оно есть „служение примирения“, служение пастырское. Быть же пастырем — значит жить не своею особою жизнью, а жизнью паствы, болеть ее болезнью, нести ее немощи с единственной целью: послужить ее спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем „душу свою полагает за

овцы“, отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада»^[2].

В тот момент молодой епископ и не предполагал, что судьба уготовила ему именно такие обстоятельства жизни и проверит его на верность служения пастве.

В воскресенье 25 февраля там же, в Александро-Невской лавре, состоялась хиротония преосвященного Сергия, совершенная собором девяти иерархов во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Антонием, в присутствии профессоров и студентов академии и при огромном стечении молящихся. Редкий случай: на хиротонии присутствовал отец посвящаемого — протоиерей Николай Страгородский. Вручая новопосвященному иерарху архиерейский жезл, митрополит Антоний произнес назидательное слово, а по окончании богослужения новый епископ долго благословлял устремившихся к нему богомольцев.

По прибытии в академию Сергей был встречен «со славой» всем академическим духовенством, профессорами и студентами. Состоялось краткое богослужение. Растроганный молодой епископ благодарил собравшихся, заверял их, что в знаменательном событии его жизни есть частичка сотрудничества каждого из собравшихся; выражал уверенность, что и в дальнейшем будет дружный совместный труд всех на служение церкви и высшей духовной школе. Торжество завершилось общим молением об укреплении мира и союза любви в храме богословской науки.

В три часа дня в ректорских покоях состоялось поздравление новопосвященного епископа от профессорской корпорации, закончившееся братской трапезой. Было много тостов, здравниц, речей, благодарственных слов и добрых пожеланий, которые,

как правило, заканчивались громогласными многолетиями. Все чувствовали, что академия в лице нового ректора как своего бывшего воспитанника приобрела не только достойного главу, но и животворящую душу, как писали газеты, «способную вливать жизнь во все составляющие ее члены».

По отзывам и воспоминаниям лиц, знавших Сергия по академии и как инспектора, и как ректора, он был добрым и справедливым начальником. Студенты встречали с его стороны чисто отеческое отношение. Очень многие студенты при встречах припоминали одну и ту же картинку: хмурое петербургское декабрьское утро... студенческая спальня. Время вставания. Звонок уже давно прозвучал. Студенты встают, одеваются, но многие еще не расстались со сном, похрапывают «в объятиях Морфея». Появляется отец инспектор, который проходит между рядами студенческих коек и, останавливаясь возле спящих, со своей добродушной улыбкой слегка ударяет четками по заспавшимся, приговаривая: «Пора, пора вставать!» Всегда ровный, чуждый вспышек гнева или раздражения, своей ободряющей простотой и ласковым приветливым словом Сергей Страгородский благотворно действовал на студенческую молодежь, воспитывая ее не только словом, но и своим личным примером.

Вновь назначенный епископ и ректор академии получил множество поздравлений от церковных и светских людей. Каждому из написавших Сергей ответил личным письмом, стараясь следовать каллиграфическим образцам, преодолевая свой тяжелый и подчас при быстром писании малопонятный почерк. Были приветы и от некоторых знакомых ему епископов. Вот ложатся ответные строки в адрес епископа Арсения (Стадницкого): «Христос Воскресе! Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь! Пользуюсь благоприятным случаем, чтобы еще раз

поблагодарить Вас за поздравление с назначением меня епископом и ректором. С своей стороны приветствую Вас с святыми днями и желаю Вам всяких благ и преуспевания во всем». Так рождались их дружеские отношения, которые связывать их будут несколько следующих десятилетий.

Год 1901-й в жизни Сергия Страгородского отмечен был и печальными событиями. Из родного Арзамаса пришло письмо от отца с известием о смерти после длительной болезни деда — протоиерея Иоанна Страгородского. В конверте лежала и вырезка из «Нижегородских епархиальных ведомостей». В некрологе сообщалось, что 31 мая удары большого колокола Воскресенского собора известили горожан о кончине старейшего пастыря Нижегородской епархии. Кончина его была поистине христианской: трижды перед смертью сподобился он причаститься Святых Христовых Тайн. Накануне последнего дня своего просил прочесть молебный канон на исход души. Он внимательно слушал слова этого трогательного церковного чина и непрестанно с благоговением осенял себя крестным знамением, пока рука не могла уже подняться. В 7 часов 27 минут вечера протоиерей Иоанн мирно почил.

С вечера дом Страгородских стал наполняться людьми, пожелавшими проститься с покойным. Согласно воле умершего и с разрешения епархиального начальства местом его упокоения должен был стать арзамасский Алексеевский монастырь. Под погребальный звон колоколов, при огромном стечении народа тело покойного было перенесено из дома в монастырь, где в Вознесенском соборе обители и было совершено отпевание. Похоронили протоиерея Иоанна у стен алтарной части собора.

На сороковой день, 9 июля, в Арзамас прибыл внук почившего, Сергей Страгородский. В сослужении

двадцати двух священников епископ Сергей совершил в Вознесенском соборе Алексеевского монастыря Божественную литургию. По окончании все духовенство и молящиеся проследовали к могиле Иоанна Страгородского. Здесь владыка Сергей совершил панихиду по своему деду, прослужившему в священном сане 72 года. То была не только дань церковным традициям, но и выражение любви и уважения старейшине арзамасской ветви рода Страгородских.

Согласно семейным преданиям Иоанн родился в 1807 году в селе Автодеево Ардатовского уезда Нижегородской губернии в семье священника Димитрия Герасимовича Журавлева. Вскоре родители малолетнего Ивана и его брата Василия скончались, детей взяла на попечение родственница — Страгородская. В 1822 году при поступлении в Нижегородскую духовную семинарию Иван был записан под фамилией Страгородский.

В эти прощальные дни Сергей как-то по-особенному ощутил свою родственную связь с дедом, именем которого при крещении он и назван был когда-то, и одновременно осознал тот груз преемственности церковного служения своих предков, который теперь целиком и полностью ложился на него. Он пробыл в Арзамасе несколько дней, которые были наполнены встречами с родными и близкими, местным духовенством и светским обществом, посещением дорогих ему мест. Он словно предчувствовал, что не скоро обстоятельства вновь приведут его в родной город. Но подошел день прощания... Впереди Нижний Новгород... Москва... Санкт-Петербург.

Известность молодого епископа выходит за стены академии и границы Петербургской епархии. Ему поручается руководство синодальной комиссией по диалогу с Римско-католической церковью и старокатоликами. Особенно росту авторитета Сергея способствовало его участие в работе Петербургского

религиозно-философского собрания, обсуждавшего вопрос о религиозной свободе в России. Тема эта оживленно дискутировалась в самых различных сферах общества. Даже на страницах такого одиозного православного официального издания, как «Миссионерское обозрение», можно найти неожиданный факт оценки уходящего XIX века и приходящего ему на смену века XX: «Какое-то болезненное возбуждение религиозно-нравственного интереса среди всех слоев нашего русского общества. Какое-то напряженное усилие разобраться в вопросах веры и жизни. И если одних эти вопросы приводят к более тесному общению с единственным источником истины — Церковью Христовой, то других, недовольных современным религиозно-нравственным строем и полагающихся на свои только умственные и нравственные силы, толкают они прокладывать новые пути»^[3].

Действительно, в российском обществе в начале XX столетия постепенно выявились три точки зрения на общую ситуацию в России с религиозной свободой. Одна — официальная — отрицала наличие в России каких-либо стеснений в вопросах веры, и ее защищали государственные и церковные круги. И те и другие говорили о «симфонии» между государством и православной церковью и о необходимости сохранения существующих государственно-церковных отношений. Показательно мнение обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, заявлявшего: «В России, как нигде, различные исповедания пользуются широкой свободой, а законы, ограждающие господствующее в России исповедание, необходимы, так как это важнейший исторический долг России, потребность жизни ее».

Эта позиция имела своих «охранителей» и среди крайних политических сил — черносотенцев, националистов. К примеру, «Московские ведомости»

утверждали, что церковь «пожертвовала собой», согласившись на установление государством рамок твердого социально-политического строя, основанного на союзе с церковью, и что «желать прекращения у нас союза государства с церковью, это желать страшной по своим последствиям революции». А известный идеолог черносотенства протоиерей Иоанн Восторгов, отрицавший в принципе права «инородцев» на вероисповедную свободу, писал: «Сознание простой пользы государственной должно подсказать нам, как опасно, как губительно усиливать море мусульманства, как опасно иметь коснеющих в язычестве подданных, которые не связаны с государством и господствующей народностью никакими духовными связями»^[4].

Правда, даже в православной среде иногда раздавались критические высказывания в адрес сложившегося порядка взаимоотношения государства и православной церкви, признавалась необходимость реформ в сфере государственно-церковных отношений. Об этом, например, заявил профессор Казанской духовной академии И. Бердников, выступая на годичном собрании академии в 1888 году. Он развивал идеи упразднения статуса государственной церкви и религии, необходимости признания религии частным делом подданных, правового равенства религиозных объединений и «десакрализации» государства и «разгосударствления» православной церкви. Позднее его речь была издана отдельной брошюрой, и на содержащиеся в ней идеи опирались в последующем многие участники освободительного движения^[5].

Вторая точка зрения, которую разделяло преимущественно либеральное православное духовенство, представляла собой «сочетание несочетаемого»: теоретически осуждались «стеснения» в вопросах веры, но признавалась целесообразность их существования на практике для «пользы» подданных,

для народных масс, находящихся в «детском состоянии».

В одной из своих проповедей архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), оправдывая необходимость «педагогического вмешательства» государства в охранение церкви от «лжеучений», говорил: «Если бы наша паства была оглашена в истинах своей веры, то можно было бы предоставить ее ей самой. Но наше государство, увлекшись во времена Петра и после целями чисто внешней культуры и государственной централизации, сузило, обезличило и даже наполовину затмило религиозное сознание и религиозную жизнь православного народа... Поэтому, забрав в свои руки народную совесть... государство, оставаясь последовательным, должно ограждать православный народ от обмана, шантажа, экономического и физического насилия иноверцев»^[6].

Очевидно, мы можем говорить, что тогдашние представления и взгляды Сергия Страгородского вполне вписываются в позицию так называемого либерального духовенства, к которому, безусловно, относились близкие Сергию люди — митрополит Антоний Вадковский, архиепископ Волынский Антоний, ряд преподавателей и профессоров Санкт-Петербургской духовной академии.

Третью точку зрения исповедовали представители либеральных нецерковных кругов, «терпимых» и «гонимых» религий, социал-демократического движения. Они заявляли об отсутствии в России свободы совести, о государственном насилии над убеждениями российских подданных. Наследуя во многом идущую от XIX столетия традицию видеть в церкви и духовенстве «только полицейский институт подавления народных чаяний и поддержания самодержавия», они рассматривали союз церкви с государством как проявление «реакционности» и «антинародности»

церковного института, отказывая ему в общественной поддержке. В целом можно говорить, что изменения в сфере государственно-церковных отношений они увязывали с общеполитическими реформами. Они считали, что Россия переросла форму существующего строя и должна развиваться по пути к строю правовому, с правовым государством и с обеспечением гражданских прав и свобод, в том числе и свободы совести.

Свидетельство тому можно, например, найти в неподцензурных письмах Льва Толстого императору Николаю II. О жестоком преследовании всех тех, кто не исповедовал православие, он откровенно писал царю. В одном из них, относящемся к январю 1902 года, писатель напрямую связывал возможность преобразования в вероисповедных вопросах с необходимостью коренных политических изменений в стране: «Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту форму правления и связанное с ней православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел»^[7].

Как ни старалась официальная пропаганда вместе с православной иерархией, но скрыть факт банкротства государственной церковной политики было невозможно. Наиболее ярким примером тому стало выступление в сентябре 1901 года на Орловском миссионерском съезде губернского предводителя дворянства М. А. Стаховича. Неожиданно для многих уже почти в самом конце съезда он выступил с резким протестом против

религиозных гонений и с предложением обсудить на съезде вопрос о свободе совести, которую он понимал как «свободу верить, верить различно или вовсе не верить». Стахович говорил: «Закон гражданской жизни, вместо охранения Церкви, только растлевает ее духовную лень. Если Церковь верует в свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она в содействии земной силы. Если нуждается, то не свидетельствуется ли сим недостаток дерзновения веры?.. Во имя Церкви надо высказать, что насилие над совестью бесовственно, что где нет свободы, там нет искренности, — нет веры правой с неправой. Церковь может сказать, что область совести и веры — ее область. Она одна в ней властна. Она может сказать Кесарю: „Оставь, это не твое, это — Божие в вечности, это мое на земле! Мне одной дана власть вязать и разрешать, дана без права передоверия прокурорам и судьям. Я одна могу судить живым и живительным началом любви“»^[8].

Это выступление послужило толчком к публичному обсуждению проблем свободы совести в российском обществе: одни резко протестовали, другие видели в нем рациональное зерно и приветствовали его. Сказалось оно и на позиции церкви, осознавшей необходимость налаживания отношений с образованным обществом. В ноябре 1901 года группа столичного духовенства и профессоров Санкт-Петербургской академии с разрешения и при поддержке митрополита Санкт-Петербургского Антония и обер-прокурора К. П. Победоносцева и под предводительством ректора Санкт-Петербургской духовной академии епископа Сергия (Страгородского) организовала религиозно-философские собеседования.

...Первое заседание состоялось 29 ноября 1901 года в Санкт-Петербурге, в помещении Географического общества на Фонтанке. Узкий, похожий на коридор зал

был забит до отказа. За столом президиума, по правую сторону, расположились люди в рясах и клобуках. Участники со стороны церкви были не вполне однородны по своему умунастроению: здесь и строгий аскет архимандрит Феофан (Быстров), маститый протопресвитер И. Янышев, но и «церковные бунтари» — епископ Антонин (Грановский) и архимандрит Михаил (Семенов). По левую сторону сидели светские, преимущественно молодые люди, как бывшие уже властителями дум тогдашнего общества: утонченный декадентский поэт Николай Минский, прославленный писатель Дмитрий Мережковский, экстравагантный философ-публицист Василий Розанов, а также представители театральной богемы Г. Дягилев, А. Бенуа и своеобразные мыслители, говорившие тогда о «неохристианстве», — Сергей Булгаков и Николай Бердяев, так и ставшие таковыми в будущем — Антон Карташов, Павел Флоренский. В зале — студенты и профессора, писатели и художники, журналисты и музыканты, просто любопытствующая публика.

Председателю, епископу Сергию Страгородскому, предстояла сложная задача: проводить свою ясную и четкую линию и не дать себя запутать в хаосе противоречивых мнений, страстных, эмоциональных выкриков, иногда переходивших в резкие взаимные обвинения и даже в личные оскорбления.

В зале атмосфера приподнятости. К ней примешивается чувство удивления и радости, что не маячит возле трибуны фигура пристава, имевшего прежде единоличное право прерывать по своему усмотрению ораторов и прекращать публичные собрания, чувство сопричастности к важному и неординарному событию.

Сергий сразу же, во вступительном слове, определил следующим образом предназначение встреч и отношение к ним со стороны церкви: «Я являюсь сюда с

физиономией весьма определенной, являюсь служителем церкви и отнюдь не намерен ни скрывать, ни изменять этого своего качества. Напротив, самое искреннее мое желание быть здесь не по рясе, а на самом деле служителем церкви, верным выразителем ее исповедания. Я бы счел себя поступившим против совести, если бы, хотя немного, уклонился от этого из-за какого-нибудь угодничества или из ложно рассчитанного стремления к миру... Настоящего, серьезного, действительно прочного единства мы достигнем только в том случае, если выскажемся друг перед другом, чтобы каждый видел, с кем он имеет дело, что он может принять и что не может»^[9].

Среди первых был доклад В. А. Тернавцева, в котором раскрывался смысл попытки начала диалога церкви и общества: устранение «глухого распада между церковью и интеллигенцией», ибо именно это и дает шансы России преодолеть внутренний кризис, переживаемый страной, и способствовать «возрождению России», которое только и может мыслиться и осуществиться как возрождение религиозное.

Позиция интеллигенции в отношении общественных мнений о сущности и формах свободы совести обозначилась в докладе князя С. М. Волконского. Он заявил: «Введение начала государственности в Церковь противно смыслу Церкви: принципы государства — обособление, принцип Церкви — объединение. Насилие и принуждение в делах веры противны духу христианства. Церковь, в лоно которой можно войти, но выйти из состава которой воспрещается, атрофирует свою внутреннюю органическую силу. Обязательность исповедания господствующей религии влияет расслабляюще на общественную совесть. Свобода совести нужна для оздоровления совести на всех общественных ступенях»^[10].

На трех заседаниях (7, 8 и 9-м) Религиозно-философского собрания с энтузиазмом обсуждался вопрос о свободе совести. Острота полемики побуждала и преосвященного Сергея выражать свое отношение на прямо поставленные вопросы — признает ли христианство свободу совести, нуждается ли церковь в поддержке государства, должно ли состояться отделение церкви от государства — столь же откровенно. По его мнению, если Христос допускал свободу совести, то и его церковь, считая себя наследницей заветов Христа, не видит необходимости и какого-либо смысла во всевозможных средствах принуждения в духовной сфере. Но Сергей отмечал и то, что закон о о свободе совести на практике может иметь и некоторые отрицательные последствия. Слабые, неокрепшие в вере души будут доступны для нападения со всех сторон, и многие из них могут соблазниться. Отвечая на вопрос, нуждается ли церковь в поддержке государства, Сергей вслед за митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) подчеркивал, что церковь молится за государство не ради поддержки с его стороны, не из соображений своей пользы, а делает это во имя долга, как призванная молиться за благосостояние земного мира. Именно поэтому, добавлял он, с церкви должно быть снято бремя всякой националистической и подобной миссии, так как это все вопросы исключительно государственные, а государство должно отказаться от «употребления» церкви в качестве «орудия в свою пользу».

Вообще-то из всех духовных участников собрания епископ Сергей занимал самую радикальную позицию, признавая принципиально свободу совести и необходимость отделения церкви от государства в том смысле, что церкви предоставляется возможность самостоятельного развития.

Разговор об этих и иных проблемах продолжался до апреля 1903 года, пока всесильный обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев не усмотрел и здесь крамолу, после чего запретил встречи.

По окончании последнего (11-го) заседания перед летними каникулами участники собрания в специальном обращении к председателю так оценили его роль: «Члены-учредители религиозно-философских собраний не могут не обратиться к председателю своему, епископу Сергию, с чувством горячей благодарности. Дух пастыря почил на пастве и определил счастливый и совершенно неожиданный успех собраний. На них собирались с сомнением и не знали: возможно ли и нужно ли будет собираться после двух-трех встреч духовенства и общества. Ничего не ждалось кроме недоумений, раздражения, непонимания... Но добрый дух пастыря все сотворил, и уже после второго собрания вся литературная часть собрания решила, что дело установилось, что оно крепко... Создалось внимание, родилось ревностнейшее у всех любопытство к делу, к обсуждению вопросов, и таким-то образом явилась отличительная атмосфера для искреннего обмена мнениями. Епископ Сергей извел из души своей хорошую погоду на наши собрания»^[11].

Можно привести любопытное впечатление еще одного участника, писателя Василия Розанова, отмечавшего: «Очень любили и уважали епископа Сергия (Страгородского). Он был прост, мил, всем был друг. Я думаю, с „хитрецей“ очень тихих людей. Но это — моя догадка. Так и на вид он был поистине прекрасен»^[12].

Собрание просуществовало около полутора лет, и в общем-то ни та ни другая сторона полного удовлетворения не получили. Выражаясь образно: соединительной ткани между церковью и интеллигенцией не образовалось, слишком различными

оказались векторы их богословско-канонических и мировоззренческих исканий, и в ходе обсуждений не столько обозначалось общее, сколько росло число вопросов, на которые каждая из сторон давала различные, несовместимые ответы.

Но даже противники епископа Сергия признавали его заслуги в деле сближения интеллигенции и церкви. Не зря же спустя годы обновленческий профессор Б. В. Титлинов в своих воспоминаниях свидетельствовал: «Он не был ни крайним реакционером, ни интриганом, ни противником общественности. Напротив, он занимал видное место в той группе духовенства, которая искала сближения с интеллигенцией, и играл видную роль в тех попытках сближения, какие делались в 1900–1902 годах и ареной коих служило Религиозно-философское общество в Петербурге. Положим, представители интеллигенции не нашли „общего языка“ с церковниками и обе стороны разошлись, ничего не достигнув. Тем не менее личность Сергия выделялась в то время весьма выгодно, и он пользовался заслуженными симпатиями в обществе, светском и духовном. Ему покровительствовал митрополит Антоний (Вадковский), его любили в академической среде»^[13].

Ректорство епископа Сергия пришлось на «время перемен» в российском обществе. Академия не была изолирована от внешнего мира, и студенты живо откликались на развивавшиеся общественно-политические события.

На молебне 7 октября 1904 года в Академической церкви перед началом нового учебного года Сергей специально обратил внимание на события Русско-японской войны. Он сказал своим ученикам: «Год этот начинается для нас в обстановке несколько необычной. Вместе со всем нашим Отечеством мы переживаем время тяжких испытаний, время нарушения самых дорогих наших иллюзий, доселе питающих наше

национальное самомнение и убаюкивающих нашу общественную бодрость. Всюду теперь раздаются призывы к пробуждению, к подъему, к обновлению, но рядом с ними слышатся и другие тревожные голоса, которые указывают на признаки как бы начавшегося уже народного разложения... Хорошо было бы, чтобы постигшее нас испытание пробудило нас от духовного сна и если бы призыв к обновлению не оказался запоздавшим и напрасным»^[14].

Сергий взывал к патриотическим чувствам студенчества, к пробуждению в них устремленности к идеалам служения ближним, общему благу, стремления к истине, добру и красоте. Он призывал возгревать в себе религиозный и научный энтузиазм, интерес к духовной школе и знаниям, получаемым здесь. Конечно, не только студенчество нуждалось во внимании ректора, но и преподавательская корпорация, которая обсуждала вопросы реорганизации духовной школы, автономии академии. Тем более что среди преподавателей было много бунтовавших «молодых сил» — иеромонах Михаил (Семенов), впоследствии перешедший в старообрядчество, Борис Титлинов, впоследствии ставший крупным обновленческим деятелем, и другие.

Наряду с бесславной войной с Японией обыденным делом становились стачки и забастовки в городах, крестьянские бунты. Ужас Кровавого воскресенья 9 января 1905 года потряс Россию. Сам Сергей откликнулся на это трагическое событие словом, заканчивающимся так: «Никому не нужна была эта кровь. Но она все-таки пролилась! Совершилось нечто ни с чем не сообразное, всем прискорбное и отвратительное, нечто ужасное. Просто кара Божия обрушилась на нас, чтобы к бедствиям и неудачам внешней войны прибавить и это кровавое пятно»^[15].

Все свидетельствовало о сползании России в бездну социальных катастроф. А в церковных кругах заговорили о реформах, Поместном соборе, восстановлении патриаршества. И это вполне объяснимо, ибо нельзя было уже не замечать произвола и диктата, гонений и преследований, творившихся в духовной сфере. Видный российский юрист М. Рейснер, размышляя в эти годы о «законности и порядках» в отношении к различным религиозным организациям со стороны власти и о царивших повсеместно произволе и административном диктате, писал: «Магометане, язычники, католики и сектанты считаются православными и судятся за отпадение от православия. Издаются законы некоторой терпимости раскольников и сектантов, и полиция отменяет их собственной своей властью. Священники доносят и шпионят, преследуют еретиков именем Христа, предают своих ближних на мучение и казни. С курией заключаются международные договоры и не исполняются. Миллионы мусульман совершенно лишаются какой бы то ни было законодательной защиты, предаются в жертву безграничному усмотрению местных властей. Что это такое? Как все это возможно в благоустроенном государстве? Где мы? В культурной европейской стране или в Центральной Азии? В христианском государстве или среди орд Магомета? Полицейская сила, действующая помимо всяких твердых норм и правил, топчущая ногами законы страны, решающая важнейшие вопросы жизни многомиллионного народа по формуле: хочу — казнь, хочу — милую»^[16].

Под началом председателя Комитета министров С. Ю. Витте в течение января — марта участники Особого совещания обсуждали содержание и направленность вероисповедной реформы, признавая необходимость скорейшего принятия особого указа, посвященного упрочению в России свободы

вероисповедания. К разработке указа был привлечен первенствующий член Святейшего синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Он не возражал против расширения прав и свобод старообрядческих, сектантских и иноверных организаций и обществ, но считал, что это повлечет за собой «умаление» интересов и прав православной церкви, и потому предлагал рассмотреть и положение православной церкви. В поданной им записке под названием «Вопросы о желательных преобразованиях и постановке у нас православной церкви» предлагалось ослабить «слишком бдительный контроль светской власти», разрешить свободно приобретать имущество для нужд православных обществ, «дозволить» участие иерархов в Государственном совете и Комитете министров. Как эти, так и другие предложенные им меры должны были, давая «свободу» церкви, упрочить ее союз с государством^[17].

Записка митрополита не понравилась С. Ю. Витте. Стремясь максимально прояснить позицию правительства в отношении как характера и пределов церковных реформ, так и ожидаемых от церкви шагов, он составил и внес на обсуждение совещания свою записку «О современном положении православной церкви». В ней без обиняков предлагалось церкви освободиться от таких присущих ей «пороков», как «вялость внутренней церковной жизни», «упадок» прихода, «отчуждение» прихожан от священников, бюрократизм церковного управления. Особо подчеркивалась неподготовленность православного духовенства к борьбе с «неблагоприятными церковными умственными и нравственными течениями современной культуры», тогда как государству нужна от духовенства «сознательная, глубоко продуманная защита его интересов».

Правда, в правительственном лагере и в среде православной иерархии было немало и тех, кто отрицал необходимость расширения религиозных свобод, всячески стремился приостановить ход вероисповедных реформ. Одним из них был обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. В своих воспоминаниях Витте писал: «Когда приступили к вопросам о веротерпимости, то К. П. Победоносцев, придя раз в заседание и увидев, что митрополит Антоний выражает некоторые мнения, идущие вразрез с идеей о полицейско-православной церкви, которую он, Победоносцев, двадцать пять лет культивировал в качестве обер-прокурора Святейшего синода, совсем перестал ходить в Комитет и начал посылать своего товарища Саблера»^[18]. Витте не только не отрицал значимость союза церкви и государства, но считал, что обе стороны кровно заинтересованы в нем. Но следовало, по его мнению, изменить условия этого союза так, чтобы «не ослаблять самостоятельности ни церковного, ни государственного организма». И если для государства это означало реформирование правовой основы государственно-церковных отношений, то для церкви — реформы ее внутренней жизни, содержание и характер которых должны были быть обсуждены и приняты на Поместном соборе.

Свою позицию обер-прокурор выразил в записке «Соображения статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной церкви». Вступая в полемику с Витте и митрополитом Антонием, он отверг все выдвигавшиеся ими предложения о реформах на том основании, что их реализация повлечет за собой не «обновление», а разрушение союза церкви и государства, что равноценно гибели и для первой, и для второго.

В стенах Петербургской академии также активно и чуть ли не в полный голос обсуждались вопросы свободы

совести. Были те, кто ожидал от объявления веротерпимости «пользы и полезности» для Русской церкви, но и те, кто видел в этом одни лишь новые «неприятности» для церковно-православной деятельности. Дабы переубедить одних и ободрить других, Сергей в день основания академии, 17 февраля 1905 года, выступил с речью по поводу предстоящего объявления указа о веротерпимости. Он отмечал, что время «столетий мирного пребывания за крепкой стеной государственной охраны» завершается и в новых условиях «на поле духовной брани» каждому из членов церкви, а тем более в священном сане, придется «кровью из собственной груди» защищать и насаждать веру в сердцах и душах верующих, вдохновлять на борьбу с «соблазнами ложного знания».

Как свидетельствуют близкие Сергию люди, ему несвойственно было разговаривать и обсуждать «проклятые вопросы современности», что называется, напоказ, публично. Но это не означает, что они его не волновали. Нет, он о них постоянно думал, размышлял. Как вспоминал на склоне лет митрополит Вениамин (Федченков), «бывало, ходим мы с ним после обеда по залу, а он, что-то размышляя, тихо говорит в ответ на свои думы: „А Божий мир по-прежнему стоит... А Божий мир по-прежнему стоит... Меняются правительства, а он стоит... Меняются политические системы, он опять стоит. Будут войны, революции, а он все стоит“»^[19]. Вполне вероятно, что именно в эти революционные годы у Сергия рождается одновременно и как предположение, и как уверенность мысль, которую можно выразить фразой: «Российская империя может быть сметена, но Церковь погибнуть не может!» В этой связи весьма любопытным выглядит суждение такого опытного государственного и церковного деятеля, как В. К. Саблер, высказанное им в начале 1920-х годов: «По-видимому, лучше для Православной Русской церкви,

если бы на Соборе 1917–1918 годов патриархом вместо Святейшего Тихона оказался бы избранным тогдашний Владимирский митрополит Сергей (Страгородский)»^[20].

Записки Антония, Витте и Победоносцева предполагалось специально обсудить на одном из заседаний Комитета министров, чтобы окончательно утвердить программу вероисповедных реформ. Но накануне дня заседания Победоносцев сообщил Витте, что император повелел изъять из ведения Комитета министров вопрос о церковной реформе и передать его для рассмотрения в Синод. Демарш Победоносцева, подкрепленный его паническими письмами Николаю II, сделал свое дело: фактически органы власти устранялись от возможности влиять на ход предполагаемых реформ, которые теперь оставались исключительно под рукой обер-прокурора. Но и всемогущему обер-прокурору вскоре пришлось испытать разочарование. Неожиданно для него Синод в марте 1905 года в специальной записке на имя царя испрашивал разрешения на проведение Поместного собора для избрания патриарха и решения назревших внутрицерковных проблем. По подсказке Победоносцева Николай отклонил предложение о Соборе до «благоприятного времени».

Борьба в правительственном лагере и среди православной иерархии вокруг вероисповедных реформ хотя и затрудняла выработку указа о веротерпимости, но остановить не могла. 17 апреля 1905 года, в день православной Пасхи, указ публикуется в «Правительственном вестнике».

Для своего времени это был огромный шаг вперед в развитии российского «религиозного законодательства». Как характеризовал указ С. Ю. Витте, он «представляет собой такие акты, которые можно временно не исполнять, можно проклинать, но которые уничтожить никто не может.

Они как бы выгравированы в сердце и умах громадного большинства населения, составляющего великую Россию»^[21].

Впервые признавался юридически возможным и ненаказуемым переход из православия в другую христианскую веру; облегчалось положение «раскольников»: старообрядцам разрешалось строить церкви и молельни, открывать школы. Католикам и мусульманам облегчались условия строительства и ремонта культовых зданий. Провозглашалась свобода богослужений и преподавания в духовных школах на родном для верующих языке и т. д. Еще одной уступкой реформаторским силам со стороны царского двора стала отставка многолетнего обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, с именем которого ассоциировалась несвобода церкви, «цепями прикованной к самодержавию».

Однако в церковно-православных кругах единомыслия по поводу объявленной свободы веротерпимости не было. Православные иерархи рассматривали указ как «покушение» на права господствующей церкви и «унижение» ее перед иными вероисповеданиями. Обращаясь в закрытом письме к епархиальным архиереям, митрополит Антоний (Вадковский) следующим образом рисовал перспективу деятельности православной церкви в новых условиях: «Новый закон, таким образом, для всех нас православных будет служить испытанием крепости нашей веры, твердости ее исповедания и нелицемерной преданности церкви православной. Есть возможность думать, что доселе многие удерживались в Церкви внешними ограничениями. Теперь нет более таких преград, удерживающих немощных верой в ограде церковной. Теперь их может удержать в ней только слово пастырского вразумления и убеждения. Какое великое испытание нашей пастырской ревности! <...>

Нельзя нам закрывать глаз своих от напряженной деятельности врагов Церкви православной. По местам они начали уже вести против нее усиленную и открытую борьбу, стараясь путем воззваний, подговоров, угроз и даже насилий отторгнуть от нее возможно большее число ее чад, несмотря на то, что Основной закон, воспрещающий склонять православных к отпадению, остается в силе и в настоящее время»^[22].

Представитель консервативно-охранительного крыла в Российской церкви И. Айвазов отмечал: «17 апреля 1905 г. русское государство перешло на путь западно-европейского или так называемого „нового государства“... Последнее... объявляет себя внеконфессиональным, чуждым интересам какой-либо конфессии. Оно предоставляет каждой вере полную свободу действий, только бы не нарушались интересы собственно государства... Отделив государство от церкви, „новое государство“ под знаменем свободы совести объявляет полную свободу исповедания каждым своей веры и отправления богослужения и духовных треб по обрядам оной, полную свободу перехода из одной религии в другую, полную свободу религиозной пропаганды и совращения и, наконец, полную свободу для каждого быть вне какой-либо конфессии или свободу атеизма»^[23].

Действительно, после опубликования указа началось массовое отпадение людей от государственной церкви. Сотни тысяч подданных империи, ранее насильственно обращенных в православие, перешли, как писал в одной из своих статей известный общественный деятель Е. Н. Трубецкой, в «католичество, протестантство, во всевозможные раскольничьи секты и даже в мусульманство». И причиной тому, по его мнению, был не прозелитизм иноверных и инославных религиозных объединений, а тот факт, что «образ церкви поблек и омертвел в сознании самих наших иерархов. Для

пастырей, которые видят условие спасения православия в том, чтобы удерживать свою паству в церкви насильственными средствами, она перестала быть живым телом Христовым и превратилась в мертвый внешний механизм»^[24].

Церкви в период первой русской революции пришлось столкнуться и с новым для себя явлением: массовыми требованиями о придании государственному обязательному образованию светского характера, о расширении влияния земства и общественности на характер и содержание преподавания во внесударственных школах, о сокращении государственного финансирования церковно-приходских школ. Показательно, что учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза, собравшийся летом 1905 года, потребовал, чтобы все школы были светскими, а преподавание Закона Божьего признано было необязательным и предоставлено «усмотрению родителей». В ряде губерний массовый характер приобрело бойкотирование церковно-приходских школ. Нередко население отбирало у духовенства местные начальные учебные заведения и передавало их земству, явочным порядком отменялось преподавание Закона Божьего.

Православное духовенство избегало какой-либо публичной критики в адрес духовной школы, но это не означало, что ему были неизвестны ее недостатки. К примеру, в одном из писем архиепископу Арсению (Стадницкому) будущий патриарх Алексей (Симанский), более десяти лет проработавший в церковных учебных заведениях, писал: «Слабой стороной прежней духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная; она имела задачей предоставить возможность духовенству — сословию, в общем, бедному — на льготных началах дать воспитание и образование своим детям; другой ее задачей было

создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника, или диакона, или псаломщика имел склонность к пастырскому служению... и от этого получалось, что такие подневольные питомцы духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон их церковного настроения».

Как бы то ни было, революционные настроения в обществе захлестнули и духовные учебные заведения. Протесты, забастовки, стычки с администрацией и преподавателями, погромы прокатились волной практически по всем российским семинариям и даже имели место в духовных академиях. Об этом невиданном ранее деле сообщали как солидные газеты, так и газетенки, пробавлявшиеся сплетнями и слухами. Вот только один образчик такой информации: «В Киеве ночью в семинарии произошли крупные беспорядки. Семинария закрыта. Семинаристам предложили в два дня покинуть здание. В Сергиевом Посаде закрыта Вифанская духовная семинария. Недоразумения возникли из-за нежелания воспитанников подчиниться введению переводных экзаменов. В Тамбове в 9 часов вечера ректор семинарии архимандрит Семион, возвращающийся после всенощной, был тяжело ранен револьверным выстрелом в спину. В Москве по распоряжению митрополита закрыта семинария. В Саратове в семинарии происходили собрания по вопросу о бойкоте экзаменов. В Рязани в здание семинарии введена полиция. В Нижнем Новгороде в здании семинарии была взорвана петарда, вследствие чего выбито стекло на втором этаже здания и рухнул потолок».

...Докатились студенческие волнения и до Петербургской духовной академии. Студенчество раскололось: большинство по примеру светских школ требовало бойкотировать лекции. Меньшая часть

учащихся высказывалась за продолжение занятий и даже пыталась противостоять большинству, составляя пары дежурных слушателей, которые попеременно ходили на занятия, а так как профессора по традиции лекции читали и при двух-трех студентах, то сохранялась видимость порядка и лекции продолжались. Ни та, ни другая группа не сдавалась, и ситуация приняла угрожающий характер.

Начальство академии во главе с ректором епископом Сергием объявило, что если демонстрации не прекратятся, то зачинщиков уволят и отправят по домам, а меньшинство будет заниматься. В решающий час епископ повелел собрать общестуденческую сходку...

Актный зал гудел от выкриков и речей, то здесь, то там сколачивались группки, скандировавшие: «Забастовка! Забастовка!» Вот наиболее сплоченная группа из 20–30 студентов двинулась к трибуне, и все поняли, потихоньку рассаживаясь и успокоиваясь, что это главные, они объявят о сходке, они и решат судьбу академии. На кафедру вышел избранный председателем студент Иван Смирнов, эсер по политическим убеждениям. Наступила напряженная тишина. Но не успел Смирнов начать свою речь, как в зал стремительно вошел спокойный и уверенный ректор — высокий, плечистый, с длинной черной бородой, в клобуке. Он подходит к кафедре, а там — Смирнов.

— Я избран председателем сходки, — заявил он достаточно уверенно ректору. — И мы сейчас обсудим свои требования, а потом представим их вам. Откажете нам в них, мы, — оратор широким жестом обвел зал, — покинем академию и присоединимся к своим братьям на улицах.

Но случилось нечто совершенно неожиданное. Всегда ровный и любезный епископ Сергей на этот раз повел себя совершенно иначе. Он легко отстранил

Смирнова и, ударив по кафедре своим мощным кулаком, гневно и властно закричал:

— Я! Я здесь председатель!

Студенты мгновенно притихли. Власть проявила свою силу. Затем Сергей произнес спокойную и деловую речь, предлагая прекратить забастовку. Он ушел, и студенты почти единогласно постановили продолжить занятия.

Но все же, для острастки, теперь уже решением ректора занятия в стенах академии временно были прекращены.

Глава II

ПРИЗВАН К ДУХОВНОМУ ДЕЛАНИЮ

На Финляндской кафедре. 1905-1917 годы

На революционный 1905 год пришелся и перелом в судьбе епископа Сергия. На заседании 6 октября 1905 года Синод постановил: «...быти преосвященному Ямбургскому Сергию архиепископом Финляндским и Выборгским». Правда, злые языки поговаривали, что владыка Сергей этим назначением перешел дорогу епископу Американскому Тихону (Белавину). Его еще в марте 1905 года Синод избрал на эту кафедру. Однако поддержка и интриги В. К. Саблера сделали свое дело и Тихон был оставлен в Америке, хотя и был награжден архиепископством. Коллизия взаимозависимости этих двух иерархов повторилась в 1907 году. Тогда уже Сергия (Страгородского) «сватали» в Америку на Североамериканскую кафедру вместо архиепископа Тихона (Белавина), которого переводили в Россию на Ярославскую кафедру. Сам Сергей не возражал, но выехать в Америку ему не пришлось, и 12 лет, как никто другой долго, оставался он на Финляндской кафедре.

15 октября Сергей сдал свою должность архимандриту Сергию (Тихомирову), бывшему ректору Санкт-Петербургской духовной семинарии. Проводы архиепископа Сергия из стен академии прошли незаметно, так как академия была закрыта, а студенчество разъехалось по домам вплоть до начала декабря. Лишь официальный «Церковный вестник» откликнулся статьей о назначении Сергия на новую должность, отметив, что «уходящий оставляет по себе самую светлую память», и пожелав ему «успешного

продолжения служения на пользу Православной церкви».

Епархия, вверенная правлению Сергия, была еще очень молода. Как самостоятельная она была учреждена лишь в 1892 году. Паства, состоявшая из русских и финнов, насчитывала около шестидесяти тысяч человек. Имелись три монастыря, в которых было 600 монашествующих, 86 церквей и 90 часовен. При них учреждено было три с небольшим десятка библиотек, богаделен, приходских попечительств.

Сергий был достаточно хорошо осведомлен о делах епархии, ибо уже с апреля 1905 года в связи с переводом в Тверь тогдашнего архиепископа Финляндского Николая (Налимова) временно управлял ею. Всем памятно было слово, сказанное преосвященным Сергием на молебне в Успенском соборе Гельсингфорса по случаю опубликования 15 августа манифеста о созыве Государственной думы. В нем выражалась надежда, что «объявленная правительством реформа приведет русский народ к благу и преуспеянию», и ее разделяло большинство присутствовавших и в храме, и за его пределами. Хотя следует признать, что «преуспеяния» представлялись различным социальным группам весьма по-особенному. Что, к примеру, касается финской паствы, то в своем большинстве она ожидала расширения свобод и укрепления независимости Финляндии от России.

Летом 1905 года на Валааме состоялся общепархиальный съезд, который был весьма необычным по своему составу, ибо съехались не только высшие представители финляндского духовенства, но также священники, дьяконы, псаломщики и все, кто только мог и желал быть на этом съезде. Были здесь и учителя православных приходских школ, и отдельные миряне, пожелавшие явиться. Собралось в результате более ста человек. Рассмотрены были важнейшие

епархиальные вопросы: об устройении внутренней миссии; о подготовке псаломщиков; о курсах для учителей; о певческих курсах; об издании богослужебной и церковной литературы на финском языке. Решено было отныне собирать такие съезды ежегодно.

Став официальным главой епархии, Сергей в короткое время объехал все свои приходы, знакомясь с их нуждами и проблемами, проповедуя и поучая духовенство и прихожан. В кафедральном Успенском соборе Гельсингфорса Сергей в каждое свое служение произносил проповеди.

Положение епархии, к управлению которой был призван Сергей, весьма и весьма отличалось от внутренних, собственно русских епархий. Финляндия хотя и была завоеванной территорией, но оставалась особым, самостоятельным во внутренних делах Великим княжеством. Высшим законодательным органом был сейм, состоявший из четырех палат, каждая из них формировалась из представителей определенного сословия: дворянского, бюргерского, крестьянского, духовного. Центральным органом правления был Сенат. Он состоял из двух департаментов: один заведовал делами управления, а второй являлся высшей судебной инстанцией. Правителем Финляндии (великим князем) был российский император. Его постоянным представителем в Великом княжестве стал генерал-губернатор, который был председателем обеих палат Сената.

В конце XIX столетия в национальной политике России окрепла русификаторская линия — стремление русифицировать национальные окраины империи, в разные периоды присоединенные к метрополии либо добром, либо силой оружия. Применительно к Финляндии это вылилось в ограничение ее статуса автономного положения. Стремление к

«денационализации окраин» было отличительной чертой власти не только светской, но и церковной. Последняя посредством церковной проповеди, духовного образования и литературы стремилась поддержать это движение. Упомянем в связи с этим труд профессора нравственного богословия Санкт-Петербургской духовной академии А. А. Бронзова «Предосудителен ли патриотизм?»^[25]. По мнению автора, русификаторская линия есть тот вид патриотической деятельности, который должен быть свойствен всем россиянам без исключения. Для характеристики имперской политики, как внешней, так и внутренней, богослов ввел такие понятия, как «оборонительный», «удержательный», «восстановительный» и «завоевательный» патриотизм^[26].

Под «удержательным патриотизмом» понималась такая любовь к отечеству, которая заключается в стремлении во что бы то ни стало сохранить во власти своего отечества все то, что ранее было им завоевано и в настоящее время составляет его собственность.

В дополнение к этому рассуждению прилагался и тезис о «праве сильного народа» удерживать в повиновении покоренные народы, даже вопреки их воле. В устах Бронзова это выглядит так: «В обыденной жизни нередко назначают опекунов или над малолетними детьми, оставшимися после своих родителей и без посторонней помощи неспособными распоряжаться оставленным им родителями их достоянием, ни вообще вести своей жизни нормальным образом, или над взрослыми, но слабоумными или даже безумными...

Аналогические отношения требуются иногда и по адресу тех или иных народов со стороны других. Нельзя дать свободы некоторым из завоеванных известным народом нациям или потому, что, пользуясь свободой, они внесли бы в свою внутреннюю жизнь только

беспорядки, смуты и раздоры и привели бы себя к гибели, или потому, что они не позволили бы своим соседям спокойно жить, но постоянно тревожили бы их нападениями, совершали бы „насилия и убийства“ и пр. (таковы, например, поляки, известные своими неменяемыми выходками в прошлом, таковы же и финляндцы, в лице quasi-интеллигентской части своей, обнаруживающие самые невозможно дикие нравы и инстинкты, свойственные только безумным и слабоумным)»^[27].

Во всех подобных случаях Российская православная церковь не видела «решительно ничего худого» в тех действиях, что составляли «удержательный патриотизм». Покоренным народам оставляли лишь единственную возможность существования, заключающуюся в слиянии с завоевателем, при котором уже более не могло и речи заходить об их освобождении. В обмен на это обещается «гуманное отношение к завоеванным нациям при условии их полной покорности».

Для государственной православной церкви подобного рода идеи и поведение оправдывались тем, что они создавали благоприятную ситуацию для расширения миссионерской деятельности на территории Великого княжества Финляндии, активизации борьбы всеми доступными мерами с «сектантами» и «сектантскими обществами»^[28]. Это стало одной из основных забот и для Сергия Страгородского на новом поприще. Применительно к карельскому населению оно трансформировалось в противодействие, как тогда говорили, «панфинской экспансии и протестантско-сектантской пропаганде». Под ними понималось широко распространенное среди финской интеллигенции движение за присоединение Карелии к Финляндии, которое в основном основывалось на том, что карелы по

своему происхождению были одним из финских народов. Считалось, что справедливость должна восторжествовать и они должны воссоединиться с финским народом. В православных кругах движение воспринималось как своеобразная форма протестантского миссионерского похода на Карелию. В противовес этому предпринималось всяческое «укрепление православия» среди карел. В 1906 и 1907 годах были созваны два съезда представителей Архангельской и Финляндской православных епархий. В сентябре 1907 года проведен был съезд русских деятелей в Кеми, на котором обсуждались меры противодействия панфинской пропаганде, якобы угрожавшей беломорской Карелии. Тогда же учреждены были епархиальное православное карельское братство во имя святого Георгия Победоносца и его устав. Братство ставило своей задачей укрепление православия среди карел Архангельской, Олонецкой и Финляндской епархий. Для этого оно должно было издавать соответствующую литературу, содействовать более торжественному отправлению богослужения, заботиться о благолепии храмов и развивать благотворительность среди нуждающегося населения. Открыто братство было архиепископом Сергием в селе Видлицы 26 ноября 1907 года.

С целью поднять христианский уровень православной финляндской паствы архиепископ Сергей распорядился, чтобы приходское духовенство завело у себя при церквях катехизаторские курсы для обучения подрастающего поколения основам православия. Так как многие православные не могли посещать храмы из-за их удаленности от населенных пунктов, рекомендовано было назначать в своих приходах сборные пункты как для детей, так и для взрослых и периодически туда наезжать для проведения и совершения богослужений и даже литургии на переносных антиминсах. Архиепископ

сам подавал тому пример, систематически и неукоснительно навещая православные приходы. По инициативе Сергея Синод утвердил особое положение о православных приходах, попечительствах и братствах в Финляндии. Много внимания Сергей уделял приходским школам, непременно посещая их во время объездов епархии.

Конечно, как иерарх государственной церкви архиепископ не мог обойтись без контактов с официальной властью в Финляндии. В большей мере ему пришлось общаться с назначенным в 1909 году генерал-губернатором Ф. А. Зейном. Именно при нем, «пожирателе Финляндии», завершился процесс вытеснения «финнов» из центральных органов управления Финляндии, установилось русское управление княжеством, сохранявшееся в неизменности до 1917 года. Финляндию грубо и жестко подчинили общегосударственной системе управления и законодательства. Обстановка была столь тяжелой, что многие выдающиеся политические и общественные деятели Финляндии уже не верили в саму возможность сохранения свободной Финляндии^[29].

Когда представился случай, Сергей именно у такого политического деятеля должен был просить «защиты» православных верующих от «угрозы» панфинской пропаганды. Особенный отклик в обществе вызвало обращение архиепископа Сергея в ноябре 1909 года, когда он напомнил генерал-губернатору, что согласно Фридрихсгамскому миру Россия уступила Финляндии и то, что ей не принадлежало, а именно — Карелию и проживавший там карельский православный народ. Сергей просил защитить карел от насильственной их финнизации. В финской прессе выступление Сергея было расценено как призыв к священной войне.

Нерусская часть паствы, проживавшая на территории епархии, просила ускорить перевод

православного богослужения не только на финский, но и на шведский язык, на котором она говорила. И это вызывалось тем, что карелы, особенно старшее поколение, хотя и были привязаны к православному богослужению, но не многое в нем понимали. В карельском языке много русских слов, но в основном обиходного предназначения. В области же высших религиозных и нравственных понятий эти русские слова можно было пересчитать по пальцам. Конечно, для простой души достаточно и одного «Господи, помилуй!», одного упоминания Богородицы и Николая Чудотворца: простая душа и так будет близка к Богу. Но ведь то «вера угольщика», очень трогательная и очень завидная участь, но она возможна лишь на самых низких ступенях культурного развития.

Карелы мало-мальски образованные, с пробудившейся пытливостью уже не могли довольствоваться такими крохами с церковной трапезы. Они желали большего и искали места, где богослужения совершаются на понятном им языке, прежде всего финском. Славянская служба становится все более и более непонятной, особенно для молодежи, получавшей начальное образование в финской народной школе. Бывали и столкновения в приходах, где две группы требовали постоянной службы либо на финском, либо на русском языке. Исходя из этого и чтобы окончательно не растерять паству, Сергей благословил во время богослужения читать Евангелие всегда на двух языках, проповедь говорить по-фински, а все остальное — по-славянски, с произнесением некоторых ектений и других молитвословий, по усмотрению священника, на финском языке.

Для того чтобы лучше поставить церковную жизнь в епархии и иметь помощника в период долгого своего отсутствия по делам Синода, Сергей призвал к себе архимандрита Киприана (Шнитникова). Киприан окончил

Санкт-Петербургскую духовную академию первым студентом и был оставлен профессорским стипендиатом, но предпочел миссионерское дело профессуре и поступил в распоряжение владыки Сергия. Спустя время, уже в марте 1913 года, он был хиротонисан во епископа Выборгского. К сожалению, Киприан очень рано умер. Летом 1914 года Сергей принял его последний вздох и сам отпевал его в Благовещенской церкви на Васильевском острове.

С началом Первой мировой войны в финском обществе заметно активизировалась борьба между сторонниками различных политических партий. Часть финского общества надеялась, что демонстрацией лояльности к России можно вернуть автономные права, и поэтому выступала за поддержку русской администрации в Финляндии. Другая часть высказывалась за бóльшую ориентацию на Англию и Францию, надеясь, что в послевоенных условиях такая позиция скажется самым благоприятным образом на отношениях Финляндии с западными странами.

Но имелась группа политических деятелей и их сторонников, считавших, что именно в условиях войны создаются наиболее оптимальные условия для полного отделения Финляндии от России. Следует признать, что такие настроения, антирусские по своей направленности, имели широкое распространение. Они могли выражаться по-разному: в пассивном неповиновении, демонстративном безразличии, неприятии и неучастии в каких-либо акциях и мероприятиях, организованных русской администрацией. Свидетельством такого поведения можно считать, например, безучастность, с которой отнеслось население Гельсингфорса к визиту в их город 25 февраля 1915 года императора Николая II. Если местные власти во главе с генерал-губернатором Зейном, правящим архиереем и другими

начальствующими лицами демонстрировали свои верноподданнические чувства, устраивая встречи с почетным караулом, торжественные молебны, посылая делегации от различных слоев населения, то финское население вело себя по-другому. Как пишет в воспоминаниях свидетель этого события В. Ф. Джунковский, «улицы были полны народа, но какая разница была в характере и настроении этой народной толпы по сравнению с русской. Толпа эта в молчаливом спокойствии и неподвижности встречала царя — своего великого князя»^[30].

Были в этой среде и такие, кто не довольствовался пассивным выражением антирусских настроений и призывал к активным действиям против русской администрации, например, как это было характерно для многочисленных студенческих кружков, к организации вооруженного восстания и одностороннему выходу из состава России. О реальности вооруженного восстания свидетельствовало и командование Северного фронта, руководившее военными действиями и военными силами на территории Финляндии. В его донесениях 1915–1916 годов можно было прочесть: «В Финляндии под личиной спокойствия и лояльности подготавливается вооруженное восстание с целью отторжения ее при помощи Германии от России».

Реформы в Русской церкви в начале XX века

Биография Сергия Страгородского неотделима от истории Русской православной церкви первой половины XX столетия, подчас они непостижимым образом следовали друг за другом, чуть ли не переплетаясь. И если 15 октября 1905 года он сдал дела по академии, то 17 октября особым манифестом император возложил на правительство обязанность «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах

действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Манифест оказал воздействие на реформирование российского общества по крайней мере в трех направлениях: положил начало пересмотру законодательных актов, регулирующих социально-политическое и национально-государственное устройство России; стал правовой базой для образования легальных политических партий и начала преобразования государственно-церковных отношений.

Одной из первоочередных задач после издания манифеста стала необходимость разработки нового избирательного закона, внесения поправок и дополнений в законодательные акты, определяющие состав, порядок формирования и полномочия Государственной думы и Государственного совета и их соподчиненность.

Данная работа была поручена образованной 28 октября специальной комиссии (Особое совещание) под председательством члена Государственного совета графа Д. Сольского. С ноября 1905-го по январь 1906 года она провела десять заседаний, на которых особенно бурно обсуждался вопрос привлечения в состав Государственного совета «выборного элемента» из наиболее «устойчивых по взглядам и направлениям слоев населения». Вполне естественно, что речь зашла и о духовенстве. Большинство членов комиссии поддерживали идею включения в состав Государственного совета представителей от православной церкви.

Лишь очень немногие высказывали иное мнение. В частности, известный правовед, член Государственного совета Н. С. Таганцев считал, что в разрешении этого вопроса следует исходить из «государственной», а не «политиканствующей» точки зрения. Многообразие вероисповеданий, присущих народам России, требовало

учесть их интересы и обеспечить представительство в высших органах власти.

Подготовленные комиссией Сольского проекты законов в феврале 1906 года были вынесены на окончательное обсуждение Особого совещания в Царском Селе под председательством Николая II. Из воспоминаний Н. С. Таганцева явствует, что когда зашел разговор о представительстве духовенства, то присутствующие — министры, члены Государственного совета и иные высшие сановники — были единодушны. Даже не возникала мысль, что наряду с представительством государственной церкви может существовать, хотя бы в самом минимальном виде, представительство иных религий и церквей, признаваемых Основными законами Российской империи. Таким образом, не были учтены интересы тех миллионов российских подданных, которые, согласно законам (ст. 66, 67), «пользовались свободой веры», не говоря уже об игнорировании интересов «нетерпимых» государством «раскольников» и «сектантов». В итоге решено было допустить в Государственный совет только представителей Русской церкви: трех — от черного и трех — от белого духовенства.

Одновременно в эти же месяцы в обстановке строжайшей секретности велась работа над новой редакцией Основных законов Российской империи. Первоначальный проект готовила Государственная канцелярия. Он представлял собой компиляцию различных европейских конституций и предусматривал за законодательными палатами достаточно широкие полномочия. В нем была и такая новация, как специальная глава «О правах российских подданных». Среди упоминавшихся в нем прав было и право на свободу совести и вероисповедания. Специальные статьи провозглашали равенство перед законом всех подданных, независимо от происхождения и

вероисповедания; уравнивали в правах подданных, как исповедовавших господствующую религию, так и «иностранцев».

В конце февраля 1906 года проект поступил в Совет министров. Любопытно, что Витте советовал сопоставить этот текст с конституциями Пруссии, Австрии, Японии, чтобы заимствовать оттуда «полезные консервативные элементы». И действительно, проект канцелярии, обсуждавшийся в марте, подвергся столь существенным изменениям, что можно говорить о рождении фактически второго проекта законов — министерского. Он носил сугубо «ограничительный» характер, ставил под сомнение целесообразность включения главы «О правах подданных» и отвергал какое-либо «расширение» прав подданных. В специально подготовленной и подписанной членами Совета министров мемории на имя Николая II предлагалось: «...в видах ближайшего согласования правил об основных правах и обязанностях российских подданных с современными условиями жизни нашего государства исключить из подлежащей главы некоторые не отвечающие этой цели статьи и восполнить оную особою статьею, подтверждающей свободу совести на основании указа Вашего Величества от 17 апреля 1905 г. об укреплении веротерпимости».

20 марта 1906 года С. Ю. Витте представил царю измененный Советом министров проект Основных законов вместе с меморией министров. Сам председатель Совета министров при этом предложил основную статью о религиозной свободе в следующей редакции: «Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Условия перехода из одного вероисповедания и вероучения в другое определяются законом».

На 7 апреля Николай II назначил третье секретное совещание в Царском Селе для обсуждения обоих

проектов. Оно продолжалось несколько дней. Приглашены были великие князья, министры, несколько членов Государственного совета и другие высшие чиновники. Ряд участников предыдущих совещаний, продемонстрировавших свою либеральную позицию, приглашены не были.

Среди участников совещания проявились две позиции. Одна, ее излагал И. Л. Горемыкин, заключалась в отрицании необходимости включения в Основные законы главы о правах подданных. Сторонники другой, например Д. М. Сольский, С. Ю. Витте, отстаивали включение, хотя и с различной мотивировкой, данной главы. Однако полноценного обсуждения содержания второй главы не было. Большинство присутствовавших даже и не помышляло о «возвращении» изъятых Советом министров статей «о правах». Не подлежала обсуждению и глава Основных законов Российской империи «О вере».

Накануне открытия заседаний Первой Государственной думы Николаю II был представлен окончательный вариант, исполненный по его поручению небольшой группой лиц из ближайшего окружения. Он был утвержден императором 23 апреля, за четыре дня до открытия заседаний Думы. Без изменений, лишь с незначительными редакционными поправками осталась глава «О вере», определявшая взаимоотношения государства и православной церкви и обеспечившая ее особое положение и привилегии. В главе же «О правах и обязанностях российских подданных» сохранилась лишь одна статья (81-я), касавшаяся вопросов веры и гласившая: «Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободой определяются законом». Однако статья эта без четко и конкретно разработанного законодательства обречена была оставаться всего-навсего декларацией, отнюдь не гарантирующей прав граждан в выборе религии.

Разработка законопроектов по конкретным направлениям религиозного законодательства была возложена на Министерство внутренних дел.

Как видим, государство даже в условиях революции продолжало ориентироваться на сохранение особых отношений с Российской православной церковью и стремилось опереться на нее в период политической нестабильности. Не предполагалось вводить какие-либо принципиальные изменения ни в вероисповедную политику в целом, ни в положение всех других религиозных объединений.

Вместе с тем российское общество, можно сказать, впервые получившее возможность публичного обсуждения вероисповедных проблем, было предрасположено к более радикальным шагам. Периодические партийные, общественные и частные издания были переполнены статьями на эти темы. В них возможность проведения вероисповедных реформ жестко увязывалась с политическими преобразованиями в стране. Под особенным огнем критики оказался исторический девиз последних столетий российской власти: «Православие. Самодержавие. Народность», который представлял «весь ужас старой, отживающей опасности». В журнале «Московский еженедельник», где во множестве печатались авторы, симпатизировавшие кадетским воззрениям, об этом говорилось следующим образом: «...православие, религиозный кодекс, внешняя ненарушимость которого охраняется светским главой церкви при помощи полиции и жандармов. С помощью самодержавия этот девиз выражался в том, что все иноверные и даже инославные народы подвергались ограничениям в правах, которые упразднялись сейчас же, как только данное лицо внешним образом принимало православную личину. Благодаря этому, никто не мог добровольно из православия уйти, самое православие приобретало в качестве новых сынов

церкви недостойных лицемеров, а вся религиозная жизнь народа задерживалась в своем развитии».

Политические партии, бурно нарождавшиеся в 1905–1906 годах, в своих программных документах и на страницах партийной прессы фиксировали неразрешенность «религиозного вопроса», наличие «стеснений» и «несвободы» в вопросах веры, предлагали свое видение разрешения этого вопроса. В зависимости от политических целей, которые они ставили перед собой, мы можем разделить их на три группы. К первой относятся те из них, кто выступал за сохранение в России абсолютной монархии, ко второй — выступавшие за конституционную монархию, к третьей — за демократическую республику. Большинство партий выступало за равенство граждан вне зависимости от их вероисповедной или сословной принадлежности, за свободу совести и вероисповеданий. Достаточно распространенным было требование конфискации или выкупа монастырских и церковных земель, что отражало настроение, господствующее среди крестьянства. Лишь незначительная часть партий, ориентирующихся на сохранение в России самодержавия, выступала за незыблемость союза между православной церковью и государством, сохранение за церковью всех ее прав, привилегий и первенствующего положения.

Программные положения партий в вопросах свободы совести в основе своей ориентировались на изменение церковной политики государства: отказ от традиционного союза с православной церковью, уравнивание в правах всех вероисповеданий и равные их отношения с государством. В целом они укладывались в буржуазную модель вероисповедной государственной политики. Более радикальные требования — отделение церкви от государства и школы от церкви — включались в программы социалистических партий. К ним

примыкали партии: радикальная, умеренно-прогрессивная, свободомыслящих.

В ходе выборов в Государственную думу все партии, выставлявшие своих кандидатов, обещали разрешить безотлагательно и вопрос о свободе вероисповеданий. Все они обнародовали свои предложения и программы по этому вопросу, стремясь тем самым привлечь избирателей. К примеру, в разделе об основных правах граждан программы кадетов, одной из популярных на тот момент партий, говорилось:

«1. Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения должны быть отменены.

2. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания. Никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются. Отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами. Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки».

27 апреля 1906 года открылись заседания первой в истории России Думы. Среди ее 499 членов 18 представляли Русскую церковь — 16 священников и два епископа. Уже 12 мая представители кадетской фракции внесли для обсуждения законопроект о свободе совести.

Это был первый партийный документ, предложенный в качестве законопроекта.

В Объяснительной записке к законопроекту лидеры партии убедительно доказывали, что и в прошлом, и в настоящем Россия жила и живет «под режимом несвободы совести». Попытки царского правительства в предшествующие несколько лет устранить из религиозно-церковной жизни наиболее нетерпимые «стеснения» и «ограничения» и реализовать на практике положения указа от 17 апреля и манифеста от 17 октября 1905 года не принесли положительного результата. А потому для народных избранников делом первостепенной важности должна быть борьба за обеспечение принципа свободы совести в жизни российского общества.

По мнению кадетов, следовало бы принять закон как своего рода манифест о свободе совести, определяющий принципы государственной церковной политики, и лишь затем на его основе рассматривать и принимать законы, регулирующие те или иные конкретные практические стороны деятельности религиозных организаций различных конфессий.

Но была и другая позиция. Министерство внутренних дел, которому правительством было поручено проведение реформ в вероисповедных вопросах, не видело необходимости в издании общего закона о свободе совести, а предполагало рассматривать законопроекты по отдельным конкретным сторонам религиозного законодательства. На первый взгляд такой прагматизм мог показаться предпочтительным. Однако на самом деле он был губительным для всяких попыток реформирования отжившего законодательства и преодоления административной практики, поскольку не имел ясной, понятной и принимаемой всеми (государством и обществом) цели.

Государство не случайно не желало концептуального обсуждения смысла, принципов и целей предлагаемых вероисповедных реформ, так как при этом тотчас же становились бы очевидными противоположные векторы намерений государства и демократического общества. Правительство, при всех обещаниях расширить и утвердить свободу совести, на самом деле стремилось всеми силами сохранить статус-кво в государственно-церковных отношениях, отказаться лишь от наиболее одиозных пережитков религиозного законодательства. Содержание термина «свобода совести» по-прежнему сводилось исключительно к «веротерпимости», то есть к сохранению государственной церкви и покровительству ей, при обещании некоторого смягчения политики в отношении иных религиозных объединений.

Совсем иное содержание вкладывалось в термин «свобода совести» ведущей на тот момент оппозиционной партией — конституционно-демократической. Один из ее идеологов А. К. Дживилегов писал: «Свобода совести есть дальнейшее развитие принципа веротерпимости, который непременно предполагает существование государственной церкви, пользующейся особым покровительством (запрещение менять религию господствующей церкви и проч.), причем остальные религии только не преследуются. Свобода совести предполагает признание государством следующих положений: каждый имеет право свободно выбрать себе религию, основать новую религию, переходить из одного вероисповедания в другое; каждый имеет право публично отправлять богослужение и говорить проповеди в духе исповедуемой им религии; никто не подвергается ограничениям политических и гражданских прав за принадлежность к той или иной религии. В этом виде свобода совести осуществлена во

всех конституционных государствах. Высшее выражение свободы совести — это отделение церкви от государства, существующее в Соединенных Штатах, Мексике и некоторых швейцарских кантонах, подготовляющееся во Франции и осуществленное с некоторыми ограничениями в Голландии и Бельгии». К слову, такое понимание свободы совести было свойственно и абсолютному большинству других оппозиционных партий.

И хотя Первая Государственная дума, проработавшая всего лишь 73 дня и распущенная царем, так и не успела приступить к рассмотрению вероисповедных законопроектов, все же тема религиозной свободы прозвучала на ее пленарных заседаниях.

5 июня на пленарном заседании Думы обсуждалось предложение о принятии законов о гражданском равенстве. От имени кадетской партии выступил Ф. Кокошкин, который настойчиво требовал устранить привилегии одних сословий и ограничения других в правовой, национальной и вероисповедной сферах, обеспечить равенство полов. При этом он подчеркивал, что в России до сих пор «существует средневековый варварский пережиток — ограничение прав отдельных национальностей или лиц отдельного вероисповедания».

Последовавшее вслед за этим обсуждение показало, что идеи отмены существовавших жестких ограничений по признакам национальной, вероисповедной или сословной принадлежности и установления в России гражданского равенства нашли самый широкий отклик у депутатов. Они воспринимались как самоочевидные истины, которые следовало не доказывать, а практически реализовывать в жизни России, в том числе и через принятие соответствующих законов.

Либеральная печать, подводя итоги деятельности Первой думы в вопросах реформирования вероисповедного законодательства, отмечала, что нельзя мириться с половинчатым решением, предлагаемым властью. Нужно не просто расширение уступок в пользу требования веротерпимости, а «нужен разрыв» с прежними политическими традициями, видевшими в союзе церкви и государства оплот и основу строя. Подчеркивалось, что исходным пунктом новой политики государства в вероисповедных вопросах должен быть принцип свободы совести как неотъемлемое право человека и гражданина.

В период между разгоном Первой думы и созывом Второй думы проявились противоречия относительно вероисповедной реформы и во властных структурах. Витте, при всех своих колебаниях ратовавший за их продолжение, наткнулся на стену «непонимания» со стороны правых, которые объединились против него еще со времен октябрьского манифеста о свободах и жаждали реванша. Нежелание реформирования вероисповедной политики Витте объяснял тем, что «фактическое проявление революции скопом подавлено». В докладе Николаю II с просьбой о своем освобождении от должности премьер-министра он, разъясняя свою позицию, писал: «По некоторым важнейшим вопросам государственной жизни, как, например, крестьянскому, еврейскому, вероисповедному и некоторым другим, ни в Совете министров, ни во влиятельных сферах нет единства. Вообще, я не способен защищать такие идеи, которые не соответствуют моим убеждениям, и потому я не могу разделять взгляды крайних консерваторов, ставшие в последнее время политическим кредо министра внутренних дел».

В феврале 1907 года открылись заседания Государственной думы второго созыва. Среди ее 509

членов было 20 православных священников и два епископа.

6 марта в Думу прибыл новый председатель Совета министров П. А. Столыпин. В своей программной речи премьер охарактеризовал «реформы последнего времени» в России «перестройкой» всего государственно-национального бытия. Она должна, по его убеждению, превратить Россию в недалеком будущем в правовое государство, где главенствует писанный «закон», а не воля «отдельных лиц». Он призвал депутатов всемерно содействовать принятию необходимых России законов. Этих, как выразился Столыпин, «материальных норм», которые только и могут определить и установить «твердые устои новоскладающейся государственной жизни России».

Представляя правительственные законопроекты по различным областям экономической, социальной и политической жизни, Столыпин остановился и на вероисповедной политике государства. Он признал, что эта сфера, как никакая другая, нуждается в срочных реформах, поскольку явственно обнаружился правовой вакуум. Хотя свобода совести и возведена указом от 17 апреля и манифестом от 17 октября 1905 года, но правовой механизм ее обеспечения отсутствовал. Премьер призвал в срочном порядке внести изменения в действующее законодательство, а также выработать новые вероисповедные законы.

С этой частью выступления никто не спорил, ибо она соответствовала и настроениям думцев, и настроениям общества. Вопрос заключался в том, на каких принципах будет выстраиваться вероисповедная политика государства: на традиционной идее «православно-христианского государства» или на идее «светского государства». Что касается Думы, то она сохраняла приверженность идеям, изложенным в прошлогоднем (1906) законопроекте кадетов «О свободе совести».

Премьер же связал свое личное и правительства в целом понимание сути и направленности необходимых для России вероисповедных реформ с отношением Русского государства с Российской православной церковью. В его устах это выглядело так: «...многовековая связь Русского государства с Христианской Церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала Государства Христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особой со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающих нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевлялся именем Православия, с которым неразрывно связана слава и могущество русской земли».

Если отбросить пафос и патетику, то выясняется, что в существе своем политика в отношении религиозных организаций остается неизменной. Правительство оставалось на позициях «христианского государства» и в своих практических шагах собиралось руководствоваться данной идеологией. Чтобы как-то завуалировать, смягчить обнаружившееся принципиальное расхождение в подходах к вероисповедным реформам между Думой и правительством, Столыпин заявил, что «права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений» и что в целях «укрепления начал веротерпимости и свободы совести» правительство внесет соответствующие законопроекты.

Вторая дума оказалась еще более левой по своим настроениям, чем Первая. А потому Николай II пошел и на ее досрочный роспуск, о чем сообщалось в манифесте от 3 июня 1907 года. Одновременно был опубликован и новый избирательный закон. Его цель, как и задумывалось П. А. Столыпиным, не допустить в Думу оппозицию. Для этого были кардинально пересмотрены квоты выборщиков в пользу помещиков и буржуазии при одновременном сокращении возможностей крестьянского населения и рабочих. Полностью были лишены представительства десять областей и губерний в азиатской части России под предлогом отсутствия у населения «достаточного развития гражданственности». Сокращено общее число депутатов Думы. Землевладельческая курия увеличила по новому закону число выборщиков почти на 37 процентов, а крестьянская и рабочая курии сократились, соответственно, на 45 и 46 процентов выборщиков. В результате по землевладельческой курии один выборщик приходился на 230 человек населения, по крестьянской — один на 60 тысяч, по рабочей — один на 125 тысяч человек.

Результат получился таким, каким его планировало правительство П. А. Столыпина: большинство в Думе оказалось за правыми и националистами, сплотившимися на началах «национализма и русскости», а кадеты и левые партии были низведены до оппозиционных фракций, не имевших существенных возможностей влиять на ход законотворчества в Думе и на ее работу в целом.

Нельзя не заметить, что православная церковь выступила в этот момент послушным механизмом власти. Правящие архиереи и приходское духовенство призваны были возвещать причины и обстоятельства «вынужденного» роспуска Думы, не оправдавшей, по мнению властей, «народных ожиданий». К примеру, в

Москве в Историческом музее состоялось заседание специальной комиссии по вопросам проведения Чтения для рабочих. Перед участниками выступил с речью митрополит Московский Владимир (Богоявленский). Профессор П. Тихомиров следующим образом откликнулся на эту речь: «Власти церковные, послушные рабы самодержавной политической бюрократии, запрещают священникам становиться в ряды революционных партий во имя принципа невмешательства в мирскую борьбу, но считают вполне совместимым с этим принципом служить благодарственные молебны по поводу разгона Государственной думы, защищать политические убийства, совершаемые реакцией при посредстве фиктивных (военных) судов, благословлять погромные черносотенные организации и т. д.».

Обращает на себя внимание и тот факт, что императорское правительство сочло необходимым распустить Государственную думу с грубым нарушением Основных государственных законов, в порядке государственного переворота изменить закон о выборах в Государственную думу, чтобы тем самым обеспечить себе большинство в ней. Таким образом, третьеиюньские акты сыграли роковую роль в судьбе русского конституционализма. Ими был поколеблен основной принцип новой редакции Основных законов, по которому устанавливались нормы, не подлежащие изменению без санкции народного представительства. К таковым прежде всего относились основания избирательной системы. В угоду практической целесообразности правительство пожертвовало конституционным принципом, нанеся по зарождавшемуся в обществе правосознанию сокрушительный удар. Силы, высказывавшиеся за преобразование самодержавия путем постепенных реформ, проиграли в общественном мнении, поскольку не смогли осуществить ими же

самими провозглашенные программы в Первой и Второй думах. Тогда как представители левого крыла российского общественного мнения могли торжествовать: события 3 июня становились для них весомым аргументом в доказательстве «бесплодности» ожиданий реформ сверху и возможности эволюционирования российской политической системы от самодержавия к демократии; отныне в качестве единственного аргумента признавались «силовое давление», революция.

На этом общеполитическом фоне, в условиях противостояния власти и общества в вопросах расширения религиозных свобод и развертывалась деятельность Сергея Страгородского на новой кафедре и в Синоде. На него стали возлагать всякого рода поручения, в том числе важные и неотложные, требующие немедленного решения. Его по-прежнему призывали к делам Учебного комитета Синода. Особенно острым был вопрос о предоставлении автономии духовным академиям. В ноябре 1905 года проходило специальное совещание делегаций от духовных академий, на котором новый обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский столкнулся с решимостью представителей академий добиться автономии. Первенствующий член Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), будучи последовательным противником автономии и стремясь «разбавить» решимость и единство академиков, предложил А. Д. Оболенскому пригласить на заседание «свежие силы» — архиепископа Сергея Финляндского (Страгородского) и епископа Псковского Арсения (Стадницкого), который недавно занял пост члена Учебного комитета Синода.

Но неожиданно для него и Арсений, и Сергей, хотя и с небольшими оговорками, поддержали позицию профессоров. Все вместе они смогли склонить и

митрополита Антония к тому, чтобы в проект нового устава духовных академий были включены следующие положения: академии находятся в подчинении Святейшего синода; ректор и инспектор избираются советом академии и утверждаются Синодом в своей должности; в состав совета академии вводятся и доценты; совет академии окончательно принимает решения об утверждении в ученых степенях.

17 декабря 1905 года Николай II принял в Царском Селе трех митрополитов: Петербургского Антония (Вадковского), Киевского Флавиана (Городецкого) и Московского Владимира (Богоявленского) и имел с ними беседу о созыве Собора. По окончании аудиенции иерархи получили указание готовить и провести Собор «в ближайшее по возможности время». В этих целях было создано Предсоборное присутствие — особый орган из представителей иерархии, ученого монашества, академических кругов для разработки необходимых церковно-административных документов и материалов к Собору.

Сергий стал неизменным членом Предсоборного присутствия, руководил отделами, которые должны были готовить программу соборных заседаний, материалы для соборных обсуждений.

Атмосферу ожидания скорейшего свершения важнейшего события, каким должен был стать Собор, хорошо передает письмо Сергия от 25 декабря 1905 года Арсению Стадницкому, в котором были такие строчки: «Ваше Преосвященство, Высокочтимый Владыко и Архипастырь! Поздравляю Вас сердечно с великими праздниками и наступающим Новым годом. Дай Бог Вам в этом году всякого успеха и сил в многообразном служении церковном; будем молиться, чтобы Господь умиротворил нашу страну и дал нам возможность всем встретиться на Всероссийском церковном соборе».

Предсоборное присутствие предложило всем епархиальным архиереям прислать свои соображения относительно вопросов церковной реформы. Среди многочисленных отзывов были и предложения Сергия. В основном они могут быть сведены к следующему: Собор, состоящий из епископов, клириков и мирян, прежде всего должен заняться реформированием центральных органов церковного управления и устройством епархиальной и приходской жизни. Компетенция же Святейшего синода в делах законодательных не должна была простирается далее издания разъяснительных постановлений к существующим церковным законам. Синод не должен был по своей инициативе решать вопросы канонического и вероучительного свойства, которые подлежат ведению исключительно поместных соборов.

Касаясь животрепещущей тогда темы — восстановления патриаршества, Сергей писал: «Патриарх наш не будет ни папою, ни даже патриархом в византийском смысле этого слова; он будет лишь председателем Синода. По отношению к другим епископам он будет лишь первым между равными и поэтому пользуется обычными нравственными правами старшего брата: правом братских советов, предостережений или увещаний; если найдет это необходимым, он привлекает виновного епископа к суду Священного синода»^[31].

Когда на голосование была поставлена рекомендация о восстановлении Патриаршего престола и о наименовании первоиерарха Русской церкви, то епископ Сергей был среди тех членов Предсоборного присутствия, кто голосовал «за» и считал возможным именовать первоиерарха «патриархом». Заметим, что Сергей и еще 20 архиереев выступали и за обсуждение вопроса о богослужебном языке церкви, полагая, что по

желанию прихожан таковым может быть отчасти и русский язык.

И в своих предложениях о церковной реформе, и в неоднократных выступлениях на заседаниях Предсоборного присутствия Сергей касался и такого вопроса, как «оживление прихода». Он выступал за то, чтобы непосредственно приход распоряжался церковным имуществом и средствами, воспринимая это как «свое дело», а не как «дело попов и чиновников духовного ведомства». В этой части своих размышлений Сергей оказался прозорливцем, когда говорил: «Не секрет, что светское общество относится к нам — лицам духовной среды — почти как к евреям, настолько ему чуждо все, что касается церковных (теперь сословных) интересов и дел. В минуты опасности, таким образом, церковная власть окажется страшно изолированной и потому бессильной защитить церковное достояние. Иное дело, если бы церковным имуществом владел бы в том или другом виде приход, тогда отнимать пришлось бы у самого народа, самого общества, и, конечно, на его защиту восстали бы не одни духовные, но и весь народ. Отобратить было бы не так легко»^[32]. Именно так и произошло в февральские и октябрьские дни 1917 года, когда верующие не посчитали для себя обязательным защищать церковное достояние и оно в значительной мере было национализировано.

В декабре 1906 года Сергей вызывается в заседание Синода. Ему было поручено председательствовать в Учебном комитете, одновременно он занимался исправлением богослужебных книг. В Синоде он был оставлен и на зимнюю сессию 1907 года. Тогда же архиепископ Сергей был избран почетным членом Санкт-Петербургской духовной академии. В 1910 году Сергей принимал деятельное участие в работе синодальной комиссии по выработке нового устава духовных академий. Начиная с мая 1911 года он становится

постоянным членом Святейшего синода, работая и в летнюю, и в зимнюю сессии.

Все старания иерархии и церковной общественности провести Церковный собор не завершились положительным результатом. В 1908 году труды Предсоборного присутствия были положены на полку. Ни царь, ни правительство в условиях острого противостояния с обществом по вопросу вероисповедных реформ не решились на практические шаги по подготовке Поместного собора Российской церкви.

К этой идее вернулись лишь в марте 1912 года, когда революционное движение было подавлено, а в Думе третьего созыва проправительственные политические фракции смогли наконец сформировать большинство и выставить заслон предложениям демократических сил по расширению религиозных свобод. Не оставался в стороне и Святейший синод Российской православной церкви, который в специальном определении выражал свое отрицательное отношение ко всем вероисповедным законопроектам, представленным оппозицией. По его мнению, они страдали чрезмерным либерализмом, подрывали исторически сложившийся союз православной церкви и самодержавия, умаляя значение православия в общественной и личной жизни граждан, способствовали распространению в России чуждых ей религиозных взглядов. Синод настойчиво предлагал сохранить за Российской православной церковью ее «первенствующее» и «господствующее» положение, обеспечить защиту прав и привилегий церкви и «незыблемость православной веры»; не позволять старообрядцам распространять свое вероучение; сохранить законы, карающие за «сворачивание» в раскол. Готовить документы и материалы к Поместному собору поручалось Предсоборному совещанию. Возглавил его в

качестве председателя Сергей Страгородский. Однако и на этот раз Собор созвать не удалось. Самодержавие не пожелало формирования иного центра притяжения интересов и сил общества, который, как оно считало, будет в той или иной мере противостоять императорской власти.

В мае 1911 года пост обер-прокурора Святейшего синода занял В. К. Саблер, многие годы бывший ближайшим соратником К. П. Победоносцева. Придя к власти, он развил бурную деятельность, сопровождавшуюся громкими фразами о церковных реформах, церковности, благе отечественной церкви. Только летом 1911 года было создано множество комиссий и разработано не меньшее число проектов, которые, по его утверждению, должны были разрешить все основные вопросы церковной жизни, но только так, как это представляло себе ультраконсервативное крыло православной церкви.

Подготовленный новый устав духовных академий расширял права монашеского начальства в управлении академиями, а преподавателям духовно-учебных заведений вновь было объявлено о недопустимости их принадлежности к каким-либо союзам, партиям, организациям, не одобренным церковной властью. Предлагаемая приходская реформа еще больше урезала права прихожан, а полномочия архиереев и духовенства, наоборот, возрастали. В вопросе об обеспечении духовенства был намечен принципиально новый курс, предполагавший ввести государственное содержание духовенства, что, с одной стороны, должно было сделать его еще более зависимым от власти, а с другой — отдалить от прихода и прихожан.

Саблер настаивал на продолжении победоносцевского курса на поддержку и расширение сети церковно-приходских школ, увеличения их субсидирования за счет государственного бюджета.

Продолжил он и практику широкого участия духовенства в думской избирательной кампании, при этом стремился к максимальной координации усилий церкви с Министерством внутренних дел. В феврале — марте 1912 года в канун выборов в Четвертую Государственную думу Синод и епархиальные управления указывали приходскому духовенству на необходимость голосовать за партии правее октябристов. В отличие от предшествующих выборов предлагалось не столько выдвигать в Думу священников, сколько добиться их максимального участия в голосовании в качестве выборщиков на уездном уровне, вбрасывать на чашу выборных весов голоса православного духовенства.

Для Сергия Страгородского возвращение Саблера, с которым он был в дружественных отношениях еще во времена Победоносцева, создавало дополнительные возможности роста церковной карьеры. Теперь часто можно было видеть их и в столице, и в Москве, на всевозможных церковных и общественных мероприятиях и при царском дворе, на торжественных богослужениях и «согласно» работающих на заседаниях Синода.

Очень часто именно Сергию Страгородскому поручались дела щепетильного свойства, требовавшие умения, даже отказывая в чем-либо, не создавать конфликтной ситуации. Так, к примеру, было в 1912 году с непременным желанием великого князя Константина Константиновича видеть поставленной на сцене написанную им пьесу «Царь Иудейский». Церковь в целом отрицательно относилась к общедоступному театру как к месту, где «развлекают и развлекаются», и не приветствовала появление в театральных репертуарах пьес духовного свойства. Вот и в этот раз Синод поручил Сергию направить автору письменный отрицательный ответ. Архиепископ, следуя восточной мудрости — если хочешь ужалить, сначала смажь

кончик своего языка медом, — дал восторженную оценку пьесе: она, по его мнению, излагает события с соблюдением верности евангельскому повествованию, проникнута благоговейною настроенностью и вызывает в душе верующего много высоких, чистых переживаний, способных укрепить его веру и любовь к Пострадавшему за спасение мира. Но если против появления пьесы в печати Синод не возражал, на что указывал Сергей, то в постановке этой драмы на театральной сцене Синод решительно отказал.

«Надеяться на то, что введение в театральный репертуар пьес, подобных „Царю Иудейскому“, — писал Сергей, — облагородит самый театр, сделает его проводником евангельской проповеди, невозможно, так как для этого необходимо было бы удалить из него все пьесы иного характера, а также и исполнителей их; актеров из обычных профессиональных лицедеев превратить в своего рода духовную корпорацию с соответствующим укладом жизни. Но все это немыслимо до тех пор, пока театр остается театром, т. е. в лучшем случае, для художников, — храмом искусства для искусства, в худшем же, для обыкновенных посетителей театра, — местом, прежде всего, развлечений. Скорее наоборот, драма „Царь Иудейский“, отданная на современные театральные подмостки и в руки современных актеров, не только не облагородит театра, но и сама утратит свой возвышенный, духовный характер, превратившись в обычное театральное лицедейство, при котором главный интерес не в содержании, а в том, насколько искусно играет тот или другой актер. Но если религиозное чувство оскорбляется так называемым театральным чтением и пением в церкви, то тем более оно должно будет возмущаться, когда наивысший предмет его благоговения делается материалом для сценических опытов заведомых профессиональных лицедеев».

В 1912 году долго и тяжело болел первенствующий член Святейшего синода митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Вадковский). При дворе активно обсуждался вопрос о возможном преемнике. Не без протекции В. Саблера наиболее приемлемым кандидатом воспринимался архиепископ Финляндский Сергей Страгородский. После кончины и погребения Антония на первом же докладе обер-прокурора Николай II спросил его: «Кто же будет у нас митрополитом на месте покойного митрополита Антония?» Саблер доложил, что «предназначен» архиепископ Сергей (Страгородский). Ответ императора был неожиданным для обер-прокурора: «Нет, хотя я и очень люблю владыку Сергия, но митрополитом его назначить нельзя, так как он глухой». Как оказалось, на государя произвело неприятное впечатление недоразумение, произошедшее в день Богоявления при освящении воды, которое совершал владыка Сергей. Во время службы Николай обратился к нему с каким-то вопросом, но тот не расслышал, и это императору не понравилось. Пришлось искать новую кандидатуру, и ею в конце концов оказался митрополит Московский Владимир (Богоявленский).

Незадача с назначением на Петроградскую кафедру не расстроила дружбы и союза Саблера и Сергия Страгородского. Обер-прокурор стремился всячески продвигать Сергия на церковные посты, дававшие ему возможность и быть на виду, и играть все более заметную роль в общецерковных делах. Так, в 1913 году на архиепископа Сергия были возложены обязанности управления еще двумя синодальными ведомствами: Миссионерским советом и Учебным комитетом. Не обходили его и наградами: во внимание к его усердным трудам Сергей был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке и орденом Святого Александра Невского.

Сведения о характере его епископского служения мы можем почерпнуть из газеты «Церковно-общественный вестник», которая писала: «Высокопреосвященный Сергей ни у кого не заискивал. Что касается отношений его к земным выгодам и преимуществам, то оно является истинно монашеским. Неустанно работая на пользу Церкви, он не пытался сменять бедную Финляндскую кафедру на более обеспеченную. Мало того, знающие жизнь его передают, что финское жалованье он не получает на руки, а все целиком передает на карельскую миссию, довольствуясь тем содержанием, которое получает из Синода, и ведя крайне простой и невзыскательный образ жизни» ^[33].

На 1913 год было назначено празднование 300-летия Дома Романовых. Сергей Страгородский становится участником всех основных юбилейных церковных торжеств. Главным из них было богослужение в Казанском соборе столицы, назначенное на 21 февраля, в четверг на Масленой неделе, и открывавшее празднование. Накануне в собор специальным крестным ходом была доставлена особо чтимая российская святыня — икона Почаевской Божьей Матери, которая была установлена на солее возле иконы Спасителя. В присутствии императора, его семьи, членов императорского дома и иностранных царствующих домов, многочисленных российских и иностранных гостей, при участии глав и представителей Антиохийской и Сербской церквей совершена была литургия под возглавлением митрополита Санкт-Петербургского Антония (Богоявленского). После окончания богослужения, отбытия царской семьи и высокопоставленных особ в собор был допущен народ, устремившийся к Почаевской иконе, дабы успеть ей поклониться. Некоторое время спустя икона торжественным крестным ходом вернулась в Митрофаньевское синодальное подворье.

Постоянные члены Святейшего синода отправились в Зимний дворец для принесения поздравлений императору Николаю II. От имени Синода говорил митрополит Антоний Богоявленский. Затем Антоний и архиепископ Сергей Страгородский преподнесли Николаю II большую икону Знамения Божьей Матери XVII века в старинном басменном окладе, украшенную жемчугом и шитую шелком. Ею Антоний благословил императора, а затем поднес поздравительную синодальную грамоту.

Юбилейные торжества стали последним крупным событием в истории Дома Романовых. Уже на следующий год, летом, началась Первая мировая война, перекраившая политическую карту Европы.

Волею непреодолимых обстоятельств день начала юбилейных празднований окрашен был для Сергея в печальные тона. Поступившая из Арзамаса телеграмма сообщала: «Тихо почил о Господе всеми любимый пастырь — протоиерей Николай Страгородский». И уже 23 февраля Сергей Страгородский прибывает в Арзамас. В соборном храме Алексеевского женского монастыря, в котором покойный прослужил 47 лет, архиепископ Сергей возглавил заупокойную литургию, а затем и отпевание своего отца. Печально звучал монастырский хор, прощавшийся со своим опытным и мудрым руководителем. Звучали надгробные слова, в которых почивший предстоял трудолюбивым, скромным и добросовестным работником на ниве Божией. Храм был полон: пришли горожане и жители окрестных сел, городское духовенство, монашествующие, многие десятилетия знавшие протоиерея Николая Страгородского и пожелавшие проститься с ним. При печальном звоне колоколов тело почившего с крестным ходом во главе с архиепископом Сергием было обнесено вокруг храма, а затем процессия направилась за город — на Всехсвятское кладбище. По завещанию похоронили

отца Николая рядом с могилой его супруги — Любви Страгородской. Можно только с грустью и болью добавить, что спустя годы, в эпоху «социалистического переустройства» Арзамаса, Всехсвятское кладбище, как многие другие святые места и места упокоения наших предков, будет разорено и уничтожено «до основания», а «затем» на его месте устроят городской сквер...

Год 1913-й стал и последним годом жизни родной тетки Сергея Страгородского по отцовской линии Евгении (Страгородской), игуменьи первоклассного общежительного женского Новодевичьего Алексия, человека Божия, монастыря (до 1897 года — арзамасская Алексеевская обитель). Монастырь был хорошо известен не только в Нижегородской епархии, но и по всей России. Славен он был своей золотошвейной мастерской, широкой благотворительностью и делами милосердными. В обители на воспитании находились девочки-сироты, а на содержании — заштатные престарелые священники с семьями, а также овдовевшие жены священнослужителей. Настоятельница монастыря состояла в различных общероссийских благотворительных и просветительских организациях. С 1898 года по благословению епископа Холмского Тихона (Белавина) игуменья Евгения являлась действительным членом Холмского православного Свято-Богородицкого братства. С 1899 года состояла она почетным членом общества в честь святой равноапостольной Нины и одновременно вступила в попечительство «Человеколюбивого общества»... Матушка Евгения удостоена была многих наград Святейшего синода, а в 1913 году была принята во дворец государыни императрицы Александры Федоровны. За свою 35-летнюю деятельность и усердную службу в марте 1914 года игуменья Евгения была пожалована именным «портретом его

императорского величества государя-императора Николая II».

27 апреля 1914 года, в девять часов утра, Евгения Страгородская скончалась. Горестное известие разнеслось по Арзамасу. На следующий день, бывший по традиции базарным, об этом узнали и жители окрестных сел и деревень. Толпы народа потянулись в Алексеевский монастырь, где почти беспрерывно служились панихиды. Похоронили игуменью Евгению 29 апреля рядом с отцом, протоиреем Иоанном Страгородским, напротив алтаря Вознесенского собора обители. Для Сергия Страгородского, не смогшего в предгрозовые дни кануна Первой мировой войны выехать из Петербурга, печальное известие означало одно: из всех прямых родственников у него осталась только сестра Александра, вышедшая замуж за священника Евгения Архангельского и проживавшая в Арзамасе. Некоторое время спустя в дом Сергия принесли и последний «привет» Евгении Страгородской — посох, когда-то подаренный ей племянником. Уже став патриархом, Сергей не расставался с ним. И можно было видеть его в патриаршей руке, когда он во время богослужения шествовал с ним по алтарю и солее при каждом малом выходе.

Как обращение из прошлого к нынешним арзамасцам можно воспринимать чудом сохранившееся в местном краеведческом музее обезображенное надгробие из черного мрамора, на котором еще можно прочесть надпись: «Под сим крестом покоится Алексеевскою монастыря приснопамятная игумения Евгения. Скончалась 27 апреля 1914 года на 81 году. Управляла обителью 35 лет».

В годы Первой мировой войны отношения между Синодом и правительством заметно ухудшились, что было связано с общим кризисом общественной системы. Да и сам Синод раздирали противоречия. Фактически

его делами распоряжался Григорий Распутин. Взрыв недовольства вызвали события 1915 года, когда на Петроградскую кафедру вместо митрополита Владимира (Богоявленского) был перемещен экзарх Грузии митрополит Питирим (Окнов) — ставленник Распутина, а Владимир был отправлен в Киев. Питирим сразу же занял видное место при дворе, пытаясь проводить в Синоде политику придворной камарильи, помня слова императрицы Александры Федоровны о русских епископах и членах Синода: «Все они какие-то странные, очень мало образованны, с большим честолюбием... Это какие-то духовные сановники... Народ идет не за сановниками, а за праведниками».

Однако на этот раз бесцеремонное вмешательство светских властей вкупе со старцем вызвало протест со стороны Синода. Сергей возглавил оппозицию в Синоде и составил письменный отзыв на имя государя. За это он и удостоился выговора и недовольствия в первую очередь со стороны императрицы Александры Федоровны. Члены Синода бойкотировали Питирима, который молча здоровался при посещении заседаний Синода, ни с кем не общался и также молча уезжал. Игнорировались и действия обер-прокурора Раева, сторонником которого выступали Питирим и митрополит Московский Макарий (Невский). Все его предложения заведомо проваливались остальными членами Синода — митрополитом Киевским Владимиром, архиепископами Новгородским Арсением, Финляндским Сергием, Дмитровским Тихоном; епископами — Нижегородским Иаковом, Гродненским Михаилом, а также протопресвитером военного духовенства Г. И. Шавельским и даже протопресвитером придворного духовенства Дерновым. Из 30–40 запланированных к обсуждению в Синоде дел решение принималось по трем-четырем, остальные откладывались. Откладывались... до неопределенного

времени. Центральное церковное управление фактически было полностью парализовано.

К концу 1916 года выявилось со всей очевидностью резкое социальное противостояние в российском обществе. Народные массы были за народовластие, жаждали демократических перемен. Изнуренная долгой, опостылевшей войной, потрясенная скандалами в верхах, стиснутая проблемами, Россия ощущала тягу к свободе, к самостоятельности, к закону, миру и порядку. Самодержавие и придворная камарилья всеми воспринимались как препятствие на пути к освобождению.

Февраль 1917 года: свобода! свобода! свобода!

Рубеж 1916–1917 годов — время, тягостное для православной церкви. Вместе с ослаблением своего «исторического союзника» угасала и она, ощущая на себе волны недовольства, озлобления и ожесточения верующих масс. Как записал в своем дневнике помощник начальника канцелярии Синода С. Г. Рункевич, «темные силы, бездарные и беспринципные, пользуясь суеверным настроением царицы, при посредстве известного старца Распутина, овладели влиянием на царя и, выдвинув ничтожного недостойного архиепископа Питирима на пост Петроградского митрополита и не менее ничтожных лиц на посты государственных представителей в церковном правительстве, вносили в церковную жизнь ужасающее разложение».

По меткому выражению лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, «атмосфера насыщена электричеством, все чувствуют приближение грозы, и никто не знает, куда упадет удар». И удар разразился и пал на лицо, которое многие считали одним из главных виновников

маразма, разъедавшего царский двор. Был убит Распутин. В высших кругах, особенно в Государственной думе, в политических партиях почти открыто говорили о зреющем дворцовом перевороте в пользу наследника Алексея. И это воспринималось как второй возможный удар судьбы по дряхлеющему на глазах зданию абсолютистской монархии.

Почти физически ощущались разложение власти, ее неспособность предотвратить надвигающуюся катастрофу, утрата ею остатков авторитета в российском обществе. В этой агонии власть лихорадочно искала «виновников» внутреннего разложения общества, тех, кто препятствовал, по ее мнению, укреплению патриотического духа в борьбе с внешним врагом — Германией и ее союзниками. По стране прокатилась волна погромов против еврейского и немецкого населения, выходцев из стран, входящих в воюющий с Россией блок. Были арестованы или высланы из страны многие лидеры протестантских церквей и общин, закрыты молитвенные дома, вводился запрет на распространение религиозной литературы.

Но история распорядилась по-своему, и назревавший переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно.

Уже 23 февраля 1917 года в Петрограде появились первые признаки народных волнений. На следующий день мирные митинги уступили место первым вооруженным столкновениям с полицией. 25 февраля работа фабрик и заводов, занятия в учебных заведениях приостановились. Весь Петроград вышел на улицы. У здания Городской думы произошло крупное столкновение народа с полицией, а на Знаменской площади при таком же столкновении казаки приняли сторону народа, бросились на военную полицию и обратили ее в бегство. 26-го, в воскресенье, правительство приготовилось к решительному бою.

Центр столицы оцепили патрули, повсюду были установлены пулеметы. Однако это не устрасило толпу. В громадном количестве, со знаменами, люди ходили по улицам, собирались на митинги. С санкции правительства в возникающих столкновениях народа с полицией были пущены в ход пулеметы. Чтобы усилить полицию, часть солдат была переодета в полицейские шинели, что вызвало в полках Петроградского гарнизона волнения и чрезвычайное негодование и дало толчок к переходу на сторону восставшего народа.

В то время как в центре столицы устанавливали пулеметы, в здании Синода на Сенатской площади собрались его члены. Но не все смогли прибыть, не было и обер-прокурора Н. П. Раева. Вел заседание его заместитель князь Н. Д. Жевахов. Перед началом заседания он, обращаясь к первенствующему члену митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому), указал на происходящие революционные волнения и призвал выпустить воззвание к населению, с тем чтобы оно не только было прочитано в церквях, но и расклеено на улицах. Он призывал, настаивал, заклинал присутствующих не стоять в стороне от разыгрывающихся событий, выступить на стороне правительства, выпустить воззвание со словами вразумления к пастве, с грозным предупреждением к тем, кто посягает на веру, царя и отечество. Но предложение повисло в воздухе.

— Это всегда так, — помедлив, отвечал митрополит Владимир, — когда мы не нужны, нас не замечают, а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью.

Князь пытался настаивать, уговаривать, но иерархи заупрямились и с воззванием ничего не получилось. Никто из присутствовавших и не предполагал, на пороге каких событий стоят Россия, церковь, народ. Прошедшее

заседание Синода оказалось последним при царском режиме.

В последующие несколько дней монархия рухнула, уступая место спешно сформированному Временному правительству. Опубликованная им 3 марта декларация среди прочего обещала и религиозные свободы, сохраняя при этом прежний порядок государственного управления церковными делами: Святейший правительствующий синод и пост обер-прокурора — государственного контролера жизни церкви. Его занял член Государственной думы, председатель думской комиссии по церковным делам В. Н. Львов, сторонник октябристов.

4 марта в заседание Синода впервые явился Львов, объявивший об «освобождении» церкви от былой зависимости от самодержавия и заявивший, что отныне церковь вправе самостоятельно определить форму церковного самоуправления. А пока предложено было принимать к исполнению директивы правительства от обер-прокурора и через него же подавать в правительство просьбы и предложения. Тут же из зала вынесли стоявший многие годы у стены царский трон — символ прежней верховной власти. Эта сцена была тяжела не только для крайне консервативных членов Синода — митрополитов Макария (Невского), Владимира (Богоявленского) и Питирима (Окнова), но и для сравнительно умеренных и либеральных иерархов Сергия (Страгородского), Тихона (Белавина). «Сжигали» то, чему еще вчера поклонялись.

По инициативе Львова 6 марта Синод обнародовал послание, открывавшееся весьма характерными словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни». Под началом обер-прокурора Синод принял к сведению акты от 2 и 3 марта об отречении Николая II и Михаила Романовых от престола, предписал духовенству совершать молебствие

об «утешении страстей» и провозглашать «многолетие» «богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству». Тогда же рекомендовано было проводить уездные и епархиальные съезды с принятием резолюций в поддержку новой государственной власти, читать проповеди и поучения, устраивать внебогослужебные беседы приходских священников и правящих архиереев с паствой.

Через обер-прокурора Временное правительство намеревалось осуществить свою программу реформ государственно-церковных отношений. Предполагалось объявить амнистию по всем «религиозным делам»; отменить сословные и вероисповедные ограничения; обеспечить равенство религий, а также и граждан независимо от их отношения к религии; отменить обязательное преподавание в государственной школе Закона Божьего; передать в ведение Министерства народного образования церковно-приходские школы; снять ограничения на деятельность старообрядческих, римско-католических, униатских, протестантских, мусульманских, буддистских и прочих религиозных организаций.

Отношение к этой системе правительственных мер со стороны Синода, состав которого был утвержден еще Николаем II, было неоднозначным, скорее отрицательным, ибо рассматривались они как покушение на «первенствующее» и «господствующее» положение Русской церкви в государстве и обществе. Отсюда глухое сопротивление действиям обер-прокурора, стремление притормозить реформы. Да и на местах, как сообщали агенты Временного правительства, именно православное духовенство всячески противилось новым политическим и церковным веяниям, поминая за богослужением царя и держа себя так, как будто ничего и не случилось. В результате Львов в середине апреля решился пойти на роспуск

старого состава Синода и объявить созыв нового. Исключение было сделано лишь в отношении Сергея Страгородского.

...25 апреля архиепископ Сергей в синодальном храме возглавил молебен. Присутствовали вновь назначенные члены Синода, в том числе и представители от белого духовенства. После службы перешли в зал заседаний и сели за общий полукруглый стол. С его внешней стороны — архиереи, протоиереи; с внутренней, напротив, — Львов со своей свитой.

Первым заговорил обер-прокурор. Он просто метал громы и молнии, сообщая о «церковных нестроениях» и «дезорганизациях в церковной жизни». Обвинял Синод и православную церковь в анемии, нежелании идти навстречу демократическим изменениям, которых требует от них паства.

— Так вот, — завершал свою «погромную» речь Львов, — пока не окрепла демократия в церкви, пока не установились правильные отношения всех составляющих церковного организма, до тех пор, — сжатый его кулак с силой ударил по столу, — обер-прокурор не может не вмешиваться в жизнь церкви и не проявлять при этом даже некоторого самовластия.

После некоторого оцепенения, вызванного бунтарской речью обер-прокурора, вдруг со всех сторон понеслось:

— Превышаете полномочия! Не желаете считаться с мнением церковной общественности! Мы будем протестовать!

Встал со своего места и архиепископ Сергей. Достал свернутый вчетверо листок и принялся читать:

— «Мы повинемся воле Временного правительства и разъезжаемся по своим епархиям. Но мы заявляем протест...»

То был подготовленный членами Синода старого созыва текст заявления. В нем они выражали свое

недовольство и желали обратить внимание власти на произвол в отношении церкви. Уволенные иерархи поручили Сергию, как единственному оставшемуся в составе Синода, довести его содержание до обер-прокурора. Он продолжал читать:

— «Мы протестуем, поскольку созыв нового состава Синода неканоничен. Ибо и сами епископы в Синод должны избираться всем епископатом, а пресвитеры — всем духовенством. Этого нет, и потому мы протестуем».

Завершив, Сергей хотел было и от себя лично привести доказательства обоснованности претензий уволенных, но смог только произнести: «Господин обер-прокурор...» И тут же был грубо прерван Львовым. Все поняли, что отныне инициатива в деятельности Синода принадлежит не им, а, как это бывало и ранее, обер-прокурору. Им же оставлена незавидная роль марионеток, послушно исполняющих его указания.

Положение архиепископа Сергия весной — летом 1917 года было очень сложным. Он единственный из прежнего состава был оставлен, и этим подчеркивалось его особенное положение в епископате. Фактически он оказался в положении первоиерарха Русской церкви. Чаще всего именно он от имени членов Синода вступал в переговоры с обер-прокурором. Приходилось ему активно участвовать в разработке церковных материалов к реформе, возглавлять синодальные комиссии, принимать многочисленные делегации из епархий. Подчеркнем, что современники наиболее характерной чертой архиепископа считали именно способность уживаться с различными политическими течениями, идти при необходимости на компромиссы и тактические уловки, проявлять «законопослушание» и при этом умело отстаивать свои убеждения. Все эти качества в полной мере проявились в те месяцы, когда главной целью было подготовить созыв Поместного собора и надо было уступать претензиям Временного

правительства, поддерживать обер-прокурора и одновременно обеспечивать единство Синода, сглаживая противоречия как между различными группировками внутри него, так и между ними и обер-прокурором.

В отсутствие Львова, отправившегося в очередной раз в Москву, Синод решился продемонстрировать свою открытость реформам и объявил о проведении скорейших выборов на Петроградскую и Московскую митрополии. В Петрограде газеты писали: «Граждане Церкви! Идите в храмы, принимайте участие в выборах, созидайте обновленную церковную жизнь!»

В «Церковно-общественном вестнике» печатались биографии тех, кто выдвигался на Петроградскую кафедру. В очерке, посвященном Сергию Страгородскому, его убеждения, по мысли составителя, характеризовались как «церковно-прогрессивные». Подчеркивалось также, что «его простое, любящее сердце и его способность понимать душу человека объединяют вокруг него самые разнообразные элементы: и простого мужика или монаха из захолустья, и важного генерала, и старовера, и интеллигента. Это сочувствие всему искреннему и достойному, равно как и несчастному и озлобленному человечеству, всегда было в нем нелицемерно истинным, чуждым рисовки и политиканства».

С 11 мая 1917 года в каждом из действующих храмов Петрограда проходили собрания по выдвижению делегатов на епархиальный собор. Он открылся 23 мая в присутствии 1600 делегатов. Первый день его работы прошел в предварительных собраниях, на которых выдвигались и обсуждались кандидатуры. Всего их было названо одиннадцать: из епископов и белого духовенства. Включен был в список и архиепископ Сергей Страгородский.

24 мая в Казанском соборе после литургии и молебна началось предварительное голосование по кандидатам. Оно определило трех лидеров — епископ Гдовский Вениамин (Казанский) — 699 голосов, архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) — 398, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) — 364 голоса. При окончательном голосовании абсолютное большинство делегатов отдало предпочтение епископу Вениамину. Синод признал итоги выборов и возвел Вениамина в сан архиепископа. Месяц спустя на епархиальном собрании в Москве был избран на пост митрополита Московского архиепископ Тихон (Белавин).

...30 мая, как обычно, в 12 часов дня началось заседание Синода. Рассматривались накопившиеся телеграммы и обращения правящих иерархов о переводах и увольнениях на покой, о конфликтных ситуациях между епископами и духовенством в епархиях. Медленно, тягуче шло обсуждение документов по бракоразводным вопросам. И когда казалось, что подошел конец затянувшемуся заседанию и синодалы предвкушали хоть и небольшой, но отдых, в зал буквально влетел Львов. Тут же, с ходу, он призвал всех остаться для экстренного заседания. Заинтригованные члены Синода снова расселись по своим обычным местам.

— Хочу дать отчет о поездке в Москву, — начал обер-прокурор. — Вы знаете, что там состоялся всероссийский духовно-педагогический съезд. И все бы прошло хорошо, но в окончательных решениях съезд превысил свои полномочия. А именно: утвердил необходимость передачи епархиальных училищ в ведение Министерства народного образования, а еще реформировать Учебный комитет Синода, введя туда кроме лиц, избираемых Синодом, представителей съезда. Я думаю, что вопросы эти должны были быть первоначально обсуждены в нашем заседании, а затем

рассмотрены на Всероссийском съезде клира и мирян, а уж потом мы могли бы выслушать мнение педагогов. Но свершилось то, что свершилось, и нам надо реагировать на столь неприятный инцидент.

Слушающие обер-прокурора недоуменно переглядывались, поражаясь его словам и пафосному негодованию в защиту церковных школ. Всем была уже известна речь, произнесенная обер-прокурором на том собрании. Его слова, объяснявшие все и вся: «Пора, давно пора передать в ведение Министерства народного образования не только женские училища, но и семинарии и мужские училища. И дело это неизбежное, так как власть ни гроша не даст на духовно-учебные заведения», — были буквально на слуху у всех. И вот сейчас их делано-крикливо убеждали в обратном. «Что это, — думали синодалы, — непоследовательность, легкомысленность? Но может ли нечто подобное позволять себе человек, которому поручено быть блюстителем церковных интересов?»

Как оказалось, то была увертюра к главному, что хотел донести Львов до синодалов. Таким же кавалерийским наскоком он предложил тотчас реформировать Синод. Распустить нынешний его состав как не имеющий должного авторитета и избрать новый на предстоящем в середине июня московском Всероссийском съезде духовенства и мирян. Столь экстравагантный ход вызвал бурю эмоций. Обычно спокойный и несколько флегматичный архиепископ Платон (Рождественский), экзарх Грузии, с необычной для него твердостью буквально выкрикнул:

— Данное ваше заявление вынуждает всех нас тотчас же сложить полномочия. Мы не считаем себя подлежащими переизбранию со стороны Всероссийского съезда. Мы можем подчиниться лишь воле Временного правительства.

— Обер-прокурор, — подхватил протоиерей Филоненко, — использовал нас, чтобы в критическую минуту церковной разрухи заткнуть образовавшуюся брешь в церковном корабле, а затем вышвырнуть, как ненужный материал, за борт.

Спор разгорелся нешуточный. И со стороны других членов Синода в адрес обер-прокурора последовали обвинения в неискренности, коварстве, нежелании вести кропотливую работу по подготовке Собора, превышении, в который уже раз, своих полномочий, в авантюризме его церковной политики, чреватой тяжелыми последствиями для понемногу налаживающейся церковной жизни. Единодушно отвергая домогательства обер-прокурора, члены Синода подчеркивали, что болеют не за себя и свои личные интересы, а за права и достоинство Синода. По нахмуренному лицу Львова было видно, что реакция присутствующих была для него неприятной. Но помощь пришла к нему с неожиданной стороны.

— Я вполне понимаю намерения обер-прокурора и всячески готов разделить с ним усилия по обновлению церкви, — негромко, но отчетливо заявил вдруг архиепископ Сергей. Все повернули головы в его сторону, на лицах читалось недоумение... — И не понимаю, — продолжал Сергей, — почему мы должны противиться. Нам же неприлично даже отстаивать неизменность нынешнего состояния. Ведь мы сами к нему руку приложили. И наше упорство выглядит личностным.

Услыхав такое, Львов заметно приободрился, тогда как члены Синода поникли, обескураженные «ходом» Сергея. Однако Львов не решился «дожимать» синодалов и, поразмыслив, заявил:

— Сожалею, но из всех вас один только архиепископ Сергей не обуреваем личностными страстями, затмевающими необходимость назревших изменений.

Но, не желая идти на конфронтацию, стремясь доказать свою лояльность церкви, я снимаю свое предложение.

6 июня, во вторник, члены Синода почти в полном составе собрались в зале заседаний. Предложенная повестка была очень насыщенной. Сначала рассматривали заявление съезда петроградского духовенства о возведении в сан петроградского митрополита вновь избранного на эту кафедру архиепископа Вениамина. Затем заслушали заявление съезда ярославского духовенства, выразившего недоверие своему правящему иерарху архиепископу Агафангелу (Преображенскому) по причине его «сановитости», «недоступности» и «покровительства бюрократам».

Дошла очередь и до заявления от делегации духовенства от Владимирской епархии. Ее члены решительно потребовали увольнения архиепископа Алексия (Дородницына), указывая, что в противном случае эксцессы и рознь будут необычайные. И теперь уже, говорили они, в некоторых храмах перестали поминать архиепископа, а там, где его имя поминают, ширятся протесты со стороны богомольцев. В конце концов делу помогло поступившее от самого смещенного владыки прошение. Он сообщал, что приехать в Петроград не может по болезни, а потому просил дать ему двухмесячный отпуск, а потом уволить на покой. На том и порешили.

Затем заговорили о поездке архиепископа Платона в Киев. Она мыслилась как расследование «украинофильского движения», раскалывающего единство Российской церкви, и как попытка усилить организацию борьбы с пропагандой униатства.

— Так что же делается! — говорил Платон. — Шептицкий, митрополит униатский, открыто ведет пропаганду среди православных не только в Галиции, но и в православных епархиях внутренней России, а

Временное правительство официальный титул униатского митрополита в Юго-Западной России ему присвоило.

Платона поддержали и другие, наперебой стали предъявлять дополнительные претензии. Преосвященного Сергия как председателя Миссионерского совета просили обратить особое внимание на пропаганду католичества в Петрограде, где, по мнению многих, униаты устроили крестный ход, затмивший все предшествовавшие православные ходы. Предлагались конкретные ответные действия: совершить специальную поездку в Киев, чтобы там организовать активную православную пропаганду и решительно противостоять униатам; созвать на Юге России съезд епископов для организации борьбы с униатством.

Как видим, взаимоотношения Синода с обер-прокурорской властью были достаточно остры и чреваты конфликтом. Но все же обе стороны понимали необходимость шагов навстречу Поместному собору. Постановлением Синода от 8 мая вся подготовительная работа была возложена на Предсоборный совет.

Уже 12 июня в Синодальной церкви состоялся молебен под возглавлением архиепископа Сергия по случаю открытия заседаний совета. В синодальном зале заседаний впервые собрались съехавшиеся члены совета. Выступая перед ними, Сергей напомнил о предыдущих работах Предсоборного присутствия и Предсоборного совещания и назвал открывающиеся заседания Предсоборного совета третьей попыткой на пути к Поместному собору. Он призывал присутствующих отбросить всякие колебания, решительно взяться за работу, поскольку Собор, как он выразился, «при всем его мистическом величии есть явление для Церкви повседневно необходимое, есть

условие ее нормальной жизни, без которого она не может жить, как нельзя жить без пищи и воздуха».

В состав совета были делегированы не только представители иерархии, клира, ученой корпорации, но и представители «общественных слоев». Образованы были десять отделов по подготовке проектов различных соборных документов по тем или иным аспектам реформы. На архиепископа Сергия легло бремя общего руководства работой совета, и кроме того, он председательствовал и выступал с докладами на наиболее важных заседаниях. Так было, к примеру, когда обсуждался его доклад о высшем церковном управлении. Примечательно, что в новых политических условиях и при антимонархических настроениях вместо патриарха в документах мыслился некий вновь учреждаемый коллегиальный орган, а патриаршество преподносилось как дело «противохристианское», противоречащее «духу соборности». Очевидно, в этом проявилась «дипломатия», ибо отказ от восстановления патриаршества, как казалось членам Предсоборного совета, создавал наиболее благоприятные для церкви в глазах правительства условия к разрешению проведения Поместного собора.

Нешуточная борьба разгорелась в Предсоборном совете относительно устройства высших органов церковной власти. Меньшая часть членов совета настойчиво выступала за наличие лишь одного органа — Священного синода. Причем мыслилось, что в его составе епископат будет представлен в заведомом меньшинстве, и тем самым мнение епископата фактически не имело какого-либо значения при решении дел в Синоде. Большинство пыталось отстоять идею двухпалатной системы управления: из Священного синода и Высшего церковного совета, дабы епископы могли самостоятельно обсуждать и выносить свое коллегиальное решение. Председательствовавший на

том заседании архиепископ Сергей отстаивал вариант большинства. Он был убежден, что возрождение церкви невозможно без участия иерархии, а потому лишать ее влияния на управление церковной жизнью недопустимо. «Мы настаиваем, — говорил Сергей, — чтобы русский епископат имел свое представительство в лице Священного синода, откуда исходили бы, например, благословения и другие чисто иерархические решения как от лиц, имеющих на то божественное право. От этого права мы отказываться не можем, и церковь с нас этой обязанности никогда не снимет, пока она православная церковь». Во многом благодаря твердости архиепископа Сергея Предсоборный совет согласился с его точкой зрения. Ее правильность подтверждена была и позднее, теперь уже на заседаниях Поместного собора, утвердившего высшие церковные органы управления в лице Священного синода и Высшего церковного совета.

Остроту тогда набирал и вопрос о церковно-приходском имуществе, месте священника в управлении хозяйственными делами общины. И вновь Сергей предлагал иные, чем прежде, пути разрешения как уже существующих, так и неизбежных в будущем конфликтов. Ссылаясь на апостольские времена, он указывал, что если есть недовольные распоряжениями пастырей, то надо предоставить самим христианам управлять приходскими хозяйственными делами. «Раз нам не доверяют, — заключал он, — сами хотят все контролировать, мы тотчас же отказываемся от всяких внешних хозяйственных дел, но наше служение, „служение слова“, остается при нас».

Предсоборный совет заседал в обстановке углубляющегося кризиса Временного правительства, обостряющейся борьбы между различными социальными силами и движениями, политическими партиями. Митрополит Евлогий (тогда архиепископ Волынский)

спустя 30 лет так описывал обстановку, в которой работал совет: «Наша работа протекала в тревожной, накаленной атмосфере. Помню, 3 июля, не успели мы прийти на заседание, раздался пулеметный треск: тра-та-та... тра-та-та... Смотрим в окно — толпа народу... Рабочие, работницы, красные флаги. Крик, шум, нестройное пение „Интернационала“... По тротуарам бегут испуганные прохожие, мчатся грузовики с вооруженными до зубов людьми. Доносятся ружейные выстрелы. Члены нашего собрания нервничают. Кричат председателю архиепископу Сергию: „Закройте! Закройте заседание!“ Но он спокойно возражает: „Почему нам не работать?“»^[34].

Работа продолжалась, и даже прибывшие с Васильевского острова архиереи, с большим трудом добравшиеся до Литейной, своими бледными расстроенными лицами не поколебали хладнокровия председателя. Так под треск пулеметов и выстрелов в этот день работал Предсоборный совет.

И все же, опасаясь непредсказуемости политической ситуации, Синод вечером 5 июля утвердил место проведения и скорейшую дату начала работы Поместного собора — 15 августа в Москве. Одновременно к участию в Соборе приглашались епископы, клирики и миряне, которые избирались на епархиальных собраниях. Члены Собора выдвигались также от армии и военного духовенства, от монастырей и духовных академий, от университетов и Академии наук, от Государственной думы и Государственного совета.

Как показали первые выборные собрания, приходское духовенство, увлекшееся было в первые месяцы революционной новизной, в июле испытало уже достаточно испуг от духа революции и избирало из своей среды делегатов умеренных и правонастроенных.

На Поместный собор...

На Московском вокзале Петрограда царило обычное оживление. Толпы приезжающих и отъезжающих, встречающих и провожающих. Снующие между людьми ловкие носильщики, разносчики всякой снеди и товаров, проводники, машинисты, нестройные солдатские ряды, крестьяне с заплечными мешками, спешащие по своим делам мальчишки. Разноголосый шум и гул. Казалось, каждый занят своим собственным делом и в этой занятости не замечает происходящего вокруг. Но все же в этой толпе возбужденных лиц нельзя было не обратить внимание на несколько десятков людей, собравшихся и деловито что-то обсуждавших возле одного из вагонов скорого поезда Петроград — Москва. То были делегаты от Петроградской епархии на открывающийся вскоре в Москве Поместный собор, а также члены завершившего свою работу Предсоборного совета и Святейшего синода — архиепископы, епископы, протоиереи, священники, миряне, профессора и преподаватели духовных учебных заведений. Был в этой группе и архиепископ Сергей Страгородский.

Вот, наконец, проводник объявил об отправке поезда. Последние прощальные слова, пожелания, напутствия, возгласы. Еще немного, и поезд тронулся.

Ближе к вечеру архиепископ Сергей пригласил к себе в купе ехавшего в том же вагоне протоиерея Успенского собора Московского Кремля отца Николая Любимова. Сергей припомнил, что в суете перед отъездом он не смог поговорить с ним во время заседания Синода, хотя тот и просил его об этом. Теперь Сергию хотелось загладить свою неловкость.

— Отец Николай, простите великодушно, что не удалось нам переговорить. Но сейчас обстановка вполне к тому располагает. До второй столицы ехать и ехать. Побеседуем?

— Ну что вы, владыко, это я как-то упустил из виду... Последний петроградский день... хлопоты перед отъездом.

— Так что у вас за дело ко мне? — спросил архиепископ.

— Получил я письмо от протоиерея Иоанна Восторгова. Просит он моего ходатайства перед Синодом о назначении его в какую-либо миссию нашей церкви: Японию, Китай, Корею, Америку или даже в Австралию. Вы, владыко, председатель Миссионерского совета, вот я и подумал, что только вы и можете ему помочь.

— О, не сомневайтесь, я всецело в вашем распоряжении. И чем могу — помогу. Ведь, право, таковых проповедников и праведников, как отец Иоанн, у нас немного, и пренебрегать им нам грешно. Особенно при теперешнем безлюдье. Правда, непосредственно этим делом смогу заняться лишь после начала Собора. Давайте условимся вернуться к разговору через пару недель.

Сергию не хотелось заканчивать разговор неопределенными обещаниями. Хотя в последние четыре месяца они вместе заседали в Синоде, участвовали в обсуждении различных общественно-церковных вопросов, но близости между ними не установилось. Воспользовавшись представившимся случаем, Сергей желал растопить холодок официальных отношений с протоиереем Николаем Любимовым. Тем более в Москве, куда они сейчас направлялись, он был уважаемым и известным человеком, и от него зависело разрешение множества практических проблем открывающегося Собора. Да и интересно было узнать, что называется, из первых рук о проблемах церковной жизни в Москве, о переменах, происшедших весной и летом текущего года.

— Отец Николай, уважьте, что в Москве? Газеты расписали февральские события, да разве им можно верить?!

— Бурлила Москва весной... Не было популярнее слов, чем «свобода», «республика», которые буквально пьянили людей. Митинги, собрания, толпы празднующихся людей в центре города. Все приветствовали друг друга, украшали себя красными бантами, раскупали и одаривали друг друга бронзовыми медальонами с изображением «Свободной России». На улицах, в общественных местах, на зданиях — трехцветные имперские флаги заменились красными. Они же объявились в военных частях, расквартированных в столице.

— Похоже, похоже, как и у нас в Петрограде... И сразу всплыли на поверхность либеральные батюшки, примкнувшие к революции и громко заговорившие о церковных реформах?

— Да, так. Молодые монахи и либеральные батюшки неизвестно чему радовались и ходили гоголем, точно их рублем одарили. Но вот монастырские старцы и маститые отцы протоиереи, поседевшие в консисторских интригах, вели себя уклончиво, сумрачно отмалчивались. Тогда как мелкая челядь дерзала: пела под пьяную руку революционные песни, ходила на митинги, даже «выступала» на них перед жадно глазевшим столичным сбродом, требовала «освобождения» церкви от «темных сил», удаления отовсюду тех, кто запятнал себя связями с Гришкой Распутиным, с царской фамилией.

— Потому-то и требовали смещения владыки московского Макария? Кстати, где он и как живет у него?

— Сообщали мне, что обосновался он в Троице-Сергиевой лавре. Внешне вроде бы устроился, успокоился. Хотя слухи ходят, что интригует старец-митрополит против вновь избранного московского

ладыки Тихона. Намеревается передать в Собор просьбу о пересмотре решения Синода о своем увольнении как принятого под давлением «бесноватого» обер-прокурора Львова.

— Да-да... Твердый старец. Трудненько, наверно, архиепископу Тихону?

— Трудновато... ибо всё в Москве ему неизвестно. Да и Москва не знает его. Епархиальный съезд в июне поддержал его не столько за заслуги, сколько в пику Самарину и его группировке, продвигавшей того в епископы. Не захотели батюшки власти над собой бывшего обер-прокурора, светского в общем-то человека, хотя бы и принял он монашество. Хотели своего... духовного... монаха...

— Помнится, вы в Синоде призывали рассмотреть вопрос о ситуации в Успенском соборе, о «нестроениях» говорили?

— Эх,ладыко, какие там нестроения, теперь о надвигающейся беде кричать надо. Ходил в Петрограде я по инстанциям разным, поскольку Львов этот вопрос в Синод не пропустил. Просил денег, ибо казна-то денег не дает, а надо же ремонтировать, реставрировать, топливо заготавливать да и клир содержать. Теперь вот узнал, что в Москве ходят слухи и разговоры разные, что соборы Кремля собираются передавать в ведение и на попечение Московской епархии, то есть и Успенский собор, и причт лишены будут всяких субсидий и казенного жалованья. И уж совсем страшные слухи ходят о готовящемся изъятии мощей, о террористических акциях на территории Кремля.

— В это просто не верится, отец Николай. Прямо апокалиптические ужасы, да и только.

— Верить не верить... но я на всякий случай к московским властям с ходатайством обратился, чтоб охрану не снимали, а усилили.

— Вот это верно. В Успенском соборе да и на территории Кремля запланированы все основные торжества по случаю открытия Собора, и соборяне, и публика будут ходить, а тут такие угрозы.

За разговором время летело незаметно. Уже и лампу проводник принес, и чай горячий в очередной раз поставил на стол. А расходиться собеседникам, вдруг почувствовавшим взаимную симпатию друг к другу, не хотелось. Да и о многом еще нужно было поговорить. Но делать нечего: предстоящий день в Москве обещал быть очень напряженным, и надо было к нему готовиться. Собеседники договорились не терять друг друга из виду и разошлись.

В середине наступившего нового дня поезд прибыл на Николаевский вокзал второй столицы. Архиепископ Сергей и протоиерей Николай Любимов вместе вышли на привокзальную площадь. Здесь их уже ждали. Тепло попрощались, и Любимов поехал в Кремль, а архиепископ Сергей — на подворье Валаамского монастыря, что вблизи Брестского вокзала. По многолетней привычке здесь он останавливался, бывая в Москве. Место было удобное во всех отношениях: несколько отдаленное от кипящего страстями центра города, хотя и очень близко ко всем основным городским транспортным артериям, предполагаемым местам проведения Собора и размещения его членов и гостей. Немаловажным обстоятельством было и то, что на подворье поддерживался почти в неизменном виде комфортный быт и порядок для проживающих.

Время, что оставалось до открытия Собора, прошло для Сергея Страгородского в крайнем напряжении. Как член Синода, он участвовал в бесконечных заседаниях, посвященных тем или иным вопросам Собора, редактировал выносимые на Собор документы, правил послания и приветствия, речи и тезисы. Особо хлопотным был вопрос о размещении участников

Собора, которых предварительно насчитывалось более пятисот человек.

Перво-наперво Сергей посетил Московскую духовную семинарию на Божедомке. Студенты были на каникулах, и все здание передавалось соборянам. Здесь были обустроены общежития для священников. Епископам отводились отдельные классные комнаты, разделенные временными перегородками, так что получались вполне комфортные отдельные помещения для двух-трех человек. Питание было общим для всех в столовой семинарии. Только для епископов сделали исключение: выделили им небольшую отдельную комнату.

В Лиховом переулке Сергей проинспектировал Епархиальный дом. Он располагался в десяти минутах ходьбы от семинарии, что было весьма удобно. Рабочие заседания Собора должны были проводиться в большом, светлом и величественном зале Епархиального дома, к тому же обладавшем прекрасной акустикой. В противоположном от входа конце зала был устроен алтарь, отделявшийся раздвижной перегородкой, которая, как предполагалось, будет всегда открытой, и само заседание Собора должно было напоминать священнодействие. На солее уже были расставлены кресла для архиереев. Впереди них — столы, покрытые зеленым сукном, — для президиума. Перед ними амфитеатром разместились стулья для остальных членов Собора.

В самом начале августа на Валаамское подворье на имя Сергия Страгородского пришла телеграмма, извещающая о начале чрезвычайного епархиального съезда во Владимире. Сергей, который ранее выразил свое желание избираться среди других на пост управляющего епархией, вынужден был незамедлительно покинуть Москву.

Глава III

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 1917-1918 ГОДОВ

Москва. Кремль. Собор открыт!

15 августа, в день праздника Успения Божьей Матери, начались церковно-общественные мероприятия, приуроченные к открытию Поместного собора. С раннего утра из московских церквей потянулись крестные ходы в центр города. На Красной площади собралась многотысячная толпа — лес хоругвей, икон, крестов, многоголосное пение, напряженное ожидание.

Утром этого же дня архиепископ Сергей совершал раннюю литургию в Чудовом монастыре. А затем, как и сослужившие ему, и богомольцы, вместе со всеми устремился на Соборную площадь, в Успенский собор Кремля. К Успенскому собору было не пробиться, но Сергея вместе с другими прибывшими архиереями протоиерей Николай Любимов проводил в собор через алтарь. В храме они занимали места на особо устроенном возвышении. Среди восьмидесяти епископов, впервые после двухсотлетнего «пленения Церкви» собравшихся вместе, выделялись белые клобуки четырех митрополитов: Владимира Киевского, Платона, экзарха Кавказского, и двух новоизбранных — Московского Тихона и Петроградского Вениамина. Последние недели свои белые клобуки (знаки митрополичьего отличия) лишь накануне, после того как Временное правительство особым законодательным актом отказалось в пользу Синода от доставшейся ему по наследству царской привилегии жаловать белые

клобуки и митры. Свое место среди архиереев занял и Сергей, новоизбранный архиепископ Владимирский и Шуйский.

Из членов Временного правительства присутствовали премьер-министр А. Ф. Керенский, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр исповеданий А. В. Карташев. От Государственной думы — ее председатель М. В. Родзянко. Много было представителей дипломатического корпуса, российской и зарубежной прессы.

После окончания литургии митрополит Киевский Владимир огласил с амвона грамоту Синода об открытии Всероссийского церковного собора. Присутствующие хором пропели Символ веры. Мощный хор нескольких сотен мужских голосов создавал особое настроение и молитвенный подъем. Затем через западные двери с песнопениями, парами, при трезвоне Ивана Великого и всех кремлевских церквей, духовенство медленно прошествовало в Чудов монастырь на поклонение мощам митрополита Алексия. Соборная площадь Кремля представляла собой живописное зрелище. Широкой лентой, в два ряда, ее опоясывал церковный народ. Народом же были полны ярусы колокольни Ивана Великого, колокола которого торжественно гудели над Москвой. Золотым ручьем лилось из храма духовенство в праздничных одеждах. Впереди несли святыни Успенского собора. Людская толпа, увидав в процессии среди иерархов Керенского, устроила ему овацию и разразилась громовым «ура» возможному «спасителю России». Из Чудова монастыря все проходили в Николаевский дворец, выйдя из которого направлялись к Спасским воротам и через них вступали на Красную площадь. Она к этому времени уже была запружена народом, пришедшим со своими крестными ходами от всех московских церквей. Словно непрерывные живые стены тянулись от Спасских ворот до Никольских, и

между ними, как по широкому коридору, двигался крестный ход Всероссийского церковного собора, встречаемый и сопровождаемый церковными песнопениями. Через Никольские ворота он вернулся обратно в Успенский собор. Чуть позже на Лобном месте Красной площади был отслужен особый праздничный молебен.

На следующий день в храме Христа Спасителя, где должно было состояться праздничное богослужение, собралось море народа. Посреди храма, от архиерейского амвона, на котором стоял ряд табуретов, покрытых парчой, тянулись до солеи два ряда скамеек с проходом посередине, покрытых красным сукном. На солее у правого клироса возвышалась кафедра для ораторов.

Величественную, незабываемую и совершенно необычную картину являл собой громадный храм Христа Спасителя, когда по окончании литургии и молебна под возглавлением митрополита Московского Тихона из алтаря через Царские врата начали выходить попарно святители Русской земли в омофорах и митрах, в фиолетовых мантиях, мелодичные звонцы которых только и нарушали наступившую тишину, и занимать по старшинству места на скамьях и на архиерейском амвоне. Во всем храме стоял народ густой и плотной толпой.

Когда все заняли свои места, на ораторскую кафедру стали подниматься один за другим разные лица, приносившие поздравления Собору. Первым от имени правительства приветствовал собравшихся А. В. Карташев, пафосно закончивший свою речь словами: «Осеняю себя вместе с вами широким православным крестом». Далее последовали приветствия в адрес открывшегося Собора от Синода, Московской митрополичьей кафедры, различных

церковных учреждений, академий, университетов, корпораций, армии, флота и проч. и проч.

Пока продолжались приветствия, взгляды многих были обращены на странную фигуру, что стояла на солее возле Царских врат, — господина в узком домашнем пиджаке, в небрежной позе и засунутыми в карманы руками. Он все время оглядывался по сторонам, бесцеремонно, будто у себя дома, разглядывая молящихся. Это был В. Н. Львов, бывший обер-прокурор, не без стараний которого открылся Поместный собор.

Собор открылся в сложной политической обстановке. К тому же и общественные настроения были далеко не в пользу Собора. Авторитетная в то время газета «Русские ведомости» констатировала «упадок веры», отсутствие интереса в обществе к Церковному собору, падение авторитета Русской церкви, в которой преобладали «мертвая обрядность и полицейские репрессии». Тому причиной, утверждалось в прессе, был тот факт, что «православное духовенство занимало привилегированное положение, но его нравственный авторитет среди населения пал до чрезвычайно низкой степени. Наверху стояли бесконечно далекие от мирян епископы, на которых бросила свою тень распутинщина, а внизу — „попы“, к которым народ относился с явной враждебностью» ^[35].

17 августа в здании Епархиального дома (Лихов переулок, 6) члены Поместного собора приступили к деловым заседаниям. Председателем Собора был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (Белавин), а его заместителями — архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий) и Харьковский Антоний (Храповицкий); протопресвитеры Успенского Кремлевского собора Николай Любимов и армии и флота Георгий Шавельский; а также Е. Н. Трубецкой и М. В. Родзянко. Сергей сразу же оказался среди тех, кто

«заводил пружину» Собора, возглавив один из отделов Соборного совета — органа управления собора.

Особое внимание соборян, церковной и светской прессы привлекала деятельность Отдела по реформе высшего церковного управления. Здесь вновь, как и в предшествовавшие Собору месяцы, ожесточенно и яростно повелись дискуссии о восстановлении патриаршества. Причем острота и основательность, с которыми отстаивали свои позиции сторонники патриаршества, фактически перечеркивали подготовленные накануне проекты общецерковных документов, ориентированные на то, чтобы поставить во главе церкви «коллегиальный орган». В соборных заседаниях при обсуждении этого вопроса страсти продолжали бушевать, и трудно было отдать предпочтение сторонникам или противникам восстановления патриаршества, трудно было предугадать, к какому же решению придет Собор.

Хотя в центре внимания Поместного собора с момента его открытия были вопросы собственно «церковного обновления», однако его деятельности был присущ и вполне определенный политический характер. В принятых Собором в августе-октябре посланиях и обращениях к «народу русскому», «армии и флоту», «чадам Православной Церкви» и других церковь заявила о своей поддержке Временного правительства, призывая верующих «без различия положений, сословий и партий» участвовать в «новом строительстве жизни русской».

Но эта «новая русская жизнь» складывалась совсем не такой, какой она представлялась гражданским властям и соборному большинству. В дневнике служащего Московской синодальной конторы А. И. Денисова она предстает следующим образом: «Поражения на войне. Дезертиры. Беженцы. Аграрные волнения, пожары, грабежи, убийства. Вскликивание цен, дефицитные товары, денежный кризис, полнейший

внутренний развал. И при этом из Петрограда несутся истерические крики: „До победного конца!“... Керенский появляется то тут, то там. В одном месте кричит, в другом — молчит. Душная атмосфера никчемной суетливой безалаберщины. Вырисовывается фигура Ленина. Чувствуется приближение какого-то решительного поворота событий. Весь этот кошмар должен как-то распылиться, рассеяться, разрушиться, как леса строящегося дома.... Наступает октябрь. Кошмар принял затяжную форму. Развал усилился донельзя. Россия трещит по швам. Автономия Польши. Самостийность Украины. Новоявленные кратковременные республики в Сибири, Поволжье, на Черном море. Немцы в России. Отчаянная борьба партий. Полная компрометация Временного правительства: его авторитет никем уже не признается»^[36].

Осенью 1917 года церковь активно включилась в политическую жизнь страны, ведя усиленную полемику с социалистическими партиями, призывая верующих отдавать голоса на выборах в Учредительное собрание за «православномыслящих» и «церковно настроенных» граждан. Официальное издание Собора «Всероссийский церковно-общественный вестник» на своих страницах так, к примеру, характеризовал все более набиравших силу большевиков: «Что такое большевизм? Это смесь интернационалистического яда со старой русской сивухой. Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, подкрепляемых кучей германских агентов. И давно пора этот ядовитый напиток заключить в банку по всем правилам фармацевтического искусства, поместить на нем мертвую голову и надпись „яд“»^[37].

Но ощутимого успеха церковь не имела. Недаром на страницах светской и церковной печати отмечалось, что избиратели отдавали свои голоса, ориентируясь не

столько на вероисповедание кандидатов, сколько на их политическую программу. И здесь лидерство явно захватили представители партий социалистической ориентации, что в дальнейшем подтвердили и окончательные итоги выборов в Учредительное собрание.

Да и на заседаниях Собора неоднократно звучали слова о все большем «отдалении» крестьян и рабочих от религии и церкви. Эмиссары Собора, развозившие религиозно-церковную литературу, воззвания и обращения Собора по воюющим войскам, с особым сожалением рассказывали об охлаждении религиозно-патриотического чувства у солдат.

...Наступил день 25 октября 1917 года. На утреннем пленарном заседании Собора продолжился горячий спор по вопросу о восстановлении патриаршества. Выступали и те, кто «за», и те, кто «против». Среди последних был и профессор Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев, который говорил об «опасностях», подстерегающих церковь и страну в случае восстановления патриаршества. К сожалению, к его словам не прислушались, тогда как некоторые из них оказались провидческими. В частности, обращаясь к «патриархистам», он говорил: «Вы вводите патриаршество в то время, когда готова начаться борьба Церкви с государством. В лице патриарха вы хотите иметь предводителя в этой борьбе. Но ведь если будущий патриарх примет вашу программу, ему ничего не останется, как сделаться вождем определенной политической партии, чего-то вроде католического центра в Германии. Другими словами: учреждение патриаршества может повести за собой рост того явления, которое называется клерикализмом. Не знаю, как вы, но мы считаем это явление столь же вредным для Церкви, как и для государства, а потому опасаемся вводить институт, чреватый такими последствиями. Но и

это не всё. Вы учреждаете патриаршество в такой момент нашей истории, когда новые формы нашей государственной жизни еще не определились. Во всяком случае, центробежные течения у нас теперь неизмеримо сильнее центростремительных, и возможность превращения нашего государства в федеративную республику или, по крайней мере, в республику, состоящую из ряда автономных областей, не исключается. Вы думаете, что патриаршество послужит к объединению России не только в церковном, но и в политическом отношении, а мы думаем, совсем наоборот: мы думаем, что патриаршество только усилит действие сил центробежных»^[38].

В конце пленарного заседания приехавшие из Петрограда члены Собора сообщили о штурме Зимнего и низложении Временного правительства, о переходе политической власти в руки Всероссийского съезда Советов — единственного на тот момент из оставшихся легитимных органов власти в стране; о его первых декретах о мире и о земле, о формировании первого временного советского правительства.

В работе Собора объявлен был перерыв.

Вооруженное восстание в Москве

К вечеру 25 октября уже вся Москва знала о событиях в Петрограде, о победе большевиков. Волна митингов, демонстраций, собраний прокатилась по заводам и фабрикам, учебным заведениям и воинским частям. Толпы людей вышли на улицы, потянулись в центр города. То здесь, то там возникали стихийные митинги. Из рук в руки передавались дошедшие из Петрограда газеты, а также московские социал-демократические издания с сообщениями о революции. На городских площадях появились автомобили, с которых разбрасывались листовки с лозунгами: «Да

здравствует власть революционного пролетариата!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует пролетарско-крестьянская республика!».

В городе сформировались два центра власти. С одной стороны — Комитет общественной безопасности при Городской думе во главе с эсером В. В. Рудневым и командующим Московским военным округом полковником К. И. Рябцевым. К зданию Городской думы, где заседал этот орган, подтягивались офицеры, прапорщики и юнкера, оставшиеся верными Временному правительству.

С другой стороны — Совет рабочих депутатов и Военно-революционный комитет, разместившиеся в бывшем доме генерал-губернатора на Скобелевской площади. Сюда с рабочих окраин двинулись отряды Красной гвардии и добровольцев, по пути занимая почту, телеграф, телефонную станцию.

В ночь на 26 октября верные Рябцеву войска перешли в наступление. Продвигаясь к Кремлю, в районе Гостиного двора они первыми открыли огонь по отрядам противостоявших им сил, которые понесли серьезные потери. По сути, именно эти военные действия развязали последующие ожесточенные столкновения в Москве. Затем юнкера блокировали Кремль, где в заложниках оказались отряд красногвардейцев и солдаты 56-го пехотного полка, заняли Манеж и прилегающие к центру города улицы и площади. Москва была объявлена на военном положении. Военно-революционному комитету был предъявлен ультиматум сдать оружие и прекратить противодействие правительственным силам. Но поскольку он был отвергнут, началась осада Кремля. Раздались ружейные и пулеметные выстрелы, вновь пролилась кровь. Войскам полковника Рябцева удалось проникнуть в Кремль, где они жестоко расправились с солдатами и красногвардейцами, расстреляв

безоружных пленных и свалив трупы в общую яму. Информация об этом просочилась за стены Кремля, вызвав гнев и ожесточение среди большевиков и им сочувствовавших.

Епархиальный дом, где проходили заседания Собора, и здание духовной семинарии, где жили члены Собора, оказались в зоне непосредственного вооруженного столкновения. К тому же немало иерархов и священников жили в Кремле при различных церковных учреждениях, и теперь они фактически были блокированы там. В таких условиях соборяне не могли собираться на пленарные заседания, деятельность Собора была парализована.

Лишь утром 28 октября, хотя и не в полном составе, соборяне смогли собраться вновь. Главным вопросом, поставленным на обсуждение, стало восстановление в Русской церкви патриаршества. В ходе непростой дискуссии сторонникам патриаршества удалось убедить присутствующих прекратить прения и перейти к обсуждению практических мероприятий по восстановлению патриаршества.

30 октября в ходе пленарного заседания предполагалось обсудить лишь один вопрос: о порядке избрания патриарха. С мест слышались голоса:

— Соблюдайте регламент, дайте слово и тем, кто «за», и тем, кто «против» предложения.

На кафедру взошел профессор Киевской духовной академии Ф. Мищенко:

— Я нахожу, что сегодня нецелесообразно приступать к избранию патриарха. Это крупнейшее не только церковное, но и политическое событие... Выбор патриарха — вернейший шаг к отделению церкви от государства. Мы не должны действовать очертя голову, иначе произойдет церковный раскол. Я призываю владык не делать необдуманного шага.

От имени тех, кто подписал заявление о прекращении прений и немедленном избрании патриарха, выступил член Московского окружного суда П. И. Астров. Он с места в карьер буквально закричал:

— Нельзя ждать, формальные условия для правильности выборов налицо! И раз так, то мы обязаны сделать этот шаг и не вправе отказаться от него.

Эмоциональное возбуждение, казалось, вновь стало охватывать соборян, что грозило новой волной дискуссий и затягиванием решения. Почувствовав это, председательствующий митрополит Тихон решил взять инициативу в свои руки:

— Сообщаю членам Собора, что кворум для голосования есть. Позвольте поставить на голосование один вопрос: приступить ли сегодня к выборам патриарха? Прошу тех, кто не желает, чтобы сегодня произведены были выборы кандидатов в патриархи, встать и стоять, пока не произведут подсчет.

Подсчитывающие приблизились к возвышению, где располагались президиум Собора и места для архиереев. В президиуме никто не встал, из епископата поднялись лишь несколько человек, тогда как в зале стали подниматься священники, миряне, представители профессуры духовных школ, монашествующие.

— Теперь прошу, — зазвучал голос митрополита Тихона, — встать тех, кто желает немедленно избрать кандидатов в патриархи.

Архиепископ Сергей быстро поднялся со своего кресла. Он видел, что остался стоять митрополит Тихон, что поднимаются и другие члены президиума, а за ними со своих мест дружно, за редким исключением, поднялись присутствующие епископы. Видел он, что и в амфитеатре зала один за другим встают члены Собора. «Много, — подумалось ему, — но хватит ли их, чтобы перекрыть предыдущее голосование?» Сергей принялся было со своего места подсчитывать хотя бы примерное

количество стоящих людей, но не успел, так как председатель объявил:

— Прошу встать тех, кто воздержался.

Через несколько минут секретарь Собора огласил результаты: за немедленное избрание высказался 141 человек; против — 112 и воздержались 12 человек. Это была победа. Собор принял решение приступить к немедленному избранию патриарха.

В то время как на заседаниях Собора шли горячие прения о восстановлении патриаршества, дебатировался вопрос о порядке избрания патриарха и намечались кандидатуры на этот пост, в городе продолжались кровопролитные бои. Ночью можно было видеть зарево пожаров в различных районах города. Большевики штурмовали Кремль, другие здания, занятые юнкерами и добровольными защитниками Временного правительства. Постепенно перевес сил складывался в их пользу, население Москвы осталось глухо к призывам сторонников павшего Временного правительства.

Среди соборян царило возбуждение. С вечера 31 октября и в течение всего дня 1 ноября, не имея возможности собраться в Епархиальном доме, они обсуждали создавшееся положение на частных собраниях в общежитии. Многие из ораторов требовали вмешаться в междоусобную борьбу, остановить кровопролитие.

Архиепископ Сергей в эти дни безвыездно находился на Валаамском подворье. Ближе к вечеру 1 ноября в подворье пробрался гонец от Собора. В принесенной им записке содержалась просьба к Сергию и проживающему тут же архиепископу Антонию (Храповицкому) прибыть на экстренное заседание в семинарию. Посоветовавшись, архиереи вслед за проводником вышли в город — темный, холодный, безлюдный.

К десяти вечера им удалось благополучно достичь цели. В актовом зале, как можно было судить по обстановке, страсти кипели уже несколько часов. Председательствовал архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский). Сергей и Антоний подоспели к завершающей стадии споров. На голосование был поставлен вопрос: идти ли всем Собором к воюющим сторонам или направить делегацию от Собора? Архиереи высказались за делегацию. Тотчас определили и ее состав.

...Ранним утром сформированную накануне депутацию в Военно-революционный комитет провожали буквально со слезами на глазах, не надеясь более увидеть этих людей. Все вместе соборяне перешли Садовое кольцо, дошли до Епархиального дома. Далее толпой идти было опасно, и депутация отправилась в путь одна. Впереди шли двое крестьян с флажками в руках, со скуфейками на головах. За ними — трое священников и двое епископов с Евангелиями и иконой, с повязками Красного Креста на рукавах. Позади шел митрополит Платон (Рождественский) — в белом клобуке на голове и омофоре на плечах.

Улицы были пустынные. Отдельные редкие прохожие передвигались от дома к дому, прижимаясь к зданиям, стрельба не затихала, и ходить было опасно. Увидав необычную процессию, они усердно крестились.

Вот и дом генерал-губернатора, где их сразу же обступили озлобленные солдаты и люди в штатском. Раздались возгласы:

— Эй, черти с крестом, чего надо? Проваливайте к юнкерам! Идите в Кремль, к своим белым!

С криками «Чего с ними церемониться!» — толпа, все более распаляясь, прижимала депутацию к стене дома. Положение было угрожающим. Ситуацию спасло появление красногвардейца с винтовкой, крикнувшего:

— Кто тут митрополит от Собора?! Проходи!

Митрополит Платон пошел сквозь строй солдат, которые, увидев красноармейца, сопровождающего его, молча расступались.

— Прощу, — обратился Платон к посланнику Военно-революционного комитета, — дать места в доме и для остальных моих спутников. Нас всех послал Собор, и я отвечаю за их жизни.

— Идите, идите, позаботимся, — отвечал красногвардеец.

Митрополит шел за проводником, протискиваясь среди всевозможного вооруженного народа. У многих из них лица были бледны, а глаза воспалены от бессонных ночей. Пройдя несколько комнат, красногвардеец остановился и жестом показал, что нужно подождать. А сам скрылся за дверями, возле которых стояли часовые.

Несколько минут спустя к митрополиту Платону вышел один из членов Военно-революционного комитета В. И. Соловьев. Разговор с ним получился коротким.

— Здравствуйте, — начал он, — Военно-революционный комитет поручил мне переговорить с вами. Что угодно?

— Я пришел с приветом... с Богом, со Христом. Между нами Христос... Я хочу говорить о любви, — волнуясь, начал митрополит. Переведя дыхание, продолжил: — В настоящее время, когда здесь льется кровь, когда стон несется по нашей земле, когда ужасом наполняется страна, Священный собор не может молчать, и он послал меня к вам во имя братолюбия, во имя московских святых, на которые ныне летят бомбы. Во имя ни в чем не повинных людей, женщин и детей призываю вас к братолюбию, к прекращению братоубийства.

Соловьев холодно слушал, сев на ближайший стул и предложив сесть митрополиту. Выдержав паузу, сказал:

— В кровопролитии виноват Комитет общественной безопасности. Он не желает признавать своего

поражения и подчиниться единственной законной власти — власти Советов, власти народной. Идите к ним и с ними разговаривайте. Как только юнкера сложат оружие, мы прекратим обстрел.

— Я прошу вас, прошу вас, — взволнованно проговорил митрополит, медленно опускаясь на колени, — прекратите огонь, прекратите кровопролитие... Не надо смертей... В городе ужас... Когда все это кончится?

Соловьев подхватил митрополита и усадил на стул.

— Успокойтесь, — сказал он. — Мы предложили юнкерам сдаться, ждем ответа...

— Но они, — перебил митрополит, — они могут не сдаться? Могут побояться расправы? Что тогда?

— С нашей стороны расправы не будет. А юнкера вот что делают: днями они в Кремле захватили в плен солдат, вывели их к памятнику Александру II, выкопали яму, перестреляли и сбросили их туда. Наши красногвардейцы и солдаты озлоблены. Но обещаем: если юнкера сдадутся, мы не тронем их.

— Что же с Кремлем? Говорят, его методически расстреливали из орудий. Святыни разрушены, осквернены, разграблены.

— На Успенский собор не было направлено специальных ударов. Пострадал только Чудов монастырь.

— Можем ли мы пройти в Кремль?

— Это было бы возможно, но по пути туда вы подвергнетесь опасности попасть под выстрелы.

— Что же... нам возвращаться?

— Да, идите домой, — прозвучало в ответ, и беседа была завершена.

Делегация по возвращении из ВРК прибыла на Собор, где шло пленарное заседание. Рассказ об увиденном и услышанном лишь утвердил соборян в мысли, что надо спешить с восстановлением патриаршества.

В течение нескольких последующих дней членам Собора удалось выработать порядок избрания патриарха и путем тайного голосования в трех турах определить трех кандидатов на патриарший престол. Имя Сергия было внесено в записках соборян, но какого-либо существенного количества голосов ни в одном из туров он не набрал и выбыл из борьбы задолго до финала. Победителями же предварительного голосования стали архиепископ Антоний (Храповицкий), архиепископ Арсений (Стадницкий) и митрополит Тихон (Белавин).

4 ноября 1917 года, когда в Москве большевики окончательно победили и заняли Кремль, Собор принял Определение о восстановлении патриаршества. На следующий день, в воскресенье, были назначены торжественное богослужение и выбор патриарха по жребию из трех намеченных кандидатов. Кстати, в данном случае соборяне воспользовались способом и обрядом избрания патриарха, предложенным епископом Сергием еще в 1905 году, когда он писал: «После определения трех кандидатов... и утверждения их Собором пишутся три имени — каждое на отдельном листочке бумаги, листочки кладутся в чашу на патриаршем троне. Всеми уважаемый старец вынимает из чаши одну записку с одним именем. Перед собравшимися громко возглашается имя избранника».

Поскольку доступ в Кремль был закрыт и невозможно было провести выборы в Успенском соборе, где традиционно избирались русские патриархи, решено было это сделать в храме Христа Спасителя.

Жребий пастыря

5 ноября, в воскресенье, в храме Христа Спасителя соборяне и верующий народ, который хотя с опаской и боязнью, но пришел на торжество, присутствовали на акте избрания патриарха. На столике перед

высокочитимой святыней России — Владимирской иконой Божьей Матери, принесенной накануне из Успенского собора Кремля, поставили запечатанный ковчежец, в котором находились записки с именами кандидатов в патриархи. По благословению митрополита Киевского Владимира, возглавлявшего богослужение, старец Зосимовой пустыни Алексей, трижды осенив себя крестным знамением, вынимает записку и передает ее Владимиру. Тот вскрывает жребий, читает, а затем громко произносит: «Тихон, митрополит Московский и Коломенский!»

Возведение (интронизация) митрополита Тихона в сан патриарха Всероссийского было назначено на 21 ноября, в день праздника Введения Богородицы во храм, но уже в Успенском соборе Кремля, на что было дано разрешение новых гражданских властей. По просьбе Собора власти для проведения интронизации патриарха Тихона выдали из запасников Патриаршей ризницы мантию и крест патриарха Никона, рясу патриарха Гермогена.

В назначенный день, выдавшийся холодным, мокрым и ветреным, все приглашенные на торжество подъезжали и подходили к Кутафьей башне Кремля. Здесь в караулке находились списки, по которым только и пропускали в Кремль. Архиепископ Сергей вместе с архиепископом Антонием Храповицким в одном экипаже подъехали к башне. Оказалось, что далее ехать было нельзя и следовало пешком идти за кремлевские стены к Успенскому собору. На мосту, соединявшем Кутафью башню с Троицкими воротами, раздавались шум и крики, чернели какие-то группы людей, кое-где горели костры. Оказалось, что мост весь заполнен конными и пешими солдатами, грубыми и бесцеремонными. В горку, к Троицким воротам, архиепископам вместе со всеми остальными участниками торжества интронизации пришлось идти по скользкой дороге, падая и

спотыкаясь, сквозь этот строй, нередко получая тычки от стражников. У калитки Троицких ворот еще раз проверили пропускные билеты и наконец-то пустили в Кремль.

Внутри Кремль напоминал взятую с боем крепость: повсюду следы разрушения от недавних боев, груды камней, щебня, мусора, обрывки бумаг... Чем ближе к Соборной площади, тем разрушений было больше. В куполе средней главы Успенского собора зияла большая дыра, крыльцо Благовещенского собора было разбито, от снарядов и пуль пострадал Архангельский собор. Собор Двенадцати апостолов, пострадавший больше других, производил впечатление развалин, которые держатся лишь каким-то чудом. Поврежден снарядом был и Иван Великий...

К девяти часам утра в Мироварной палате собрались члены Собора во главе с епископами; члены Синода собрались в храме Двенадцати апостолов, куда ожидался и патриарх. В храме холодно. Западная стена пробита снарядом, и ветер свободно гуляет по церкви. На противоположной стене храма — Распятие Господа Иисуса Христа с отбитыми снарядом руками. Люди входят в храм, благоговейно молятся, потом подходят к распятию и долго смотрят на него. Глубокая скорбь охватывает душу при виде поруганной святыни.

Девять часов. Ожидание нарастает. Сейчас должен появиться патриарх. Вдруг восклицания: «Идет, идет!..» Трепет охватывает присутствующих, все устремляют взгляды ко входу, где появляется новонареченный патриарх. И чувство глубочайшего благоговения охватывает всех.

Кротко поблагодарив за приветствие и поздравление, которое принес ему митрополит Платон Рождественский от лица Синода, патриарх направляется в Мироварную палату для совершения краткого

молебствия, а оттуда со всеми его встречавшими переходит в Успенский собор.

Шествие было торжественным. Впереди шел хор синодальных певчих, за ним — члены Собора миряне, следом — члены Собора священники в ризах и епископы в мантиях, и все шествие замыкал патриарх. На нем была голубая мантия, на голове белый митрополичий клобук с бриллиантовым крестом, в руках — архиерейский жезл. Смиренно, с опущенным взором шел он в Успенский собор, где должен был принять в свои руки святительский жезл митрополита Петра, а с ним и всю тяжесть патриаршего служения.

Литургию в Успенском соборе служили четыре старейших архиерея. Сергей, как и остальные иерархи, стоял на амвоне Успенского собора. Облачали патриарха среди храма. Поверх подрясника надели параман — наплечник в виде креста. При пении «Святый Боже» патриарха подвели к горнему месту, где стоял патриарший трон. Архиереи усаживают патриарха с возгласом «Аксиос!» («Достоин!» — *греч.*). Патриарх встает, его снова усаживают и снова возглашают «Аксиос!». И так три раза.

По окончании литургии и разоблачении патриарха на него надели зеленую патриаршую мантию, шитую жемчугом, на голову возложили белый патриарший куколь патриарха Никона, украшенный крестом из драгоценных камней, поверх надели крест и две панагии как отличие патриаршего сана.

Когда Святейший вышел из алтаря на солею, к нему приблизился митрополит Киевский Владимир и подал деревянный простой черный, без всяких украшений, жезл святителя Петра, митрополита Московского. В слове, обращенном к новоизбранному патриарху, митрополит Владимир говорил о буре, которая бушует на Руси, о волнах, которые хотят поглотить корабль церкви. Патриарх же в ответном слове смиренно

исповедал волновавшие его чувства, говорил о недостатке мудрости, неуверенности в своих силах, об уповании на помощь Божьей Матери.

При пении хора «На гору Сион взыди, благовествуяй» патриарх взошел на древнее патриаршее место под сенью с крестом наверху у правого столпа, поддерживающего главный купол храма. Вокруг места, на которое свыше двухсот лет никто не всходил, народ стоит с зажженными свечами, как на Пасху. Сергей Страгородский, стоявший в тот момент в непосредственной близости, мог разглядеть лицо Тихона: крупный нос, серые глаза, пепельная борода... Подумалось: «Обыкновенное мужицкое лицо. Но какими серьезностью и спокойствием веет от него и всего облика патриарха, неотразимо вызывая в памяти образ Николая Угодника, деревенского русского святого».

Полной радости на лицах тех, кому посчастливилось находиться в храме, не было. Да и не могло ее быть, ибо всех сковывало сознание того, что там, за стенами, царит удручающая православные сердца жестокая действительность.

По окончании богослужения, согласно древней традиции, новопоставленный патриарх должен был объезжать Кремль, окропляя святой водой его стены, богомольцев и просто встретившихся по пути людей.

Около двух часов дня из Троицких ворот Кремля выехала процессия. Впереди, на первом извозчике, ехал патриарший иподиакон с патриаршим крестом. За ним, на втором извозчике, — патриарх Тихон, по бокам которого стояли два архимандрита. Несметные толпы при приближении патриарха, следовавшего вокруг Кремля, опускались на колени. Солдаты снимали шапки. Патриарх благословлял народ. Но... никаких приветствий из толпы — благоговейная тишина. Кремлевские часовые косо поглядывали на процессию, но выражать неудовольствие не решались.

Сергий Страгородский провожал патриарха взглядом, пока тот, следовавший по Неглинной (ныне Манежная) улице, не скрылся за поворотом к спуску в сторону Кремлевской набережной. Затем Сергей отыскивал свой экипаж и вместе с отцом Николаем Любимовым, которого он встретил у Кутафьей башни, отправился на Троицкое подворье, чтобы участвовать в торжественной встрече патриарха. В кармане у него лежал пригласительный билет, на котором каллиграфическим почерком было выведено: «Митрополит Московский Тихон, нареченный патриарх Московский и всея России, просит Вас, многоуважаемый Государь, пожаловать к нему на братскую трапезу в день патриаршего настоления 21 ноября 1917 г. после богослужения в Митрополичье Троицкое подворье».

А в это время патриарший кортеж продолжал свое движение, приветствуемый собравшимся народом. Обогнув кремлевскую крепость и проехав по набережной, кортеж между кремлевской стеной и собором Василия Блаженного въехал на площадь. Возле Спасских ворот — остановка: патриарх вошел в располагавшуюся здесь часовню Спаса, где отслужил краткое молебствие. В нескольких десятках метров от Спасских ворот, там, где в братских могилах были похоронены красногвардейцы, солдаты и другие сторонники большевиков, погибшие в ходе гражданской войны в Москве, стояла большая группа солдат. Патриарх хотел было и их окропить святой водой, но те вдруг демонстративно повернулись к нему спиной, а находившийся с ними оркестр грянул «Марсельезу» ...То была первая встреча патриарха Тихона с неведомой ему новой Россией.

Далее путь лежал по Красной площади. У Иверской патриарх вновь остановился, вошел в часовню и приложился к чтимому образу. При выходе он благословил богомольцев, собравшихся здесь, чтобы

увидеть своего нового духовного предводителя. Далее карета патриарха двинулась по Воскресенской и Театральной площадям, по Петровке и Кузнецкому мосту, по Неглинному проезду и Трубной площади, через Самотеку — на Троицкое подворье, где Тихон жил последние полгода в качестве московского митрополита и где теперь располагался уже в качестве всероссийского патриарха.

Спустя неделю после интронизации указом патриарха Тихона возведены были в сан митрополитов пять наиболее видных и известных всей России иерархов. Вслед за Харьковским Антонием (Храповицким), Новгородским Арсением (Стадницким), Ярославским Агафангелом (Преображенским), Казанским Иаковом (Пятницким) назван был и Сергей Страгородский. Появление пяти новых митрополитов в белых клобуках на первом же после интронизации заседании Собора породило крылатую фразу, слетевшую с уст архиепископа Тверского Серафима (Чичагова): «Какой урожай белых грибов!» — долго ходившую среди соборян.

...Восстановление патриаршества меняло прежнюю систему высших органов церковного управления. 9 декабря 1917 года первая сессия Собора завершила свою работу. Одними из последних были приняты акты, относящиеся к деятельности высших органов церковной власти. Четко были прописаны права и обязанности патриарха, который наделялся правом созывать церковные соборы и председательствовать на них, сноситься с другими автокефальными православными церквями, обращаться с посланиями, посещать епархии и заботиться о замещении архиерейских кафедр, привлекать виновных епископов к церковному суду. Устанавливалась и ответственность патриарха в случае нарушения им своих обязанностей.

Постоянными органами высшего церковного управления при патриархе и под его непосредственным возглавлением становились Священный синод и Высший церковный совет. Священный синод состоял из двенадцати иерархов. Членом Синода стал и митрополит Сергей Страгородский. К компетенции Синода отнесены были дела вероучительного, канонического и литургического характера. Синод заботился «о нерушимом сохранении догматов веры и правильном их истолковании», контролировал перевод и печатание богослужебной литературы. Высший церковный совет состоял из пятнадцати членов (иерархов, священников, мирян). Он ведал установлением и изменением центральных и епархиальных церковных учреждений, назначением должностных лиц в них, пенсионным обеспечением духовенства и церковнослужителей.

По окончании первой сессии ее участники разъехались по своим епархиям на каникулы. Вторая сессия ожидалась в конце января уже нового, 1918 года.

«Церковь отделяется от государства...»

К началу второй сессии, открывающейся 20 января 1918 года, в Москву съехалось чуть более ста делегатов, и среди них — всего лишь 24 епископа. По уставу, принятому на первой сессии, Собор мог принимать обязательные к исполнению решения только при наличии не менее половины своего состава. Выход найден был просто: постановили проводить заседания при любом количестве членов и считать принимаемые решения обязательными для исполнения.

На рассмотрение сессии запланировано было вынести вопросы, относящиеся к епархиальному управлению, приходской жизни и устройству единоверческих приходов. Однако проблемы церковного устройства были отодвинуты на второй план, а на

первом оказались вопросы политические — отношение церкви к советской власти, к внешней и внутренней политике правительства и особенно к нормативным правовым актам, касающимся положения православной церкви.

Дело в том, что в течение ноября — декабря 1917 года Совет народных комиссаров (Совнарком) неоднократно обращался к вопросу об отделении церкви от государства. Курс на строительство светского государства подтвержден был в последовавших декретах «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния», которые устанавливали, что отныне церковный брак не имеет юридической силы, а взаимоотношения между супругами регулировались государственными законами. Согласно постановлению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного Комиссариата по просвещению» во всех государственных учебных заведениях упразднялись должности законоучителей. Тогда же в центральной печати опубликована была информация о скором принятии декрета об отделении церкви от государства, в котором будут учтены все положения ранее принятых актов по «религиозному вопросу». С 11 декабря над выработкой проекта декрета об отделении церкви от государства работала образованная Совнаркомом специальная комиссия. В ее состав вошли П. И. Стучка — заместитель наркома юстиции, А. В. Луначарский — нарком просвещения, П. А. Красиков — член коллегии Народного комиссариата юстиции (Наркомюста), М. А. Рейснер — профессор права Петербургского университета, М. В. Галкин — петроградский священник.

Безусловно, и большевики в целом, и комиссия в значительной степени были зависимы от настроения масс, которые настойчиво требовали «полной свободы

совести». В адрес центрального правительства, местных органов власти поступали многочисленные петиции от солдатских и крестьянских съездов, от коллективов фабрик и заводов с требованиями отделения церкви от государства и школы от церкви, введения всеобщего обязательного светского образования, объявления религии частным делом каждого гражданина, национализации монастырской и церковной собственности, установления равенства граждан независимо от отношения к религии, обеспечения правового равенства всех религиозных объединений.

В редакции центральных и местных газет во множестве поступали письма из различных регионов России, в которых резко осуждалась политическая позиция церкви не только в прошлом, но и в настоящее время. «Сотни лет, — можно прочесть в одном из них, — кучка дворян и помещиков угнетала миллионы крестьян и рабочих. Сотни лет пили кровь и расхищали труд народный. А вы благословляли тогда этот строй, говорили, что эта власть законная. А теперь, когда у власти встал сам народ, трудящийся народ, который стремится к миру, к братству, равенству, вы, „духовные отцы“, не хотите признать его власти. Народ знает, кому нужны ваши драгоценные митры, золотые кресты и дорогие одежды»^[39].

31 декабря 1917 года в газете партии эсеров «Дело народа», чьи представители входили в состав Совнаркома, был опубликован проект разработанного комиссией декрета. В нем религия объявлялась «частным делом каждого гражданина Российской республики», и потому каждый мог исповедовать какую угодно религию или не исповедовать никакой; запрещалось издавать законы, ограничивающие свободу совести; религиозные общества приравнивались к частным обществам и не могли иметь прав юридического лица и прав владения собственностью;

имущество «церковных и религиозных обществ» национализировалось; отменялись религиозные клятвы и присяги, а также преподавание «религиозных предметов» в государственных учебных заведениях и т. д.^[40]

Полностью или в изложении с соответствующими негативными комментариями проект декрета опубликовала и церковная печать. Таким образом, в вопросах о сущности свободы совести, о характере государственно-церковных отношений в новой России выявилось противостояние власти церковной и власти светской. Каждая из сторон понимала, что ответ и окончательное решение в этом споре за народом, и каждая надеялась, что он будет на ее стороне.

Церковь предполагала, что по-прежнему может опираться на свою многомиллионную паству, которая будет на ее стороне и при обсуждении судьбы ее правового положения в новых политических условиях. Не случайно при открытии второй сессии патриарх Тихон в своем вступительном слове призвал членов Собора обсудить и решить, как относиться к правительственным декретам, «нарушающим положение Церкви» и «как им противоборствовать»^[41].

Тогда же было оглашено и личное послание патриарха, в котором излагалась его позиция по «текущему моменту». Ключевой в нем стала следующая фраза, обращенная, как писал патриарх, «к явным и тайным врагам истины Христовой», к тем, кто сеет «семена злобы, ненависти и братоубийственной брани»: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню гееннскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властью, данною нам от Бога,

запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: „измите злаго от вас самех“»^[42].

И вступительное слово патриарха, и его послание были присутствующими восприняты как выражение общецерковной политической позиции, как неприятие в целом власти большевиков и как вызов их «церковной политике». Дабы ознакомить приходское духовенство и верующих с точкой зрения патриарха на происходящие в стране события, в спешном порядке текст послания печатался, переписывался и распространялся по московским церквям и монастырям, специальными нарочными развозился по наиболее крупным городам. Духовенство обязывалось читать его во время богослужений и разъяснять пастве.

Политический смысл и направленность послания были столь понятны приходскому духовенству, что далеко не все из них отваживались исполнять приказание, понимая, что вслед за этим может последовать и наказание за антиправительственную пропаганду. В дневниковых записях известного московского литературоведа Н. М. Мендельсона, относящихся к январю 1918 года, отмечалось: «Вчера у Хвостовых спросил батюшку Михайловского: „Что же, вы будете в церкви читать послание Тихона, анафематствующее большевиков?“ — „Нет, боязно, опасно“. А это еще приличный батя!»^[43]

Послание патриарха Тихона и проект декрета об отделении церкви от государства оказались в центре внимания Поместного собора. Ораторы признавали своевременность патриаршего послания. Одновременно

все они сходились в том, что требуется конкретно указать «врагов Церкви и Родины» («масонов» и «жидов», как выражались некоторые соборные ораторы), назвать поименно тех, кто предан проклятию и с кем православные не должны вступать в общение, и, наконец, довести до сведения верующих, что Собор не признает «слуг антихристовых, завладевших ныне Россией».

...Поздним вечером 20 января 1918 года в кабинет председателя Совнаркома В. И. Ленина в Смольном торопливо и как всегда без доклада вошел В. Д. Бонч-Бруевич — управделами Совнаркома. В руках у него была папка с материалами к заседанию правительства.

— Владимир Ильич, — начал он без вступления, — через полчаса заседание. Почти все уже в сборе. Задерживаются Урицкий, Петерс, Красиков.

Предсовнаркома оторвался от чтения бумаг на столе и приподнял голову. В глазах читались вопрос и настороженность.

— Звонили, — упреждая своего шефа, доложил Бонч-Бруевич. — Плохие новости из Москвы. Там Церковный собор проклял нас и объявил нам войну.

Ленин молча отобрал несколько листов из общей папки, лежавшей на придвинутой вплотную к столу тумбе. Бегло просмотрел и, ткнув указательным пальцем на стул у стола, произнес:

— Если ничего не изменилось, то под пунктом тридцать два в повестке сегодняшнего заседания значится вопрос «Об отделении церкви от государства», так?

— Да, так, и ничего нового никем не предлагалось и не вносилось.

— Говорите: товарищи задерживаются... Тогда поступим следующим образом... Начнем работу без них. Но, как только они прибудут, сразу же дадим им слово.

Заседание правительства — Совета народных комиссаров — началось вовремя и шло обычным порядком: доклады и прения, вопросы и ответы, эмоциональные реплики и минуты напряженного молчания. Спустя полчаса на стол Ленина легла записка: «Урицкий и другие прибыли. Бонч.».

— Приступаем к обсуждению вопроса об отделении церкви от государства и проекта декрета «О свободе совести и о церковных и религиозных обществах», — объявил Ленин. И продолжил: — Этот пункт у нас с вами намечен почти к концу повестки, однако обстоятельства изменились. В розданных накануне материалах докладчиками обозначены нарком юстиции Штейнберг и заведомо этого же наркомата Рейснер. Но сначала послушаем о последних событиях, происшедших сегодня в Москве... — Предсовнаркома вопросительно посмотрел на опоздавших.

— Позвольте мне доложить, — приподнялся член коллегии Наркомюста П. А. Красиков.

— Ну что ж, пожалуйста, Петр Ананьевич.

— Очевидно, присутствующие помнят, что еще в августе прошлого года, при Керенском, в Москве начал работу Собор Российской православной церкви. Думаю, политическое лицо его всем знакомо. Всякого рода воззвания, послания и речи против социализма, большевиков и советской власти. А с другой — поддержка Временного правительства, а порой и откровенно монархические высказывания. Сегодня утром открылась вторая сессия Собора. Выступал патриарх Тихон, призывал объединиться и выступить на защиту «Церкви Божией». И вся церковная головка его поддержала... Церковь перешла в наступление, — продолжал Красиков, — она политический враг. Бездействовать мы не должны, это преступление перед революцией.

Тягостное молчание воцарилось в зале. Прервав его, Ленин задал вопрос:

— Что скажет ВЧК?

Поднялся со своего места заместитель председателя ВЧК Ян Петерс:

— Мы неоднократно докладывали о контрреволюционности этого сблища. Предлагаю закрыть, и повод был в конце прошлого года по окончании первой сессии... Вторая могла бы и не начаться, и не слушали бы мы сейчас того, что говорил товарищ Красиков. Но нам возражали: «Не спешите, погодите, дело тонкое, щепетильное». Теперь-то очевидна наша правда. Предлагаю закрыть Собор, а его контрреволюционное гнездо — Епархиальный дом — разорить. Тихона, папу православного, арестовать, да неплохо было бы еще прихватить пару-тройку человечков церковных, на кого материал имеется... Пока не сбежали.

— Ну что, дождались? — обращаясь ко всем, проговорил Ленин и повернулся к Штейнбергу и его заместителю Стучке. — Исаак Захарович, Петр Иванович, ведь говорил же я вам, писал и документы всяческие передавал, торопил с декретом. От вас же что? Одни оттяжки да промедление... А теперь что изволите делать?

— Владимир Ильич, — вставил слово Штейнберг, — проект декрета окончательный, утвержден коллегией Наркомюста. Сегодня некоторые товарищи замечания дали, мы их учли. Давайте утверждать.

— Вот так всегда, — будто и не слышал его Ленин. — Да не в шахматы мы с вами играем, где цейтнот грозит лишь падением флага... Головы, го-ло-вы наши могут полететь!

Недовольно отвернувшись от наркома юстиции, Ленин обратился к присутствующим:

— Есть мнения и предложения?

— Сегодня и принять, — раздались недружные голоса.

— Хорошо. Позвольте и мне внести некоторые замечания. Рыбий текст первого пункта «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской республики» — долой! Пишем просто и понятно: «Церковь отделяется от государства». К пункту три добавим: «Из всех официальных актов всякие указания на религиозную принадлежность или непринадлежность граждан устраняются». И последнее, о культовых зданиях, давайте запишем так: «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

С места для возражений вновь поднялся было нарком юстиции.

— Исаак Захарович, мы вас слушали, достаточно, — усадил его Ленин.

— Владимир Ильич, — вступил в разговор Петр Стучка, — по Москве уже ходит в списках послание Тихона. К утру оно будет в Питере. Нам нужно спешно издать в массовом порядке декрет, чтобы завтра распространить его текст по заводам, фабрикам, войскам. Дать в руки агитаторам для митингов и собраний.

— Верно... Товарищ Володичева, — обратился Ленин к секретарше, ведшей стенограмму заседания, — вот вам мой текст проекта декрета с поправками. Обойдите членов Совнаркома, пусть распишутся, и срочно по телефону передайте его в «Известия» и «Правду» с наказом, чтобы завтра в утренних номерах был!

Опубликованный утром 21 января 1918 года в центральных газетах как ответ «на вызов церкви» декрет Совнаркома об отделении церкви от государства лишь подлил масла в огонь острых обсуждений на

Соборе послания патриарха и мер, необходимых, по мнению церкви, для противодействия власти. Общее мнение и настроение собравшихся выразил протоиерей одной из московских церквей Н. В. Цветков, заявивший: «Самое сильное место в послании патриарха — анафематствование врагов родины и Церкви и запрещение входить с ними в общение. Хотя это место, при всей его краткости, очень выразительно, но все-таки оно требует объяснений... Собор должен бы выяснить, кого же анафематствует Святейший патриарх. Я высказался бы... за то, что анафематствованию подлежат власти, ныне существующие, которые замыслили предательски погубить Родину и Церковь. Но нужно иметь в виду, что в составе правительства есть лица, которых, по их вере и национальности, анафематствование не может касаться. Собору следует выразить свое отношение к этим нехристианским лицам, играющим большую и пагубную роль. Затем анафематствованию должны подлежать сознательные исполнители велений правительства и бессознательные элементы, которые по злой воле и трусости исполняют повеление этой власти»^[44].

Единство мнений членов Собора проявилось также при выработке постановления относительно декрета об отделении церкви от государства. С. Н. Булгаков в заседании одного из соборных отделов предлагал учитывать следующее: «Перед нами два положения: объявить народных комиссаров врагами Церкви и народа, и нужно самые действия объявить противохристианскими, сознательные исполнители коих подлежат отлучению. Пункт же о неповиновении декрету требует змеиной мудрости: некоторые пункты декрета (свобода совести, светская регистрация) приемлемы, и с ними можно согласиться».

Точка в обсуждении была поставлена Поместным собором, который в принятом 25 января соборном

постановлении охарактеризовал декрет Совнаркома как «злостное покушение на весь строй жизни Православной церкви и акт открытого против нее гонения». Одновременно всякое участие «как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь» расценивалось как несовместимое с принадлежностью к церкви, караемое вплоть до отлучения от церкви.

В этот же день, вечером, на закрытом заседании Собор вынес специальное постановление о том, чтобы «на всякий случай болезни, смерти и других печальных для патриарха возможностей предложить ему избрать несколько местоблюстителей патриаршего престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть патриарха и преемствовать ему». Патриарх Тихон выполнил это постановление, что в дальнейшем стало спасительным для сохранения каноничной высшей церковной власти в Русской церкви.

Реакция церкви на политическую ситуацию в стране, на правительственные решения и акты относительно положения и деятельности религиозных объединений показала, что и патриарх, и Собор, по существу, отказались признать обязательным для церкви исполнение основного правового акта советской власти в отношении религиозных организаций — декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Это было воспринято властями как открытое вмешательство церкви в сложную политическую ситуацию в стране, как акт, ее дестабилизирующий, как призыв к верующим перейти к открытому неповиновению и сопротивлению существующим органам власти.

Тому подтверждением стала прокатившаяся по европейской части России в феврале — марте 1918 года волна противодействия попыткам местных властей провести декрет в жизнь. Организовывались массовые

крестные ходы и богослужения на площадях в поддержку «гонимой церкви». Кое-где возле церквей происходили столкновения, совершались акты насилия, вплоть до смертных случаев, в отношении работников советских органов власти. Коллективные петиции с требованиями отменить декрет, с угрозами массового сопротивления направлялись в адрес правительства. Повсеместно распространялись листовки, прокламации и воззвания с призывами поддержать позицию патриарха и Собора в противостоянии «самозванной власти».

К примеру, в одной из листовок, изданной Поместным собором под красноречивым названием «Анафема патриарха Тихона большевиков», верующим разъяснялось, в отношении кого направлены меры церковного наказания. В частности, в ней можно прочесть: «Патриарх Московский и всея России в послании возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Христовой обнажил меч духовный против извергов рода человеческого — большевиков и предал их анафеме. Глава Православной Церкви Российской закликает всех верных чад ее не вступать с этими извергами в какое-либо общение».

Предлагалась и обязательная для всех верующих линия поведения в отношении анафематствуемых: «Родители, если дети ваши — большевики, требуйте властью, чтобы отреклись они от заблуждений своих, чтобы принесли покаяние в великом грехе, а если не послушают вас, отрекитесь от них. Жены, если мужья ваши — большевики и упорствуют в служении сатане, уйдите от мужей ваших, спасите себя и детей от заразы, губящей душу. Не может быть у православного христианина общения с слугами дьявола на небесах. Церковь Христова призывает вас на защиту православной веры»^[45].

Анафема патриарха провозглашалась практически за каждым богослужением в действующих храмах России.

Зимой — весной 1918 года противостояние православной церкви и государства было налицо, и все же обе стороны предпринимали некоторые шаги к поиску компромисса. Немало обращений патриарха Тихона, Поместного собора, отдельных иерархов и священников рассматривалось в Совнарком, других ведомствах и учреждениях и по ним принимались положительные решения. К слову сказать, и работа Собора, хотя и среди членов правительства, и среди видных и влиятельных большевиков не раз возникало желание закрыть его, не приостанавливалась. Властями разрешалось проведение богослужений в храмах Кремля.

Вторая сессия Поместного собора, продолжавшая свою работу до 20 апреля 1918 года, рассмотрела и ряд проблем внутрицерковного устройства. Среди них вопросы епархиального управления, устройства и жизни приходской общины, учреждения единоверческих кафедр, деятельности духовных учебных заведений, расширения внешней и внутренней миссии церкви. Причислены были к лику святых Софроний Иркутский и Иосиф Астраханский.

В дни работы второй сессии Поместного собора в Москву стали поступать первые известия о столкновениях вокруг православных храмов и монастырей, об арестах и расстрелах епископов, священников, наиболее активных мирян. Откликаясь на них, Собор принял определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную церковь» (от 18 апреля)^[46]. В нем устанавливался порядок произнесения в храмах за богослужением «особых прошений о гонимых ныне за православную веру и церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках», а также «ежегодное

молитвенное поминовение... всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников». Епархиальным властям вменялось в обязанность собирать сведения об изъятом церковном имуществе, арестованных служителях культа и прихожанах.

Собор выразил свое отношение и к той части членов церкви, которая приняла новую власть и активно выступала в поддержку декрета об отделении церкви от государства. В определении «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни» (от 19 апреля)^[47] предусматривались конкретные меры наказания для мирян, священников и епископов, «не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству и навлекающих через то на Церковь, ее служителей, ее чад и достояние многоразличные беды». К числу «богопротивных» дел были отнесены: обращение к гражданской власти и гражданскому суду, исполнение или участие в проведении в жизнь требований декрета о свободе совести и иных актов государственной власти, относящихся к деятельности религиозных объединений, отобрание у монастырей и храмов земли и иной собственности. Соответственно, определялось и возможное церковное наказание: запрещение в священнослужении, извержение из сана, лишение духовного звания, привлечение к церковному суду, отлучение от церкви.

Оба определения были непосредственной реакцией церкви на происходящие в стране политические события, попыткой вовлечь верующих в противостояние власти, привлечь их к активному участию в антиправительственных акциях. Ситуация усугублялась тем, что церковь заняла откровенно негативную позицию в отношении не только «церковной политики» Советского государства, но и всей его внутренней и

внешней политики. К примеру, патриарх Тихон и Собор в специальных посланиях осудили стремление правительства выйти из мировой бойни и заключить мирный договор с Германией. Содержавшаяся в них псевдопатриотическая риторика, призывы к продолжению войны «до победного конца», к защите «Земли Русской», несмотря ни на что, по существу, обрекали население на дополнительные тяготы и лишения, а в перспективе делали вполне возможным быстрое поражение в борьбе с превосходящим врагом, за которым мог последовать и распад Российского государства.

Хотя в советской исторической литературе весенние месяцы 1918 года и рассматривались как период «мирной передышки», но название это условно. Подразумевается, что от заключения Брестского мира (март) до возникновения фронтов в Сибири, на Волге и Северном Кавказе (июнь) не велось широкомасштабных военных действий. Однако мира не было, шли локальные бои, происходило формирование вооруженных сил и белых, и красных, активно действовали подпольные антиправительственные вооруженные группы, вспыхивали мятежи и восстания, шел процесс стихийной национализации церковно-монастырской собственности. Налицо была эскалация насилия, жестокости, классового и социального противостояния, и каждая из сторон, считая себя «правой» и в защиту этой «правды», шла на столкновения, еще более жестокие и беспощадные.

Все это не могло не отражаться на настроении православной паствы. В ее рядах происходила ускоренная поляризация по политическим взглядам, а это, в свою очередь, отражалось и на отношении к декрету об отделении церкви от государства. В редакции многих центральных и местных газет и журналов поступало множество писем от приходских священников и рядовых верующих, в которых они

сообщали о поддержке декрета, призывали церковь к прекращению противостояния власти. К примеру, в письме в газету «Знамя Христа» сельский священник призывал духовенство: «Наш долг, наша обязанность не возбуждать темные массы. Не творить тех бунтов, которых в России и так немало, а объяснять всем и каждому, что... отделение церкви от государства и другие запреты в связи с этим нисколько не унижают христианства... Когда вступишь внимательно во все происходящее, то невольно поднимается вопрос: от кого и от чего наши иерархи призывают спасти Христову веру?»^[48]

И все же события зимы и весны 1918 года были в определенной мере неожиданными для большевиков, рассчитывавших на быстрое и относительно безболезненное введение декрета об отделении церкви от государства. Залогом тому были уверенность в полной дискредитации «политического лица» духовенства и органов церковного управления, рост антиклерикальных настроений в массах и ширящаяся поддержка идей светского государства при Временном правительстве. Не случайно же, что большевики даже и не планировали создание специального государственного органа, ответственного за реализацию их программных установок в области отделения церкви от государства и школы от церкви.

Но провести в жизнь декрет, что называется с ходу, оказалось невозможным. К политическому противодействию органов церковного управления и руководителей религиозных организаций присоединилось скрытое, а где и откровенное недовольство со стороны многомиллионного крестьянства. Если в целом оно поддерживало меры экспроприации церковно-монастырской собственности, провозглашение равенства граждан вне зависимости от их отношения к религии, расторжение «союза»

православной церкви и государства, введение гражданской метрикации, то относительно таких мер, да еще и проводимых «кавалерийским наскоком», как устранение из школы Закона Божьего, лишение прихода собственности и некоторых других, его позиция была не столь однозначной. И было бы упрощением утверждать, что на сторону церкви встали лишь представители «свергнутых классов» да отдельные «верующие-фанатики».

Крестьянство выступало в тот момент против, как ему казалось, насильственного «обмирщения» своего традиционного уклада жизни, против ломки «незыблемых», в том числе и в силу «освящения» их православными канонами, устоев жизни «по вере» в российской деревне. Подтверждение тому можно найти и в переписке партийных лидеров. К примеру, Емельян Ярославский в письме В. И. Ленину отмечал: «Проведение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви встретило особенно упорное сопротивление в деревне. Целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ. Местные Советы совершенно не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и единодушной волей единоверческого православного населения. Во всех почти рабочих и крестьянских собраниях в провинции подают ораторам записки об этом. На этой почве ведется агитация против Советской власти вообще и падает на восприимчивую почву. На женском съезде в Москве мне было подано 16 записок почти однородного характера: зачем насильно выносят иконы. Были записки и заявления: мы во всем согласны с большевиками, а этот вопрос нас отталкивает от них»^[49].

Эмоционально и откровенно говорилось об этом в одном из писем (апрель 1918 года) петроградского священника М. В. Галкина в адрес управделами

Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича: «На почве издания декрета уже по местам возникали эксцессы, уже пролилась человеческая кровь, которой можно было бы избежать... Часть вины за эту кровь я чувствую на себе. Может быть, я недостаточно настойчиво стучался в Ваши двери, чтобы повторить Вам о том, от чего Вы все равно не уйдете, — о необходимости координировать действия различных комиссариатов, направленные к ликвидации вековой связи между церковью и государством, в каком-то особом аппарате, каким должна явиться особая ликвидационная коллегия, непременно в Москве... Объединение вокруг клерикальных кругов политических элементов страны идет столь быстрыми шагами, что Вы бы ужаснулись, увидев эту картину во весь грозный рост. Отсутствием разъясняющих положений уже ловко пользуются ваши политические противники... Создается и уже создана организация, вплоть до приходских, губернских и всероссийского церковных „комиссаров“. Организации надо противопоставить организацию. Слову — убежденное слово. Силе, если угодно, ту правовую силу, которая могла бы заставить служителей алтаря стоять у алтарей и не вторгаться со специфическим „восторговским“ духом в несродную их званию и сану область чистой политики» ^[50].

Нельзя сказать, что новая власть «не видела» этих процессов. Думается, совсем не случайно ЦК РКП(б), рассматривая на своем заседании 19 мая 1918 года вопрос об «агитации духовенства», предложил к использованию следующие меры: «Повести против духовенства усиленную письменную агитацию. Поручить ее ведение тт. Сосновскому, Ем. Ярославскому и Демьяну Бедному, ассигновав необходимую сумму из кассы ЦК. Одновременно поручить тт. из президиума Московского совета принять меры по вселению городской бедноты в монастырские и иные духовные

дома. Сообщать об этом решении ЦК партийным работникам, едущим на места для проведения его в жизнь»^[51].

Осознала власть и необходимость создания специального органа в системе государственного управления, который взял бы на себя координацию действий в центре и на местах по реализации норм и положений декрета. Первоначально эти обязанности были возложены на образованную в апреле 1918 года межведомственную комиссию при Наркомюсте. В ее состав вошли представители комиссариатов внутренних дел, просвещения, призрения, а также от православной, старообрядческой, римско-католической, греко-католической и других церквей.

Несколько позже, 8 мая 1918 года, по поручению Совнаркома Наркомюст образовал специальный отдел (порядковый номер среди отделов — VIII) по проведению декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви в жизнь во главе с П. А. Красиковым. За ним закрепилось и иное наименование — «ликвидационный отдел». Подразумевалась, конечно, не «ликвидация религий и церквей», а тех правоотношений между церковными сообществами и государством — «традиционных» для клерикального государства, что существовали на протяжении столетий в царской России.

Отдел должен был в своей работе опираться на комиссию, состоящую из представителей заинтересованных государственных ведомств и религиозных организаций и имеющую характер консультативного органа. 14 мая состоялось первое заседание VIII отдела, на котором обсуждался план ближайшей его деятельности. Ведший его В. Д. Бонч-Бруевич отмечал, что деятельность отдела затрагивает «интимные интересы миллионов граждан Российской Федеративной Советской Республики, причем, несмотря

на наблюдаемое ослабление влияния религии на население, оно продолжает относиться с болезненной восприимчивостью ко всяким незаконным посягательствам на свободу религиозных убеждений и отправлению религиозного культа».

А потому перед отделом была поставлена задача руководить «деятельностью мест и властей Российской Федеративной Советской Республики, направленной к установлению новых, созданных Октябрьским переворотом, отношений между государством и исповеданиями на обеспечиваемых декретом Совета Народных Комиссаров началах свободы совести и отправления религиозных обрядов»^[52].

Отныне все вопросы, касавшиеся взаимоотношения государства с Российской православной церковью, а также и другими религиозными объединениями и требующие решения правительства, предварительно обсуждались в этом отделе. Разъяснения и указания отдела вплоть до сентября 1918 года были единственными правовыми документами, регламентировавшими порядок разрешения практических вопросов, связанных с отделением церкви от государства. На отдел же возлагалась задача по борьбе с нарушениями законодательства о культах со стороны как духовенства и церковных организаций, так и местных органов власти^[53].

Завершение работы Поместного собора

2 июля 1918 года начала работу третья сессия Собора. Собралось всего 150 человек, из них лишь 16 епископов. Поскольку к этому времени здание Московской духовной семинарии было национализировано и там проживали делегаты V Всероссийского съезда Советов, то участников Собора

разместили при московских церквях и монастырях. Соборные заседания проводились либо в Епархиальном доме, либо на Троицком подворье, где располагались патриарх и органы высшего церковного управления.

На Соборе продолжилась работа по выработке определений о деятельности высших органов церковного управления. Рассмотрен был вопрос о Местоблюстителе Патриаршего престола. Его избрание в случае «освобождения патриаршего престола» предполагалось в соединенном заседании Священного синода и Высшего церковного совета. Местоблюститель возглавляет церковь в период междупатриаршества и главная его обязанность состоит в проведении в трехмесячный срок Поместного собора для избрания патриарха. В специальном определении от 13 августа 1918 года устанавливался порядок избрания патриарха. В общих чертах он соответствовал процедуре избрания патриарха Тихона.

Некоторые определения Собора касались вопросов организационно-административного порядка и устройства церкви, финансово-хозяйственной деятельности. Среди них: о временном Высшем церковном управлении на Украине, об устройстве Варшавской епархии, о церковных округах, об учреждении новых епархий и викариатств, о монастырях и монашествующих, о привлечении женщин к церковному служению, о прославлении местных святых и восстановлении празднования Дня памяти Всех Святых Российских, о церковных сборах, имуществе, хозяйстве и т. д.

В то время как на соборных заседаниях обсуждались и принимались решения о внутреннем устройстве церкви, за стенами Епархиального дома в Лиховом переулке шел процесс государственного обустройства новой страны — Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

В центральной и местной прессе был опубликован проект конституции, вынесенный на обсуждение Всероссийского съезда Советов. В проект была включена специальная статья о свободе совести. Она гласила: «В целях обеспечения за трудящимися свободы совести церковь отделяется от государства, религия объявляется делом совести каждого отдельного гражданина, на содержание церкви и ее служителей не отпускается средств из государственной казны. Право полной свободы религиозной пропаганды признается за всеми гражданами»^[54].

При обсуждении этой статьи и в самой правящей партии, и среди делегатов съезда столкнулись различные точки зрения относительно содержания «свободы совести» и мер ее обеспечения. Некоторые, например нарком юстиции П. И. Стучка, утверждали, что предложенная редакция статьи есть слепое копирование программ европейских социал-демократических партий, не идущих в «религиозном вопросе» дальше провозглашения свободы совести в ее буржуазном понимании. А потому предлагалось исключить из проекта положение о религии как о «деле совести гражданина» и о «полной свободе религиозной пропаганды». «В самом деле, — рассуждал в связи с последними положениями нарком, — советским юристам придется призадуматься, как соединить некоторые статьи декрета об отделении церкви от государства с этой полной свободой религиозной пропаганды. Мне мерещится, что действительная свобода совести, как ее понимает Маркс, обеспечивается одной свободой антирелигиозной пропаганды, да и только»^[55].

В окончательном тексте конституции, принятой 10 июля, статья о свободе совести (ст. 13) выглядела так: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и

школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»^[56].

В принятой первой Конституции РСФСР (одновременно и первой в истории России) были и некоторые другие статьи, касающиеся «религиозного вопроса»: предусматривалась возможность предоставлять «право убежища» иностранным гражданам, преследуемым за религиозные убеждения (ст. 12), вводились ограничения политических прав в отношении монашествующих и служителей культа (ст. 65).

С принятием конституции основные положения декрета об отделении церкви от государства стали нормой конституционного права, а VIII отдел Наркомюста призван был теперь наряду с проведением декрета в жизнь обеспечивать и контролировать соблюдение 13-й статьи Конституции РСФСР. Чтобы добиться этого, Наркомюст разработал специальную инструкцию «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», которая была опубликована как постановление Наркомата внутренних дел (НКВД) РСФСР 30 августа 1918 года^[57].

Работа третьей сессии Собора пришлась на самый кровавый этап Гражданской войны. Летом и осенью 1918 года страна окончательно раскололась, начались масштабные военные действия противоборствующих сторон, арсенал Гражданской войны пополнился еще одной формой борьбы — взаимным террором. Гибли верующие и неверующие, священники и комиссары, коммунисты и беспартийные, красные и белые. Усугубило ситуацию в России и способствовало умножению жертв и страданий народа, сделало исход борьбы неопределенным и тем самым затянуло

Гражданскую войну — вмешательство иностранных государств, вторжение на территорию России войск немецких, английских, японских, румынских. Добавим сюда и установление Антантой военно-экономической блокады Советской России, что было грубейшим нарушением международного права, акцией по существу террористической, немилосердной, варварской, способствовавшей усилению голода и распространению эпидемий в России, повлекших за собой гибель значительной массы населения страны.

Потому и вся работа третьей сессии Собора проходила в нервной, временами митинговой обстановке. Соборяне внутренне не могли да и не хотели принимать новой власти, по отношению к которой считали себя противниками. Политическое неприятие всего и вся советского неотвратимо переносилось на все государственные акты, касающиеся православной церкви. Это наглядно проявилось при обсуждении инструкции Наркомюста от 30 августа.

На частном совещании 1 сентября у патриарха Тихона в Троицком подворье предлагалось в качестве ответной меры ввести в стране интердикт: закрыть все церкви, прекратить повсеместно совершение всех религиозных обрядов и треб. Многие ораторы — епископы и влиятельные лица из мирян — горячо ратовали за него. Однако немало было и тех, кто возражал, указывая на то, что рядовые верующие не поддержат решения церкви об интердикте. Приведем фрагмент из сохранившегося протокола заседания, передающий остроту ситуации и трагизм положения церкви:

«А. В. Карташев. Инструкция принуждает нас к принятию грудью боя. И хотя угащать дух перед боем не полагается, но я не считаю грехом в данном случае несколько сдержать пыл наших

речей. Открытый бой принимается стратегами, когда имеется налицо надлежащий дух в войсках и есть все технические средства. Если же этого нет, то приходится вести бой более уклончивый, более сложный. Того подъема духа в народе, при котором было бы возможно принять бой прямой, на почве принципиальной, — ожидать нет оснований. Итак, я рекомендую не надеяться на православный народ. Не считаю осуществимым интердикт, а предлагаю перейти к единообразной и упорядоченной борьбе на частных позициях, и в таком виде достаточно тяжелой и ответственной.

Иоасаф, епископ Коломенский. Подведомственное мне духовенство уже собирало прихожан и беседовало с ними. „У нас отобрали землю, — говорили священники, — проценты с капиталов и покосы, и дрова. Нам не на что жить, мы уйдем от вас!“ И те отвечивали: „Ну что же, уходите. Запрет церкви, да и так обойдемся“. А потому считаю я, что закрытие храмов может вызвать вздохи лишь старых людей да плач женский. Надо бы лучше сделать так, чтобы в списки учредителей входили не люди хладные и безразличные, а записывать туда проверенных мирян да монахов с их мирскими именами.

Е. Н. Трубецкой. Если мы скажем, что интердикт издается потому, что отбираются церковные имущества, отбираются архиерейские дома, то народ нас не поймет, как не поймет и истинного значения этой меры» ^[58].

Думается, что в этих словах невольное и вынужденное признание того, что рядовая православная

паства в своей большей части не поддерживала политической позиции церкви и не видела необходимости бороться с властью за церковную собственность.

В конце концов, решение об интердикте не состоялось. Наоборот, было признано желательным всячески «возгревать» религиозные чувства верующих посредством общественных богослужений, канонизацией новых русских святых, крестными ходами. Тогда же избрали комиссию, которой поручили выработать специальную программу мер противодействия «антихристианским» правительственным актам.

6 сентября в обращении в Совнарком Собор заявил о своем непризнании инструкции Наркомюста и потребовал ее отмены. 12 сентября Собор обсудил и принял определение «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания». В нем «под страхом церковного отлучения» верующим запрещалось участвовать в каких-либо мероприятиях по изъятию бывшего церковного имущества. То была еще одна отчаянная попытка не допустить национализации церковного имущества, «повесить замок» на соборы, храмы, часовни, монастыри, иные церковные дома, не допустить перехода в руки государства ни единого из «священных предметов», хранящихся в церкви. Каждый из верующих обязывался выполнять эти требования под страхом церковного наказания: отлучения, проклятия или закрытия храма.

Участие многих и многих тысяч верующих в религиозных церемониях и иных организованных церковью мероприятиях ошибочно воспринималось патриархом Тихоном и его окружением, состоявшим в основном из сторонников абсолютной, никем и ничем не ограниченной свободы религии и церкви, как поддержка их политического курса, как демонстрация несогласия с

новой властью. В этой эйфории, в ожидании близкого краха советской власти (от внутренних или внешних обстоятельств) к голосу более благоразумных лиц, которые были и в самой церкви, и среди сочувствовавших ей, не хотели прислушаться. А они предупреждали, что политизация православной церкви с неизбежностью «зачислит» ее в разряд «антиправительственных», «контрреволюционных» организаций, что неизбежно приведет к столкновению с властью; указывали, что «белый террор» с его убийствами и покушениями в отношении «большевистских вождей» или рядовых граждан, с иными подобными акциями, дестабилизирующими политическую ситуацию в стране, неизбежно породит ответные со стороны государства меры. И об их характере уже можно было судить по постановлению Совнаркома от 5 сентября 1918 года «О красном терроре», согласно которому расстрелу подлежали «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

По областям и губерниям продолжалась национализация церковного имущества, закрывались монастыри, из школ изгонялся Закон Божий, всякая попытка духовенства выступить в защиту интересов церкви все чаще трактовалась как «контрреволюция».

О сложной и противоречивой обстановке, в которой утверждались положения декрета об отделении церкви от государства и конституционные нормы о свободе совести, можно найти многочисленные свидетельства в отчетах сотрудников VIII отдела. Один из самых активных, бывший православный священник М. В. Галкин, совершив поездку в Северную область осенью 1918 года, писал: «Монастыри благоденствуют по-прежнему... духовенство, как каста и как известная политическая сила, в настоящее время... раздавлено. Крупных контрреволюционных выступлений,

вдохновляемых служителями культа, не было... Посещаемость храмов сократилась до минимума, духовенство теряет свое влияние на народ, тем более что алчные действия некоторых его представителей дают богатую пищу для агитации и окончательно роняют духовенство в глазах народа». Стоит признать стремление Галкина к объективности, когда он пишет и об «огрехах» советской власти: небрежность в отношении церковных архивов и документации при выселении церковных учреждений из ранее занимаемых ими помещений; конфискация предметов культа и иного имущества без составления описей; проведение без всяких санкций обысков и арестов; расстрелы духовенства и церковного актива по подозрению в контрреволюционности и т. д. ^[59]

Согласно ежедневно поступающим в Москву сообщениям с мест, число лиц, «пострадавших за веру и церковь», увеличивалось. Устойчивые слухи предрекали, что вот-вот и сам Собор будет закрыт, а участники арестованы и высланы из Москвы. И хотя в одном из соборных решений предполагалось созвать следующий Поместный собор весной 1921 года, в это мало кто верил.

20 сентября в Епархиальном доме собрались члены Собора (немногим более ста человек) на свое последнее заседание. Настроение было подавленное. Попытки в предшествующие дни связаться с Совнаркомом для разрешения спорных вопросов о положении церкви в новых условиях и касательно отдельных пунктов декрета об отделении церкви от государства оказались тщетными. Совнарком в своей официальной бумаге отписал, что в приеме каких-либо делегаций от Собора надобности не видит, и предлагал впредь подавать письменные обращения в общем для всех граждан порядке. Надежды на пересмотр инструкции от 30 августа 1918 года улетучились.

С заключительным словом к собравшимся обратился патриарх Тихон. Он поблагодарил всех членов Собора и других лиц, принимавших участие в его деятельности, и объявил о закрытии Собора.

Вскоре немалое число бывших членов Собора оказалось на Юге России, примкнуло к Белому движению, создавая здесь церковные структуры, становясь «идеологами» борьбы с Советами и красными, призывая к ней свою паству.

Власть в Москве реагировала на это отобранием у церкви Епархиального дома и изъятием архива Поместного собора, заключением патриарха Тихона под домашний арест в Троицком подворье на Самотеке.

А в канун первой годовщины Октябрьской революции патриарх Тихон обратился со специальным посланием к властям. «Вы разделили весь народ, — говорилось в нем, — на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду, и не предвидится конца порожденной вами войны, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции». Патриарх увещевал: «Отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной бойни» ^[60].

Это послание стало действием, окончательно и бесповоротно разделившим церковь и власть. Назад ни той ни другой стороне хода более не было, а впереди — столкновения и борьба с непредсказуемым для каждой стороны финалом...

Глава IV НА ВЛАДИМИРСКОЙ КАФЕДРЕ. 1917-1922 ГОДЫ

Конец синодальной эпохи

В начале XX века Владимирская епархия оставалась едва ли не самой обширной по территории и многочисленной по количеству храмов, молитвенных домов, монастырей и часовен. Кроме Владимира в нее входили такие крупные города, бывшие искони православными центрами, как Иваново-Вознесенск, Шуя, Ковров, Переславль-Залесский, Александров.

В февральский период во Владимирской губернии, как и повсеместно, утверждалась новая власть. Предводитель владимирского дворянства В. Храповицкий спешил уведомить Временное правительство в своей преданности, телеграфируя в столицу: «От имени дворянства Владимирской губернии, заявляю Вам, господин комиссар, что владимирское дворянство признало власть настоящего Временного правительства державы Российской, поставленного Государственной думой, народом и армией править Россией впредь до решения подлежащего созыву Учредительного собрания об образе правления державы Российской».

Переоценка ценностей происходила и в церковной среде. Собравшееся 21 марта 1917 года собрание духовенства города Владимира вынесло постановление о запрещении политических речей в храмах, имея в виду, конечно, речи монархические, и заявило об «обязательности подчинения Временному правительству». Одновременно выражено было недоверие правящему архиепископу Владимирскому

Алексию (Дородницыну), в вину которому были поставлены его связь с Григорием Распутиным и монархические убеждения, как и его манера деспотического правления приходским духовенством и паствой. Из 372 членов съезда не нашлось ни одного, кто бы выступил в защиту Алексия, и съезд единодушно постановил удалить его из епархии и отправить на покой. Изгнанный из Владимира, он отправился искать церковного счастья на Украину, выходцем из которой был. Впоследствии в Киеве он стал на путь «церковного революционера», осуждал печатно и устно Поместный собор в Москве и вел дело к отделению Украинской церкви от Российской, рассчитывая при этом стать «украинским патриархом». Вообще, Алексей Дородницын был колоритным типом русского архиерея. Он обладал прекрасным голосом и был отличным регентом. И вместе с тем был непомерно тучным, так что не мог дослужить литургии, не переменяв облачения, ибо изнемогал от жары. Аппетит его поражал всех знавших его, а когда его мучила жажда, он мог выпить чуть ли не ведро воды.

Вопрос о новом владыке был вынесен на чрезвычайный епархиальный съезд, намеченный на август 1917 года. А пока выдвигались различные кандидатуры. В их числе был и Сергей Страгородский.

В предвыборном противостоянии особый интерес вызывает биография архиепископа Сергея Страгородского, опубликованная во Владимирских епархиальных ведомостях (№ 31). В духе времени живописалась «враждебность свергнутому самодержавию», противостояние Григорию Распутину и его компаньонам, оппозиционность назначению Варнавы на епископскую кафедру и его самовольному открытию мощей. За последнее он был удостоен, как писала газета, «высочайшей нравственной награды» — выговора и неудовольствия Царского Села. Вот что

писала императрица Александра Федоровна в одном из писем государю: «Агафангел так плохо говорил (из Ярославля). Его следует послать на покой и заменить (в Ярославле. — *М. О.*) Сергием Финляндским, который должен покинуть Синод... Надо дать Синоду хороший урок и строгий реприманд за его поведение» (Царское Село. 9 сентября 1915 года). «До чего они дошли! — восклицает императрица в другом письме. — Даже там господствует анархия!»

Указывала газета и на такой факт биографии Сергия, как «связь» с революционерами. Имелась в виду история с М. В. Новорусским. Он в 1886 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, затем примкнул к движению «Народная воля» и вместе с А. И. Ульяновым готовил покушение на императора Александра III. Был арестован, приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение в Шлиссельбургской крепости. В октябре 1905 года, на волне первой русской революции, Новорусский был освобожден. И вот в тот момент его взял на поруки и предоставил место для проживания архиепископ Сергей Страгородский. Проживая в архиерейском доме в Выборге, несостоявшийся «цареубийца» написал свои воспоминания «Записки шлиссельбуржца». В газетной статье подытоживалось: «Известно, что освобожденный из Шлиссельбурга Новорусский нашел на первых порах себе приют и ласку у высокопреосвященного Сергия, бывали у него с доверием и другие шлиссельбуржцы, например известный Морозов. Это сочувствие всему искреннему и достойному, равно как и несчастному, а иногда и озлобленному человечеству всегда было в нем нелицемерно истинным, чуждым рисовки или политиканства»^[61].

Чрезвычайный съезд духовенства и мирян Владимирской епархии открылся буквально за неделю до начала работы Поместного собора. После довольно

продолжительного обсуждения выяснилось, что собрание останавливается главным образом на четырех кандидатах: протоиерей Налимов, архиепископ Сергей, епископ Андрей (Ухтомский) и епископ Евгений, викарий Владимирской епархии. Эти кандидатуры и были подвергнуты голосованию записками на вечернем собрании. При подсчете голосов оказалось, что большинство, но не абсолютное (207 из 526) получил протоиерей Налимов, 187 голосов — архиепископ Сергей, епископы Евгений и Андрей получили менее ста голосов каждый.

9 августа состоялось торжественное избрание епископа в кафедральном Успенском соборе. Очевидец событий так описывал процедуру избрания: «Избиратели вызывались по списку; подходя к урне, они предъявляли свои делегатские билеты и опускали бюллетень. Благодаря этим мерам подача избирательных бюллетеней происходила в полном порядке... Имена кандидатов, названных в записках, громко выкликались, и избиратели с живым интересом следили за течением голосования. К концу подсчета записок выяснилось, что большинство голосов высказывается за архиепископа Сергея. Очевидно, за ночь настроение части избирателей изменилось; кандидатура епископа Андрея была снята, и выставившие его кандидатуру накануне перешли на сторону архиепископа Сергея; на ту же сторону перешла и часть голосовавших накануне за епископа Евгения. Результаты голосования оказались следующие: архиепископ Сергей получил абсолютное большинство голосов (307), протоиерей Налимов — 204, епископ Евгений — 27». За правильностью выборов наблюдала комиссия под руководством архиепископа Московского Тихона.

Так архиепископ Сергей Финляндский стал архиепископом Владимирским и Шуйским, за одну ночь сумев привлечь на свою сторону дополнительно 120

человек. Отказ в его пользу Андрея Уфимского был не случаен. Этот епископ, также настроенный антимонархически, был верным соратником Сергея Страгородского и не колеблясь убедил своих сторонников голосовать за последнего. Вот что писал в предшествующие месяцы епископ Андрей о причинах Февральской революции: «Мое мнение таково: это случилось потому, что режим этот был в последнее время беспринципный, грешный, безнравственный. Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в ясное своевластие, превосходившее все вероятия».

Сергий произвел первоочередные назначения приходского духовенства, а также сформировал новый состав епархиального совета, который должен был заниматься церковными проблемами в его отсутствие. На большее не оставалось времени, вот-вот в Москве должен был начаться Поместный собор.

На короткое время Сергий вернется в свою епархию после окончания первой сессии Собора. 23 декабря 1917 года духовенство епархии торжественно встречало своего архиерея возле Успенского собора. Местом пребывания он избрал Рождественско-Богородицкий мужской монастырь, расположенный в старой части города, на холме, господствующем над Клязьмой и заречной частью пригорода. Однако, хотя он и пробыл в епархии чуть больше, чем другие архиереи в своих епархиях, так как должен был с ней познакомиться и наладить церковную жизнь, но уже в конце января пришел телеграфный вызов в Москву, на Собор.

...Утром 16 февраля 1918 года митрополит Сергий возвратился в Москву. Сразу же с вокзала он поспешил в Епархиальный дом, где, как ему сообщили накануне по телефону, должно было состояться первое совместное заседание новоучрежденных высших органов церковного управления. Митрополит вошел в соборную

палату в тот момент, когда на кафедру поднялся секретарь Собора П. В. Гурьев для оглашения принятого 31 января после бурных споров проекта соборного определения о высших церковных органах. Голос его звучал твердо и убедительно:

— Священный синод и Высший церковный совет вступают в исполнение своего служения с 1 февраля 1918 года и принимают от Святейшего синода все дела церковного управления.

Сергий быстро прошел на свое обычное место. Его неприятно поразило значительное число пустующих архиерейских кресел. Чуть более тридцати насчитал он своих собратьев-архиереев. Да и в зале многие места пустовали: присутствовала едва ли треть членов Собора. Немного спустя заседание было прервано — в зале появился патриарх Тихон. Преподаявая благословение соборянам, он прошел в президиум. Члены Собора стоя приветствовали его и воспевали: «Ис полла эти, деспота». Неспешно, но как-то приглушенно начал свою речь Тихон:

— Появившиеся в газетах сведения об убийстве в Киеве митрополита Владимира (Богоявленского), к несчастью, ныне подтвердились. — Члены Собора встали со своих мест и осенили себя крестным знамением. — Явившиеся в Киево-Печерскую лавру солдаты произвели обыск, а затем приказали митрополиту Владимиру одеться и следовать к коменданту. На следующее утро митрополит Владимир был найден вблизи лавры убитым. На трупе обнаружены две смертельные раны и несколько штыковых... Помолимся об упокоении чистой и святой души митрополита Владимира.

Святейший патриарх при общем пении членов Собора совершил панихиду по убиенному. По окончании патриарх в сослужении нескольких архимандритов и протоиереев совершил молебствие. Затем с краткой речью обратился к собравшимся, призывая их к

жертвенной совместной с ним работе на пользу святой Церкви Христовой в настоящие «лукавые дни».

Вновь на трибуну взошел П. В. Гурьев и дочитал текст соборного определения о правах и обязанностях открываемых церковных учреждений. После этого патриарх попросил остаться в зале членов этих учреждений, и началось первое совместное заседание Священного синода и Высшего церковного совета.

Митрополит Сергей, как и остальные члены этих органов, ощущал всю необычность происходящего. Подводилась черта под целой эпохой жизни России, церкви и российского народа. Почти 200 лет назад, в 1721 году, Петр Великий учредил Святейший правительствующий синод, и вот теперь его полномочия передавались новым церковным органам. Церкви же предстояло жить вне государственной поддержки, в неведомом доселе государственном строе.

Говорили в тот день о предстоящих первоочередных работах Синода и совета, о текущих хозяйственных и организационных проблемах Поместного собора, о действиях пастырей и мирян в защиту попираемой церкви.

Неоднократно в тот день выступал и митрополит Сергей. Ссылаясь на свои впечатления от поездки во Владимирскую епархию, он указывал, что в условиях революционного хаоса во многих местах народ, опасаясь репрессий безбожной власти, отхлынул от церковных советов, и стоят церковные здания, не опекаемые и не оберегаемые в должной мере, что создает для власти повод обирать храмы, ссылаясь на их бесхозное состояние, а народ церковный их не защищает. Потому необходимо, призывал Сергей, укреплять церковные советы верными православию людьми, чтобы было кому взять храмы под свою ответственность. «Надо, — говорил он, — на местах архиереям и приходскому духовенству вырабатывать принципы и условия

существования приходов применительно к ситуации, не ждать чуда, чтобы потом не оказаться в положении людей, всегда на пять минут опаздывающих на поезд».

Будучи в течение всей сессии в Москве, митрополит Сергей был чрезвычайно активен, участвуя постоянно в службах в храме Христа Спасителя, совершая богослужения в храме на Валаамском подворье и по приглашению верующих в иных храмах Москвы. Много внимания он уделял руководству отделом «О церковном суде», где разрабатывались проекты соборных определений по церковно-дисциплинарным вопросам.

...15 марта, утром, Собор приступил к обсуждению Соборного определения «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью». Выступавшие от имени отдела и по поручению его руководителя архиепископа Сергея В. В. Радзимовский и Ф. Г. Гаврилов предлагали к прежним поводам для расторжения брака (прелюбодеяние, добрачная неспособность, ссылка с лишением прав состояния и безвестная отлучка) добавить новые: уклонение от православия, неспособность к брачному сожителству, наступившую в браке; посягательство на жизнь, здоровье и честное имя супруга; вступление в новый брак при существовании брака с истцом; неизлечимую душевную болезнь, сифилис, проказу и злонамеренное оставление супруга.

Чтобы хорошенько расслышать доводы «за» и «против» предложений отдела, Сергей сел поближе к выступавшим, сразу за президиумом Собора, в первый ряд архиерейских кресел. Полемика по докладам неожиданно приняла весьма острый характер. Один за другим к трибуне потянулись архиепископ Кишиневский Анастасий (Александров), епископ Челябинский Серафим (Грибановский), протоиерей Э. И. Бекаревич, священник А. Р. Пономарев, граф П. Н. Апраксин, члены Собора А. В. Васильев и крестьянин А. И. Июдин, которые резко

критиковали проект за излишний либерализм и попустительство. Немногие из ораторов поддерживали проект — епископ Уральский Тихон, князь А. Г. Чегодаев, профессор Н. Д. Кузнецов.

По ходу дискуссии Сергию пришлось-таки несколько раз брать слово. Возражая тем, кто обвинял в либерализме и требовал сокращения «разрешенных поводов» к расторжению брака, он подчеркивал:

— Когда в церкви заходил спор о применении строгости или о снисхождении, она всегда становилась на сторону снисхождения. Об этом свидетельствует церковная история. За строгость всегда стояли сектанты и фарисеи. Сам Господь, Спаситель наш, бывший другом мытарей и грешников, сказал, что Он пришел грешников спасти, а не праведников. Поэтому нужно брать человека таким, какой он есть, и спасать его, падшего. В первые времена христианства для идеального христианина не могло быть и речи о разводе: ведь если для своего спасения нужно страдать ради Христа, то к чему развод, к чему удобство жизни? Но запрещать развод в наши дни, для наших слабых силами христиан, значит губить их.

Острота состоявшейся дискуссии привела к тому, что проект определения, составленный отделом о церковной дисциплине, был возвращен после обсуждения Совещанием епископов. Лишь спустя месяцы, в ходе третьей сессии, отделу удалось отстоять большинство своих предложений и Соборное определение все же было принято.

Вечером того же дня Сергей пригласил членов отдела собраться вновь, поскольку накопилось множество вопросов, не были подготовлены ответы на запросы из Собора. В этот раз разговор пошел о ношении духовенством светского платья и о стрижении волос. Обсуждение получилось на удивление оживленным. Столкнулись две основные точки зрения: первая —

отменить обязательность ношения бороды и длинных волос и разрешить духовенству носить светское платье вне храма; вторая — оставить все как есть, не покушаясь на благочестивые традиции.

Во время прений выяснилось, что существующее духовное одеяние никогда никаким Собором не было узаконено и что до патриарха Никона духовенство ходило в кафтанах, ничем не отличаясь в одежде от обычного обывателя. Что же касается стрижения волос, то выяснилось, что ношение длинных волос воспрещается даже церковными правилами как своего рода франтовство.

Прения приняли столь бурный характер, что председательствующий митрополит Сергей не раз призывал к спокойствию и напоминал о том, что отдел обязан подготовить свое мнение по данным вопросам, опирающееся не на чьи-то представления, а на церковно-историческую основу, практику Русской церкви, и в то же время следует учитывать современные умонастроения и в обществе, и в самой церкви.

После более чем двухчасового обсуждения в конце концов пришли к общему мнению. В виде проекта его зачитал Сергей: «Первое. Рекомендовать духовенству носить установленное платье — подрясник. Ношение рясы оставить на усмотрение самого священнослужителя. Второе — рекомендовать умеренное стрижение волос».

— Есть ли возражения? — по прочтении спросил Сергей.

Встал представитель Сухумской епархии протоиерей Георгий Голубцов:

— Как мне помнится, мы говорили о духовенстве заграничном и окраинных российских епархий. Как там все же быть?

— Да, говорили, — откликнулся митрополит Сергей. — Но из всего сказанного я так и не смог

составить ясного мнения присутствующих. Чтобы не оставлять заданный вопрос без ответа, предлагаю записать в проекте нашего решения такую формулировку: «Духовенству заграничному, окраинных епархий, учащему в светских учебных заведениях, служащему в светских учреждениях, при исполнении ими физической работы, в дороге и вообще, когда его пастырская совесть позволяет, разрешить ношение светского платья и стрижение волос». — Сделав паузу, Сергей заключил: — Если возражений нет, предлагаю голосовать.

Присутствующие дружно подняли руки. Вопрос был решен. Все с чувством удовлетворения потихоньку стали расходиться. Митрополит Сергей, оглядывая постепенно пустеющую залу заседаний, заметил отца Георгия Голубцова, окликнул его и пригласил к себе.

— Мне рассказывал патриарх о своей беседе с вами, — обратился он к собеседнику. — Нужды православной паствы на Кавказе и в целом тамошнее положение, сложившееся в связи с провозглашением неканоничной автокефалии Грузинской церкви, и Синод, и Собор чрезвычайно волнуют. Его святейшество просил, чтобы вы подготовили письменный доклад и свои предложения по устройению церковных дел там... Вам недели хватит?

— Конечно, да и кое-что мы уже обсуждали в нашем Кавказском отделе.

— Давайте условимся так: как будете готовы, дайте знать. И еще передаю вам просьбу патриарха участвовать в патриаршей службе в Неделю православия в храме Христа Спасителя.

...В воскресенье 24 марта ранним утром в храме Христа Спасителя началось совершение праздничной службы. Она проходила здесь, ибо древний Успенский собор Московского Кремля, где она совершалась последние четыре с половиной века, был недоступен

для верующих. Божественную литургию отслужил патриарх Тихон, которому сослужили митрополиты Антоний (Храповицкий) и Сергей (Страгородский) и еще с десятков архиереев, архимандритов, протоиереев. Храм, вмещающий около двадцати тысяч человек, был полон. Место посреди зала, где еще так недавно во время богослужений стояли высшие московские чины, теперь заняли члены Собора. Проповедь на тему праздника говорил митрополит Антоний.

По окончании литургии на середину храма вышел патриарх Тихон во главе сонма архиереев и священнослужителей. Неподражаемый патриарший архиерей Константин Розов осмысленно, красиво и трогательно своим необыкновенно густым бархатистым басом, оттеняя все мысли чинопоследования, возгласил:

— Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог творяй чудеса един!

Повторив эту фразу трижды, архиерей необычайно торжественно, отчеканивая каждое слово, прочитал Символ веры. Каждое произнесенное им слово проникало в душу присутствующих. В этот момент взгляд Сергея упал на стоявшего чуть впереди патриарха Тихона, и он увидел, что по щекам патриарха катятся слезы. Были ли это слезы умиления или скорби, Бог знает! Но Сергию показалось, что в лице предстоятеля церкви православной проливает слезы вся верующая, чистая Россия.

После чтения Символа веры архиерей Розов опять запел древний торжественный и умиляющий напев:

— Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди.

Когда Розов завершил свое дивное пение, зал на минуту впал в оцепенение. Всеми овладело общее чувство уверенности, что православную веру действительно никакие силы не смогут уничтожить, что она утверждена в России на века и прежде всего в

сердцах верующих, а потому и никакие силы ада не смогут ее истребить в роде человеческом, только если вместе с этим родом.

Наступил кульминационный момент богослужения. Отец Константин с необычайной силой стал говорить о тех, кто, считаясь в числе чад православной церкви, не разделяет православной веры. Стал им провозглашать «анафему», да с такой силой, что жутко становилось. На каждый возглас архидиакона «анафема!» эхом звучало не менее сильное «анафема!» пресвитеров Успенского собора. Была провозглашена «анафема» и власти предержащей, нынешним властителям России, по специально выработанной для этого формуле.

По окончании службы Георгий Голубцов пошел к месту, где стояли экипажи архиереев, участвовавших в службе, разыскивая митрополита Сергия. Но тот уже шел ему навстречу.

— Приветствую вас, отец Георгий. С праздником! Что вы растерянный и взволнованный такой?

— Владыко, день сегодняшний для меня останется памятным на всю жизнь. Чин Торжества православия ежегодно совершается и у нас, в Сухуми, но никогда он на меня не производил такого потрясающего впечатления.

— Хорош, хорош сегодня был отец Константин, оттого все и прошло так возвышенно и торжественно, трогательно. Да, пожалуй, и страшно, ибо время такое.

— Для меня все необыкновенно: патриаршее служение с сонмом архиереев, и Розов, и могучие басы протопресвитеров Успенского собора, и огромное собрание молящихся, собравшихся безбоязненно в это тягостно переживаемое время...

— Вы правы, отец, правы. Кстати, о делах. Я вчера посмотрел ваш доклад, мне он понравился. Вот сейчас везу его к патриарху в Троицкое подворье, где на три

часа назначено заседание Синода. Кстати, где вы остановились?

— В Афонском подворье.

— Так садитесь ко мне в экипаж, подвезу и по дороге кое-что уточним.

Состоявшееся богослужение стало внушительной демонстрацией поддержки церкви и усилий ее главы патриарха Тихона со стороны верующих и побудило церковное руководство обратиться непосредственно к власти с требованием отменить декрет об отделении церкви от государства.

Спустя несколько дней, 28 марта, образованная Собором специальная комиссия во главе с А. Д. Самариным посетила Совнарком. Комиссия была принята управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем, наркома Д. И. Курским и М. Т. Елизаровым. Глава делегации А. Д. Самарин заявил: «Мы хорошо знаем, какое единодушное чувство глубокого и сердечного возмущения вызвали во всех преданных Церкви православных людях изданный вами декрет о свободе совести и все распоряжения ваши, коими Церковь стесняется в своей жизни и лишается своего достоинства. На все это Православная церковь смотрит, и не может смотреть иначе, как на тяжелое и ничем не вызванное с ее стороны оскорбление религиозного чувства, как на насилие, самым вопиющим образом нарушающее ту свободу совести и те начала нелицеприятной справедливости и равноправия, которые вы сами провозглашаете... Будет ведомо вам, что религиозное успокоение ста миллионов православных русского населения, без сомнения необходимое и для государственного блага, может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу Церкви»^[62].

Как только за церковной делегацией закрылась дверь, в кабинет неожиданно вошел В. И. Ленин. Он

усадил переговорщиков и потребовал от каждого отчета. Нарком юстиции Д. И. Курский ограничился лишь указанием на то, что юридических оснований к отмене или какому-то пересмотру декрета об отделении церкви от государства нет, а потом как-то устало проговорил:

— Надо бы ввести более жесткий контроль за исполнением декрета на местах и отказаться от воинствующей антирелигиозной риторики.

В. Д. Бонч-Бруевич почему-то впал в исторические аналогии:

— А помните, Владимир Ильич, как Плеханов в девятьсот пятом году в ходе принципиальнейших споров о сути социал-демократического движения говорил: «При нашей победе первое и неизменное — отделение церкви от государства». И потом буквально кричал: «А вот этих митроносных пройдох мы сейчас же попрем из всех государственных и общественных учреждений!..» И ему, — завершил он, — никто не возражал.

Весьма неожиданно прозвучало слово наркома путей сообщения М. Т. Елизарова, который вопреки своему революционному прошлому и только что услышанному предложил с наивной интонацией:

— А что, если нам сказать высшему духовенству, что они хоть немножечко, но признаются советской властью как таковые? Как бы они ударили во все колокола!.. И завтра же провозгласили здравицу советской власти, а народ церковный пошел бы весь за ними...

— Вот это и было бы ужасно, — прервал тираду комиссара Ленин, — народ должен пойти не за ними, а за нами. Несмотря на их, всей этой поповщины, противодействие. А за ними больше, чем за кем-либо другим, мы должны зорко смотреть... Не забывайте, — похлопал он по плечу Елизарова, — это испытанные, вековые наши враги, и помните: «Коготок увяз — всей птичке пропасть!»

Все, кроме Елизарова, дружно засмеялись. А Ленин, помедлив, вдруг рубанул воздух ладонью и заключил:

— Да, отступать мы не будем. Но и необдуманно идти по пути конфронтации тоже не следует. Будем постепенно реализовывать положения декрета, разъяснять массам его суть, идти к принятию конституции со специальной статьей о свободе совести. Зарывающихся партийцев, — тут он посмотрел на Курского, — и с помощью вашего, Дмитрий Иванович, ведомства поправлять. А вы, Владимир Дмитриевич, позаботьтесь о литературных и пропагандистских силах. А вам, Марк Тимофеевич, думать надо не о колоколах и здравницах, а о вагонах для соборян, которыми надо бы быстренько вывезти их из Москвы... Так спокойнее. Глядишь, и на следующую сессию не приедут.

...По окончании второй сессии Собора Сергей с разрешения патриарха Тихона отправился в свою епархию. Здесь он смог обратиться к неотложным епархиальным делам: разделил епархию на митрополичьи округа и викариатства с правом викария самостоятельно управлять епархией под руководством митрополита. Совершил ряд выездов в приходы. В проповедях, в обращениях и письмах к епархиальным советам, благочинным и викариям Сергей неизменно призывал церковнослужителей «возгревать в душах людей огонь христианской веры», всячески активизировать проповедническую и просветительскую деятельность, организовывать при храмах преподавание Закона Божьего в рамках, дозволенных декретом об отделении церкви от государства.

Хотя Владимир и расположен относительно недалеко от Москвы, но добираться до нее по вызову патриарха для участия в работе Священного синода с каждым разом становилось все труднее. Железные дороги были на военном положении, и получить пропуск для проезда в Москву можно было только у властей. Те

же в условиях гражданской войны весьма неохотно выдавали их иерархам церкви, считая их поездки по стране нежелательными, тем более что для властей церковь стала силой, выступающей на стороне белых или им сочувствующей. Например, в 1919 году в одном из донесений Владимирской губчека сообщалось следующее: «Отношение духовенства к власти враждебное, открыто выступать не решается, но частенько в „религиозных беседах“, критикуя советскую власть, ударяет по натянутым струнам населения — о продовольственном и других вопросах хлебной монополии, свободной торговле»^[63].

Но, как бы то ни было, в самом начале октября 1919 года Сергию после долгих мытарств, мучительных и утомительных хлопот удалось получить разрешение на поездку в Москву сроком на три дня.

...Ранним утром поезд медленно шел через московские пригороды. Пассажиры, истомленные дорогой, столпились у окон, наблюдая проплывающие мимо здания, мосты, церкви, дороги, изредка встречающиеся группы людей. Вот и перрон Курского вокзала.

— Гра-жда-не, — зычно и нараспев крикнул проводник, — Мос-кв-а-а, столица! — И, чуть помедлив, добавил: — Па-пра-шу выходить и вещички не забывать!

Вместе с толпой, в которой преобладали серые шинели военных, Сергей вышел на привокзальную площадь. Быстро найдя свободного извозчика, удобно усевшись и устроив рядом багаж, бросил:

— К Брестскому вокзалу!

Утренний холодок освежил, прогнал дорожную усталость. Разом отодвинулись волнения и трудности, пережитые в поездке, которая из-за бесконечных остановок и проверок растянулась на 12 часов. «Наконец-то я у цели, — думал митрополит. — Теперь осталось добраться до подворья, и можно считать дело

исполненным». В кармане у Сергея лежал синий бланк телеграммы от патриарха — его пропуск и объяснение на все непредвиденные обстоятельства. В тексте значилось, что заседание Синода назначено на 16 часов 8 октября.

— Постой, — обратился Сергей к извозчику. Ему подумалось, что времени в запасе еще много, да и не стоит так рано тревожить патриарха. — Давай-ка сначала к Кремлю, давненько там не бывал.

Показались башни и стены Кремля, Пашков дом. Пролетка спустилась с Большого Каменного моста. Остановились у Манежа. Отпустив извозчика и предварительно сговорившись о встрече в Охотном Ряду, оставшись один, Сергей неспешно шел по Александровскому саду. Он узнавал и не узнавал его: сквозь серые осенние облака вдруг проглянуло солнце, и стало видно, что могучие стволы вековых лип выкрашены в лиловый, фиолетовый, малиновый и желтый цвета. На фоне кирпично-красной стены они выглядели каким-то фантаσμαгорическим наваждением. Сидевший на скамейке обыватель, увидев, как Сергей изумленно озирается вокруг, любезно пояснил:

— То художники-авангардисты с разрешения властей таким образом украшают город к двухлетию Октябрьского переворота.

«Прочь, прочь отсюда, — застучало в голове митрополита. — Бегом из этого царства призраков». Сразу же за воротами он увидел сотни людей: стариков, женщин, детей. Все они тянулись в одну сторону — к Иверской иконе. Подумалось: «Хоть здесь-то все по-прежнему. Та же толпа страждущих, нищих и убогих с одинаково умиленными лицами. Вот она, настоящая верующая Россия, спасаемая и спасающая от всех невзгод и бед. И сердце России — Иверская часовня с чудотворной святыней. Вокруг нее сплотившись, все вместе и спасемся».

...В три часа дня митрополит Сергей, немного передохнув в Валаамском подворье, отправился на заседание Синода. Вот и митрополичье подворье: за высокой каменной стеной скромный двухэтажный дом, хотя и просторный, но без особых архитектурных затей. К нему примыкают небольшой сад, огород, цветники и баня. Пройдя в дом и поднявшись на второй этаж в зал заседаний Синода, Сергей присоединился к уже собравшимся приглашенным: членам Синода и Высшего церковного совета, московским благочинным, настоятелям крупных московских церквей и наместникам монастырей. Ровно в четыре в зал вошел патриарх Тихон.

— Как вам известно, — начал он свое вступительное слово, — нынешней весной от имени всей полноты церкви православной мы обращались в Совет народных комиссаров с требованием прекратить надругательства над останками чтимых народом угодников, указуя, что вскрытие мощей обязывает нас стать на защиту поруганной святыни и в случае его продолжения вынудит нас отечески возвестить народу, что должно повиноваться больше Богу, нежели человеку. Но не внимают голосу церкви нынешние правители. Как сообщают из Тотьмы и Новгорода, Твери и Ярославля, Ростова и Белева, из других российских городов, вскрытие продолжается, уже десятки и десятки святых останков выставлены на посрамление и осмеяние. Месяц назад Синод обращался в ликвидационный отдел Наркомюста. С поступившим ответом я вас сейчас ознакомлю.

Патриарх достал очки и не спеша протер их, затем надел, взял со стола лист и прочитал:

— «В ответ на Ваше письмо VIII отдел Народного комиссариата юстиции сообщает, что безобразия при вскрытии мощей, конечно, недопустимы, о чем разослан циркуляр. Разубедить же старух невозможно. Но

имеются массы писем и сообщений с мест, что впечатление в массах при вскрытии мощей не в пользу суеверий, а наоборот». Думается, — продолжил патриарх, — присутствующие имеют представление о том, как все это делается и как к этому относятся миллионы верующих. Но недавно узнали мы, что не все с нами едины. Есть и среди подведомственного нам духовенства иуды-предатели. Прошу сообщить о сем архимандрита Петра.

— В моих руках, — начал тот, — заявление «Исполкомдуха». Как значится здесь, это «организация приходского духовенства, озабоченного положением в церкви». Читаю выборочно некоторые положения послания: «Ввиду массы жертв из среды духовенства, как ранее вследствие появления руководящих воззваний владыки патриарха, направленных против большевистской власти и ее действий, так и в настоящее время, в силу отсутствия прямого запрещения превращать богослужения и крестные ходы, а также амвоны церквей в средства и место пропаганды и для выражения политических симпатий, необходимо просить владыку патриарха указать путем циркулярной рассылки его нового воззвания. Буде таковое последует, оно окажет категорическое воздействие на духовенство, так как сомнения со стороны Советской власти в лояльности масс духовенства действительно опираются на факты повсеместного колокольного звона, крестных ходов и молебствий по случаю победы войск, наступающих на Центральную Россию».

— Спасибо, отец. Так какие мнения? — спросил патриарх.

Выступившие затем иерархи призывали патриарха и Синод осудить авторов послания, извергнуть из священного сана, изгнать из храмов. Они были единодушны в том, что подписавшие выставляют наглый ультиматум церкви, а потому необходимо известить всех

верующих об отрицательном отношении церковного единоначалия к этой самочинной организации.

По мере обсуждения вопроса о новом послании о «надругательстве над мощами» становилось ясно, что большинство собравшихся склонялось к тому, чтобы повторно ходатайствовать перед Совнаркомом, чтобы не вскрывались святые мощи, не забирали их в музеи, а оставляли эти православные святыни в ведении верующего народа.

— Ваше святейшество, ваши преосвященства и досточтимые отцы, — вступил в обсуждение митрополит Сергей. — Я согласен, что следует отвергнуть домогательства этой, как любят теперь у нас говорить буквами, а не словами, организации «Исполкомдуха». Но с повторным обращением о святых мощах, мне думается, надо повременить. Во-первых, еще не везде успели исполнить распоряжение патриарха об устранении во всех храмах и монастырях всякого повода к глумлению и соблазну в отношении святых мощей. А во-вторых, желательно сейчас неотложно снабдить пастырей церкви соответствующими материалами богословского осмысления существа понимания слова «мощи». Надо убеждать, что церковь никогда не связывала поклонение чудодейственным мощам с обязательным наличием «целых» тел угодников Божиих. Для церкви святы любые дошедшие из глубины истории останки христианских святых. Об этом надо говорить и в проповедях, и в печати, и при встречах с верующими. И еще... — Сергей замолчал, как бы раздумывая, следует ли произносить следующую фразу, и все же сказал: — Надо ли идти на новое обострение отношений с властью? Очевидно же, что сила на ее стороне, да и многие верующие с ней. Не используют ли власти это обращение, чтобы вновь обвинить нас, по их терминологии, в контрреволюционности? Может, пора с учетом обстановки продемонстрировать некоторую

нейтральность к политической жизни, политике и политикам? Сделать какой-то примирительный шаг?

— Итак, все выступили, — подвел итог патриарх. — Что до этого «Исполкомдуха», то все ясно. Поручим отделу Синода подготовить послание с изобличением их неправды, тем более что есть немало сведений о связи этой организации с ВЧК. Касательно же письма в Совнарком, — Тихон помедлил, будто подбирая слова, — то не будем пока ничего и никому из властей посылать. Давайте чуть позже еще раз встретимся и обговорим этот вопрос... Думаю, что вы, — повернулся он к Сергию, — в чем-то правы. А теперь объявляю заседание закрытым.

На следующий день в дом на 2-й Тверской-Ямской пришел посланник из Троицкого подворья. Митрополита срочно просили прибыть в патриархии покои. Менее чем через час Сергей Страгородский входил в Троицкое подворье.

Пригласив посетителя расположиться рядом на диване, патриарх начал беседу:

— Простите, владыко, за срочный вызов, но, думаю, вы меня поймете. Ваши слова на вчерашнем заседании о «контрреволюционности» и «нейтральности» взволновали меня и прямо-таки совпали с моими размышлениями последних месяцев.

— Ваше святейшество, — начал Сергей, — это как крик души. Заели нас на местах... оказались мы между молотом и наковальней. Власть обвиняет в «контрреволюционности», симпатиях к Белому движению, арестовывает священников даже за самые невинные критические слова в свой адрес. А верующие требуют, чтобы священник «Богу служил», а остального не касался. В лицо миряне говорят: «Не ваше дело, какая власть на дворе и какой власти мы служим. Ваше дело службу править да требы исправлять. А кому из вас

Советы не по нраву, уходите к Деникину да Колчаку, а нас в покое оставьте, мы сами сделаем свой выбор».

— И ко мне доходят отовсюду известия о преследованиях духовенства за «политику». Причем, как сообщают, местная власть почему-то кивает на Москву, говоря: «Там в церковных правящих кругах гнездо контрреволюции, а вы, местные, с них пример берете. А раз так, то и страдания ваши подделом!»

— Но какое же мы с вами, члены Синода и Высшего церковного совета, «гнездо контрреволюции»?

— Мы, конечно, не «гнездо». Но факт остается фактом: аресты продолжаются и разговор с властью не получается.

— Меня неоднократно во Владимире в ВЧК приглашали. Всяческие мне листовки, брошюры, послания, с той стороны дошедшие, показывали. Спрашивали: «Эти авторы — иерархи, священники, миряне — члены Российской православной церкви?» — «Да», — отвечаю. «Патриарха Тихона признают своим главой?» — «Да», — отвечаю. «А почему же они ведут борьбу с нами и в политике по уши увязли?» Молчу. Они продолжают: «А вы нас убеждаете, что церковь вне политики, нейтральна». Молчу. Ибо трудно возразить что-либо.

— И я пытался объясниться с властями. Ленину писал, Бонч-Бруевичу, Калинин... В ВЧК с Лацисом и Красиковым разговаривал! Не верят нам. Уж куда более — декрет об отделении и Конституцию РСФСР с ее тринадцатым пунктом о свободе совести обязался выполнять. Даже против треклятого восьмого отдела Наркомюста вместе с окопавшимися там иудами Шпицбергом и Галкиным не высказывался. Но подишь-ты... не верят. Всё подозревают в связях с границей, в контрах, которые якобы мы строим против советской власти.

— Ваше святейшество, может, с каким-то посланием напрямую к пастве обратиться? Разъяснить, как духовенству быть, как к властям сушим относиться.

— Это вы в точку. Я как раз такое подготовил. Хотел вчера его обсудить на заседании. — Патриарх передал Сергию несколько машинописных листков. — Но после вашего выступления решил встретиться и обговорить с вами. Прочтите.

Сергий внимательно прочитал переданное ему послание, под которым стояла дата: 8 октября, но не было еще подписи патриарха.

— Ваше святейшество, я подписываюсь под каждым вашим словом. Это то, что нужно сегодня для церкви. Послание внесет успокоение в церковные ряды и властям даст ответ на все их претензии к нам... Вот если только предпослать тексту послания иной эпиграф... Знаете, строки из Послания к римлянам: «Молю вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры... уклонитесь от них».

— Согласен, пусть так. Дайте-ка исправлю и подпишу. А дату оставим прежнюю.

То было послание патриарха Тихона к православному клиру и пастве о невмешательстве в политическую борьбу. Оно, может быть, стало первым публичным шагом Тихона на пути к признанию нового политического статус-кво в России. Подтверждением тому можно считать, к примеру, следующие слова: «Много уже и архипастырей, и пастырей, и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы. И все это, за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой Истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направляемой якобы к ниспровержению советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения

несправедливые: установление той или иной формы правления не дело церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»^[64].

— Ваше высокопреосвященство, — продолжил разговор патриарх, — есть у меня до вас одна просьба. Вы видите, как тают ряды нашего епископата. Бог знает, что ждет нас всех впереди. Но по мере сил следует нам искать и призывать к архиерейскому служению лиц достойных. И хотя время грозное, смутное, но таковые есть, находятся среди православного русского народа.

— Я единомыслен с вами и, как вы в Москве, так я в епархии, стремлюсь не только заполнять все священнические вакансии, но и рукополагаю себе помощников — епархиальных vikариев.

— Да, да... Хочу, — продолжил патриарх свою мысль, — поговорить с вами об одной кандидатуре и желал бы знать ваше мнение. Говорю о Петре Федоровиче Полянском. Вы ведь его знаете еще по работе в Учебном комитете Синода? — Патриарх вопросительно смотрел на собеседника.

Митрополит Сергей, ничуть не удивившись прозвучавшему имени и даже как бы ожидая, что оно будет произнесено, ответил:

— Добрые качества души Петра Федоровича известны. Многих и многих снискал он уважение как человек ревностный, знающий церковное дело. В свое время много поездил он по России, будучи ревизором в Учебном комитете Синода, и оставил по себе добрую память. Дельным человеком проявил он себя и на Соборе во время революции...

Патриарх, явно обрадованный словами Сергея, перебил его:

— Владыко, так будьте ему отцом духовным. Свершите иноческий постриг и рукоположите в

священнический сан. А я позже рукоположу его во епископа Подольского, викария Московского.

Окончание Гражданской войны

К концу 1920 года политическая обстановка в Советской России существенно изменилась. В европейской части страны Гражданская война закончилась победой Советов, а остающиеся ее фронты все далее и далее откатывались за Урал — в Сибирь и на Дальний Восток.

Россия — страна крестьянская, и многое, если не всё, определила позиция этой преобладающей части населения. «Мужик», страдавший более всех в кровавой междоусобице, на себе прочувствовавший и красную, и белую власть, выбор все-таки сделал в пользу власти советской. Ибо видел, что вслед за белой армией идут «господа», возвращаются старые порядки, против которых он всегда восставал. И оказалось, что комиссары и большевики ближе ему, чем губернаторы и урядники.

К слову, это осознавалось не только властью и обществом внутри России, но и за ее пределами. Павел Милюков, лидер кадетов, на проводившемся в декабре 1920 года в Париже партийном совещании, полемизируя с теми, кто в поражении Белого движения винил «мужика», якобы не сумевшего сделать верный выбор между большевиками и кадетами, и кто открыто призывал с помощью Запада организовать новый поход интервентов против России, сказал слова, делающие ему честь: «Вы пренебрежительно говорите о „мужиках“, которые не сумели выбрать из 21-й партии. Конечно, легче выбирать не мужикам по ограниченному цензовому закону. Но я начинаю уважать этих невежественных мужиков. Не мы, а они провели свою волю, инстинктивно и страстно противясь всем нашим

попыткам их „освободить“ извне. Они, очевидно, такого освобождения, в таком сопровождении, не хотят: и из-за этого затянулась гражданская война. Пора же перестать упрямыться и всмотреться повнимательнее в то, что действительно происходит внутри России. Но и тут нельзя идти двумя путями. Если вооруженная борьба при благоприятных условиях каждый раз наталкивалась на сопротивление населения... то на что же можно надеяться теперь, без территории, когда карты открыты и отношения установлены?»^[65]

Победа советской власти в Гражданской войне означала окончание внутривнутриполитического противостояния в Советской России. Понятно, что это невозможно было бы без поддержки новой власти со стороны большей части населения. Это осознавалось и патриархом Тихоном. Ни в одном из известных нам устных или письменных выступлений, в документах, посланиях и обращениях патриарха после Гражданской войны нет ни тени сомнения в легитимности новой власти или намек на непризнание ее со стороны церкви. Наоборот, подчеркивалась необходимость для духовенства и верующих, а также церкви в целом лояльного отношения к власти. Сам патриарх с этого времени желал и стремился к сотрудничеству с властью.

В складывающихся новых политических условиях советская власть должна была, отказываясь от приемов и методов «военного коммунизма», находить иные подходы к государственному и общественному обустройству России.

Применительно к проблемам государственно-церковных отношений в партийно-советских структурах столкнулись различные мнения. Одни (Ф. Э. Дзержинский, П. А. Красиков) продолжали видеть в религиозных организациях, прежде всего в Русской православной церкви, «политического противника», «рудимент» старого отрицаемого мира и считали

необходимым проводить по отношению к ним жесткую политику, добиваясь их «развала» и «разложения». Другие (А. В. Луначарский, М. Лацис, а позднее отчасти и Л. Д. Троцкий) говорили о том, что в церкви наряду с «консервативными» присутствуют и «прогрессивные» элементы, которые при соответствующей политике можно привлечь к «советской работе» и добиться, чтобы и сама церковь стала «советской».

В декабре 1920 года нарком просвещения А. В. Луначарский направил председателю Совнаркома В. И. Ленину несколько личных писем о необходимости и возможности изменений в политике партии и государства в религиозном вопросе. Содержавшиеся в них идеи в какой-то мере были обусловлены сближением наркома с бывшим архиепископом Владимиром (Путятой), лишенным сана Собором епископов в апреле 1918 года за «попрание канонических норм». Встречи с Путятой, с которым нарком был знаком еще с дореволюционных времен, всколыхнули в нем давние богоискательские настроения, породили предположение о возможности диалога партии и церкви.

В одном из таких писем мы читаем:

«Сегодня был у меня архиепископ Владимир Пензенский, известный Вам по слухам, основатель так называемой свободной православной церкви, враг патриарха Тихона. Он утверждает, что Тихоновская церковь (черносотенная) переживает тяжелый кризис, что большинство духовенства, видя прочность Советской власти, тянется к официальному признанию ее, дабы разрядить атмосферу враждебности, которая, естественно, окружает официальное духовенство... На днях будто бы официально перейдет к нему известный богослов и православный философ епископ

Антонин, наконец, будто бы весьма склоняется в сторону свободно поставленной церкви митрополит Вениамин Петербургский. Все это, по словам Владимира, делает возможным при малейшей, отнюдь не официальной, помощи советской власти опрокинуть Тихона и привести к признанию со стороны церкви принципов: 1) Богоустановленности Советской Власти; 2) Правильности принципа отделения церкви от Государства; 3) Полного согласования коммунистического идеала с истинным христианством»^[66].

Сообщая об этом, Луначарский желал получить от вождя пусть и не официальное, но одобрение своих контактов с Владимиром и разрешение на продолжение их «приватных бесед» ради «информирования о происходящем в церкви брожении».

Прекрасно зная увлекающийся характер Луначарского, Ленин решил посоветоваться с председателем ВЧК Ф. Э. Держинским и заведующим «ликвидационным» отделом Наркомюста П. А. Красиковым. Но ни тот ни другой не поддержали почина Луначарского.

Держинский прислал Ленину доклады заведующих отделами, которые в своей непосредственной деятельности сталкивались с духовенством, верующими-активистами. А в сопроводительной записке к ним написал: «Считаю, что официально или полуофициально иметь с попами дело не следует. Выйдет только компрометация».

Красиков также не поддержал идеи сближения власти и какой бы то ни было церкви. Дал он и резкую отповедь личности Владимира, у которого, по его мнению, «нет за душой ничего, и никакой новой церкви он не представляет, никакого бунта против Тихоновской

церкви поднимать не осмеливается, а просто желает восстановления себя в сане епископа, из коего извержен за довольно неприличные для епископа деяния... Способствовать созданию хотя бы бутафорской реформации считаю невыгодным для революции и предпочитаю непричесанного русского попа, совершенно дискредитированного всем прошлым, причесанному Путяте, прошедшему иезуитскую школу»^[67].

Красиков знал, что писал. Суть конфликта Владимира Путяты с церковными властями не имела никакого принципиального основания. Дело в том, что в конце 1914 года под натиском противника Владимир вместе с епархиальными учреждениями был эвакуирован из Полоцкой губернии, где был правящим архиереем, в Пензу. На новом месте служения от одной молодой особы поступило письмо с обличением его безнравственных поступков. Началось формальное следствие с привлечением судебно-медицинской экспертизы. Судная комиссия под председательством митрополита Владимира (Богоявленского) в декабре 1917 года вынесла оправдательное заключение, но оно не было принято Синодом. Он постановил освободить архиепископа от управления Пензенской епархией и в целях «умиротворения» местного церковного общества указал Владимиру дальнейшее место жительства во Флорищевой пустыни во Владимирской епархии, известной в качестве монастырской тюрьмы. Владимир не подчинился решению Синода, и против него было начато новое дело, теперь уже в обвинении в «попрании канонических норм» или, как тогда говорили, — в «церковном большевизме». Церковный суд лишил его архиерейского сана, «извергнув в первобытное состояние» — то есть монаха Владимира. В 1919 году Владимир объявил о создании в Пензенской епархии Народной церкви, противостоящей патриарху Тихону.

На тот момент по-прежнему верх взяла «чекистская линия», она довлела над государством, а в какой-то мере и над большевистской партией. Православная церковь оставалась под неусыпным наблюдением ВЧК. О характере и мерах этого «наблюдения» дает представление один из секретных докладов ВЧК, относящийся к 1921 году. В нем предлагается: максимально «расшевелить» осведомительную и агентурную работу среди православного духовенства, используя при этом шантаж, запугивание, подкуп, провокации, инспирирование слухов, стравливание. Ставилась задача готовиться к такой работе после «знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт характера по каждому служителю культа», добывая необходимые материалы любыми легальными и нелегальными путями.

Заметим, что подобный характер деятельности спецорганов в отношении религиозных организаций не есть «изобретение» ВЧК, так действовали спецорганы Российской империи, так действуют и сегодняшние спецслужбы во всех странах, когда все средства хороши ради заявленной политическим патроном цели.

Одним из наиболее ревностных «контролеров» за деятельностью органов церковного управления был в те годы И. А. Шпицберг — до революции ходатай по бракоразводным вопросам, а после Октября — следователь ВЧК по особо важным делам, эксперт «ликвидационного отдела» Наркомюста. По его инициативе стали обычным делом обыски в канцелярии патриарха, многочасовые допросы иерархов, предписания об административных высылках епископов из Москвы.

Очередной приход Шпицберга в Троицкое подворье в конце марта 1921 года обернулся тотальной проверкой всего и вся. Чекисты тщательно осматривали все помещения, вскрывали ящики письменных столов и

книжные шкафы, беззастенчиво рылись в бумагах Высшего церковного совета и канцелярии патриарха. Изымалась прежде всего переписка патриарха как с иерархами внутри России, так и письма к нему из-за рубежа. Постепенно большая коробка, стоявшая на столе перед Шпицбергом, устроившимся в зале заседаний Синода, была заполнена десятками изъятых документов. В очередном ворохе принесенных документов внимание Шпицберга привлекла папка с надписью «Переписка с Римским престолом». Предвкушая удачу, раскрыл. Но в ней оказались лишь чистые бланки патриарха и Синода, конверты. Собрался было отложить, как в последний момент заметил на одном из листов в верхнем углу штамп — «Член Священного синода Православной российской церкви». Взглянул на подпись под письмом: «Сергий, митрополит Владимирский».

Результат «прочтения» в недрах ВЧК изъятых документов не заставил себя ждать. Уже на следующее утро в кабинете Шпицберга сидел срочно вызванный митрополит Сергий (Страгородский). Без лишних слов следователь предъявил изъятое накануне в канцелярии патриарха письмо Сергия в адрес статс-секретаря Римского престола кардинала Гаспарри. Оно было написано Сергием по поручению Тихона еще в марте 1919 года и содержало благодарность за обращение римского папы с призывом к советским властям «прекратить гонения на представителей Православной церкви». Следователь зачитал митрополиту фрагмент из его письма: «Ваш благородный призыв не мог, конечно, изменить богоборной политики наших правителей и не привел их к осознанию их вины, как показывает наглый ответ Вам Чичерина, преисполненный беззастенчивого отрицания прямых фактов и явной лжи на нашу Церковь. Но в сердцах всех верных чад этой Церкви и нас, смиренных Ея служителей, этот истинно христианский

акт Римского Престола, продиктованный сочувствием к незащищенным и страдающим и особенно для нас среди переживаемых нами всяких лишений, среди ужасов несправедливости и неуверенности в завтрашнем дне — вызывает неизгладимый отклик и живейшее чувство благодарности»^[68].

От Сергия потребовали объяснения и раскаяния за «клевету на советскую власть», содержащуюся, по мнению ВЧК, в письме, настойчиво при этом допытываясь, кто и как передал его в Рим. После трехчасового разговора «на нервах» Сергей был упрятан в Бутырку по обвинению в распространении «контрреволюционных материалов». Последними словами Шпицберга были: «Посидите месячишко-другой, вспомните!»

К вечеру того же дня в Троицкое подворье явился сотрудник ВЧК и объявил, что патриарха вновь берут под домашний арест, поскольку в его бумагах был найден «антисоветский» документ — письмо митрополита Сергия (Страгородского). Попутно сообщалось и о том, что сам автор письма арестован и в отношении него началось расследование.

О настроении патриарха Тихона в тот тяжелый момент мы можем судить по одному из его писем митрополиту Евлогию (Георгиевскому) в Париж: «О себе можем сказать, что только что живы. Сошли почти на нет. Из Синода остались я (да и то под домашним арестом), митрополит Евсевий Крутицкий (бывший Владивостокский) да архиепископ Михаил Гродненский. В Высшем Церковном Совете — епископ Алексей Боровский... протопресвитер Любимов, протоиерей Станиславский и профессор Громогласов. Остальные кто в темницах (митрополит Сергей, митрополит Кирилл, архиепископ Никандр), кто в рассеянии».

Хлопотать за Сергия взялся... Владимир Путята. По его просьбе и под его поручительство «о лояльности

Сергия» Луначарский письменно просил Дзержинского отпустить митрополита, намекая на возможность использовать его в «советских целях». Дзержинский желчно отписал: «Ей, право, не стоит поднимать старого вопроса. Это очередное увлечение „богоискателей“. Сергей уж совсем для этой цели не гожд».

Но все же спустя месяц власти выпустили митрополита, правда, оставив за собой право выслать его в любой момент в административном порядке в Нижний Новгород.

После выхода Сергия из тюрьмы в его квартиру в доме на 2-й Тверской-Ямской зачастил опальный бывший архиепископ Владимир Путята. Он обхаживал митрополита, прося заступничества перед патриархом и Синодом в положительном разрешении своего дела.

Перед самой Пасхой Тихон, уступая Сергию, собрал членов Синода: митрополитов Евсевия (Никольского) и Сергия Страгородского, архиепископов Серафима (Александрова), Назария (Кириллова) и Михаила (Ермакова). Слушали дело бывшего архиепископа Пензенского Владимира. Тот был столь уверен в благоприятном исходе, что сидел в соседней комнате, балагурия и вслух строя предположения о своей дальнейшей судьбе, и видел себя в скором будущем чуть ли не митрополитом Казанским.

Наконец открылась дверь и вышли члены Синода. Расстроенное лицо Сергия заставило Владимира насторожиться.

— Ничего поделать было нельзя, — промолвил Сергей. — Пять против одного. Постановили, что Синод не правомочен решать вопрос о возвращении вам сана. Требуется решение Собора.

Не ожидавший такого поворота событий, Владимир взорвался.

— Я вас всех! — кричал он. — Нажму три кнопки телефона и полетите в тартарары... Напущу на вас ЧК,

сядете!..

Разгоряченный, он тут же сел за стол, написал ругательный доклад на имя патриарха, грозя и «со стариком посчитаться». Бросил на стол секретарю. Митрополит Сергей, мягко обняв Владимира за плечи, увел в сторону, стал успокаивать: мол, не все еще потеряно, надо ждать и крепиться, нельзя сгоряча свершать необдуманные поступки. Уже от самой двери, несколько поостыв, Владимир вернулся и забрал свой доклад. Вскоре он покинул Москву и вернулся в Пензу, где продолжил возглавлять самочинную «народную» православную церковь.

«Изъять из церковных имуществ...»

Объявленный весной 1921 года партией большевиков курс новой экономической политики (нэп) не только повлек за собой конструктивные изменения в экономической и хозяйственной жизни страны, но и породил в церковной среде ожидание либерализации вероисповедной политики государства. К примеру, некоторые протестантские объединения обращались в Совнарком с просьбами об изменении декрета об отделении церкви от государства, в частности — разрешить приобретение в собственность зданий и другого имущества, ведение благотворительной и иной социальной деятельности. Однако ожиданиям не суждено было осуществиться, а все проекты религиозных организаций были отвергнуты. Государство в трудных условиях перехода к нэпу, когда резкий поворот политического курса надо было объяснить и совместить с широко распространенной в массах рабочих и беднейшего крестьянства революционно-разрушительной психологией, не смогло круто изменить церковную политику. Трудно было отказаться сразу от ставших привычными военно-административных мер ее

проведения, так же как и трудно было отказаться видеть в религиозно-церковных организациях хотя и побежденных, но все же «политических врагов».

Груз военно-коммунистического прошлого, психология политической борьбы с религиозными организациями сказались при проведении кампании по вскрытию «святых мощей» в 1919–1920 годах и особенно трагически — при массовом изъятии церковных ценностей в 1922 году.

Весной 1921 года небывалая засуха охватила наиболее хлеботородные районы европейской части России и частично Украины. Летом для правительства РСФСР стало очевидно, что стране не избежать серьезных затруднений с продовольствием. По указанию председателя Совнаркома В. И. Ленина республиканские наркоматы и ведомства начинают изыскивать продовольственные и иные ресурсы для борьбы с надвигающимся бедствием.

Откликнулась и Российская православная церковь. Патриарх Тихон особыми посланиями в адрес восточных патриархов и глав других христианских церквей призывал провести сборы продовольствия и денежных средств для голодающих в России. Под председательством патриарха образован Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (Помгол), кое-где в храмах стали собирать средства.

Не без колебаний, но все же советское правительство обратилось за помощью к правительствам и общественности западных стран, хотя и осознавало, что определенные круги на Западе, как и русская эмиграция, неизменно попытаются использовать голод в политических целях.

Осень 1921 года подтвердила чрезвычайность положения. Хлеба было собрано менее половины от обычного для этих мест урожая. В тисках надвигающегося голода оказалась территория с

населением более чем 31 миллион человек. Каких-либо крупных запасов зерна страна не имела. Уже первые попытки закупить продовольствие или получить кредиты и займы в странах Западной Европы и США показали, что в условиях проводимого ими в отношении России политического и экономического бойкота осуществить это будет чрезвычайно трудно. Рассчитывать можно было лишь на отдельные частные компании, на благотворительные организации и движение солидарности среди трудящихся Запада. Но в первом случае коммерческие операции возможны были исключительно на «золотой основе», а во втором — требовалось время, чтобы собрать и доставить помощь в Россию. Тогда как она требовалась немедленно, ибо число голодающих к концу 1921 года приблизилось к пятнадцати миллионам человек.

Где взять средства? Вот вопрос, который постоянно обсуждался в высших партийных и государственных органах. Необходимо было найти неординарные пути к выходу из кризисной ситуации. Одним из них стало намерение властей в кратчайшие сроки учесть, а затем изъять и вывезти в Москву золото, серебро, драгоценные камни, валюту, художественные и иные ценности, где бы они до этого ни находились.

В ноябре 1921 года по предложению В. И. Ленина к делу изъятия был подключен Л. Д. Троцкий. Он предложил следующую схему действий. Под его началом создавалась особая комиссия, для краткости именовавшаяся «Комиссия по драгоценностям». Сам Троцкий получил титул особоуполномоченного Совнаркома и нескольких заместителей, которые денно и нощно претворяли его планы в жизнь. На местах создавались «чрезвычайные тройки» в составе председателей губчека и губвоенкома, заведующего финотделом губисполкома с диктаторскими полномочиями в части изъятия ценностей. В первую

очередь изъятие должно было коснуться банков, складов, хранилищ. Затем — недействующих монастырей, храмов и других культовых зданий. А немного спустя — музеев, дворцовых ансамблей, усадеб.

Планировалось всю работу провести в течение полугода и собрать ценностей на пять-шесть миллиардов золотых рублей. Эта сумма должна была, по мысли организаторов, существенно пополнить золотой запас, дать средства на восстановление народного хозяйства, закупку продовольствия за рубежом и на повышение обороноспособности страны.

Комиссия и ее представители на местах, а также местные власти, выполнявшие их распоряжения, действовали в условиях строжайшей секретности.

Официальным же органом, призванным от имени государства осуществлять кампанию по борьбе с голодом, стала образованная осенью 1921 года Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) во главе с председателем ВЦИКа М. И. Калининым. Ее усилия по мобилизации скудных внутренних ресурсов, сил и возможностей к январю — февралю 1922 года дали некоторые результаты: в пострадавшие районы поступали перераспределенные остатки продовольственных фондов, медицинская и гуманитарная помощь; к оказанию помощи бедствующему населению подключились армия, профсоюзы, комсомол, общественные и религиозные организации; из тающего золотого запаса к ранее выделенным добавили еще 62 миллиона золотых рублей; оказывали необходимую помощь вывезенным в более благополучные районы детям и больным.

И все же одному Помголу овладеть ситуацией явно не удавалось: число голодающих уже превысило 15 миллионов человек. Положение с продовольствием, особенно в Поволжье, становилось катастрофическим. Резко возросла смертность, начали возникать очаги

эпидемий, отмечались случаи людоедства и трупоедства. Закупленные за рубежом более шести миллиардов пудов продовольствия из-за отсутствия средств транспортировки ожидали отправки в иностранных портах.

Усугублялась и общая экономическая и политическая обстановка в стране. Железнодорожный транспорт был разрушен и едва справлялся с объемами перевозок в «голодные» районы. Города мерзли из-за нехватки топлива. Останавливались фабрики и заводы. Раскручивалась спираль инфляции. Росла безработица. Расширялась волна забастовок и отказа от выхода на работу. Сотни и тысячи рабочих покидали ряды коммунистической партии. В воинских подразделениях зрело недовольство, а кое-где вспыхивали волнения. В крестьянской массе царило настроение подавленности и страха перед возможной голодной смертью. Росло недовольство изъятием обязательного продналога, действиями продотрядов, подчистую вывозивших хлеб.

В обществе нарастало ощущение безысходности и приближающегося краха. Казалось, у государства исчерпаны все возможности и ничто не может дать надежды на спасение. Вопрос стоял так: либо будут найдены средства для закупки продовольствия, либо голод спровоцирует социальный взрыв и страна погрузится в пучину нового хаоса с неминуемым последствием — полный распад целостного государства.

Правящие круги реально оценивали сложившуюся ситуацию и лихорадочно искали путь к спасению. В критической обстановке зимы — весны 1922 года надежду на спасение увидели в бывшей церковной, а теперь национализированной собственности, традиционно считавшейся значительным состоянием. Предварительные подсчеты, сделанные тогда же, обнадеживали в том, что в православных храмах, монастырях и молитвенных домах хранятся, в пересчете

на серебро, 525 тысяч пудов ценностей. А каждый фунт серебра мог спасти от голодной смерти семью из пяти человек.

Вряд ли сегодня можно с уверенностью назвать того, кто первым публично высказался за изъятие ценностей из действующих культовых зданий. Но еще в ноябре-декабре 1921 года об этом как о возможном шаге говорили верующие, духовенство и отдельные епископы из голодающих районов, а поддерживали их крестьяне, рабочие и красноармейцы в относительно благополучных районах.

Откликаясь на подобного рода настроения, 9 декабря 1921 года ВЦИК специальным постановлением разрешил «религиозным управлениям и отдельным религиозным обществам верующих» производить денежные и продовольственные сборы в пользу голодающих. Специальные инструкции, совместно выработанные представителями органов власти и религиозных организаций, предусматривали возможность пожертвовать предметы культа, находившиеся в пользовании общин.

В начале зимы 1922 года в ряде районов страны верующие по собственной инициативе добровольно передавали на нужды голодающих отдельные предметы из церковного имущества. К этому их побуждали в своих устных и печатных обращениях руководители религиозных центров и организаций. Патриарх Тихон в послании от 6 февраля 1922 года, кстати, одобренном и распространенном с ведома политбюро, информируя паству о достигнутом компромиссе между властью и церковью в борьбе с голодом, призвал жертвовать не только продукты, но и церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления.

И все же идея изъятия ценностей из действующих храмов обрела организационную и материальную основу, а тем самым возможность воплощения в жизнь,

во многом, если не в определяющей степени, благодаря усилиям Троцкого. Еще в конце 1921 года он считал, что без изъятия не обойтись, и в письмах Ленину говорил об этом как о задаче, к которой еще требуется подготовиться «политически с разных сторон», и поэтому не настаивал на ее немедленном осуществлении. К началу же февраля 1922 года, по его разумению, время «пришло». По его указанию в короткие сроки Президиум ВЦИКа готовит, принимает, а 26 февраля публикует постановление (декрет), которое обязывало местные органы власти в месячный срок «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, платины, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим»^[69].

Неожиданное для религиозных организаций решение ВЦИКа в кратчайший срок изъять принудительно, повсеместно и полностью из молитвенных зданий ценности уже несло в себе предпосылки к конфликту между государством и верующими. Но более всего оно ударило по Российской православной церкви, руководство которой обоснованно считало, что между правительством и церковью к тому времени был достигнут определенный компромисс в вопросе об изъятии и что церковь выступает в качестве партнера государства, добровольно жертвуя церковные ценности ради спасения людей.

25 февраля патриарх Тихон в письме М. И. Калинину призывает отказаться от принятого решения, чреватого, по его мнению, непредсказуемыми последствиями. И добавляет, что, если не будет ответа, он оставляет за

собой право разъяснить верующим в особом послании позицию церкви в связи с действиями властей.

Остается неизвестным, показывал ли Калинин кому-либо из политбюро это письмо. Но ответа от него патриарху не последовало. И тогда Тихон, как и обещал, 28 февраля обнародовал свое послание к верующим. В нем он назвал «актом святотатства» изъятие из храмов в числе «драгоценных церковных вещей» священных сосудов и богослужебных церковных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами». Разъясняя свою позицию, патриарх указывал: «Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвований церковных предметов, неосвященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих через церкви и ныне к таковым жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное жертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается ею как святотатство: мирян — отлучением от нее, священнослужителей — низвержением из сана»^[70].

Позицию патриарха власть расценила как «контрреволюционную». Все же отметим, что само по себе послание патриарха не привело тотчас к каким-либо драматическим событиям на местах. И в отношении Тихона репрессивных мер не принималось. Более того, «Известия ВЦИК» 15 марта публикуют беседу с патриархом^[71]. В ней он излагает основные идеи своего послания от 28 февраля в части поддержки церковью инициативы верующих жертвовать в пользу голодающих

церковное имущество. Вместе с тем он полемизирует с властью, убеждая, что «в церквях нет такого количества драгоценных камней и золота, чтобы при ликвидации их можно было получить какие-то чудовищные суммы денег», что «при всем благожелательном отношении к делу помощи голодающим со стороны церковных общин» изъятие церковного имущества не даст ожидаемого результата. Одновременно Тихон говорит и о другой стороне дела: в ходе изъятия могут пострадать или вовсе быть утерянными многочисленные высокохудожественные и исторически значимые предметы, хранящиеся в православных церквях, монастырях и молитвенных домах^[72].

К середине марта все более очевидными становились трудности, с которыми столкнулись власти при выполнении постановления ВЦИКа. По существу, изъятие и не начиналось. На местах шли затяжные и трудные переговоры между верующими и властями. Последние на первых порах не торопились с применением принудительных мер и ограничивались тем, что принимали отдаваемое добровольно.

По мере проведения учета ценностей в храмах становилось ясно, что предположения об их количестве явно завышены. Во-первых, в годы Первой мировой и Гражданской войн многое из хранившегося в культовых зданиях оказалось утраченным, в том числе и вывезенным за рубеж бежавшими белыми частями. Во-вторых, набирал ускорение стихийный процесс сокрытия верующими наиболее ценной церковной утвари. В-третьих, верующие отвергали принудительное изъятие, и было ясно, что в наиболее богатых церквях полное изъятие могло быть проведено только насильственным путем.

Возникал вопрос: как быть? Отступить, довольствуясь добровольными пожертвованиями? Искать компромисс с религиозными центрами? Или

пойти на крайние меры, не останавливаясь и перед военно-административным насилием? Колебались все: и «наверху» — члены политбюро и Президиума ВЦИКа, Совнаркома и ЦК Помгола, и «внизу» — партсовработники и актив в губерниях, городах и районах.

Но имелась и иная точка зрения; придерживавшиеся ее затруднения с изъятием ценностей склонны были видеть в противодействии узкой группы лиц из числа руководителей религиозных организаций, преследующих, как они считали, некие корыстные цели. К тому же, уверяли они, повсеместно хромает организация работы по изъятию ценностей, распространены недопустимые либеральничанье и уступки религиозным обществам.

Наиболее ярким представителем этой группы был Лев Троцкий. Воспользовавшись трагическими событиями в городе Шуя Владимирской области, где 15 марта имели место волнения при изъятии ценностей из церквей, он фактически шантажирует политбюро опасностью вооруженных столкновений вокруг храмов по всей стране и в письме членам политбюро формулирует свои 17 тезисов плана проведения кампании по изъятию ценностей. В них предусматривались: бурные агитация и манифестация на местах за изъятие; внесение раскола в православное духовенство и поддержка той его части, что выступала за безусловное выполнение постановления ВЦИКа; постоянное наблюдение, контроль и арест лиц, противящихся изъятию; применение военной силы и полное изъятие в кратчайшие сроки, не останавливаясь ни перед чем.

В качестве первоочередных «жертв» изъятия рассматривались наиболее богатые городские храмы, прежде всего те из них, где служили «лояльные попы». Предварительным условием выдвигались такие меры,

как активная пропаганда и агитация среди населения с подключением к ним представителей голодающих губерний, сосредоточение вокруг храмов частей особого назначения (ЧОН), коммунистов и сочувствующих. Всю кампанию намечалось начать не позднее 31 марта и рекомендовалось провести ее в кратчайший срок^[73].

Жесткость позиции Троцкого объяснялась, с одной стороны, его представлениями о необходимости твердой политики при проведении изъятия ценностей, а с другой — тем, что он увязывал эту кампанию с активизацией борьбы с православной («тихоновской») церковью и поддержкой нарождающегося в ее недрах обновленческого движения. Для Троцкого последнее постепенно выдвигалось на первое место. Не случайно еще 12 марта в письме членам политбюро он указывал: «Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер, и той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет»^[74].

20 марта план Троцкого был рассмотрен на заседании политбюро. Кроме Троцкого присутствовали: Каменев, Сталин, Молотов, Цюрупа и Рыков. Каждый из них изложил свое мнение о плане Троцкого. По состоянию здоровья Ленин не мог приехать в Москву на заседание политбюро, поэтому было зачитано его письмо^[75]. Отдельно оно не обсуждалось, а было учтено как мнение одного из отсутствующих членов политбюро.

Ленин не добавил ничего нового к предложениям Троцкого, полностью поддержав их, когда писал: «Именно теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы

можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

Жесткость позиции, риторика насилия и кровавой мести письма не были чем-то особенным для того времени. Это язык ожесточенной эпохи, вместившей Первую мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции, Гражданскую войну и военную иностранную интервенцию, голод и лишения, страдания и гибель миллионов людей. На этом языке говорили противостоявшие друг другу и взаимно озлобленные и ожесточенные классы, социальные группы, сторонники различных политических партий, лидеры всех политических движений.

Без каких-либо серьезных замечаний и добавлений план Троцкого был принят. В отношении патриарха Тихона решено было повременить с арестом и установить круглосуточное наблюдение за ним и его связями.

В этот же день Троцкий созвал и заседание своей комиссии. В результате была определена судьба храмов Москвы, Петрограда и Московской губернии, изъятие ценностей из которых решено было начать в дни работы XI партсъезда; предложено было при опасности эксцессов вокруг храмов приостановить изъятие до съезда, а продолжать там, где обстановка в целом нормальная; определено отношение к духовенству: одних (несогласных) арестовывать, других (согласных) привлекать к сотрудничеству; предложено «разобраться» с теми рабочими, чьи подписи стояли под письмами с протестом по поводу изъятия, и т. д.

Тогда же с ведома Троцкого в ГПУ было проведено представительное совещание работников центральных и местных органов спецслужб с участием значительного числа духовенства из Москвы, Петрограда и «голодающих регионов», согласившегося «помочь» властям в изъятии церковных ценностей.

Получив «благословение» вождя и поддержку политбюро, Троцкий развил бешеную инициативу, чтобы обеспечить перелом в настроениях партийно-советского аппарата и актива в пользу наступательности при проведении изъятия. Он постоянно ставил в политбюро вопрос об ускорении хода кампании, забрасывал его членов все новыми и новыми предложениями по разворачиванию «войны» с церковью.

22 марта политбюро обсуждало записку заместителя председателя ГПУ И. С. Уншлихта «О деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей». В ней позиция церкви обрисована была так: «Патриарх Тихон и окружающая его свора высших иерархов, членов Синода... в противовес декрета ВЦИК от 26/11-22 г. об изъятии церковных ценностей ведет определенную контрреволюционную и ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей».

В этой записке впервые прямо ставился вопрос о возможности ареста патриарха. Его необходимость, среди прочего, увязывалась со стремлением создать благоприятные обстоятельства для «оппозиционных» патриарху архиереев. Они, как указывал Уншлихт, не решаются открыто выступить против патриарха и Синода и лишь после ареста патриарха способны будут «устроить церковный собор», избрать на патриарший престол и в Синод лояльных к советской власти иерархов. Политбюро санкционировало арест патриарха и членов Синода («через 10-15 дней»), а также жесткую линию в отношении духовенства, противящегося изъятию ценностей^[76].

...В эти последние дни марта 1922 года митрополит Сергей встречается с патриархом Тихоном в Троицком подворье. Сам факт его визита к патриарху, как и его отсутствие на расширенном заседании официальных властей, ГПУ и части православного духовенства, поддержавшего изъятие, свидетельствовал, что властные инстанции не видели в нем возможного партнера по переговорам, даже несмотря на то, что Шуя входила в состав его Владимирской епархии. Однако и патриарх, и Сергей не могли в тот день обойти молчанием тему изъятия церковных ценностей. Они были едины в том, что необходимо убедить верующих и духовенство не оказывать сопротивления властям при выполнении ими декрета об изъятии из храмов предметов из драгоценных металлов для передачи их в фонд помощи голодающему населению.

Как и ранее, патриарх настаивал, что его послание от 28 февраля не содержит призыва к свершению насилия по отношению к властям. И если оно где-то так понималось, то это неправильно.

Сергий, в свою очередь, ознакомил патриарха с текстом своего послания к пастве. Патриарх, прочитав, одобрил его. В послании содержалась и оценка митрополитом Сергием послания патриарха от 28 февраля, выраженная в таких словах: «Патриарх, указав нам в своем послании церковные правила, ограждающие неприкосновенность священных сосудов для житейского употребления, ни единым словом не призвал нас к какому-либо определенному выступлению: ни к протестам, ни еще менее к защите наших святынь насилием. Его послание только предостерегает нас же относиться с легким сердцем к изъятию церковных вещей, когда есть, чем их заменить, т. е. когда наши собственные драгоценности остаются при нас»^[77].

Уже перед самым расставанием Сергей высказался в пользу срочного созыва Синода и Высшего церковного

совета, поскольку только с их помощью, по его мнению, высшая церковная власть может быть надежно сохранена. К его удивлению, патриарх в присущей ему мягкой манере, но категорично отказался, заявив, что пока в этом не видит необходимости, к тому же он регулярно совещается и советуется с членами этих органов, когда они пребывают в Москве. Скорее всего, такой ответ был вызван нежеланием патриарха давать властям лишний повод к репрессиям в отношении иерархов и духовенства, контактировавших с ним.

27 марта открылись заседания XI партийного съезда. В своем выступлении на съезде Ленин ничего не говорил об изъятии ценностей. Это объяснялось стремлением сохранять секретность кампании, а кроме того, делегаты уже были информированы о принципиальной позиции партии. В розданных накануне материалах был и письменный отчет ЦК, в котором «духовенство, купечество и мещанство» обвинялись в «ожесточенной и преступной борьбе за накопленные богатства» и одновременно предлагалось всем партийным организациям «развернуть напряженную работу» по борьбе с голодом, «осуществить широкую помощь» голодающим из «источника драгоценностей» — изъятых церковных ценностей^[78].

Избранная Троцким тактика наступления по двум направлениям — на местные партийно-советские органы и на церковь, чтобы обеспечить ударное изъятие в дни работы съезда, — четко выдерживалась.

28 марта Тихона вызвали в ГПУ, где объявили официальное предостережение об ответственности в случае «повторения фактов, подобных событиям в Шуче», и предложили принять меры к их недопущению впредь. Одновременно на него возложили ответственность за «антисоветские» акции православного духовенства, бежавшего в годы Гражданской войны за пределы Советской России, и потребовали их публичного

осуждения. Имелся в виду тот факт, что в одном из решений Русского всезаграничного церковного собора (ноябрь 1921 года, город Сремски Карловцы, Сербия) выражена была поддержка восстановлению в России монархии, возвращению на престол Романовых и продолжению вооруженной борьбы с Советской Россией. Тихон обещал это сделать только после предоставления ему документальных материалов, подтверждающих участие «карловчан» в «политике»^[79].

Переговоры патриарха с властью живо обсуждались в церковной среде. Все еще сохранялась надежда, что удастся избежать острых конфликтов вокруг храмов. Интересное свидетельство об этом оставил, к примеру, епископ Ямбургский Алексей (Симанский). В письме митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) он писал: «Патриарх вызывался в ЧК... Отношение было очень любезное. Туда и оттуда отвезли на автомобиле. Допрос касался двух событий: Собора в Карловце и Шуйских событий. По тому и другому вопросу требуется письменный отзыв, который предоставить через три дня. Во время допроса все время сквозила мысль: нельзя ли как-нибудь неизбежный отбор совершить возможно безболезненное и в этом отношении изменить послание»^[80].

В поданном чуть позже заявлении в ГПУ патриарх Тихон действительно отмежевался от некоторых политических решений Карловацкого собора. Одновременно он продолжал убеждать власть, что его послание от 28 февраля не содержит призыва к сопротивлению. Защищая себя, патриарх приводит выдержку из послания митрополита Сергия (Страгородского), того самого, с которым он совсем недавно ознакомился: «Патриарх, указав нам в своем послании церковные правила...»^[81]

Более того, патриарх выражал готовность выступить с новым посланием к верующим и духовенству, чтобы разъяснить свою и церкви позицию. Он сообщал, что свой проект он уже представил М. И. Калинин, в нем патриарх наставлял верующих, чтобы «подаяние ваше шло как благословение, а не как побор, чтобы оно было по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотодателя любит Бог», чтобы они активнее использовали возможности обмена и выкупа намеченных к изъятию церковных предметов^[82]. Но «добро» патриарху дано не было, ибо власть уже сделала ставку на лояльное обновленческое духовенство.

Линия на жесткую борьбу за ценности была подтверждена и на состоявшемся 30 марта секретном совещании представителей партийных делегаций, присутствовавших на съезде. Никто из них не ставил под сомнение необходимость принудительных мер. Некоторые сомнения высказаны были лишь в правильности избранных сроков кампании, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивном фонде записки, поступившие в президиум совещания. Приближались пасхальные праздники, и совмещение с ними изъятия признавалось нецелесообразным. Но все равно для Москвы и Петрограда сделали исключение: начинать нужно было уже в дни работы съезда, показав тем самым остальным губерниям пример «ударной работы». В европейской части России и на Украине устанавливался срок окончания кампании — 15–20 мая, в остальных регионах — 1 июня. На совещании были сделаны «внушения» тем партийным делегациям, чьи результаты изъятия признали «неудовлетворительными». От них потребовали провести повторное изъятие, а не довольствоваться лишь добровольными пожертвованиями. Подтверждая эту установку, на места была отправлена телеграмма за

подписью М. И. Калинина и В. М. Молотова с указанием: «Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов. Где произведено неполное изъятие, немедленно нужно произвести дополнительное согласно декрету и инструкций». Думается, что именно эти решения и привели к трагическим последствиям.

Если в зале заседания партсъезда царило единодушие при обсуждении судьбы церковных ценностей, то за его пределами ситуация была не столь определенной. Конечно, агитационная и организационная работа партийных комитетов давала ощутимые результаты — во время различного рода массовых мероприятий резолюции принимались в абсолютном большинстве в пользу изъятия.

Добавим, что в марте — апреле 1922 года были опубликованы в центральных и местных газетах, в иных агитационно-пропагандистских изданиях, а также переданы по радио многочисленные призывы православного духовенства и верующих, решения церковных съездов и собраний в поддержку изъятия ценностей, среди них более десятка воззваний и обращений, подписанных иерархами православной церкви^[83]. Все эти документы неверно было бы считать исключительно некой конъюнктурной или «вынужденной» поддержкой политической власти. Нет, они выражали искреннее желание представителей русского православия помочь голодающему населению, в том числе и его верующей части.

Лишь в единичных случаях в ходе собраний и митингов на заводах, фабриках, в военных частях и в учебных заведениях раздавались критические высказывания и претензии к политике правящей партии, заключающиеся в призыве к отказу от насильственных мер при изъятии, к «допущению» церкви к контролю за сбором ценностей и т. д. К примеру, в справке,

подготовленной для политической власти о настроениях «в массах» в связи с изъятием церковных ценностей, сообщалось о такого рода задаваемых на митингах вопросах: «Тов. коммунисты, кончать пора ограбление, дайте отчет, куда девали все золото Кремля, а также все остальные ограбления всех учреждений и предприятий. Храм не для вас, жидов, а для религии. Возьмите у жидов, довольно нам кровь проливать»^[84].

По завершении XI партсъезда действия властей на местах ужесточились, давление на религиозные организации возросло. Фактически изъятие теперь проводилось без какого-либо согласования с верующими, принимая форму военных операций. Соответственно увеличилось и количество ценностей, прибывавших в Москву. Правда, Троцкий по-прежнему считал, что кампания ведется «крайне медлительно и вяло», и для ее «подстегивания» неоднократно предлагал политбюро активнее использовать печать, подключить карательные органы, провести ряд показательных процессов над «церковниками»^[85].

...В апреле 1922 года Сергей еще находился в Москве. Все его попытки выехать во Владимир жестко пресекались ГПУ. Понимая, что его отсутствие в епархии, на территории которой шло активное и повсеместное изъятие, будет впоследствии властями использовано против него, он направляет с оказией во Владимир послание. В нем он обращается к своей пастве с призывом не относиться к изъятию «с враждой и раздражением», не допускать насильственного противодействия изъятию, а стремиться в приходах собирать предметы и драгоценности для замены изымаемых икон и церковных предметов. «Спокойно подчинимся, — писал он, — тяжелой необходимости расстаться с любезным благолепием наших храмов, чтобы хоть этим покрыть вопиющую нужду,

беспримерную по своим размерам и ужасу. Если у нас есть, что пожертвовать взамен церковных вещей, не упустим этой возможности. Если же нечего жертвовать, то и без золота и серебра храмы наши останутся храмами и святы иконы — святыми иконами. Преподобный Сергей служил обедню на деревянных сосудах, в крашенных ризах и с лучиной вместо свеч, однако молитва его не стала вследствие этого дальше от Бога, Который и Сам родился на земле не в золотых чертогах, а в убогом вертепе и яслях. Он и на последнем испытании спросит нас не о том, украшали ли мы золотом и серебром храмы и иконы, а напоили ли жаждущего, одели ли нагого. На этот путь покорности воле Божией, но и горячей готовности жертвовать, и к усердному сбору таких пожертвований я призываю и моих собратьев Преосвященных викариев, и все подведомственное мне духовенство, и всю православную паству Владимирской епархии»^[86].

Но и такого рода призыв не смог отвлечь репрессии. Буквально спустя несколько дней после возвращения в епархию (а может, так и было рассчитано?), 12 апреля, в Страстную седмицу Великого поста, Сергей и его викарные епископы — архиепископ Суздальский Павел (Борисовский), епископ Василий (Зуммер) и епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) были арестованы. Их обвинили в причастности к расхищению ризницы суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, а также в утаивании ценностей от изъятия и в агитации против сдачи их государству.

В те же апрельские дни теперь уже и для Троцкого становится ясно, что обрести «несметные богатства» в действующих культовых зданиях и монастырях невозможно. Их там в таком количестве просто не было. Но, не желая признавать свою ошибку, он идет другим путем: обвиняет «верхушку церковной иерархии» в том,

что по ее инициативе «главные церковные ценности уплыли за годы революции» за рубеж. В письме в адрес руководителей ГПУ, НКВД РСФСР и НКЮ он требует «запросить и допросить главных руководителей церкви» о судьбах церковных ценностей, имевшихся в церквях до революции, о церковных капиталах в заграничных банках; сверить наличие ценностей по дореволюционным описям. «Дознание» по всем этим пунктам требовалось провести с «величайшей энергией»^[87]. Именно это указание можно считать отправной точкой всех последующих громких судебных процессов по обвинению в противодействии декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 года.

Во исполнение указаний Троцкого повсеместно идет поиск и сбор материалов, компрометирующих непосредственно патриарха, «доказывающих» его личную причастность к фактам противодействия изъятию церковных ценностей в православных храмах. Именно в этот момент «припомнили» ему послание от 28 февраля. Специальным циркуляром Верховного трибунала местным трибуналам предписывалось в приговорах по делам, связанным с изъятием церковных ценностей, «указывать наличие в деле интеллектуальных виновников эксцессов со стороны темных элементов в лице высшей церковной иерархии (патриарх Тихон, местные епископы и т. д.), коль скоро в деле возможно обнаружить идейное руководство (воззвание Тихона и митрополита Вениамина) или попустительство»^[88]. Все подобные приговоры предлагалось направлять в Москву, тем самым «обогащая» и «умножая» обвинения против патриарха.

В конце апреля в Москве начался судебный процесс над духовенством и церковными активистами, обвиненными в противодействии изъятию ценностей. Всего было привлечено к судебной ответственности

более пятидесяти человек. Однако их судьба решалась не в аудитории Политехнического, где шел процесс, а в зале, где заседало политбюро. В повестку дня его заседания 4 мая был включен вопрос «О Московском процессе в связи с изъятием ценностей». Докладывали Троцкий, Каменев и председатель Московского ревтрибунала Бек. К сожалению, до нас не дошли протокольные записи этого заседания (да и неизвестно, велись ли они вообще) и мы не можем знать, о чем говорили в тот день собравшиеся члены и кандидаты в члены политбюро: Ленин, Сталин, Зиновьев, Рыков, Молотов, Калинин и приглашенный член ЦК РКП(б) М. В. Фрунзе. Но в протоколе заседания было записано следующее решение по обсуждавшемуся вопросу: «а) Дать директиву Московскому трибуналу: 1) немедленно привлечь Тихона к суду; 2) применить к попам высшую меру наказания; б) Ввиду недостаточного освещения в печати Московского процесса, поручить тов. Троцкому от имени Политбюро сегодня же инструктировать редакторов всех московских газет о необходимости уделять несравненно больше внимания этому процессу и, в особенности, выяснить роль верхов церковной иерархии»^[89].

И уже на следующий день, 5 мая, Тихон предстал перед трибуналом — пока еще в качестве свидетеля по делу московского духовенства. Вместе с ним допрашивался и архиепископ Крутицкий Никандр (Феноменов). Ревтрибунал признал обоих виновными в «контрреволюционной агитации и возбуждении религиозного психоза». В приговоре специально подчеркивалось, что воззвание патриарха от 28 февраля вызвало «многочисленные эксцессы и столкновения между гражданами, введенными в заблуждение, и представителями Советской власти при производстве изъятия, закончившегося во многих случаях

беспорядками, имевшими своими последствиями убитых, раненных тяжело или легко, пострадавших от побоев».

На основании данных Тихоном и Никандром показаний, а также материалов предварительного следствия Московский революционный трибунал, считая Тихона главным организатором противодействия исполнению декрета, вынес определение о привлечении его к судебной ответственности. Следствие было поручено вести секретному отделу ГПУ.

Так начиналось судебное дело патриарха. Вначале от него потребовали подписку о невыезде из Москвы без разрешения ГПУ. К дому патриарха была приставлена вооруженная охрана. Отныне в подворье допускался узкий круг лиц, обслуживавших патриарха.

По инициативе ГПУ, стремящегося полностью отстранить Тихона от церковных дел, 12 мая к нему допускается делегация обновленческого духовенства во главе с петроградским протоиереем Александром Введенским. Ей удается «вырвать» у патриарха письмо на имя председателя ВЦИКа М. И. Калинина, в котором патриарх сообщал, что «почитает полезным» для блага церкви поставить временно, до Собора, во главе церковного управления либо митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского), либо митрополита Петроградского Вениамина (Казанского)^[90].

Но ни тот ни другой выехать в Москву не могли. Параллельно в Петрограде разворачивался аналогичный процесс над духовенством. Выезду же митрополита Агафангела всячески противодействовали местные органы ГПУ.

Таким образом, высшая церковная власть оказалась «бесхозной»: глава церкви под арестом, члены Священного синода и Высшего церковного управления — кто за рубежом, кто в ссылке, кто за пределами Москвы, кто в тюрьме...

Моментом вакуума церковной власти воспользовались лидеры нарождающегося обновленческого движения. 18 мая они вновь явились в Троицкое подворье с целью «уговорить» Тихона временно передать им — до прояснения ситуации и приезда митрополита Агафангела — дело церковного управления. До сих пор остаются непроясненными мотивы, которыми руководствовался патриарх, когда давал письменное согласие незванным посетителям «принять и передать высокопреосвященнейшему митрополиту Агафангелу, по приезде в Москву, синодские дела» через посредство бывшего на тот момент в Москве епископа Вернинского Леонида (Скобеева).

Резолюцию патриарха обновленцы расценили или, во всяком случае, представляли всем и вся как официальный акт передачи им церковной власти. Тотчас же они приступили к задуманным церковным преобразованиям, в которых теперь уже не было места патриарху Тихону. Его «изгоняют» из Троицкого подворья на Смотеке, и он находит пристанище в Донском монастыре.

В опустевших патриарших покоях обосновалась новая церковная власть — Высшее церковное управление (ВЦУ) под председательством епископа Антонина (Грановского). Кроме него в управление вошли епископ Леонид (Скобеев), священники А. Введенский, В. Красницкий, Е. Белков, С. Калиновский. Одновременно в эти же дни конституируется еще одна церковная группа обновленцев, получившая наименование «Живая церковь», во главе с центральным комитетом под председательством протоиерея В. Красницкого.

Раскол в церкви стал свершившимся фактом. Обновленцы заявили о своей политической лояльности власти и поддержке социального курса государства, призвали своих сторонников повсеместно устранять от

власти «контрреволюционное тихоновское» высшее духовенство и готовиться к созыву Поместного собора.

Обновленческий соблазн

Весна — лето 1922 года — период бурного роста обновленческого движения внутри Русской православной церкви. Общие цели и задачи обновленческого движения сводились к проведению реформ в церковном управлении, в догматической и этической сферах. Обновленческий вал прокатился по России. Совещания благочинных в Москве и Петрограде поддерживали обновленцев. Признали ВЦУ в качестве высшей церковной власти Вологодское, Казанское, Тульское, Тамбовское, Уфимское и многие другие епархиальные управления.

Для лидеров обновленчества было очень важно привлечь на свою сторону как авторитетных иерархов, так и наиболее крупные епархии. В центре их внимания в этот период были митрополит Сергей (Страгородский) и Владимирская епархия.

9 июня во Владимире состоялся суд над митрополитом Сергием и его викариями. Они были признаны виновными и приговорены к одному году заключения, однако уже на следующий день освобождены по амнистии. Вероятно, в данном случае речь шла скорее о показательном запугивании. И вместе с тем факт привлечения к судебной ответственности использовался для раскола духовенства во Владимирской епархии.

Но у А. И. Введенского, В. Д. Красницкого и других руководителей ВЦУ уверенности в том, что Сергей примет их сторону, не было. Тогда с помощью ГПУ его выдворяют из епархии и в административном порядке ссылают в Нижний Новгород. Одновременно в епархии образуются многочисленные группы сторонников

«Живой церкви», которые требуют проведения епархиального съезда и перехода на сторону ВЦУ. Конференция духовенства группы «Живая церковь» Владимирской епархии постановила: «Священно-церковнослужителей, сознательно не подчиняющихся новой установленной церковной власти... удалить от службы немедленно, не останавливаясь даже перед высшей мерой церковного наказания, т. е. лишением сана».

Таким образом, епархия «уплывала» из рук митрополита Сергия и при назначении сюда епископа-обновленца могла стать бастионом этого движения, совращая в раскол духовенство и верующих.

В июньском номере обновленческого журнала «Живая церковь» к полной неожиданности для церковного мира, да еще в тот самый момент, когда в Петрограде в разгаре был процесс над митрополитом Вениамином (Казанским) и группой священнослужителей, обвинявшихся в сопротивлении изъятию ценностей, был опубликован так называемый «меморандум трех». То было официальное заявление маститых иерархов — митрополита Владимирского и Шуйского Сергия (Страгородского), архиепископа Нижегородского и Арзамасского Евдокима (Мещерского) и архиепископа Костромского и Галичского Серафима (Мещерякова) с признанием обновленческого Высшего церковного управления в качестве единственной канонически законной верховной власти. Иерархи признавали все распоряжения новой церковной власти «вполне законными и обязательными» и призвали духовенство и верующих последовать их примеру.

Публично признав ВЦУ, митрополит Сергий, очевидно, исходил из желания оградить свою епархию от различных треволнений. Надеялся перехитрить обновленцев и стоящее за ними ГПУ и, встав во главе ВЦУ, постепенно выправить церковный курс в

православно-каноническую сторону. Сказалось и опасение утратить церковный центр и тем навредить делу церковного единства. Кроме того, в тот момент нельзя было проверить правдивость слов обновленцев о законности передачи им власти резолюцией патриарха Тихона.

Но, каковы бы ни были побуждения Сергея и двух других иерархов, последствия воззвания были печальными для Патриаршей церкви: массовый переход верующих в обновленчество. Среди иерархов обычными были рассуждения: уж если «мудрый» Сергей счел возможным подчиниться «Живой церкви», то и нам следует идти за ним. И десятки архиереев потянулись в обновленчество, не говоря уже о многочисленном рядовом духовенстве.

Заявление Сергея позволило ему вновь вернуться во Владимир, где он старался никак себя не выказывать. В Москву и Петроград не выезжал, в скандальные аферы обновленцев не впутывался. Он избегал выступать на страницах обновленческих журналов и не участвовал в хиротониях (рукоположениях) обновленческого епископата, уклонялся от участия в массовых форумах обновленцев, не вел переписки с зарубежными обновленческими иерархами, не участвовал в кампании травли патриарха Тихона.

Сергию не понадобилось много времени, чтобы убедиться, что декларации обновленцев резко расходятся с их делами. В составе церковных органов оказывались люди безнравственные, нарушители церковных канонов. В жизнь церкви привносилось нечто не совместимое с православным сознанием: женатый епископат, упразднение монашества и монастырей, отказ от почитания святых мощей и т. д. И хотя с церковных амвонов, со страниц обновленческой прессы все еще раздавались здравицы в честь «дальновидности», «политической расчетливости» и

«мудрости» митрополита Сергия, для него очевидным становилось, что он на этот раз жестоко ошибся.

В начале июля в Москве «живоцерковники» утвердили устав своей организации. Поскольку в ВЦУ большинство было за ними, то с «их подачи» от имени ВЦУ на места рассылались специальные циркуляры, предписывавшие повсеместное создание групп «Живой церкви». К июлю из семидесяти трех епархиальных архиереев 37 поддержали ВЦУ. Политические декларации обновленцев обеспечили им поддержку рядовых верующих: до 70 процентов приходов пошли за ними.

В августе 1922 года в Москве прошел Всероссийский съезд представителей белого духовенства, сторонников «Живой церкви». На нем была окончательно сформулирована и утверждена программа «Живой церкви». Выделим в ней два основных положения: лояльность к власти и уничтожение патриаршества. Кроме того, съезд постановил вынести на рассмотрение Собора Российской православной церкви, планировавшегося на 1923 год, вопросы о снятии церковного отлучения с Л. Н. Толстого; об отлучении от церкви участников Поместного собора 1917-1918 годов; о лишении патриарха Тихона священного сана за контрреволюционную деятельность против советской власти и за организацию «церковной смуты».

Решения августовского съезда белого духовенства активно проводились в жизнь группами «Живая церковь», во множестве образующимися в областях и губерниях Советской России и постепенно подминавшими под себя приходы, сохранявшие верность Патриаршей церкви. Вместе с тем конфронтационность лидеров «Живой церкви» по отношению к епископату и оппонентам в их собственных рядах привела к тому, что внутри обновленческого движения начинаются расколы. Первоначально

формируется группа «Церковное возрождение» во главе с епископом Антонином (Грановским), а вслед за этим — Союз общин древлеапостольской церкви во главе с А. Введенским и Боярским. Протоиерей Белков основал Союз религиозных трудовых коммун. Множество иных обновленческих мелких групп, партий и синодов образовалось в провинции: «Пуританская партия революционного духовенства и мирян» в Саратове. «Свободная трудовая церковь» — в Пензе. Между ними всеми повелась острая борьба за церковную власть, в которой нередко идеи церковного обновления отходили на второй план.

Августовские решения привели и к тому, что некоторые из еще совсем недавно примкнувших к обновленчеству архиереев дистанцируются от них. В частности, митрополит Сергей (Страгородский) в сентябре — октябре 1922 года сначала в печати, а затем на пленарном заседании ВЦУ заявил: «Я решительно протестую против тех постановлений съезда „Живой церкви“, которые приняты в отмену основных требований церковной дисциплины, а тем более вероучения. Некоторые из этих постановлений являются для меня недопустимыми безусловно, некоторые — превышающими компетенцию нашего Поместного Собора, а некоторые — неприемлемы до этого Собора».

Протест митрополита вызвали отмена постановления Святейшего синода об отлучении от церкви Льва Толстого, решение о допустимости второбрачия для священников и брака для епископов. В связи с последним Сергей распорядился, чтобы в его епархии второбрачные священники извергались из сана, а вступившие в брак архиереи таковыми не признавались.

Последний раз след митрополита Сергея в обновленческой прессе можно обнаружить в журнале «Соборный разум» (№ 2, 3) от 13 (26) ноября 1922 года. В заметке сообщалось, что с 29 октября по 3 ноября в

Троицком подворье под председательством митрополита Антонина состоялись заседания пленума ВЦУ. Обсуждались и приняты были решения по таким вопросам, как борьба с последствиями голода, празднование дня пятилетия Октябрьской революции, борьба с церковной (приходской и епархиальной) контрреволюцией, действия Карловацкого заграничного собора.

Высказанные митрополитом осенью 1922 года суждения относительно постановлений съезда «Живой церкви» сделали его персоной нон грата в обновленческой среде. По существу, это был бунт против обновленчества и открытый отход от него. Скандал получился столь громким, что обновленцы поспешили за помощью к властям. Они не хотели, чтобы митрополит Сергей стал участником готовящегося ими Собора и распространял свои взгляды, подрывал авторитет обновленчества. В результате поступок митрополита рассматривался даже на заседании Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), которая постановила: «Епископа Сергея оставить в прежнем положении опального». И в самом начале 1923 года его вновь высылают в Нижний Новгород, где изолируют от церковной жизни как в городе, так и в стране. Одновременно митрополит был исключен из состава Высшего церковного управления.

В отсутствие Сергея Владимирский губернский съезд духовенства и мирян, руководимый обновленцами, принял резолюцию, в которой говорилось: «Клеймим позором всех высших иерархов во главе с патриархом Тихоном. Да здравствует мировая революция, освободившая рабочих и крестьян от гнета капитала. Да здравствует возрождение страны рабочих и крестьян. Позор всем врагам пролетарской республики».

Дабы усугубить положение Сергея, Антирелигиозная комиссия поставила перед ГПУ задачу приступить к

допросам митрополита по поводу его активной деятельности во времена Поместного собора и как члена Священного синода; после чего, собрав обличительный материал, привлечь в качестве обвиняемого по «делу» патриарха Тихона. Последнему 19 апреля уже предъявили обвинение и перевели из Донского монастыря, где он находился под домашним арестом, во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Весной 1923 года власть, отбросив нерешительность и колебания в отношении обновленцев, все же дала добро на проведение обновленческого Поместного собора. Расчет был очевиден: судить не главу Российской православной церкви, а «бывшего патриарха», рядового мирянина, от которого отказалась сама паства и за которым отныне не было многомиллионной верующей массы.

29 апреля 1923 года торжественной службой в храме Христа Спасителя открылся Второй Поместный собор Российской православной церкви. Давая своему церковному собранию наименование «второй», обновленцы намеренно подчеркивали свое исключительное «право на преемственность» исторической православной церкви и тем самым «продолжали» историю церкви уже в новых, советских, условиях. Для тихоновцев же этот Собор вошел в историю как «разбойничий собор».

Рабочие заседания Собора начались вечером 2 мая в III Московском Доме советов (бывшая Московская духовная семинария). Присутствовало 476 человек, представлявших 72 (из 74) епархии церкви и различные церковно-партийные группы: «Живая церковь», Собор общин древлеапостольской церкви, «Возрождение», а также и «беспартийные» группировки. Хотя большинство по-прежнему оставалось за «Живой церковью».

Председателем Собора избрали митрополита Сибирского Петра (Блинова). Повестка дня состояла из десяти вопросов, среди которых: об отношении к социальной революции, к советской власти, к патриарху Тихону; о почитании святых мощей; о монашестве и монастырях.

Своими решениями Собор узаконил реформы, ранее озвученные Высшим церковным управлением: закрытие монастырей, допустимость второбрачия для духовенства. Хотя голосами «умеренных обновленцев» Собор отказался принять догматические и литургические новшества, на которых в своих докладах настаивали Введенский и Красницкий.

К главному вопросу — об отношении к революции, к советской власти и патриарху Тихону — соборяне приступили 3 мая. С докладом выступил протоиерей А. И. Введенский. Он высказался за лишение патриарха Тихона сана и одновременно за упразднение самого института патриаршества. Судя по занесенным в стенограмму выкрикам: «Правильно!», «Верно!» — именно эти предложения вызвали среди слушающих наибольшие одобрение и поддержку.

«Я знаю, — говорил Введенский, — иногда церковным людям (в особенности находящимся за пределами этой залы) этот акт представляется нехристианским, актом сведения личных счетов, актом мести. Неправда... Я не сомневаюсь в том, что Собор, извергая Тихона из сана, сделает это со спокойной совестью, что это не акт мести, а Суд Божий, действующий через наше недостойнство... Церковь приветствует власть рабочих и крестьян. Она хочет полноты правды, она говорит: все отныне идем за Христом и со Христом осуществим его социальную правду, которая сейчас рождается в мире. Мы не губим Церкви, мы любим ее, и мы снимаем анафему»^[91].

Накануне Собор обновленческих епископов специально обсуждал судьбу патриарха Тихона и принял в отношении его особый приговор. Текст по поручению Собора зачитал митрополит Петр:

— По бывшем суждении о патриархе Тихоне, Собор епископов пришел к единоличному решению, что патриарх Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности и каре — лишению сана и звания патриарха — за то, что он направил всю силу морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского общественного строя нашей жизни.

— Огласите подписавшихся, — раздалось из зала.

— Довожу до сведения, — отвечал митрополит. — Под документом стоят подписи пятидесяти четырех архиереев, то есть всех присутствовавших на Соборе владык. Из них шестнадцать архиереев дореволюционного постановления.

Осуждение патриарха Тихона и его деятельности «как контрреволюционной» закреплено было и в соборной резолюции, гласившей: «Собор на основании канонов Церкви сим объявляет Патриарха Тихона лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне Патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин».

Собор признал сам факт восстановления патриаршества на Поместном соборе 1917-1918 годов «определенно политическим, контрреволюционным» и потому отменил принятое на нем соборное постановление о восстановлении патриаршества.

Для того чтобы ознакомить низложенного патриарха с документами Собора, 8 мая его перевозят из Лубянской тюрьмы в Донской монастырь, куда и заявила делегация от обновленцев во главе с митрополитом Петром. Тихон расписался на

предоставленных ему документах, хотя и заявил, что не признает законность данных решений, так как они нарушают канонические правила.

И пришел он с покаянием

Решения «разбойничьего собора» окончательно укрепили Сергия в мыслях о возвращении в Патриаршую церковь. Как только в конце июня 1923 года патриарх обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, в котором раскаивался в своих «контрреволюционных деяниях», он был освобожден из-под стражи, помещен в Донской монастырь и даже получил возможность принимать посетителей и выезжать из монастыря, Сергей Страгородский спешно выезжает в Москву с одной только целью — встретиться с патриархом. Труден был этот шаг, ибо должен он был сопровождаться раскаянием и покаянием. В течение месяца Сергей на свои звонки получал один и тот же ответ: «Патриарх не принимает».

Сергий жадно внимает доходившим до него слухам о жизни «тихоновской» церкви. Он знал, что патриарх сформировал при себе временный Священный синод, в состав которого вошли архиепископы Тверской Серафим (Александров), Уральский Тихон (Оболенский), епископ Верецкий Иларион (Троицкий), ставшие ближайшими помощниками патриарха. Известны были ему и отклики на торжественные патриархии службы с многотысячными толпами верующих, приходивших к своему патриарху, будь то Донской монастырь, московские храмы или храмы в Подмосковье, куда выезжал Тихон с разрешения властей. С особым вниманием ознакомился он и с августовским воззванием патриарха и Синода, в котором заявлялось о решительном отмежевании от всякой контрреволюции, выразившемся в таких словах: «Возврат к прежнему

строю невозможен, Церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они ни жили, — дома или за границей, которые вспомнили о ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы ею воспользоваться для своих личных целей. Церковь признает и поддерживает советскую власть, ибо нет власти не от Бога»^[92].

Эта позиция патриарха и разделялась, и поддерживалась Сергием. Он понимал, что она выбивает основной козырь из рук обновленцев — заявление о лояльности к советской власти. И результат не заставил себя ждать. Вскоре по Москве прокатилась волна возвращения обновленческих священников в Патриаршую церковь. Обновленцев к тому же чуть ли не повсеместно изгоняют из храмов, избивают, говорят о них с большей ненавистью, чем даже о безбожниках. Внутри обновленчества начались разброд и шатания: одна часть его сторонников с еще большим озлоблением стала относиться к «тихоновщине», проклиная ее и вызывая к властям с требованиями «уничтожить церковную контрреволюцию», а другая — разнообразные группировки обновленцев, ранее спорившие между собой за власть и паству, оказавшись перед общей опасностью, должна была предпринимать шаги к объединению.

Фигурой, которая, как надеялись обновленцы, сможет осуществить этот объединительный процесс, стал митрополит Нижегородский Евдоким (Мещерский). Тот самый, что год назад вместе с Сергием Страгородским подписал воззвание о признании каноничности власти обновленческого Высшего церковного управления. Его умоляют приехать из Нижнего Новгорода в Москву и возглавить движение. Сразу по прибытии в Москву Евдоким проводит совещание представителей различных обновленческих группировок. Принимаются решения об упразднении

ранее действовавшего обновленческого Высшего церковного совета и об учреждении вместо него Синода во главе с Евдокимом. В состав Синода вводятся, для придания видимости «церковной законности», епископы старого (дореволюционного) поставления.

Евдокиму удалось за короткий срок свершить, казалось бы, немислимое — приостановить центробежные процессы и консолидировать обновленчество. С ним обновленцы почувствовали себя спокойнее и увереннее. Величественный и надменный князь церкви Евдоким в то время импонировал решительно всем. Обновленческие батюшки подобострастно склонялись перед высоким духовным сановником, почуяв наконец привычную для них властную руку староцерковного архиерея. В иностранных посольствах Евдоким принимал вид образованного европейца, чему немало способствовали его великолепная английская речь и навыки, приобретенные им в бытность архиепископом Североамериканским и Алеутским (1914–1917). Представителям Восточных патриархов в Москве и ученым теоретикам обновленчества из бывших академических профессоров импонировали диплом магистра богословия и ученая карьера Евдокима — инспектор, ректор Московской духовной академии (1898–1908). Наконец, народ, бесцеремонно выталкивавший из церквей обновленческих батюшек, умолкал при появлении старого архиерея в белом клобуке, с генеральской осанкой, с барской пренебрежительностью в обращении.

При Евдокиме начались первые робкие попытки обновленцев и «тихоновцев» перейти от противостояния и публичных обличений во всевозможных грехах к нащупыванию почвы для возможных переговоров о судьбах православия в России. Обновленцы выдвигали идею проведения объединительного Собора, который

должен был принять окончательное решение о судьбе патриарха Тихона.

Получая от многочисленных друзей, знакомых и почитателей последние новости о церковной жизни, Сергей Страгородский мучился и переживал, что в столь ответственный для церкви момент он не в силах что-либо предпринять, поскольку оставался в положении не признаваемого ни обновленцами, от которых ушел, ни «тихоновцами», которые не звали его к себе. В этом он усматривал указание на свою «неправославность», нежелание со стороны патриарха простить его.

25 августа в квартире Сергея неожиданно раздался телефонный звонок. Незнакомый голос произнес:

— Приезжайте, патриарх ждет вас.

У ворот Донского монастыря Сергея встретил архимандрит Неофит, секретарь патриарха. По дороге к Святым воротам, где располагались покои Тихона, он быстро-быстро говорил:

— Святейший страшно утомлен, слаб. Ему надо хорошенько сегодня отдохнуть, поскольку завтра очень хлопотный день — тезоименитство патриарха, предстоят службы, встречи с приехавшими со всех концов России иерархами, но все же с вами он хотел встретиться. Однако я вас прошу. — Архимандрит как-то по-детски строго посмотрел на Сергея и завершил фразу: — Постарайтесь занять у святейшего не более десяти минут!

Получив такой своеобразный инструктаж, Сергей вошел в патриаршую келью. Тихон, обложенный подушками, полулежал на диване, прикрыв глаза. На придвинутом вплотную столике — пузырьки, графин с водой, какие-то медицинские приборы, фотокарточка отца — Иоанна Белавина, протоиерея собора в Торопце. Сейчас, после более чем годовой разлуки, патриарх казался сильно постаревшим, изнемогшим. Митрополит

кашлянул, желая привлечь внимание. Тихон открыл глаза и, подавшись вперед, негромко произнес:

— Рад, рад вас видеть, владыко. Хорошо... хорошо, что вы пришли.

— Ваше святейшество... — Сергей приблизился к дивану и неожиданно для себя самого опустился на одно колено. — Ваше святейшество... — От нахлынувших чувств он не мог более произнести ни слова.

— Ну что вы, что вы... Присаживайтесь поближе, — произнес несколько смутившийся патриарх, указывая на стоящий рядом стул.

Справившись с волнением, Сергей произнес:

— Ваше святейшество, благоволите служить с вами... завтра, в день вашего небесного покровителя Тихона Задонского?

— Да как же, как же так сразу «служить»? Вы ведь согрешили перед церковью... в обновленчество ушли. Нет, нет, так запросто... принять обратно, нет... не могу.

— Так оно и не так. Нет греха на мне. Не совершал я против церкви предательства. Лишь формально был с ними, да и то лишь чтобы спасти и сохранить распадающуюся церковь... И был ли путь-то иной?

— Иной путь... — повторил вслед за Сергием патриарх и после некоторого молчания заключил: — Был, и многие вступили на него, хотя и сопряжен он с трудностями и мучениями. Не отказались они ни от меня, как главы церкви, ни от святого православия, завещанного нам предками. Берегли и до сего времени терпят лишения ради нас, на свободе пребывающих. А вы, владыко, в слабости своей забыли о них, и обо мне, и о церкви. Послужили вы к тому же большим соблазном многим нестойким и слабым духом. Скольких совратили ваши поступки в пропасть обновленчества?!

— Простите, — выдохнул Сергей.

Патриарх приподнялся, сел. Из-под одной из подушек достал какой-то смятый листок. Положил на

колени, разгладил.

— Вот, — обратился он к митрополиту, — извольте, привет от страждущих. Прочтите!

То было письмо от узников Соловецкого лагеря, ставшего местом заключения для ссыльного духовенства. «Нас, ссыльных, — начал про себя читать митрополит, — здесь становится все больше и больше. Прибывают с каждым парходом миряне, иереи, иерархи. Живем в гостинице монастыря, исполняем посильные для нас работы. В пять утра ежедневная литургия — пока дозволяют. Пару раз разрешали служить в храме. Живем на казенном пайке. Спасибо не забывшим нас: кто продукты присылает, кто вещи. Махорку, приходящую с воли, отдаем „шпане“ — уголовникам, здесь же сидящим, которые за это делают за нас отдельные непосильные и не соответствующие сану работы. Слава Богу, еще здоровы и живы, бодры духом. Говорят у нас, что ссыльные в Киргизских степях устроены гораздо хуже нашего. Как бы им помочь...»

Сергий оторвался от чтения письма:

— Ваше святейшество, не отвергайте меня. Примите в свое стадо, пусть малое, но верное. Поверьте раскаянию моему, оно искренне. Разве можно мне быть вне церкви?!

— Что ж, владыко, церковь знала и любила вас. Помним и мы вас. Приходите завтра к службе... А теперь идите...

Назавтра, в вечер, Сергей отправился в Донской, чтобы участвовать в патриаршем богослужении в Большом (летнем) храме монастыря. К его приходу в храме уже собрались иерархи и священники, приглашенные к патриаршему служению. Все были радостно возбуждены, негромко переговаривались: кто сообщал об уже состоявшейся встрече с патриархом, кто только собирался с вопросами к нему. Собравшиеся предвкушали праздничную встречу с патриархом,

долгие и неспешные беседы с иерархами, наконец-то прибывшими из ссылок или заключения, а кто и из далекой провинции, ранее фронтами отрезанной, прибыл в столицу за новостями.

Завидев Сергия, который начал было облачаться, они заволновались. Собираясь в группы по два-три человека, они о чем-то шептались, поглядывая в сторону Сергия. Тот почувствовал, как вокруг него образовался вакуум: стоявшие рядом вдруг отодвинулись, общий разговор смолк, воцарилась гнетущая тишина. Но вот из рядов вышел архиепископ и, обращаясь к Сергию, произнес:

— Простите, владыко, но вы не можете и не должны служить здесь.

— Разве вы распоряжаетесь в храме?

— Ведь вы «живец», «христопродавец», — продолжал тот, как бы и не замечая попытки Сергия возразить.

— Я чист перед церковью... патриарх благословил участвовать в сегодняшней службе.

— Патриарх слаб, — был ответ, — и не только физически, но и волею. Стал уступчив более чем следует и не имеет прежней твердости.

— Что вы себе позволяете! — вспыхнул Сергей.

— Мы о церкви радеем. А патриарх... Что ж, и ему известны слабости человеческие. Посему мы и стоим на страже чистоты родного православия. И стоять так будем. Если вы, как утверждаете, чтите патриарха и церковь, то уходите отсюда.

— А если нет? Патриарх знает, что я здесь, и хотел, чтобы я сослужил ему.

— А если нет, то мы, — архиепископ повернулся в сторону толпившегося духовенства, — мы все уйдем из храма. Не будем с вами служить, останетесь вдвоем.

— Но не грешен я, перед судом церковным чист и хочу послужить Патриаршей церкви.

— У вас есть один только путь — публичное раскаяние. А там... если оно принято будет, и послужите с нами.

Сергий удрученно направился к выходу. Уже спустившись с высокой лестницы собора и ступив на дорожку, ведущую к Святым воротам, он встретил патриарха. Сообщив о происшедшем, смиренно ждал ответа. По лицу патриарха заметно было, что и он огорчен случившимся.

— Я по долгу христианскому, — сказал Тихон, — тебя прощаю. Но велика твоя вина не только передо мной, но и перед собратями-архиереями, и всем народом православным. Раз не приняли они тебя, должен ты принародно покаяться. Видать, такова воля Божия, и надо ее исполнять.

В тягостном состоянии духа Сергей вернулся в свою квартиру на Валаамском подворье. Навстречу ему вышел чем-то озабоченный келейник, подойдя к Сергию, тихо произнес:

— У вас гость, — и, отвечая на недоуменный взгляд митрополита, добавил: — митрополит Евдоким.

Встреча была более чем неожиданной, да, пожалуй, и нежеланной. Евдоким остался в чуждом обновленческом лагере и готовился дать бой Тихону и «тихоновской» церкви. Сергей помедлил у закрытой двери, оттягивая встречу с незванным гостем. Но из комнаты уже выходил Евдоким. Все такой же — величественный, гордый, уверенный в себе. Улыбаясь и разведя широко руки, шел он навстречу Сергию.

— Пройдемте в комнату, — сухо и как бы не замечая приготовившегося к объятиям и поцелуям бывшего своего сотоварища (знакомы они были больше двадцати лет), промолвил Сергей.

Захлопнув дверь и не предлагая сесть, спросил:

— Что вам угодно?

Евдоким, привыкший и не к таким неожиданностям, сделав вид, что ничего неприятного не произошло, заговорил:

— Я только что встречался с делегацией от патриарха Тихона. Мы совместно пришли к мнению, что в «тихоновской» церкви смятение, хаос и полное разложение. Немало иерархов, среди них и ближайшие сторонники патриарха, согласны воссоединиться с нами при условии низложения Тихона и его удаления в Гефсиманский скит. Делегаты, а был у меня и правая рука Тихона архиепископ Иларион (Троицкий), считают возможным совместно готовиться к Поместному объединительному собору, с выборами нового патриарха. И уж позвольте не для похвальбы, а для уточнения позиций: они были согласны с моей кандидатурой на патриарший престол... Каково?

— Простите, — прервал Сергей увлекшегося своими фантастическими перспективами Евдокима, — но я не могу в таком духе разговаривать с вами и слушать ваши злокозненные слова. Между нами нет и не может более быть каких-либо отношений, всё в прошлом. И к тому же я был сегодня в Донском... Вы говорите неправду. Уходите!

Евдоким, не прощаясь, ушел. Он был взбешен, ибо рассчитывал на привлечение митрополита Сергея Страгородского — фигуру заметную, известную и привлекающую к себе паству. А тут... такой конфуз.

Незванный гость все же не во всем был не прав. Действительно, в те часы, когда Сергей посещал Донской монастырь, группа иерархов — архиепископы Иларион (Троицкий), Сергей (Александров) и Тихон (Оболенский) — с ведома патриарха посетила Евдокима в его квартире на Троицком подворье. Разговор касался конкретных условий возможного объединения. «Тихоновцы» выставили в качестве обязательных следующие условия: отказ от женатого епископата,

недопущение второбрачных и третьобрачных клириков, признание в качестве главы Российской православной церкви Тихона. Со стороны Евдокима и секретаря обновленческого синода А. И. Новикова именно третий пункт вызвал резкое несогласие. Они требовали немедленного удаления Тихона от управления церковью. Дальнейшую же его судьбу, по их мнению, должен был решить Поместный собор, собираемый «на равных» от представителей Патриаршей и обновленческой церквей.

Тихоновские посланцы подоспели в Донской монастырь уже после патриаршего богослужения. Архиепископ Серафим докладывал патриарху о ходе состоявшихся переговоров и о последних условиях обновленцев. Они сводились к следующему: патриарх Тихон торжественно открывает совместный Поместный собор и сразу же заявляет о добровольном сложении с себя патриарших полномочий, желании уйти на покой в один из скитов. Собор принимает просьбу патриарха и избирает нового. Тем самым ставится точка в тягостном для всех разделении церкви.

Тихон слушал молча. Казалось, он погружен в размышления. Может, он вспоминал, как всего лишь три месяца назад был свергнут обновленцами с патриаршего престола. А теперь угроза отрешения от церковной власти вновь нависла над ним, но при «соучастии», казалось, ранее верных ему епископов. Но вот он встрепенулся, как бы придя к какому-то окончательному решению, и ответ его был прост:

— Уж если я надоел вам, братья, так возьмите метлу и гоните меня... А теперь идите, вас ждут в Михайловском соборе. Как решите, так и будет.

В Михайловском соборе Донского монастыря собралось около тридцати тихоновских епископов. Серафим донес до них и предложения обновленцев, и свой разговор с Тихоном. Обсуждение и в этот раз не

помогло выработать общей позиции. Дабы не обострять отношений внутри Патриаршей церкви, решено было оставить дверь открытой для переговоров с обновленцами при условии, что «тихоновцы» едины в том, что не может идти и речи о немедленном отрешении Тихона от власти.

Вечером следующего дня, 27 августа, в канун праздника Успения Богородицы, Сергей Страгородский вновь пришел в Донской. Перед ним высилась громада Успенского собора. Там его ждали. Окна освещались теплым светом свечей. Слышалось негромкое пение. Вокруг храма, где должна была состояться патриаршая служба, уже теснились богомольцы. В этот день их было особенно много, ибо Москва уже была переполнена слухами о необычном событии — публичном покаянии известнейшего русского иерарха, бывшего обновленческого митрополита. С его именем было столь много хорошего и славного связано в прошлом России и Российской церкви. Медленно шел Сергей по дорожке к собору, некоторые из стоявших по обеим сторонам узнавали его, и он отвечал на их приветствия. То был путь блудного сына, путь согрешившего в Каноссу.

В соборе также находилось множество молящихся: монахи монастыря, прихожане соседних храмов, московское духовенство, иерархи. Служба шла своим чередом. Но вот ход ее, отлаженный веками, приостановился. На амвон вышел величественный старец в простом монашеском клобуке. Следом за ним на блюде вынесли панагию, крест и белый клобук. Отдельно несли святительский посох. На амвоне стоял лишенный всех архиерейских отличий человек — слава и гордость Российской церкви. Глубоким раскаянием дышало его скорбное, орошаемое скупыми слезами лицо. Повернувшись к центру зала, где на кафедре восседал патриарх Тихон, Сергей низко поклонился. С усилием, словно преодолевая невидимую преграду,

произнес он первые слова раскаяния. Но вот к склоненному иерарху подошли патриархии иподиаконы, медленно повели его в центр зала. Вновь остановка: земной поклон и слова покаяния, произносимые дрожащим от волнения голосом. Собравшиеся молча взирали на сцену покаяния. И в третий раз останавливается сопровождаемый иподиаконами митрополит Сергей, теперь перед патриархом. Вновь поклон до земли, и вновь дрожащий голос произносит слова раскаяния и покаяния, обращенные к патриарху, клиру и народу. Внимавшие этому голосу верующие не могли уже более выдерживать и вместо обычного в таких случаях «Бог простит!» раздалась возгласы:

— Святейший, прости его! Прости!!

Патриарх наклоняется к Сергию, ласково треплет его за окладистую густую бороду. «Ну, пускай другие отходят, тебе-то как не стыдно отходить от церкви и от меня», — тихо говорит он Сергию. И тут же троекратно облобызался с ним и возвратил ему знаки архиерейского достоинства. Надел на Сергия архиерейский крест и панагию. Иподиаконы накинули на плечи прощенного владыки архиерейскую мантию. Архиепископ Иларион подал Сергию на блюде клобук. Муки страдания и стыда, тяжелые переживания остаются позади. Митрополит Сергей вместе с другими участвует в продолжающейся службе, в службе, всех примиряющей.

И долго в церковном народе ходили рассказы о свершившемся покаяния: «Видали мы приносимое покаяние от духовенства, изредка от архиереев, но о таком покаянии не слыхали, и не знали, и не видели. Сколько же надо было иметь мужества, духовных сил, чтобы столь великому мужу церковному, как владыка Сергей, да еще в переполненном молящимися храме, публично признать свою вину и испрашивать прощение».

Для обновленцев и лично для Евдокима покаяние Сергия Страгородского и его возвращение в Патриаршую церковь было одним из самых тяжелых ударов последнего времени. Они почувствовали, что поколебалось все здание строящейся ими обновленной церкви. Распался и триумвират, когда-то опубликовавший обращение, столь пагубно сказавшееся на положении Патриаршей церкви. Вслед за Сергием принес покаяние и Серафим (Мещеряков) и отправился на Север искупать свою вину перед Российской церковью.

Спустя короткое время сброшен был с обновленческого церковного корабля самими обновленческими сотоварищами и Евдоким. Оставил церковную службу, не снимая сана, облекся в светское платье. Затем уехал на Кавказ, где еще долго отдыхающие видели странного старика, торговавшего с лотка конфетами, семечками и всякой дешевой снедью. То был владыка Евдоким.

Глава V

НА РОДНОЙ НИЖЕГОРОДЧИНЕ.

1924-1934 ГОДЫ

Приемля новое назначение

После покаяния и возвращения в Патриаршую церковь Сергей некоторое время продолжал жить в Москве. После всего происшедшего летом 1922 года и в последующие месяцы непросто было начинать отношения заново, и патриарх не спешил приближать его к себе. Однако теперь Сергей был в церкви, общался с членами Синода, московским духовенством, по просьбе которого стал выезжать на службы. Паства принимала его и тем самым укрепляла в нем силы, вселяла надежду на будущее.

В самом начале 1924 года менялись и жизненные обстоятельства Сергея Страгородского. От митрополита Тверского Серафима, члена Синода при патриархе Тихоне, он получил письмо следующего содержания: «За уклонением в так называемый обновленческий раскол Нижегородского архиепископа Евдокима, считать Нижегородскую кафедру свободной, на каковую и переместить Высокопреосвященнейшего митрополита Владимирского Сергея»^[93].

В Нижнем Новгороде владыко Сергей поселился в квартире в одном из корпусов на территории Крестовоздвиженского женского монастыря. После закрытия монастыря в 1919 году монахини, бывшие его насельницы, вынуждены были впредь именовать себя «трудовая артель» и взять здания своей обители в аренду. В 1923 году им пришлось соединиться с приходской общиной, срочно созданной вокруг

монастыря, чтобы власти не изъяли помещения. 347 монахинь подали заявление о вхождении «в общину верующих при Крестовоздвиженском монастыре», а 27 апреля 1923 года был зарегистрирован «Устав Крестовоздвиженского автономного православного общества при бывшем Крестовоздвиженском монастыре и кладбище г. Нижнего Новгорода». Именно к этой общине и был приписан митрополит Сергей после прибытия в Нижний Новгород.

К этому времени Нижегородский кафедральный Спасо-Преображенский собор в Кремле уже был закрыт. Владыко Сергей, зарегистрированный местными властями как «представитель культового сословия» в приходе Спасского храма Нижнего Новгорода, чаще всего и совершал архиерейские богослужения в этом храме. Во время пребывания Сергея в Нижнем Новгороде его постоянно посещали богомольцы, направлявшиеся в Саровскую пустынь на поклонение мощам преподобного Серафима Саровского. Они приходили в простую келью Сергея, чтобы принять от него благословение и продолжить путь. Стремилась к маститому старцу и монашествующие, волею обстоятельств оказавшиеся в Нижнем. И всех принимал митрополит, одинаково одаривая вниманием и любовью. Многим из них он оказывал ту или иную материальную помощь.

Хотя ему и не удавалось регулярно выезжать в Москву, но он был в курсе всех основных церковных событий. Знал, как настойчиво патриарх ищет возможности наладить отношения с властью; стучится в двери Наркомюста и ГПУ, вступаясь за иерархов, оказавшихся в ссылках на Соловках, в Сибири или под арестом или высланных в административном порядке. Без колебаний Сергей принимает и исполняет указ патриарха от января 1924 года о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением

по формуле: «О стране Российской и властях ея». Радуетя вместе со всеми решению Президиума ВЦИКа от марта 1924 года о прекращении «судебного дела» патриарха Тихона, митрополитов Никандра (Феноменова) и Арсения (Стадницкого), а также П. В. Гурьева. Не вызывает у него протеста и телеграмма патриарха Тихона в адрес советской власти с выражением соболезнования в связи с кончиной председателя Совнаркома В. И. Ленина. Особую надежду вселяла в Сергия, как и во всех тихоновских иерархов, информация о встречах патриарха весной 1924 года с председателем ВЦИКа М. И. Калининым и председателем Совнаркома А. И. Рыковым. Власть пошла навстречу просьбе патриарха и разрешила ему жить за пределами Донского монастыря. Для этого в Сокольниках, в подмосковной дачной местности, было арендовано небольшое двухэтажное деревянное здание на улице Короленко, 3/5. Предполагалось, что здесь разместятся органы церковного управления, а также будут останавливаться возвращающиеся из ссылки иерархи.

Казалось, что время противостояния церкви и власти заканчивается и что еще чуть-чуть — и ему на смену придет «мирное время». Обнадеживал сам факт, что впервые с времен Гражданской войны за «тихоновской» церковью было признано право на законное существование. Практически это означало, что верующие патриаршей ориентации, согласно декрету об обществах и союзах, могли подать заявление о разрешении проведения съезда, на котором могли быть избраны органы церковного управления, которые в дальнейшем регистрировались органами НКВД РСФСР, то есть получали официальный правовой статус.

Общим требованием по тогдашним условиям для всех обществ и союзов при их регистрации была обязательность подачи декларации (заявления) об

отношении к государственному и общественному устройству СССР и с признанием своей лояльности к существующей власти. Эти требования были доведены до сведения патриарха.

На конец мая 1924 года намечается пока еще неофициальное первое заседание Синода. Формируя его состав, патриарх обращается с предложением к митрополиту Сергию Страгородскому о вступлении в него. По существу, этот момент означал окончательное прощение Сергия и призвание его к важнейшим делам церкви. Синод единогласно решил приступить к составлению требуемых для регистрации документов и прежде всего к разработке декларации. В феврале 1925 года состав Синода был признан и властями. В него вошли: Нижегородский митрополит Сергей (Страгородский), Уральский митрополит Тихон (Оболенский), Питерский митрополит Серафим (Александров), Крутицкий митрополит Петр (Полянский), Херсонский епископ Прокопий (Титов) и Мелитопольский епископ Сергей (Зверев).

Приложил свое усердие и умение к разработке проекта декларации и митрополит Сергей, имевший более, чем другие, опыта общения с властями и признававшийся одним из лучших богословов церкви. К осени 1924 года первый вариант декларации был составлен. В доме на Короленко, в зале, где уже стало традицией проводить заседания Синода и наиболее важные встречи, под началом патриарха Тихона состоялось совещание в узком составе. Присутствовали митрополиты Сергей, Тихон и Петр.

Патриарх был краток:

— Приветствую вас, ваши преосвященства, в нашем новом доме. С вечера я даже заночевал здесь, а с утра познакомился в основных принципиальных моментах с подготовленным вами документом. Не могу не признать, что ознакомился с чувством удовлетворения от

понесенного вами труда, хотя и есть что-то пригодное для исправления. Но нам желательно не затягивать с этим документом и потому приступим к обсуждению.

Разговор начал митрополит Уральский Тихон:

— Хотел бы выделить несколько моментов, вокруг которых, собственно, и строился проект декларации. Во-первых, надо было указать на наше отношение к государственному порядку в Союзе ССР и к гражданским обязанностям верующих. Во-вторых, осудить всех тех, кто за пределами Союза ССР своими действиями усложняет наше положение и порождает средостение между нами и государством. В-третьих, заявить, что и патриарх, и церковь в своей внутренней жизни свободны. В-четвертых, высказать наши пожелания в отношении попущений государственных к нам, церковникам.

— Да, — горячо подхватил митрополит Сергей. — все свершившееся с нами начиная от революции семнадцатого года есть изъявление воли Божьей о судьбах нашего Отечества... Мы можем и должны исполнять свой гражданский и общественный долг в новых условиях нашей государственной жизни, лишь бы каждый при этом хранил как зеницу ока свою православную веру и верность обетам, данным нами во Святом Крещении.

— Владыко, — проговорил митрополит Петр, — не слишком ли мы, как бы это поточнее выразиться, подстраиваемся?

— А я согласен с тем, как об этом записано в проекте. Именно: «Совершенно не погрешая против нашей веры и церкви, можем быть в гражданском отношении вполне лояльными к Советской власти и, не держа камня за пазухой, работать в СССР на общее благо».

— Думаю, что это положение — ключевое и нам надо как можно точнее и полнее его прописать, — сказал

митрополит Тихон. — Но было бы желательно сразу после этого и свои предложения высказать.

— Нам нужно, — вставил митрополит Сергей, — прописать мысль о необходимости для нас Церковного собора, ибо без его решений церковного благоустройства нет.

— Да не дадут они Собора провести, — как-то горько и с ноткой безнадежности произнес митрополит Петр.

— Надо настаивать, — убеждал Сергей, — убеждать, что без него нельзя уварчевать расколы — обновленческий, самосвятский, пензенский — внутри страны и за ее пределами — в Грузии, Румынии, Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии.

— Я бы тоже поддержал, — вступил в обсуждение патриарх Тихон, — тем более вот у нас же написано: «Принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу право и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры, насколько это не нарушает общественного порядка и прав других граждан».

— Да, да, — вставил слово Петр, — если разрешались съезды сектантам, магометанам, обновленцам, то и мы на то имеем право.

— Кстати, — добавил митрополит Тихон, — согласитесь, что не возражали бы мы, если на Соборе будут присутствовать «агенты правительства», пусть видят и слышат, о чем говорим, что обсуждаем.

Подводя итог затянувшемуся обсуждению, патриарх Тихон заключил:

— Основная мысль наша должна быть во всем, и она должна быть простой: церковь приемлет земное Отечество и живет в нем, служа своей пастве; осуждает всякую неблагонамеренность церковных общин внутри страны и политиканство внешних, тех пастырей и архипастырей, которые в силу различных причин

оказались за пределами Родины... Да, мы осуждаем Карловацкий собор и хотели бы, чтобы власть относилась к нам с доверием и предоставила свободу в рамках действующей конституции.

По окончании совещания патриарх поручил митрополитам Петру и Тихону, как постоянно жившим в Москве, вести все дальнейшие необходимые переговоры и обсуждать принятый текст с подлежащими властными структурами.

В конце 1924 года здоровье патриарха резко ухудшилось. В середине января 1925 года он переехал в клинику Бакуниной на Остоженке. Будто предчувствуя худшее, патриарх дал указание Синоду как можно быстрее завершить работу над посланием к пастве, в котором должна была выразиться обобщающая характеристика всего, что произошло с церковью в послеоктябрьский период, и ее нынешнее отношение к власти и обществу.

В праздник Благовещения 7 апреля состоялось одно из очередных совместных с патриархом заседаний Синода. Тихон подписал окончательно доработанный и согласованный с властью текст. Ночью патриарх скончался.

Сергий Страгородский срочно выезжает в Москву. Всю неделю прощания с патриархом он почти неотлучно находился в Донском монастыре, поочередно вместе с другими иерархами служа у гроба святейшего. Вот и теперь, в субботу 11 апреля, Сергей пришел в собор немного ранее назначенного ему часа служения. Облачаясь, он слышал, как служили панихиду, как звучал могучий и одновременно такой теплый голос епископа Бориса (Рукина) — главного распорядителя церемонии прощания. Болью в сердце отозвались прозвучавшие слова: «О упокоении раба Божия, Великого Господина и Отца нашего Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России». Нахлынули,

набежали воспоминания, в сознании всплыло все то, что связывало Сергия с усопшим.

Литургию служили 12 архиереев и 24 священника. Пел соединенный хор певчих. Поочередно со словами прощания выступали иерархи, клирики, ученые-монахи, миряне. Первым среди них был Сергей Страгородский, особенно подчеркивавший, что патриарх «на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы... Он имел особенную широту взгляда, способен был понимать каждого и всех простить. А мы очень часто его не понимали, часто огорчали своим непониманием, непослушанием, отступничеством. Один он безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви»^[94].

Последним днем прощания стало 12 апреля, Вербное воскресенье. Без торопливости, благолепно совершался чин отпевания. Настроение было тихое, скорее унылое... Архиереи в белых одеждах и золотых митрах подняли гроб и вынесли его из дверей собора. Погребальная процессия проследовала вокруг собора, к келье патриарха, где провел он последние два с лишним года, затем архиереи внесли гроб в Малый собор. Двери затворились. В молчании стояли люди перед закрытыми дверями храма. Там проходила лития. Вот из собора слышалась «Вечная память». Это гроб опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов — точно плач над раскрытой могилой.

Участвовавшие в похоронах патриарха архиереи собрались в опустевшей келье патриарха, чтобы исполнить его последнюю волю. Вскрыто и оглашено было завещание покойного, составленное в Рождество 1925 года. В нем в качестве возможных кандидатов на временное, до Поместного собора, исполнение «патриарших прав и обязанностей» были названы митрополиты Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский) и Петр (Полянский).

Поскольку первые два находились в ссылке, то совещание (фактически Архиерейский собор) постановило: «Митрополит Петр не имеет права уклониться от возлагаемого на него послушания». Закрепление его прав в качестве патриаршего местоблюстителя было оформлено актом «О восприятии власти митрополитом Петром», под которым стояли подписи пятидесяти восьми архиереев, из них первая — митрополита Сергия Страгородского.

В тот же день митрополит Петр в послании к верующим сообщил о кончине и погребении патриарха Тихона, о своем избрании, в соответствии с волей патриарха Тихона, в качестве Местоблюстителя Патриаршего престола. Митрополит Петр информировал и власти о своем вступлении в новую должность. При этом он подчеркивал, что сохраняет преемственность курсу патриарха Тихона на лояльность церкви, подтверждает ранее поданные обращения патриарха о регистрации высших и епархиальных органов церковного управления и готов к переговорам с властями по всем вопросам, касающимся положения церкви в Советском Союзе.

После кончины патриарха Тихона патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) был вынужден перенести свою резиденцию из Донского монастыря в дом на улице Короленко. Здесь же разместились Московский епархиальный совет и епархиальное управление. Ежедневно множество посетителей заполняло до отказа маленькую приемную митрополита Петра в Сокольниках.

На тот момент о существовании и содержании послания патриарха Тихона, подписанного им 7 апреля, знал ограниченный круг людей. После смерти патриарха, оказавшись последним из документов, им подписанным, оно приобрело особую значимость, став своего рода завещанием Тихона верующим, духовенству

и церкви в целом. В этих условиях весьма важным было для патриаршего местоблюстителя довести его содержание до многомиллионной паствы, ибо оно стало своеобразной рубежной линией во взаимоотношениях между Советским государством и церковью.

В этих целях 15 апреля 1925 года митрополит Петр вместе с митрополитом Тихоном (Оболенским) передали текст послания в редакцию газеты «Известия», где оно и было опубликовано. Заключительные строки обращения патриарха Тихона к верующим гласили: «Призывая на архипастырей, пастырей и верных нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры, подчиниться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова апостола: „Земная душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены“. Вместе с этим мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать путем нашим Закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы»^[95].

По вступлении в новую церковную должность митрополит Петр дал интервью газете «Известия». Отвечая на вопрос корреспондента о слухах в церковном мире о неподлинности завещания патриарха Тихона, митрополит Петр сказал: «Слухи эти никакого основания не имеют. Если об этом и говорят, то две-три кликуши с Сухаревки. Что касается верующих, то они в подлинности завещания не сомневаются». Нет оснований и у нас сомневаться в искренности заявлений митрополита Петра, который всей своей деятельностью, особенно в последующие тяжкие для него годы, подтвердил верность патриарху Тихону и православной церкви. Появляющиеся сегодня в церковных трудах

утверждения о якобы подлинности слухов, распространявшихся когда-то «кликушами с Сухаревки», не имеют под собой реальных оснований, а есть плод либо политизированного церковного сознания, либо недостаточно объективного исследования и избирательного подхода к изучению корпуса документов, связанных с появлением послания Тихона.

Борьба с церковными расколами

Смерть патриарха Тихона вновь пробудила среди обновленческого руководства надежды на воссоединение с ними «тихоновцев». На лето 1925 года был назначен созыв «примирительного собора». На него обновленцы всеми силами пытались позвать митрополита Петра (Полянского) и «тихоновских» архиереев. Митрополит Петр не отвергал контактов с обновленцами, но выставил условие — никакого воссоединения. Речь может идти только о присоединении к православной церкви отпавших от нее, и только в случае их покаяния. В июле 1925 года в особом послании митрополита Петра собираемый обновленцами Собор был объявлен лжесобором, участвовать в котором категорически запрещалось.

Естественно, что столь жесткая позиция митрополита Петра отвергалась обновленческими иерархами, среди которых первую скрипку стал играть митрополит Александр Введенский, в свою очередь, также не признававший никаких компромиссов с «тихоновцами». Ответом обновленцев на курс митрополита Петра стала повсеместная кампания по обвинению «тихоновцев» в «антисоветизме и политиканстве». В одном из обновленческих документов по вопросу о положении в церковном мире России сообщалось: «Синод не доверяет тихоновщине, имеет в своих руках факты, которые доказывают примесь

политического момента в работе тихоновщины. Несмотря на завещание Тихона, тихоновщина до сих пор не организовала комиссию для производства следствия над зарубежными монархически и антисоветски настроенными архиереями. Верхушка тихоновщины не только не ослабляет своей политической деятельности, а занимается разжиганием масс»^[96].

Таким образом, сама идея созыва «примирительного собора» оказалась невозможной.

Летом 1925 года представителю ОГПУ Евгению Александровичу Тучкову было поручено провести переговоры с митрополитом Петром по вопросам положения православной церкви и принципиальных основах ее взаимоотношений с властью. Тучков неоднократно приглашал к себе митрополита и вел с ним переговоры о положении церкви в обществе и о принципиальных основах возможных взаимоотношений между ней и государством. В качестве условий возможного правового признания (легализации) православной церкви как целостного организма выставлялись следующие требования: исключение (вывод за штат, отправление на покой, запрещение в священнослужении и т. п.) из числа иерархии «политически неблагонадежных» епископов; осуждение заграничного (карловацкого) духовенства; издание декларации о лояльности церкви; согласование с властями вопросов, касающихся назначения епископата и других наиболее важных внутрицерковных проблем. Хотя ничего нового со стороны властей не выдвигалось и патриарх Тихон ранее давал принципиальное согласие по всем этим пунктам, Петру Полянскому не удалось установить приемлемых отношений с властями. Более того, в органах ОГПУ он рассматривался как фигура «политически неблагонадежная» и «неподходящая» на пост главы церкви.

Петр, со своей стороны, тяготился контактами с ОГПУ. Он считал, что церковь должна и имеет право общения непосредственно с руководителями Советского государства, настаивал на встрече с Рыковым и Калининым, выступая за продолжение той линии, что закладывалась во время встречи с обоими патриарха Тихона. Петр не был ни дипломатом, ни политиком, поэтому некоторые его поступки воспринимались властью весьма болезненно. Главная цель для местоблюстителя, считал Петр, быть со Христом и народом церковным, то есть возглавлять церковь и находиться с большинством паствы. При решении церковных вопросов Петр нередко советовался с архиепископом Феодором (Поздеевским) — настоятелем Данилова монастыря, занимавшим довольно жесткую позицию в отношении советской «безбожной» власти и вообще не одобрявшим контакты с ней. Обращался он также за консультациями к видному дореволюционному общественному и церковному деятелю А. Д. Самарину, который ранее был осужден Ревтрибуналом. И эти контакты с неблагонадежными, по версии ОГПУ, лицами вызывали раздражение.

Вдобавок, что также не нравилось ОГПУ, Петр отвергал обвинения обновленцев в «контрреволюционности» Патриаршей церкви. Свое личное мнение он изложил в специальном послании от 27 июля 1925 года: «Будем пребывать в союзе, мире и любви между собой, будем едины, помогая друг другу, охранять нашу православную веру, являя везде и всюду пример доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими, памятуя, что Церковь Христова ведет верующих только к духовно-нравственному совершенствованию и нет в ней никакого места для политической борьбы, дабы власть видела

это, и Дух Божий возглаголал бы через нее благая о Церкви Святой»^[97].

Ряд епископов, среди них был и Сергей Страгородский, братски советовали Петру более определенно разъяснить позицию свою и церкви по отношению к государству. Это нужно, подчеркивали они, потому что тему «политиканства тихоновщины» вслед за обновленцами подхватила советская пресса. Петр согласился и даже приступил к составлению специальной декларации, посвященной исключительно этой теме. Ее необходимость вытекала из того факта, что государство видело в качестве возможного переговорщика о легализации православной церкви ее действующего возглавителя, то есть именно митрополита Петра, каковым оно его признавало. Послание (завещание) патриарха Тихона рассматривалось на тот момент государством лишь как документ, хотя и исключительно важный, но имеющий теперь внутрицерковное значение и не могущий быть принятым им, поскольку подписавший его глава церкви скончался и его права перешли к другому представителю церкви.

Но было поздно. В недрах 6-го отделения ОГПУ приступили к подготовке «операции» по замене Петра более податливым и лояльным человеком. В этот период ОГПУ по-прежнему оставалось силой, формирующей советскую государственную вероисповедную политику и являлось главным «куратором» религиозных организаций. Непосредственно функцию надзора осуществляло 6-е отделение секретно-оперативного отдела, возглавляемое Е. А. Тучковым, получившим в церковной среде прозвище «игумен». Он считал выбор патриарха Тихона в отношении Петра неудачным и давно предлагал заменить его на более покладистую фигуру. Весной — летом 1925 года он принимается искать среди архиереев подходящую кандидатуру. И

продумывает возможные меры по низложению митрополита Петра.

...В ранний час 3 июня 1925 года Тучков сидел за своим рабочим столом. День обещал быть хлопотным и ответственным: начиналась новая игра против православной церкви. Все необходимые агентурные сводки, справки и доклады лежали у него на столе. Не хватало лишь того, кто по плану спецорганов должен был сыграть роль «взрывного устройства». Но об этом у него уже была договоренность с Владимирским централом, который направил в Москву «папашу», так про себя чекисты называли возможного нового их переговорщика.

Наконец раздался стук в дверь. Вошедший конвоир протянул пакет. Бегло проверив его сохранность, прочтя надпись: «Сов. секретно. С личностью. Москва. СО ОГПУ. Тов. Тучкову», вскрыл. Записка в несколько строк сообщала: «Владимирский губернский отдел ОГПУ при сем направляет под конвоем епископа Яцковского, согласно Вашего распоряжения, и кроме сего сообщаем, что случившаяся некоторая задержка в отправлении является по причине болезни Яцковского».

— Введите, — приказал Тучков конвоиру, все это время стоявшему по стойке «смирно».

В кабинет вошел, тяжело опираясь на палку, высокий грузный человек. Одышка, слезящиеся глаза — все свидетельствовало о его болезненном состоянии. Бледный цвет лица, что называется «ни кровиночки», выдавал в нем тюремного сидельца со стажем, отвыкшего от солнца, воздуха и воли.

Опытному Тучкову достаточно было одного взгляда, чтобы понять душевное состояние собеседника. Он уже знал, как поведет беседу.

— Присаживайтесь поближе к столу, — не поднимая головы и не отрывая взгляда от бумаг, промолвил хозяин кабинета.

Приглашенный сел, затравленно озираясь по сторонам: казенные стол и стулья, серые стены, плотно зашторенное окно, в углу стенографист и часовой.

Выдержав долгую паузу, неспешно перелистывая страницы пухлого дела, Тучков наконец обратил внимание на вошедшего.

— Ну что же, будем знакомиться, я — Тучков Евгений Александрович. А вы?

— Архиепископ Екатеринбургский Григорий, в миру Яцковский Григорий Иулианович.

— Вот и ладненько. — Тучков стал что-то записывать в лежавший перед ним документ. — Да не волнуйтесь вы так, — не отрываясь от бумаг, проговорил он, — не приговор пишу, а анкетку на вас выправляю... для формальности.

Мягкость обхождения следователя немного успокоила арестованного. Подумалось, что все обойдется, если объяснить сейчас все сразу.

— Зачем я тут? Срок мой заканчивается через два месяца. Мне надо домой...

— Отвечу, отвечу... Однако анкету заполним. Ваша национальность?

— Русский.

— Образование?

— Высшее духовное.

— Где служили?

— В Баку, Екатеринбурге.

— Когда, где и кем арестованы?

— 2 августа 1922 года, по ордеру ГПУ, в городе Екатеринбурге, в своей квартире.

— По какой статье обвинялись? Каким было решение Ревтрибунала?

— По делу о сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей... Три года тюрьмы.

С чувством исполненного долга Тучков захлопнул дело и отодвинул от себя, как бы показывая: все

неприятное уже позади, сейчас просто побеседуем. Благожелательно улыбаясь, он откинулся на спинку стула, потянулся и совершенно не к месту произнес:

— Вот и лето наступило. Шел на работу — солнышко, птички, теплынь... Эх, к речке бы сейчас, на природу... А вам как погода?

Допрашиваемый, явно обескураженный настроением и словами «начальника», нерешительно протянул:

— Д-а-а-к... я и не видел всего этого. Знаете ли, тюрьма, вагон... Но... Бог даст, еще по теплу и мне посчастливится выйти.

— А вот этого: «Бог даст» да «Боже мой» — при мне не надо! Не люблю. Разговор у нас с вами предстоит серьезный. Вскрылись новые обстоятельства, указывающие на вашу антисоветскую деятельность.

Опешивший епископ промолвил:

— Да помилуйте, я три года в исправдоме. В одиночке мыши и вши мне соседи, какая там антисоветская деятельность?!

— Милый мой, — когда Тучков «заводился», он переходил на фамильярный тон, — не держите нас за дураков. Имеется в виду то, о чем вы на допросах не сказали, — о делишках ваших в двадцать втором году.

— Не знаю, о чем вы. — Голос у старика задрожал. — Срок-то мне дали... И разве за один и тот же проступок дважды наказывают?

— Во дает! Он со своими нас к стенке в голодный год припирал, бунт подымал, а мы ему ничего припомнить не могли! Отсидел за одно, а теперь, глядишь, посидишь и за другое — за то, что скрыл от нас.

С последними словами Тучков резко встал. Епископу Григорию, затравленно глядевшему на своего собеседника, невольно подумалось: «У-у-у, здоровый мужик, отъелся на казенных харчах». Тучков прошел к окну — на столике рядом стоял графин с водой, налил себе полный стакан и, повернувшись в сторону

архиепископа, крупными глотками выпил. Архиепископу при этом чудилось, что через стекло стакана его буравил колючий взгляд показавшегося поначалу столь милым человека в форме. Тучков подошел к нему и, глядя в глаза, проговорил:

— Слово мое такое: скажешь, с кем, где и когда против власти советской смуту готовил, прошу. Не скажешь — дам три года ссылки в Нарым. А сейчас... — Тучков повернулся к часовому и поманил его пальцем. — В Бутырку его, в одиночку, на нары!

Сникший, сбитый с толку, уходил из кабинета «гражданин Яцковский». В висках стучало, лицо горело, подкатывалась тошнота. «Укрепи, Господь, — призывал он, — дай силы, чтобы не пасть перед сатрапом... Да за что же это? Думал, со мной о свободе приближающейся говорить будут, а тут...»

Часовой, крепко взяв его за локоть, вывел за двери.

Тучков стоял в глубине кабинета, молча наблюдая за происходившим. В душе он торжествовал — первый акт задуманного им действия удался на славу. Старик сломлен и дезориентирован. Ожиданию близкой свободы нанесен удар. Оторвал его от размышлений резкий телефонный звонок.

— Женя, ты? — раздался в трубке голос начальника отдела Тараса Дерибаса. — Договорились же о встрече...

Спустя пять минут Тучков был уже в кабинете начальника.

— Что старик? — сразу же начал Дерибас.

— Думаю, плохо ему, вряд ли оправится.

— Обожди, обожди... он нам живой нужен.

— Да я фигурально.

— Фигурально? Любишь ты, Евгений, резкие формы. Сколько я тебя ни учу, что мягкостью брать надо, ты все свое гнешь. Вот и меня пугаешь. Зачти медсправку, что доктора о нашем клиенте пишут.

Тучков пребывал после утренней «разминки» в хорошем настроении и не обращал внимания на ворчание шефа. Знал, что все равно будет так, как он задумал. Достав из захваченного с собой дела медсвидетельство Григория Яцковского, стал читать: «При обследовании груди найдено расширение сердца, а вправо на два пальца тоны сердца чисты, но глуховаты. Умеренно развитой артериосклероз, ослабление зрения, отеки и хроническая худосочная сыпь на ногах...»

— Хватит, ясно — жить будет! Теперь о деле. Читал я твои предложения. В целом согласен. Сделаем так: «папашу» держим в Бутырках пару недель, ты к нему шептуна подошли, пусть ненавязчиво чернит Петра, развивает мысль, что скинуть надо несговорчивого местоблюстителя, от которого всем в церкви плохо, а для того, дескать, надо объединяться умным епископам. Да, пусть намекает на то, что ему и следует их возглавить.

— Когда повторно допрашиваем?

— Повременим. Пусть ждет и мучается: зачем да за что держат? И пусть боится, что ты копаешь под него, новое политическое дело шьешь.

— Может, пока время есть, еще кого подобрать из архиереев?

— Не надо, ставим на «папашу». Через две недели — на допрос. И предлагай, предлагай: легализацию, Собор, патриаршество...

— А как с Введенским и его компанией?

— Держи на поводке, пусть ждет. Тоже Собор обещаю, но с условием, что на нем они продолжат свои разоблачения Петра.

— Да не найдут они нужного...

— Не найдут они — найди ты!

Через две недели Григорий Яцковский вновь был вызван на допрос. К тому моменту он уже понял, чего от него хотят. Встреча была недолгой. Получив от

архиепископа согласие возглавить оппозицию «контрреволюционному» местоблюстителю, Тучков сообщил, что по распоряжению председателя ОГПУ В. Р. Менжинского Григорию дали семь дней свободы, чтобы найти себе сторонников в заговоре против Петра.

В условленный срок архиепископ исполнил поручение и принес список, в который кроме него вошли архиепископ Константин (Булычев), епископ Борис (Рукин)... всего семь человек, которые готовы были выступить против местоблюстителя. Список взяли, а архиепископа отправили во Владимир досиживать оставшиеся пару месяцев, чтобы не вызвать подозрения в церковной среде. Наказано было явиться в Москву в начале осени и ожидать вызова. Так начинался «григорианский раскол» в православной церкви.

Между тем обновленцы все лето 1925 года интенсивно готовились к своему III Поместному собору. Его открытие в присутствии представителя патриарха Константинопольского архимандрита Василия (Димопуло) состоялось 1 октября в храме Христа Спасителя. Рабочие заседания проходили в III Доме советов на Делегатской улице, где в 1923 году проходил и «разбойничий» обновленческий собор, низложивший патриарха Тихона, в них принимало участие более трехсот человек, среди них — более ста архиереев. Избран был Синод из тридцати пяти человек, а в его составе — президиум из пяти членов во главе с митрополитом Вениамином (Муратовским).

Но реальным главой обновленчества стал А. Введенский, принявший к тому времени титул митрополита. Он же выступил и с основным докладом «О современном положении в православии», в котором не было ничего нового, да и к манере публичных выступлений митрополита по привычке. Но на этот раз «изюминка» докладчиком была припасена на конец выступления. Когда все уже готовились к ставшим

обязательными бурным аплодисментам после доклада лидера обновленчества, он огорошил соборян сенсационным заявлением, зачитав письмо обновленческого епископа Николая Соловейчика, более года назад посланного в Уругвай с титулом епископа Южной Америки. Тот признавался, что перед отъездом, в мае 1924 года, тайно встречался с патриархом Тихоном и митрополитом Петром и получил от патриарха им собственноручно подписанное послание в адрес карловацкого духовенства. В нем Тихон писал, что церковь «не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола — великий князь Кирилл». Тем самым выходило, что патриарх поддерживал негласную связь с зарубежным духовенством, а значит, поддерживал его антисоветскую позицию вопреки своим же неоднократным публичным заявлениям о лояльности советской власти.

Нет никаких сомнений, что это была заранее заготовленная политическая провокация, точно рассчитанный циничный удар «ниже пояса» по руководству Патриаршей церкви. То был постыдный эпизод в жизни Александра Введенского, добровольно исполнявшего задуманный Лубянкой ход, призванный придать видимость обоснованности подготавливаемых репрессий против митрополита Петра и его сторонников, а заодно и припугнуть наиболее несговорчивых «тихоновцев» и тем подтолкнуть их к примирению с обновленцами.

Собор взорвался. В специальной резолюции было записано: «Собор констатирует непрекращающуюся связь тихоновщины с монархистами, грозящую Церкви грозными последствиями, и отказывается от мира с верхушкой тихоновщины».

Со стороны обновленцев начинается травля митрополита Петра. В «Известиях» публикуется

уничижительная характеристика, которую дал ему митрополит Александр Введенский: «Застарелый бюрократ саблеровского издания, который не забыл старых методов церковного управления. Он опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией, бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью».

Было очевидно, что действия обновленцев не спонтанны, а являются частью плана, направленного на удаление митрополита Петра и внесение раскола и дезорганизации в «тихоновскую» церковь.

Выждав для приличия некоторое время, репрессивные органы приняли сообщенные Введенским сведения к проверке. 11 ноября Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) заслушала доклад Тучкова о положении в Патриаршей церкви и дала ему поручение «ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев. В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру, поместить в „Известиях“ ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого Собора. Просмотр статей поручить гг. Стеклову И. И., Красикову П. А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие».

К концу октября практически все наиболее авторитетные иерархи, проживавшие в Москве и ближайшем Подмосковье, были арестованы. Становилось очевидным, что кольцо вокруг местоблюстителя сжимается. Опасаясь и предвидя худшее, митрополит Петр 5 декабря пишет завещание, в котором на случай своей кончины распоряжается о временном предоставлении прав и обязанностей местоблюстителя. Вновь, как и в распоряжении

патриарха Тихона, указываются митрополит Казанский Кирилл, митрополит Ярославский Агафангел, но добавляется и третья кандидатура — митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий). Вместе с тем Петр указывает еще одного возможного кандидата на замещение, в случае если никто из прежде указанных архиереев не сможет вступить в отправление прав местоблюстителя. Это — митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский).

На следующий день Петр составляет еще одно распоряжение. В нем предусматривается, что в случае невозможности для него отправлять обязанности местоблюстителя их временное исполнение поручается последовательно митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому), митрополиту Киевскому Михаилу (Ермакову) и архиепископу Ростовскому Иосифу (Петровых).

Судьба Петра была решена на заседании Антирелигиозной комиссии 9 декабря 1925 года. Проводимая Петром церковная политика была признана «явно враждебной Соввласти», а собранные ОГПУ улики были определены как достаточные для ареста и начала следствия.

На следующий день патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) был арестован по подозрению в «политической неблагонадежности», доставлен на Лубянку, а спустя несколько дней начались его интенсивные допросы. Его слова о том, что он противником советской власти никогда не был, советскую власть признает и ее распоряжениям подчиняется, в расчет не брались, и он был выслан в Сибирь.

«Временно поручаю исполнение обязанностей местоблюстителя...»

В связи с арестом митрополита Петра вступало в силу его распоряжение о возложении временных обязанностей заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола. В тот момент из указанных лиц это мог сделать лишь митрополит Сергей (Страгородский), находившийся в Нижнем Новгороде.

14 декабря ему был доставлен обычный почтовый конверт. Развернув его и увидав знакомый почерк митрополита Петра, Сергей понял, что произошло что-то важное. Читая, он дошел до слов: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности патриаршего местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию (Страгородскому), митрополиту Нижегородскому» — и осознал, что для него начинается время новых тяжких испытаний.

В тот же день на имя епископа Клинского Гавриила (Красновского), временно управлявшего Московской епархией, он отправляет письмо, в котором сообщает о своем вступлении в должность временного (заместителя) местоблюстителя и просит уведомить о том епископов, проживающих в Москве и, по возможности, вне Москвы. До своего приезда в Москву он просит направлять в Нижний Новгород дела и материалы, относящиеся к ведению местоблюстителя.

Понимая, что от его действий многое зависит в жизни церкви, Сергей рвется в Москву, испрашивая разрешения на выезд у соответствующих гражданских властей. Но его усилия наталкиваются на невидимое и неведомое для него препятствие — разрешение на поездку в Москву не дают.

Вскоре причина прояснилась. Органы НКВД РСФСР и ОГПУ изолировали Сергия под «домашним арестом» в Крестовоздвиженском монастыре в Нижнем Новгороде, чтобы дать возможность группе иерархов во главе с

архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским) заявить о правах на власть. Тот, во исполнение договоренности с Е. Тучковым, прибыл в Москву еще в начале осени, вел неприметный образ жизни и одновременно тайно продолжал сколачивать группу заговорщиков. Как только митрополит Петр оказался в изоляции, Григорий выступил из тени, испросив разрешение у властей на созыв епископов в связи с чрезвычайными обстоятельствами в церкви.

22 декабря группа епископов во главе с Григорием Яцковским собралась в бывших покоях патриарха Тихона в Донском монастыре. Обсудив создавшееся положение: арест местоблюстителя, отсутствие публично объявленного его преемника, разброд и шатания среди духовенства и верующих, они заявили о создании коллегиального органа по управлению церковью в столь критическое для нее время. Им стал Высший временный церковный совет (ВВЦС) во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским).

В подготовленных документах члены совета резко отмежевались от обновленцев и от обновленчества «во всех его видах», а также и от митрополита Петра, при единоличном правлении которого, по их мнению, «нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились».

За легализацией вновь образованного церковного органа участники совещания обратились со специальным посланием к властям. В нем были и такие слова: «Мы считаем своим долгом засвидетельствовать нашу совершенную законопослушность предержавной власти Правительства СССР и веру в Его добрую волю и в чистоту Его намерений в служении благу народа. Взаимно мы просим верить нашей лояльности и готовности служить на благо того же народа в меру наших сил, разума и возможности»^[98].

2 января 1926 года ВВЦС получает от НКВД РСФСР уведомление о регистрации совета в качестве единственного официально действующего церковного органа «тихоновцев». Спустя несколько дней о свершившемся перевороте в «тихоновской» церкви сообщила газета «Известия». Из этого же источника узнает о событиях и митрополит Сергей. 14 января он спешно пишет письмо архиепископу Григорию с просьбой объяснить. В двадцатых числах января Сергей получает ответ. По мере чтения письма Сергей все более убеждался, что «не благо Церкви и забота о чистоте православия» двигали «григорианами», а жажда церковной власти. Раскольники в открытую не признавали прав заместителя местоблюстителя. Более того, отвергали как не соответствующий канонам порядок передачи церковного управления и церковной власти «по единоличному письму». Иными словами, распоряжение митрополита Петра было, по их мнению, незаконным и необязательным к исполнению. Одновременно члены ВВЦС, «ценя мудрость и опытность в церковных делах» митрополита Сергея, предложили ему присоединиться к совету.

У Сергея немного было возможностей бороться с вновь открывшимся расколом. Он направляет различным архиереям письма и обращения, в которых излагает свою позицию в отношении «григориан». Несколько верных Сергию человек были направлены в епархии для информирования епископов о ситуации в церкви. Удалось вызвать к себе в Нижний Новгород тех епископов, которые не лишены были возможности передвигаться по стране. Более двух десятков собравшихся архиереев подтвердили законность прав Сергея в отсутствие местоблюстителя. Особым постановлением Сергей запретил в священнослужении всех тех, кто пошел за Григорием, и отстранил от управления епархиями и викариатствами как самого

архиепископа, так и его сторонников, одновременно признав все их действия (рукоположения, награды, назначения и т. п.) недействительными.

Но «григориане» не сдавались. В феврале 1926 года, пользуясь особыми отношениями с ОГПУ, архиепископ Григорий встретился с митрополитом Петром в месте его заключения — внутренней тюрьме на Лубянке. Раскольник осознанно ввел Петра в заблуждение относительно «несвободы» Сергия в Нижнем Новгороде и в результате добился от Петра резолюции (правда, составленной в условной форме) об отстранении Сергия и передаче власти «тройке» (коллегии): архиепископу Григорию, а также архиепископу Владимирскому Николаю (Добронравову) и архиепископу Томскому Димитрию (Беликову). Добавим: Григорий скрыл, что предложенные им кандидаты томились в тюрьме, и, в сущности, узурпировал власть в церкви.

Ознакомившись с резолюцией, Сергей не признал ее, указав, что митрополит Петр не осведомлен о действительной ситуации в церкви. Сергей перед ОГПУ настаивал на личной встрече с местоблюстителем для разрешения назревших вопросов внутрицерковной жизни. В марте власти обещали устроить эту встречу. Однако, хотя Сергей приехал в Москву, а в церковных кругах ходили слухи, что там же, в Москве, находится и Петр, встретиться им так и не было суждено. Разрешено было лишь обмениваться письмами. Сергей извещает митрополита об обманных действиях и неблагоприятных поступках Григория. В ответном письме Петр осудил действия Григория, признал свою резолюцию об образовании «коллегии» недействительной и вновь подтвердил полномочия митрополита Сергия как своего заместителя.

Вскоре и самим «григорианам» стало ясно, что им не удастся склонить на свою сторону ни Сергия Страгородского, ни других авторитетных иерархов,

несмотря на все их посулы, вплоть до обещаний об освобождении из тюрем и ссылок. По мере того как информация о действиях Григория распространялась в церковном мире, ширился и протест против них. Григорианский раскол медленно агонизировал.

Казалось, митрополиту Сергию удалось добиться некоторого успокоения в церкви, о принятии стороны заместителя заявили не менее сорока архиереев. Но неожиданно для него в апреле 1926 года о своих претензиях на церковную власть заявил вышедший на свободу митрополит Агафангел. Возвращаясь из ссылки в свою Ярославскую епархию, он сделал остановку в Перми. Здесь с ним встречался Е. А. Тучков, который сообщил о причинах ареста митрополита Петра, подозреваемого, по его словам, в политических преступлениях. Вместе с тем высказана была мысль, что, собственно, Агафангел, к которому «власти относятся с доверием», имеет больше прав возглавить церковь, нежели митрополит Сергей, который к тому же находится под подозрением у властей.

Агафангел внял «советам» Тучкова и 18 апреля обнародовал послание к пастве, извещая о своем вступлении в должность патриаршего местоблюстителя на основании завещания патриарха Тихона.

Митрополит Петр, 22 апреля поставленный митрополитом Сергием в известность о решении Агафангела, в письме последнему указал: «Передаю права Патриаршего Местоблюстителя Вашему Высокопреосвященству, а от митрополита Сергия права я отнимаю с тем, чтобы он выдал немедленно советской власти свой письменный отказ от прав Патриаршего Местоблюстителя».

Тучков мог ликовать: его план децентрализации церкви был полностью воплощен в жизнь. Законный глава церкви — митрополит Петр — в застенках. Права митрополита Сергия оспаривают митрополит Григорий и

митрополит Агафангел. Вдобавок церковный корабль, раскачиваемый этими иерархами, готовятся взять на бордаж обновленцы.

Тучков стремился придать своим инициативам «по разложению» церкви видимость одобренных и утвержденных «верхами» директив. С этой целью он попросил Ем. Ярославского включить в повестку дня апрельского заседания (24-го) Антирелигиозной комиссии вопрос об одобрении линии ОГПУ в отношении «тихоновцев». Направленность постановления сам Тучков и определил: «Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на патриаршее местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию — Временный высший церковный совет во главе с архиепископом Григорием как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанности местоблюстителя признать своевременным и целесообразным»^[99].

Поначалу Сергей согласился с решением митрополита Петра. Но вскоре убедился в том, что многие епископы посчитали действия Агафангела необоснованными, а его послание расценили как сговор, возможно и вынужденный, с органами ОГПУ. Опираясь на эти мнения, Сергей вступил в переписку с Агафангелом, доказывая неверность сделанного им шага. Постепенно переписка стала известна епископату, большая его часть посчитала действия Агафангела неправильными и встала на сторону Сергея.

Еще одной попыткой ОГПУ сохранить противостояние между Агафангелом и Сергием стала встреча двух иерархов в стенах Лубянки в середине мая

1926 года, которая, правда, не привела к какому-либо однозначному решению и согласию. Продолжавшаяся между иерархами переписка убедительно показывала, что аргументы Агафангела на церковную власть несостоятельны.

Круг сторонников митрополита Сергия среди епископата расширялся. Любопытное тому признание можно найти и в обзоре ОГПУ о ситуации в стране за апрель 1926 года: «Агафангел не признан ВВЦС. Его выступление вызвало смущение рядового духовенства Москвы, у черносотенного — возмущение. Положение Сергия в Москве крепко. Нелегальная коллегия епископов-сергиевцев продолжает управлять Московской епархией, развивая деятельность. Сергия поддерживают даниловцы, предпочитающие его находящемуся в заключении Петру, и черносотенный митрополит Серафим Чичагов»^[100].

Вполне очевидно, что содержание именно этого секретного источника транслировалось в широкие православные массы через официальные издания, окончательно запутывая их. К примеру, газета «Известия» в заметке под заголовком «Борьба за власть» сообщала о появлении трех кандидатов на Патриарший престол: архиепископ Григорий (Яцковский), митрополит Сергей (Страгородский) и митрополит Агафангел (Преображенский).

Ситуация еще более запутывается и одновременно обостряется, когда 3 июня ВВЦС открывает свой первый съезд и неожиданно объявляет о признании прав Агафангела на первенство в церкви и приглашает его возглавить ВВЦС.

«Тихоновской» церкви, лидером которой для большинства епископата и духовенства, безусловно, оставался митрополит Сергей, трудно было бороться с григорианством и обновленчеством — они были официально признаны государством. Демонстрируя свою

лояльность, проклиная врагов государства (в том числе и «церковных контрреволюционеров»), они могли действовать, укрепляя свои церковно-административные структуры, получая поддержку со стороны верующих и, что немаловажно, пользуясь их финансовой помощью.

Ничего подобного у Сергея и верных ему не было, они находились вне закона. Опираясь на существовавшее тогда законодательство, власть в любой момент могла разорить их церковные органы, приходы и храмы.

Фактически у митрополита Сергея оставался единственный шанс сохранить свой приоритет в церковной среде и притом выбить главный козырь из рук оппонентов, обвинявших его в «незаконности». Форма его также была predetermined обстоятельствами эпохи и характером взаимоотношения государства и церкви — вступить в контакт с ОГПУ по вопросу о формировании легального высшего органа церковного управления.

Наркомат внутренних дел РСФСР, ведавший этими вопросами, выставил Сергию те же условия легализации, что в свое время и патриарху Тихону: осуждение контрреволюционного прошлого церкви; отказ от участия в «политике»; провозглашение курса лояльности и признание государственных актов, регулирующих деятельность религиозных организаций; осуждение «карловацкого раскола».

10 июня 1926 года митрополит Сергей передает в НКВД в предварительном порядке, для ознакомления, два документа. Первый — программа предполагаемой организационной деятельности «староцерковников», второй — проект послания к пастве. Основное содержание документов сводилось к следующему: просьба о юридическом признании местных и центральных органов церковного управления,

подтверждение преемственности курса лояльности патриарха Тихона, призыв ко всем верующим быть законопослушными гражданами; осуждение политиканства «карловацкого раскола»^[101].

Одновременно документы распространяются и среди епископата. По мере того как с содержащимися в них идеями знакомятся архиереи, духовенство и церковный актив, растет число сторонников Сергия. Это дает ему основание 13 июня обратиться с пространном письмом к Агафангелу, ставя точку в затянувшемся между ними споре за власть. Сергий не знал в тот момент, что сам Агафангел уже признал себя «побежденным», направив письма с отказом от претензий на должность патриаршего местоблюстителя как во власть, так и митрополиту Петру. 17 июня аналогичное письмо со ссылками на «преклонность лет и крайне расстроенное здоровье» направлено было и митрополиту Сергию.

Сам того не ведая, Агафангел нанес серьезный удар по планам Тучкова. Тот, пытаясь хоть как-то их спасти, стремится разжечь конфликт между митрополитом Петром и митрополитом Сергием, устранить последнего от церковных дел и тем обеспечить реванш архиепископа Григория.

Тучков посетил Петра, находившегося в Суздальском политическом изоляторе, и предложил ему принять ряд мер по церковному устройству. В частности, речь зашла об учреждении в качестве высшего органа церковной власти православного Синода с обязательным включением в его состав архиепископа Григория. В отношении же митрополита Сергия предлагались следующие меры: лишить его прав заместителя местоблюстителя и переместить в Красноярскую епархию, то есть фактически отправить в «почетную ссылку».

Тучков всячески настраивал Петра против Сергия, рассказывая о нем небылицы, передавая слухи и

сплетни, обвиняя в интригах и политиканстве. Однако Петр не поддался на уговоры и запугивания, заявив: «По отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных, просвещенных и авторитетнейших архиереев, пользующемуся уважением иерархов и паствы, подобная мера была бы несправедливой и стала бы посягательством на его достоинство и неслыханным оскорблением». Касаясь же возможности включения архиепископа Григория в состав Синода, Петр заявил, что архиерей, лишенный кафедры и подверженный запрещению, не может быть членом Синода. Так ни с чем и отбыл Тучков в Москву.

Декларация митрополита Сергия и Временного патриаршего синода. 29 июля 1927 года

Проекты документов, которые в июне 1926 года митрополит Сергей подал в НКВД РСФСР, оживленно обсуждались в церковной среде, и их принципиальные положения получили поддержку. Знаменательно, что созвучные идеи независимо от митрополита Сергия были изложены иерархами, находившимися в Соловецком концлагере, в Памятной записке «К правительству СССР» (7 июня 1926 года). В ней признавалась необходимость «положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и Советской властью»; строить их взаимоотношения на принципах, изложенных в декрете об отделении церкви от государства, лояльности как духовенства, так и верующих к гражданской власти. Одновременно указывалось на сохранение «глубоких расхождений в самых основах миросозерцания между коммунистическим государством и Православной церковью» ^[102].

Оба документа стали известны и пастве Зарубежной православной церкви. В целом они были восприняты положительно, а первенство митрополита Сергия в церкви никем не оспаривалось. В заключение Архиерейского собора от 9 сентября 1926 года по поводу проекта Послания к пастве указывалось: «В послании митрополита Сергия мы имеем совершенно свободное (едва ли не первое за пять лет) письменное выражение воли высшей церковной власти, для нас вполне обязательной». Именно поэтому послание Сергия предлагалось «принять к руководству и исполнению, не прекращая духовной связи и возношения имени патриаршего местоблюстителя»^[103].

10 июля 1926 года митрополит Сергей, убедившись в поддержке епископата, духовенства и верующих, уже официально подает в НКВД РСФСР заявление о легализации высшего церковного управления и свое Послание к пастве.

Победа митрополита Сергия, сумевшего отстоять единство и целостность Патриаршей церкви, вынудила Тучкова пойти на переговоры с заместителем местоблюстителя. Однако велись они на редкость трудно, дело не раз доходило до острых конфликтов. Временами Сергию казалось, что достигнуть какого-либо компромисса вообще невозможно. Наиболее трудноразрешимым был вопрос о власти в церкви. Сергей настаивал на проведении Поместного собора для избрания патриарха, увязывая с положительным решением этого вопроса и остальное: заявление о лояльности, нормализацию церковно-государственных отношений. Тучков придерживался прямо противоположных позиций — созыв Собора и избрание патриарха должны зависеть от выполнения выдвинутых НКВД условий легализации.

Отсутствие положительных результатов в переговорах с властями, неизвестность судьбы

митрополита Петра, распоряжение которого было единственной опорой и основанием для полномочий Сергия Страгородского, подталкивали иерархов к поиску мер, которые при всех неожиданных обстоятельствах сохраняли бы преемственность канонической высшей церковной власти. Родилась идея провести избрание патриарха путем письменного опроса возможно большего числа иерархов, в том числе и находившихся в ссылке и заключении. Непосредственно ее инициировали архиепископ Свердловский Корнилий (Соболев), в прошлом ученик и постриженник митрополита Сергия по Санкт-Петербургской академии, и епископ Павлин (Крошечкин). Позже к ним подключились и другие. К ноябрю 1926 года были получены ответы более семидесяти опрошенных иерархов. Большинство высказалось за митрополита Казанского Кирилла — первого из числа иерархов, назначенных в завещании патриарха Тихона в качестве возможных местоблюстителей.

Письменный опрос архиереев происходил с ведома Сергия. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства. В начале октября 1926 года к нему в Нижний приезжал епископ Павлин (Крошечкин), сообщивший о планах письменного опроса и просивший совета, как поступить ему. Сергей заявил, что как заместитель патриаршего местоблюстителя он сможет поддержать этот план лишь в случае обращения к нему авторитетных архиереев.

Спустя месяц-полтора Павлин вернулся и представил подписи ряда авторитетных епископов. Ознакомившись с текстом и увидев, что уже порядка двадцати пяти человек, в том числе и соловецкие епископы, высказались за проведение письменного опроса, Сергей написал обращение к иерархам с предложением высказаться по существу и отдал этот документ

Павлину. Обращение Сергея также распространялось вместе с другими документами об опросе иерархов.

Но... ОГПУ не дремало и вскоре напало на след. Начались массовые аресты епископов по наскоро сфабрикованному делу «о контрреволюционной группе, возглавляемой митрополитом Сергием». По оценкам современников, в тот период на различные сроки ссылки и тюрьмы были приговорены не менее сорока русских епископов. Бросили в вятскую тюрьму и митрополита Кирилла, отбывавшего ссылку в Зырянском крае, срок которой вот-вот должен был закончиться.

Наконец, к середине ноября подобралась и к митрополиту Сергию. Его обвинили не только в организации «незаконного сбора» подписей епископов под предложением, не санкционированным советской властью, но и в поддержании «незаконной» переписки с заграничным духовенством. Сергей был арестован и вывезен из Нижнего Новгорода в Москву, на Лубянку.

...Московские обыватели и гости, толпившиеся в ранний час на перроне Курского вокзала, с удивлением наблюдали странную картину. Черный «воронок» подкатил вплотную к последнему вагону состава, только что прибывшего из Нижнего Новгорода. Молодой солдатик с винтовкой наперевес вскочил на подножку и быстро прошел в вагон, еще двое встали с двух сторон от двери. Через несколько минут показался высокий старик с непокрытой головой, с черной с густой проседью длинной бородой. Тяжело спустившись, Сергей Страгородский, а это был он, сделал шаг и, взятый с двух сторон под руки конвоирами, был посажен в автомашину. Рядом поместились и конвоиры.

Машина мчалась в центр города, не останавливаясь на перекрестках и не обращая внимания на сигналы светофоров, да и в этот ранний воскресный час ни пешеходов, ни автомашин почти не было. Черные шторы, практически не пропускавшие света, не давали

разглядеть, куда они направлялись. «Но, — подумалось Сергию, — выбор и не особенно велик. Либо Лубянка, либо Бутырка, что ж еще в очередной раз власть может мне предложить». Наконец остановка, отрывистые команды, тяжелый скрежет железных ворот... И вновь движение. И вновь остановка. Наверное, на этот раз окончательная. Дверца открылась — сразу стало понятно: Лубянка.

Сергия впустили внутрь. Перед ним коридор. Неожиданно появились двое сопровождавших. Один пошел впереди, другой сзади. Отрывистая команда: «Пошел!» — так и двигались полутемным коридором. Тишина прерывалась только командами «Стой!» на каждом из поворотов, где конвоиры сменяли друг друга. На очередном повороте, пока конвоиры о чем-то переговаривались, Сергей взглянул чуть в сторону и обомлел. Он узнал эту серую дверь... То была камера, где в заключении томился патриарх Тихон. «Вот и свиделись...» — подумалось. Незаметно для конвоиров перекрестился. Сделав по команде несколько шагов вперед, оказался перед другой дверью. Еще несколько томительных секунд... дверь открылась, и его подтолкнули в камеру... Дверь закрылась.

Понемногу глаза привыкли к полутьме, и Сергей увидел, что в камере он не один. Вторым сидельцем был епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Встреча была неожиданной и, несмотря на место, даже радостной — они давно не виделись. В этот день они смогли о многом поговорить и, главное, прояснить, что причиной их заключения стала попытка избрания нового патриарха посредством тайного сбора голосов.

Собрав значительную группу русских иерархов во внутренней тюрьме на Лубянке, спецорганы приступили к их допросам. Первыми стали архиепископ Корнилий и епископ Павлин. Из протокола известно, о чем шел разговор 19 декабря 1926 года.

Следователь, обращаясь к архиепископу Корнилию:

— Кому принадлежит инициатива письменного опроса?

— Она принадлежит мне, а других называть не буду, потому что считаю это непорядочным.

— Почему избрание происходило секретно?

— Чтобы ОГПУ не проведало и не помешало нам.

В тот же день допрашивали и Павлина. Следователь уже знал первые показания Корнилия, а потому стал вести разговор вокруг избранного иерархами митрополита Кирилла:

— Как вы решились избрать Кирилла, не спрашивая его согласия?

— Я об этом не рассуждал.

— Почему избрание проводили втайне, беря с каждого слово не говорить никому об этом?

— Потому что дело касается только церкви и делалось все в частном порядке.

— По вашему мнению, церковь в целом должна следить за благонадежностью своих членов?

— Не должна. Она преследует религиозные цели и, если член церкви подходит к ней с религиозной точки зрения, ей нет дела до его политической физиономии. Последнее есть личное дело каждого, и дело государства — следить за его политической деятельностью.

Обобщая первые полученные результаты, следователи посчитали нужным информировать начальство о чрезвычайно важных обстоятельствах, вскрытых ими в ходе допроса. Наверх пошла секретная докладная записка, сообщающая: «Группа черносотенных церковников, проходящих по следственному делу № 36 960, во главе с митрополитом Страгородским Сергием, патриаршим местоблюстителем, решила придать Церкви окончательно характер определенной антисоветской

организации и с этой целью возглавить ее патриархом, произведя выборы его нелегально, и наметила в качестве кандидата в таковые антисоветски настроенное лицо. В качестве наиболее желаемого кандидата группа наметила именно Смирнова Константина Иларионовича, митрополита Кирилла, наиболее черносотенного и активного контрреволюционного церковника, с 1919 года по настоящее время, с несколькими перерывами, подвергающегося репрессиям за активную антисоветскую деятельность, с которым снеслась по этому поводу. Смирнов в это время для окончания отбытия административной высылки был определен в город Котельнич. Немедленно у Кирилла начались приемы, как у патриарха. Причем обставлялись они крайне конспиративно, двери запирались и беседы велись шепотом. Посещение церковников приняло повальный характер, приходило к нему до пяти человек за раз»^[104].

Тотчас же была дана команда допрашивать митрополита Сергия. 20 декабря ему, как и другим, задавали те же вопросы. Цель была очевидной: найти «несостыковки» в показаниях.

— Почему дело по избранию патриарха велось так секретно?

— Во-первых, мы не хотели до времени придавать огласке вопрос об избрании патриарха. Во-вторых, исходили из соображений, что гражданская власть может в самой технике работы (разъезды и т. д.) усмотреть какой-нибудь заговор, и предпочли, чтобы она об этом узнала после, когда вопрос примет практически серьезный характер.

С той же настойчивостью допрашивали и сокамерника Сергия, епископа Афанасия. Уже в январе 1927 года следователь начал очередной допрос словами:

— Вы знаете епископа Павлина?

— Знаю хорошо. В октябре или в ноябре, сейчас точно не скажу, он был у меня во Владимире.

— Зачем он к вам приезжал?

— Наверное, вы знаете.

— А все-таки?

— Насколько я представляю, по уголовно-процессуальному кодексу я имею право и не давать показаний.

— А Павлин заставлял вас поклясться, что вы никому не скажете о его приезде?

— Клятвы мы не употребляем вообще. Но то, о чем мы говорили, говорилось не для того, чтобы стать всеобщим достоянием.

— А каково ваше личное мнение об избрании митрополита Кирилла в патриархи?

— Я считаю его наиболее достойным кандидатом.

— А не является ли, по вашему мнению, несколько неудобным для кандидата то, что он за антисоветскую деятельность подвергался репрессиям?

— При отделении церкви от государства, я полагаю, для государства безразлично, кто будет стоять во главе церкви... Да и, насколько я знаю, в последнее время Кириллу значительно облегчено положение, а раньше-то и вообще власть отзывалась о нем положительно.

На тот период, а именно конец 1926-го — начало 1927 года, сразу несколько десятков архиереев были арестованы по делу об избрании в патриархи митрополита Кирилла. Учитывая тех, кто раньше по различным обстоятельствам был арестован, осужден или выслан, можно говорить, что лишь очень и очень незначительная часть епископата оставалась на свободе. Согласно ранее данному распоряжению митрополита Петра после ареста митрополита Сергия временное управление церковью принял митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых). Но поскольку и сам он

был «в стесненном положении» — отбывал административную ссылку в одном из глухих мест Ярославской области, то 8 декабря сделал распоряжение о возможной передаче своих прав еще трем «временным заместителям патриаршего местоблюстителя» — архиепископам Корнилию (Соболеву), Фаддею (Успенскому) и Серафиму (Самойловичу). Лишь последний на тот момент еще оставался на свободе и потому смог выполнить распоряжение Иосифа.

В течение четырех месяцев управлял церковью архиепископ Угличский Серафим, викарий Ярославской епархии. Но реально повлиять на ситуацию в церкви он не мог, ибо властями ему было запрещено покидать пределы своего викариатства. Не было при нем ни Синода, ни какого-либо другого органа, который мог бы обеспечивать устойчивую связь с остававшимися на свободе епископами. Да и опыта и авторитета у Серафима было слишком мало, чтобы стать силой, объединяющей Патриаршую церковь. Любопытно, что Тучков также присматривался к этому иерарху, вызывал его в Москву и даже предлагал переговоры о «легализации». Но поскольку и сам Серафим не считал для себя возможным обсуждать проблемы общецерковного масштаба, то и Тучков «не увидел» в нем достойной кандидатуры для продолжения контактов и отпустил с миром в Углич.

В начале 1927 года ситуация в высшем церковном управлении «тихоновцев» оказалась чрезвычайно запутанной и трудноразрешимой. Известны были имена тринадцати иерархов, претендовавших на первенство. Значительная часть епископата была в тюрьмах и ссылках. Кроме давления внешних обстоятельств, церковь раздиралась внутренними противоречиями и увеличившимися в числе расколами, каждый из которых хотел называться «истинной Церковью». Разобщенность

между церковным центром и епархиями — с одной стороны, и приходами и епархиальными управлениями — с другой, была почти полной. Всё это давало широкие возможности обновленческому расколу, чтобы окончательно подчинить себе все патриархии, ставшие почти бесхозными приходы на всем пространстве Советского Союза. «Тихоновская» церковь все более походила на корабль без руля и ветрил, несомый бурями на гибельные для него скалы.

Находясь в тюрьме, митрополит Сергей по-прежнему был в поле зрения ОГПУ. Ему предложили начать переговоры о легализации церкви на условиях, ранее выдвигавшихся патриарху Тихону и митрополиту Петру. Главное среди них — заявление о лояльности Советскому государству и осуждение «карловацкого раскола». В какой-то мере предложение неожиданное, ибо было очевидно, что все предшествующее время эта организация исповедовала курс на раскол и децентрализацию Патриаршей церкви. Нельзя было не учитывать, что и в заключении Сергей оказался, как раз предпринимая меры к объединению церкви.

На тот момент митрополит Сергей рассматривался как единственный человек, могущий «собрать» Патриаршую церковь. Не знал митрополит Сергей, что в церковной политике спецслужб акценты были несколько смещены. Государству теперь нужна была не «раздробленная», а «целостная» организация. Советское государство готовилось отметить свое десятилетие. Политическое руководство страны хотело продемонстрировать и своим гражданам, и зарубежью, что не только рядовые верующие, но и православная церковь в целом лояльно относится к советской власти и прежние конфликты и противостояние между ними исчезли, а потому и задачи перед силовыми органами ставились иные.

Мучительный вопрос встал перед митрополитом Сергием: как быть? Конечно, он мог отказаться от переговоров, но это наверняка повлекло бы за собой очередное давление репрессивного аппарата на церковь и, по всей видимости, окончательно ее ликвидировало бы. И тогда власть могла бы к своему юбилею рапортовать если не о полной политической лояльности православной церкви, то о «преодолении» религиозных пережитков и «естественном» распаде ее административно-управленческих структур. Сергей этого не желал и понимал, что спасти церковь со всем ее богослужебным укладом, местными и центральными органами управления, спасти от поглощения обновленцами, спасти как цельный институт и тем дать ей надежду на благоприятное будущее могло только одно — урегулирование отношений с государством.

Если бы церковь не была разделена, если бы не существовало в ней борьбы за власть, Сергей на переговорах мог бы выдвинуть и отстаивать более благоприятные условия, чем те, что ему предлагали. Но этого не было, и условия диктовали ему. Он же мог лишь надеяться на выполнение даваемых ему обещаний, главное среди которых — разрешить скорейший созыв Поместного собора. Нельзя было не считаться и еще с одним, пожалуй, решающим политическим фактором: в большинстве своем рядовые верующие осознавали себя гражданами Советского Союза, не за страх, а за совесть работающими на его благо. Если сегодня мы хотим быть честными перед этим ушедшим поколением, то должны признать очевидное и неоспоримое: их политические симпатии были на стороне советской власти. Игнорируя это, церковь противопоставила бы себя и властным структурам, и своей многомиллионной пастве, которой трудно было понять, почему руководство церкви не идет на признание реальной политической ситуации в стране, не выражает свои политические взгляды открыто и

публично. Тем более что это сделал патриарх Тихон и к тому он призывал своих сторонников в завещании.

В этой ситуации Сергей, как и ранее патриарх Тихон, не уклонился от тяжелого жребия, посланного ему судьбой. Он сделал шаг навстречу власти осознанно, а не в малодушном стремлении извлечь какие-либо личные блага. Сделал шаг, который лично ему не мог принести славы и почета, но давал шанс выжить всем тем, кто был рядом с ним, кто пришел в церковь в эти и последующие годы, и вместе с тем не дал бы прерваться тысячелетней нити православия на Руси. Наверняка он не однажды вспоминал при этом патриарха Тихона, говорившего в период поиска компромисса с Советским государством: «Пусть имя мое погибнет в истории, только бы церкви была польза».

С подпиской о невыезде из Москвы 30 марта 1927 года Сергей был освобожден из четвертого своего тюремного заключения послеоктябрьского периода. Он жил в Москве, в Сокольниках, в том самом доме, что был присмотрен для патриарха Тихона и органов высшего церковного управления при нем. Здание патриаршей резиденции в Сокольниках вновь становилось центром возрождающейся церкви. 7 мая, после передачи архиепископом Серафимом своих таких неожиданных для него полномочий, Сергей вновь принял бразды церковного правления.

Весна и лето 1927 года ушли на то, чтобы завершить работу над прошлогодним проектом обращения к пастве и получить разрешение на легальное действие Синода. 7 мая Сергей обращается с ходатайством в НКВД о легализации церковного управления. 16 мая — просит разрешение на проведение совещания епископов для обсуждения состава Синода и текста декларации.

...Вечером 18 мая в доме по улице Короленко собрались приглашенные митрополитом Сергием Страгородским иерархи: митрополит Тверской Серафим

(Александров), архиепископ Вологодский Сильвестр (Братановский), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Костромской Севастиан (Вести), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумский Константин (Дьяков).

— Архипастыри и пастыри, — взял слово хозяин дома, — я просил вас собраться по чрезвычайному обстоятельству. На глазах наших нестроения в жизни церковной. После смерти нашего смиренного патриарха Тихона нет покоя ни среди мирян, ни среди пастырей, ни среди иерархов. Митрополит Петр от нас далеко... церковь распадается, и надо что-то делать. Я предлагаю образовать при мне, как временном заместителе первого епископа Российской православной церкви, вспомогательный орган — Синод. Надеюсь на вашу поддержку и что вы не откажетесь войти в состав Синода.

— Но надо ли возвращаться к синодальным временам? — первым задал вопрос архиепископ Сильвестр.

— Владыко Сергей, — заговорил митрополит Серафим, — вы упомянули о митрополите Петре, но он знает ли о вашем намерении?

— Да как же так, — подал голос архиепископ Филипп, — почему среди нас нет митрополита Ярославского Агафангела, который в двадцать втором году самым почившим патриархом назван первым местоблюстителем?

— Позвольте и мне задать вопрос, — проговорил архиепископ Алексей. — Известно, что митрополит Петр основал особую коллегия для управления церковью, в которую вошли высокопреосвященнейший Арсений Новгородский и преосвященный Григорий, ныне раскол учинивший. И как тут быть?.. Не станем ли мы, с одной стороны, выглядеть узурпаторами церковной власти, а с другой — потачниками раскольникам?

Вопросы прозвучали, и все присутствовавшие обратили взоры к Сергию Страгородскому, ожидая ответов, разъяснений и пояснений.

— Действительно, — приподнявшись из-за стола, начал ответную речь Сергей, — трудностей у нас много. Но я бы не созывал вас, если бы не имел твердых оснований и уверенности в том, что мы приступаем к верному делу. Недавно я получил письмо от митрополита Петра из пермской тюрьмы. Он выздоравливает после тяжелой болезни и сообщает, что ранее созданная им коллегия упразднена, поскольку митрополит Агафангел по немощи своей не принял на себя исполнения обязанностей патриаршего местоблюстителя. А архиепископ Григорий, учинитель смуты, больше не находится в каноническо-молитвенном общении с церковью. Что до митрополита Арсения, то прошу преосвященного Алексия уточнить.

— Но почему же все-таки избрана синодальная форма управления? Разве мы не можем вернуться к решениям Московского собора 1917-1918 годов? — вновь подал голос архиепископ Сильвестр.

— Да, владыко, не можем. Напомню, что тогда на проведение Собора гражданская власть, пусть уже и не самодержавная, давала свое разрешение. Нынешняя же власть, советская, к такой форме устройства церкви относится отрицательно. Потому всякая наша попытка пойти по этому пути обратит нас в «нелегалов контрреволюционеров» и обернется репрессиями против иерархов, духовенства и мирян.

— Владыко, — вступил в разговор митрополит Алексей Симанский, — правильно ли я вас понимаю, что нынешняя избранная форма правления не есть, по вашему мнению, ни лучшая, ни окончательная?

— Именно так. И обратите внимание, в названии формирующегося органа не случайно указано «патриарший» Синод. Для нас важно, чтобы

организовался устойчивый центральный орган управления, известный и принимаемый на местах и собирающийся по несколько раз в сессию на свои пленумы. Так как церковная жизнь не ждет и требует от центра распоряжений иногда немедленных, то их будет принимать заместитель патриаршего местоблюстителя совокупно с теми иерархами, которых можно будет привлечь в данное конкретное время.

— Мне это напоминает порядки, существовавшие у нас в допетровское время и существующие и ныне в некоторых автокефальных православных церквях, — подал голос митрополит Серафим.

— Вы абсолютно правы, — продолжил объяснение Сергей Страгородский. — Там, где первый епископ привлекает к церковному управлению тех, кого может, и тем самым приближает церковное управление к соборной форме, к совместному соучастию иерархии в общецерковных делах. Бог даст, придет время, когда от такой формы мы легко сможем перейти и к патриаршеству. По вашей просьбе я написал письмо митрополиту Арсению в место его ссылки в Туркмению. Однако письмо вернулось с указанием, что адресат выбыл в неизвестном направлении. Но по прежней моей переписке от прошлого года устанавливается, что Арсений дал свое принципиальное согласие на вхождение в состав проектируемого тогда Синода. Так что можно считать, что он с нами. Как только будет установлена с ним связь, мы получим от него и письменное подтверждение.

— Синод, — продолжил Сергей, — не уполномочен заменить единоличное возглавление Российской церкви. Он исполняет вспомогательную функцию, будучи при мне, и полномочия его проистекают из моих и вместе с моими заканчиваются. Еще раз уточню о позиции митрополита Петра относительно митрополита Агафангела. Вот... — Сергей перебрал лежащие перед

ним листки и взял один из них в руки, — процитирую слова из письма митрополита Петра: «Я подтвердил митрополиту Агафангелу передачу ему местоблюстительских прав и обязанностей, причем обусловил тем, что в случае отказа митрополита Агафангела от восприятия власти или невозможности ее осуществления права и обязанности патриаршего местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а замещение — к митрополиту Сергию».

— Теперь все ясно... Мы понимаем... Принимаем, — раздалось со всех сторон.

Посоветовавшись еще какое-то время, участники пришли к общему выводу, что следует согласиться с предложением митрополита Сергия и подать в НКВД заявление о регистрации Синода. Одновременно с этим решено было просить и о разрешении на регистрацию епархиальных архиереев со вспомогательными при них органами. Образуется первый состав Временного патриаршего священного синода, в который наряду с присутствовавшими была включена и кандидатура митрополита Арсения (Стадницкого).

20 мая НКВД направил «гражданину Страгородскому И. Н.» официальную справку о том, что его заявление и предложенный им список членов Синода «приняты к сведению» и «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается»^[105]. Это послужило основанием для принятия Синодом 25 мая постановления об организации временных епархиальных советов. Оно направлялось местным иерархам с указанием обращаться за их регистрацией в местные органы НКВД, что повсеместно и стало активно исполняться.

К концу июля, с учетом мнения епископата, завершена работа над проектом прошлогоднего обращения к пастве и определен окончательный состав Синода. 29 июля 1927 года Сергей и восемь членов

Временного патриаршего синода: митрополит Серафим (Александров); архиепископы Сильвестр (Братановский), Алексей (Симанский), Анатолий (Грисюк), Павел (Борисовский), Филипп (Гумилевский); епископы Константин (Дьяков), Сергей (Воскресенский) — подписывают «Послание пастырям и пастве», за которым впоследствии закрепилось наименование декларация. 19 августа послание публикуется в газете «Известия», а также в виде листовок распространяется по епархиям.

Передавая декларацию для опубликования, митрополит Сергей в беседе с корреспондентом газеты «Известия» подчеркивал: «Советскую власть мы признаем властью нормальной и законной. И мы подчиняемся всем ее постановлениям вполне искренне. В случае войны наши симпатии всецело на стороне Советского Союза: ведь мы служим нашей родине, а всякие интервенты борются только в своих интересах, чтобы эксплуатировать русский народ и русскую землю» ^[106].

Не обошел стороной Сергей и вопрос о «карловацкой церкви». Он заявил, что эта церковь не может делать какие-либо заявления от имени всей православной церкви, так как она не отражает позиции церкви на родине. В силу этого от иерархов Зарубежной церкви потребовано дать письменное обязательство о лояльности в церковно-общественной деятельности по отношению к советской власти. Неподчинившимся грозило увольнение, что означало для них полный разрыв каких-либо связей с Патриаршей церковью.

Сравнение декларации от 29 июля 1927 года с ее проектом от 10 июня 1926 года показывает, что в ней сохранены принятые всеми иерархами и в СССР, и за его пределами основные принципиальные положения — лояльность, легализация, осуждение «церковной контрреволюции». Но имелись и некоторые коррективы.

В частности, более развернуто дано положение о «законопослушности» верующих и об отношении церковного руководства к правительству СССР; резко оценивается деятельность «карловчан»; не так категоричны рассуждения о «противоречиях» между «православными» и «коммунистами-большевиками». И особо подчеркнута надежда на то, что правительство все же разрешит собрать Поместный собор для урегулирования вопроса о высшем церковном управлении.

Среди епископата, клира и верующих декларация вызвала различные отклики. Об этом в одном из обзоров ОГПУ написано было так: «С выдвигаемым митрополитом Сергием положением „лояльность к советской власти не есть измена православию“ многие церковники не согласны, как, например, „непримиримые“, группа Агафангела, ссыльные епископы, группа Новоселова. Эти группы держатся пока выжидательно»^[107].

Епископат постепенно разделился на три неравные группы. Одна, меньшая, резко осудила Сергия и пошла на разрыв с ним. В одном из посланий митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых) заявлял: «Для осуждения и обезвреживания последних действий митрополита Сергия (Страгородского), противных духу и благу святой Христовой церкви, по внешним обстоятельствам не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух»^[108].

Другая группа хотя публично и не протестовала, но уклонялась от сотрудничества с Сергием, отказываясь от новых назначений, просясь под благовидными предложениями «на покой» и «в отпусках», а некоторые, не отвергая правомочности власти Сергия, в то же время не

поминали его имени как заместителя местоблюстителя за богослужением и продолжали возглашать имя патриаршего Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского).

Показательно, что даже современные церковные авторы, занимающие субъективно-политизированную, отвергающую позицию в отношении деятельности митрополита Сергия и его декларации, вынуждены признавать, что «круг архиереев, не отошедших от митрополита Сергия, был весьма широк»^[109]. Они и вошли в третью группу, в которой насчитывалось до половины наличного состава епископов, среди которых такие авторитетные, как митрополиты Арсений (Стадницкий), Никандр (Феноменов), Михаил (Ермаков), Серафим (Чичагов); архиепископы Иларион (Троицкий), Евгений (Зернов), Петр (Зверев), Прокопий (Титов), Амвросий (Полянский), Феофан (Туляков), Василий (Зеленцов), Борис (Шипулин); епископы Мануил (Лемешевский), Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников), Лука (Войно-Ясенецкий) и другие. Иерархи, исходя из объективных обстоятельств в Советской России, считали, что только устраняя политическое противостояние церкви и государства, сняв «недомолвки» и «недоговоренности» в отношении общественного и государственного устройства в СССР, можно было надеяться на то, что «тихоновская» церковь «выживет» в новых социально-политических условиях.

Не случайно же, спустя годы, вспоминая сложившуюся тогда ситуацию, патриарх Алексий (Симанский) говорил: «Когда преосвященный Сергий принял на себя управление Церковью, он подошел эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны. Мы все Временным Синодом подписали с ним Декларацию

1927 года в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой»^[110].

Другой тогдашний ближайший соратник Сергия, епископ Серпуховской Сергей (Воскресенский), высказывался еще более определенно: «Ценой политической Декларации митрополита Сергия была куплена легализация патриархии и освобождение Церкви от обновленческого засилья»^[111].

К Декларации Сергия Страгородского будут обращаться все последующие поколения русских архиереев в России и за ее пределами. К примеру, в 1989 году, в год 400-летия установления патриаршества в России, архиепископ Куйбышевский Иоанн (Снычев), выступая на международной научно-церковной конференции, выделял две задачи, которые с помощью декларации стремился решить Сергей: во-первых, достигнуть легализации в условиях Советского государства и общества; во-вторых, преодолеть церковные расколы и сохранить преемственно-каноническую структуру Высшего церковного управления. И давал следующий ответ: «Обе задачи были трудными. Трудность первой состояла в том, что не все еще из православных дошли до ясного понимания самой легализации. Для многих она мыслилась не чем иным, как только подчинением Божьего кесарю, как измена Православию. Отсюда, естественно, всякий шаг, направляемый кем бы то ни было на сближение Церкви и Государства, уже расценивался как уклонение от истины. Трудность второй задачи заключалась в преодолении неправых мыслей о каноническом достоинстве преемственной церковной власти, передаваемой от одного лица к другому по завещанию, а не по определению Собора, и в пресечении незаконных притязаний стремившихся самочинно присвоить себе

права Первосвященителя Русской церкви и стать во главе управления»^[112].

И в других своих работах, посвященных церковным расколам 1920–1930-х годов, владыка Иоанн обличал: «Никакие личные недостатки митрополита Сергия не могут служить оправданием для противников „сергианства“. Церковь признает единственную причину, наличие которой может оправдать отделение от первенствующего епископа, — публично проповедуемую ересь... Личная благонамеренность вождей раскола ни в коем случае не может служить оправданием их незаконных действий. „Ревность не по разуму“, как показывает многовековая церковная история, многократно приводила тех, кто подпадал под ее влияние, к печальному и пагубному концу»^[113].

Можно привести свидетельство и современного официального церковного историка протоиерея В. Цыпина, указывающего на тот факт, что «решительное большинство епископов и церковного народа с пониманием отнеслось к церковной политике митрополита Сергия и поддерживало его. Местоблюститель патриаршего престола в двух письмах, адресованных своему заместителю, хотя и с оговорками, согласился с неизбежностью его церковной политики и, что особенно важно, подтвердил полномочия заместителя патриаршего местоблюстителя»^[114].

Сергий совместно с Синодом предпринимает шаги к развитию политики лояльности к власти. В октябре издается указ о возобновлении поминовения государственной власти за богослужением с присовокуплением по формуле: «Еще молимся о богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея. Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». По сути, возобновлена прерванная традиция, идущая еще от патриарха Тихона.

Кстати, особо упорствующим в нежелании произносить ее за службой митрополит Сергей говорил: «Я вынужден был сделать то, что я сделал, но если эти молитвы не дают вам покоя, не произносите их».

Тогда же в адрес ОГПУ было направлено заявление с просьбой об амнистии и облегчении участи ранее репрессированных священнослужителей. В нем подчеркивалось, что они «оказались жертвами (может быть, и не без их вины) прежнего нелегального положения нашей Церкви и прежних ее ненормальных отношений к советскому правительству». В ответ действительно были освобождены некоторые из них: архиепископы Захарий (Лобов), Ювеналий (Машковский), епископы Аркадий (Ершов) и Мануил (Лемешевский).

Сам Сергей в переписке и переговорах с «несогласными» неоднократно разъяснял и отстаивал свою позицию. Среди дошедших до нас свидетельств — его встреча с делегацией Петроградской епархии, посетившей Сергея в декабре 1927 года.

...В комнату, где находился митрополит Сергей, вошли епископ Димитрий (Любимов) и сопровождавшие его члены делегации. Молча подошли под благословение. Потом передали письма, обращения, документы, привезенные с собой... Сергей неспешно и внимательно читал поданное ему, время от времени спрашивал, уточнял, выражал мнение. Потихоньку завязалась беседа.

— Вот вы протестуете, — произнес митрополит, — а многие другие группы меня признают и выражают свое одобрение. Не могу же я считаться со всеми и угодить всем, каждой группе. Вы судите каждый со своей колокольни, а я действую для блага Русской церкви.

— Мы, владыко, — возражают петербуржцы, — тоже для блага церкви хотим трудиться. Мы не малочисленная группа, а выражаем церковно-общественное мнение Ленинградской епархии из восьми

епископов, части духовенства, тысяч единомышленников верующих.

— Вам мешает принять мое воззвание политическая контрреволюционная идеология, которую, — Сергей достал одно из посланий патриарха Тихона и показал его подпись, — которую он осудил.

— Нет, владыко, мы с посланием патриарха Тихона согласны. Нам не политические убеждения, а религиозная совесть не позволяет принять то, что принимает ваша совесть... Мы стоим на точке зрения соловецкого осуждения...

— Позвольте, — перебил Сергей, — то, о чем говорите вы, написал один человек, епископ Василий (Зеленцов)... Другие же соловецкие сидельцы меня поддерживают. Да и что же особенного, что мы поминаем власть? Раз мы ее признаем, значит, и молимся за нее.

— А за Антихриста можно молиться?

— Нет, нельзя.

— А вы ручаетесь, что это не антихристова власть?

— Ручаюсь, — вдруг посерьезнев, проговорил митрополит Сергей. — Антихрист должен быть три с половиной года, а тут уже десять лет прошло.

— А дух-то антихристов: не исповедующий Христа во плоти пришедшего.

— Этот дух всегда был со времени Христа до наших дней... Какой же это Антихрист, я его не узнаю!

— Простите, владыко, вы его не узнаете, — так может ответить только старец. А раз есть опасность, что это Антихрист, то мы и не молимся... Да и с религиозной точки зрения наши правители — не власть.

— Эта ваша позиция называется исповедничеством.

— Мы не спорить к вам пришли, а заявить от многих пославших нас, что наша религиозная совесть не позволяет нам принять тот курс, который вы проводите... Остановитесь, ради Христа!

— Нет... Есть исповедники, мученики, а есть адвокаты, кормчие... Всякая жертва принимается. Вспомните Киприана Карфагенского...

— Вы спасаете церковь?

— Да, я спасаю церковь...

— Церковь не нуждается в спасении...

— Да. Вселенская церковь неуничтожима. Но где же знаменитая Карфагенская церковь? Есть ли православные верующие в Каледонии, в Малой Азии, где прославились Григорий Богослов и Василий Великий?

— Церковь спасает Христос, а не люди...

— Это верно, но верно и то, что без человеческих усилий помощь Божия не спасает... Весь народ в катакомбы не уведешь. С чем вы оставите малых сих? Без церквей? Без таинств? Без евхаристии? Есть ли ответ у вас на этот вопрос? — Члены делегации молчали. — А раз так, — заключил митрополит, — то нужно идти на какие-то компромиссы.

По его порывистому движению, по тону сказанных слов чувствовалось, что, собственно, говорить ему с делегатами было уже не о чем. Но все же напоследок он бросил им в укор: «Отказаться от курса церковной политики, который я признал правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно. Я готов это сегодня вам сказать. А если надо, то и завтра, и другим приходящим ко мне написать и сказать все то же самое».

После того как делегация покинула зал, Сергей посидел за столом, просматривая еще и еще раз оставленные ею документы. Тихо вошел протоиерей Николай Колчицкий:

— Ваше высокопреосвященство, вы звали?

— Да, отец Николай, возьмите все это, — указал Сергей на стол, — и подшейте в дело. Пусть будет вещественной памятью дел сегодняшних, а для

будущего — материалом для понимания нашего делания.

— История вас простит, ваше высокопреосвященство? — вдруг вырвалось из уст молодого священника.

— Простит ли меня история?.. Не знаю, — отвечал Сергей и, помедлив, добавил: — История-то, может, и простит, но главное, чтобы меня простил Господь.

Митрополит Сергей, конечно, понимал, что декларация вызвала большие смущения среди клира и паствы. Но он был настоящим монахом. Он стоял перед Богом, и главным для него был не суд истории, а суд Божий. Добавим, что декларация, ставшая основанием для легализации, то есть юридического признания со стороны государства местных и центральных органов управления «тихоновской» церкви, во многих своих принципиальных пунктах повторяла, развивая и конкретизируя, идеи, устно и письменно высказанные патриархом Тихоном в последние годы его патриаршества, и ни в чем им не противоречила.

Естественно, позиция тех, кто постепенно встал на сторону Сергея, не во всем была единой. Поддерживая всё, что касалось лояльного отношения к государству, они одновременно указывали на определенную «неполноту» и «недосказанность» послания. Такой подход особенно наглядно проявился в послании иерархов, находившихся в Соловецком лагере ^[115]. Согласившись с тем, что касалось проблемы лояльности, они однозначно указывали: «Мы вполне искренно принимаем чисто политическую часть послания». Не одобряли также умолчания о том, что ответственность за предшествующие «прискорбные столкновения между Церковью и государством» лежит и на «церковной политике» государства. Отвергали как «неискреннее» заявление о принесении властям «благодарности» за внимание «к духовным нуждам православного

населения»; посчитали слишком уж «категоричной» форму, в которой было сделано заявление о лояльности церкви к гражданской власти. Отмечали, что церковь должна более определенно требовать невмешательства государства во внутрицерковные дела.

Разномыслие среди иерархии, естественно, отразилось и на взглядах приходского духовенства и верующих, разделив их на сторонников и противников декларации. Однако абсолютное большинство их встало на сторону митрополита Сергия. Постоянно встречающееся в церковной и околоцерковной литературе утверждение о том, что 90 процентов приходов вернули в Синод текст декларации, не читая и не желая оглашать его в храмах из-за своего несогласия с ним, не имеет никакого документального подтверждения. Это просто вымысел. Тогда как свидетельства иного рода — высказывания в поддержку декларации и церковного курса митрополита Сергия в целом — в обилии присутствуют в архивах. Сегодня их можно встретить на страницах исторической литературы, авторы которой стремятся объективно представить ситуацию в церкви в связи с Декларацией митрополита Сергия и активно ведут поиск архивных документов.

В конце декабря 1927 года митрополит Сергей и Временный синод вновь обратились с посланием к пастве, еще и еще раз разъясняя причины, по которым церковная жизнь выстраивается в соответствии с опубликованной летом 1927 года декларацией. Характеризуя «церковную разруху» 1926–1927 годов, авторы указывали: «Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как бы ощупью среди неосведомленности, жили отдельною жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить православие. Какая благоприятная

почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и пагубных заблуждений, какое обширное поле для всякого самочиния»^[116]. Одновременно сообщалось о тех первых изменениях, которые произошли в жизни православной церкви в Советском Союзе: открываются на местах епархиальные советы, устанавливаются связи Синода с епархиями, замещаются пустующие кафедры, восстанавливаются связи с Восточными церквями и православными приходами в различных странах Европы и Японии, преодолеваются «церковные расколы» в стране. Митрополит Сергей и Синод вновь и вновь говорят о недопустимости «разрыва со своим законным епископом», который может быть обоснованным лишь в одном случае: когда осужден Собором или когда начинает проповедовать заведомую ересь, тоже уже осужденную. Но раз этого нет, то требуется совместная работа Синода, православных епархий и приходов на благо Церкви Христовой.

В поддержку декларации и возобновления поминания власти выступали и монашеские общины вместе со своими настоятелями. К примеру, в московском Высоко-Петровском монастыре, где настоятелем был архиепископ Варфоломей (Ремов), декларация была принята с момента ее обнародования. Монахи Петровского монастыря поминали сущих у власти по указанию святителя Тихона и до издания декларации. Тем самым исполнялся апостольский завет: «Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяцем благочестии и чистоте» (1 Тим. 2:1-2). Вдохновителем этого моления был старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Алексей, тот самый, что в ходе Поместного собора «вынутием жребия» определил имя одиннадцатого патриарха всея Руси — Тихона. Многие из монашествующих специально ездили к батюшке

Алексию в Сергиев Посад, где он жил после закрытия Зосимовой пустыни, с вопросом: неужели он действительно благословляет придерживаться митрополита Сергия? И старец указывал каждому вопрошающему почитать митрополита Сергия. «У христиан, — говорил старец, — не должно быть вражды ни к кому. Должна быть любовь, любовь и молитва. Митрополит Сергей — законный, поступает правильно, надо его слушать... Не нахожу никакого греха в молитве за властей. Давно нужно было молиться за них и усугубить свои молитвы. Только благодать молитвы может разрушить ту стену вражды и ненависти, которая встала между Церковью и советской властью. Молитесь, — может быть, благодать молитвы пробьет эту стену... Всем, кто меня знает в Москве, скажи, что старец ни минуты не сомневался и не колебался и стоит на стороне тех, кто принимает власть и слушается митрополита Сергия» ^[117].

В январе 1928 года Сергей и Временный синод направили епархиальным архиереям указ о созыве Второго Поместного собора с просьбой направлять в их адрес предложения о времени, составе, порядке созыва и вопросах, подлежащих обсуждению. Одновременно Сергей доступными для него способами — письмами и при встречах — неустанно объяснял властям причины такого решения и доказывал жизненную его необходимость. Чуть позже, 29 марта 1928 года, издали «Деяние», в котором подробно была изложена позиция высшей церковной власти относительно обвинений, выдвинутых против Сергия не подчиняющейся ему части епископата. Обоснование полномочий заместителя местоблюстителя, в том числе и в части увольнения и перемещения епископов, что вызывало особое неприятие и протест, выводилось из того обстоятельства, что митрополит Петр передал ему свои права и обязанности «без всяких ограничений». Можно

привести слова видного церковного деятеля той эпохи архиепископа Вере́йского Илариона (Троицкого), писавшего из Соловецкого лагеря: «Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Прежде по каким пустякам должность меняли — и еще рады были, а теперь заскандалили»^[118].

Тем, кого «смущали» слова декларации: «Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи», специально пояснялось, что они относятся к внешнему благополучию и бедствиям народной жизни, но вовсе не к «распространению неверия», как некоторые извращенно толковали их.

Спустя годы, в 1942 году, вспоминая эпоху конца 1920-х годов и связанные с опубликованием декларации церковные нестроения, Сергей свидетельствовал: «В нашей Церкви воцарился невообразимый хаос, напоминавший состояние Вселенской церкви во времена арианских смут, как оно описывается у Василия Великого... Мы могли рассчитывать только на нравственную силу канонической правды, которая и в былые времена не раз сохраняла Церковь от конечного распада. И в своем уповании мы не посрамились. Наша Православная церковь не была увлечена и сокрушена вихрем всего происходящего. Она сохранила ясным свое каноническое сознание, а вместе с этим и канонически законное возглавление, то есть благодатную преемственность Вселенской церкви и свое законное место в хоре автокефальных церквей»^[119].

В обновленческой церкви отношение к декларации также было неоднозначным. Часть епископов и приходского духовенства, а еще в большей мере рядовые верующие восприняли положительно

выраженную в ней идею лояльности к государству. Поэтому на местах паства покидала обновленческие церкви, переходя в патриархии приходы. Обновленческое руководство в своих публичных выступлениях и на страницах церковной прессы подавало декларацию как «акт лицемерия, заискивания и заигрывания» с властями митрополита Сергия и его сторонников. Александр Введенский, выступая в ноябре 1927 года на пленуме обновленческого синода, говорил: «Я боюсь, что это только новая маскировка староцерковничества, новая перелицовка в советского льва, который, в самом деле, остается белогвардейским общипанным орленком» ^[120].

Русская эмиграция и Декларация митрополита Сергия Страгородского

Жаркие споры вызвала декларация и среди русской эмиграции. Расколота на два лагеря, она была едина в неприятии «большевизма» и жаждала падения Совдепии, но по-разному представляла будущее политическое и общественное устройство России (монархия или буржуазная республика), по-разному относилась к идее и возможности новой интервенции против Советской России.

Оба лагеря стремились опереться на церковные структуры, образовавшиеся на Западе, в которых они видели своих возможных союзников. С публикацией декларации обострились отношения и между различными группами церковной общественности, примыкавшими к различным политическим группировкам.

Обсуждение декларации сразу же переросло рамки церковной проблемы. Это, к примеру, хорошо передает листовка-обращение группы русских офицеров к

управляющему православными приходами в Западной Европе митрополиту Евлогию (Георгиевскому): «Мы не вмешивались в церковный вопрос, не знаем, правильно или нет, куда он рассматривался в области канонов, которые, каемся, нам пока мало ведомы. Но теперь церковный вопрос приобрел характер чисто политический. И тут для нас, политических борцов за родину, недомолвок не может быть. Уважение к личностям пастырей отходит на второй план. Мы хотим знать, кто с нами готов бороться против большевиков и кто к этой борьбе не склонен» ^[121].

Митрополит Евлогий ориентировался на сохранение связи с Московской патриархией, стремился избежать проникновения «политики» в церковь. Он и его сторонники восприняли декларацию как логическое продолжение действий патриарха Тихона, направленных на урегулирование отношений с государством. Однако и в этой среде ее обсуждение не проходило тихо и мирно. Полемика выплеснулась на страницы эмигрантских изданий: газет «Руль», «Последние новости», «Россия», журналов, сборников, листовок, обращений, воззваний. Единодушие было в одном — не давать письменной подписки о лояльности в отношении советской власти, которую требовал от заграничного духовенства Сергей.

По поводу декларации и ее значения для церкви как в СССР, так и за рубежом высказывались диаметрально противоположные суждения. Такие авторитетные лидеры русского зарубежья, как Д. С. Мережковский, А. В. Карташев, Г. П. Федотов, Г. Н. Трубецкой, призывали, заклинали и требовали отвергнуть послание Сергия, пойти на разрыв всех и всяческих с ним связей. Но не менее авторитетные — Н. Н. Глубоковский, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, митрополит Елевферий (Богоявленский) и другие — высказывались в поддержку декларации. Так, Н. Н. Глубоковский заявил: «Послание преследует, думается мне, благие цели как для Церкви в

России, так и для нас, и я не вижу оснований смотреть на него пессимистически».

Обобщающе и убедительно представлена эта точка зрения в красноречиво названной статье Бердяева «Вопль Русской Церкви». Ее он завершил следующими словами: «Практически пойти навстречу призыву митрополита Сергия — значит отныне совершенно прекратить в зарубежной церкви великокняжеские и царские молебны, носящие характер политических демонстраций, что не должны быть допускаемы проповеди в церквях или речи на епархиальных съездах, которые носят политический характер. Это есть ликвидация в зарубежной церкви периода, связанного с гражданской войной. На этот путь уже вступил митрополит Сергий, и этот путь должен быть завершен. И этим церковь лишь освободится от тех соглашений и компромиссов, к которым она была вынуждена в прошлом. И это будет нашим духовным возвращением на Родину»^[122].

Острая, подчас ожесточенная и нелицеприятная полемика, звучавшая на заседаниях приходских собраний и епархиальных съездов, волной прокатившаяся по европейским странам, где компактно проживали русские эмигранты, завершилась все же победой митрополита Евлогия и его сторонников. Подводя черту, митрополит Евлогий в своем послании митрополиту Сергию сообщал, что требование дать подписку о лояльности Советскому государству отвергается, в то время как курс на «невмешательство Церкви в политическую жизнь» остается неизменным, а также сохраняются прочные организационные и духовные связи с Московской патриархией.

К слову сказать, позицию Евлогия поддержали и некоторые другие зарубежные иерархи. Например, архиепископ Севастопольский Вениамин (Федченков) в своем дневнике записал: «Какое же великое дело

сделал митрополит Сергей! Поистине историческое... Даже мировое — перевернуть мысли всех... Это дело огромной души христианской! Дело глубочайшего ума! Плод великого страдания! Помогите ему Господь в сем апостольском подвиге! Как ему трудно теперь при общем непонимании! Нужно служить ему со всей готовностью, не отказываясь исполнять никакие послушания, как бы это трудно мне ни казалось! Нужно поддержать его! Не надо слушать ни одних, ни других, а его одного»^[123].

Иную позицию заняли иерархи Русской православной церкви за границей. На Архиерейском соборе, собравшемся в начале сентября 1927 года, декларация была категорически отвергнута как документ, носящий характер сугубо политический, а не церковно-канонический, а потому не имеющий оснований для обязательного исполнения. Одновременно заявлено было о разрыве всех связей с митрополитом Сергием, который, по мнению «карловчан», устремился к установлению «союза святой православной церкви с властью, разрушающей и церковь, и всякую религию»^[124]. Одновременно митрополит Евлогий был осужден Собором за «раскольничью деятельность», запрещен в священнослужении и отстранен от управления православными приходами в Западной Европе. Митрополит Сергей, получив информацию об этом, своим указом отменил данное запрещение.

Реакция этой части русской эмиграции может быть объяснена, с одной стороны, ее политическим настроением, суть которого заключалась, как писала газета «Последние новости», «в выступлениях против советской власти как власти светской и в призывах бороться за восстановление в России монархии». С другой стороны, сказалось тяготение митрополита Антония (Храповицкого), главы Зарубежной церкви, к

«самостоятельности». Еще летом 1923 года Синод принял секретное (и для верующих за рубежом, и для патриарха Тихона) определение о неисполнении указов патриарха Тихона, касавшихся деятельности заграничных приходов. И ранее этого времени, и позже митрополит Антоний неоднократно обращался к патриарху Тихону с просьбой предоставить «независимость» Зарубежной церкви, то есть вел дело к фактическому отделению от Московской патриархии. Таким образом, появление декларации стало для этой части православной иерархии удобным поводом к открытому разрыву с Московской патриархией и провозглашению своего политического кредо — восстановление монархии в России.

Немаловажно было и то, что обстановка летом 1927 года в Европе существенно отличалась от прошлогодней, когда Синод обсуждал проект послания митрополита Сергия и поддержал его: нарастала волна антисоветизма, совершались насильственные действия в отношении зарубежных советских учреждений и отдельных лиц, звучали призывы к экономической блокаде, казалась вполне реальной возможность нового военного похода против СССР. Вот почему в тексте декларации Сергия поясняется суть патриотической позиции церкви, когда «всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное действие или просто убийство из-за угла, подобно Варшавскому^[125], создается нами как удар, направленный в нас».

...23 ноября 1928 года поезд Рига — Москва медленно подходил к перрону Ржевского вокзала. Митрополит Алексей (Симанский) напряженно вглядывался в проплывающие мимо окна вагонов... Один, второй, третий... Подумалось: «Узнаю ли после столь длительной разлуки?.. Да и он, Елевферий, признает ли во мне своего прежнего знакомого?..»

В купе постучали, в приоткрывшуюся дверь просунулась голова носильщика. Он проговорил: «Вас ожидает на перроне архиерей». Показалось — ослышался. «Что он сказал?» — обратился митрополит Елевферий к сопровождающему. «Вас ожидает архиерей». Мелькнула мысль: «Он, вероятно, в каком-либо архиерейском отличии, а я в теплой рясе... обычной осенней шляпе, без посоха, с зонтом в руках... Но делать нечего. Надо выходить».

Действительно, напротив открывшейся двери вагона стоял митрополит Алексей в меховой, с бобровым воротником рясе, в клобуке и с архиерейским посохом в руке. После взаимных приветствий Алексей обратился к гостю:

— Митрополит Сергей просил вас встретить, а сам он ожидает вас у себя на квартире. Такси у вокзала. Пожалуйста.

В дороге начался непринужденный разговор.

— А вы, владыко, кажется, удивились, увидев меня в рясе, в клобуке и с посохом? Вы, вероятно, думали, что мы, архиереи, ходим с бритыми бородами, стриженными волосами, в светских костюмах, — проговорил Алексей.

— Да... Вы угадали, почти что так.

— Как видите, мы всё сохранили в нетронутom виде и всюду являемся в таком одеянии.

— Ну, слава Богу, это очень хорошо.

Через полчаса машина остановилась возле ничем не примечательной калитки. В глубине — барский дом с флигелем. Прошли к нему по дорожке в четыре доски через весь фруктовый сад. В передней Елевферия встречали митрополит Сергей Страгородский, архиепископ Филипп, управляющий Московской епархией, епископ Волоколамский Питирим, управляющий делами патриархии, митрополит Саратовский Серафим. После приветствий, радостных возгласов и улыбок прошли в келью Сергея — комнату в

два окна, с самой простой обстановкой: направо кровать, налево письменный стол, в святом углу небольшой киот, рядом небольшой книжный шкаф, на противоположной стене висит телефон. На письменном столе — портрет патриарха Тихона.

Сели за чайный стол. Как всегда в такой обстановке, разговор завязался не сразу. Встреча, как наваждение, вопреки бушевавшим вокруг житейским бурям. Встреча пришельцев... «с того света», которые молча смотрели друг на друга и радовались возможности увидеться до смертного своего часа. В сердце Елевферия ширилось ощущение радости, мысли растворялись в чувствах, и говорить не хотелось... Приятно было смотреть на митрополита Сергия, которого, казалось, заграничная пресса давно похоронила, объявив сломленным, больным, с трясущимися головой и руками. Перед Елевферием сидел слегка поседевший и пополневший владыко, претерпевший четырехкратное тюремное заключение, фактический глава церкви. Видно было, что он полон сил и энергии. Те же умные, добрые, ласковые глаза, ни тени в них душевной усталости или скорби. Та же улыбка, сменяющаяся знакомым добродушным смехом.

К двенадцати часам подошли остальные члены Синода, и все перешли в залу в четыре окна, где обычно проходили синодальные заседания. В углу теплилась лампадка под образом Божьей Матери, посередине стоял стол, покрытый зеленым сукном, с двенадцатью стульями, при входе справа — небольшой мягкий диван, налево от входа на стене — хорошо исполненный портрет патриарха Тихона.

На заседании митрополит Елевферий выступил с докладом о положении церковных дел за границей и особенно в Польше, где провозглашена была неканоническая автокефальная Польская православная церковь. Присутствующих интересовало все до

мельчайших подробностей, что мог сообщить непосредственный очевидец прискорбных событий в церковной православной жизни. Затем был обед, после него — поездка в храм Блаженного Максима.

На первую предстоящую московскую неделю для митрополита Елевферия был расписан каждый день и каждый час: посещение соборов, храмов и монастырей, участие в заседаниях Синода, епископских хиротониях и службах, экскурсии по Москве и в ближнее Подмосковье, встречи с иерархами, официальные визиты и посещение старых знакомых.

На следующий день поехали в Донской монастырь вместе с его настоятелем епископом Иннокентием. Въехали в Святые ворота... На первый взгляд обитель как будто та же, но жизнь в ней была уже не та. Два главных храма находятся в ведении монастыря, и ключи от них у монахов, но живут они где-то далеко за его стенами. Монастырские здания взяты властями под свои нужды. Не было видно никого, только по дальней дорожке тащились два нищих. Подошли к высокой лестнице, ведущей в Большой монастырский храм. Казалось, мрак безбожия коснулся и этой обители...

Немного погодя появился пожилой человек с худым неприветливым лицом — послушник. Он отворил дверь, и все вошли в храм, столь дорогой и знакомый Елевферию, ведь когда-то он почти год прожил в Донском монастыре. Первое впечатление — будто в храме уже совсем не совершается богослужений. Заметна некоторая запущенность, нет прежнего блеска риз на иконах. Да и немудрено: монахов осталось мало, живут они вне монастыря и не в силах поддерживать надлежащий порядок. Елевферий и сопровождающие его приложились к чудотворному Донскому образу Божьей Матери — он на прежнем месте, в металлической оправе. У левого клироса — чудесный Виленский образ Богоматери без драгоценной ризы...

Но, может, потому она еще больше поражает в этом остывшем храме. Молча постояли...

Затем отправились в теплый храм монастыря, где погребен патриарх Тихон. К приходу гостей только-только кончилась литургия. Было пять-шесть богомольцев. На ступеньках с трех сторон гробницы стояли живые цветы. На верху гробницы — патриаршая митра, около нее горела лампадка. Облачившись в алтаре, гости вышли в сопровождении сослуживших им двух иеромонахов и двух иеродиаконов. Три послушника — певчие. Панихиду служили в совершенной темноте, с чтением всего канона. Ощущалось благодатное общение с почившим святейшим.

Из Донского Елевферий с епископом Иннокентием поехали в Данилов монастырь. Около монастырских ворот их встретил наместник монастыря иеромонах Сергей, так как настоятель, епископ Феодор (Поздеевский), находился в ссылке. Братия еще жила в своих кельях, но ходили слухи о скором закрытии обители. Прошли в главный храм, где покоились почитаемые мощи великого князя Даниила, не встретив ни одного монаха. Служба закончилась. Монахиня опилками посыпала пол. Завидев иерархов, она открыла часть святых мощей. Несколько минут все молча постояли, помолились.

По возвращении в патриархию Елевферий с сожалением узнал, что его пребывание в Москве сокращено ОГПУ до 1 декабря. Обширные планы рушились, еще так много хотелось обсудить. Вечером он встретился с митрополитом Сергием, разговор зашел о декларации 1927 года.

— Вы не можете представить себе, владыко, как взволновали эмиграцию слова ваши: «Радости и успехи власти — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»!

— А вы читали мою декларацию? — с едва заметной улыбкой спросил Сергей.

— А как же! Читал.

— Но ведь там нет тех слов, которые мне приписывают. Там сказано: «Радости и успехи нашей родины — наши радости и успехи, неудачи ее — наши неудачи».

— Но, простите, владыко, — смутившись, проговорил Елевферий, — так ли это?

— Прочтите сами, если сомневаетесь. — Сергей достал текст декларации, нашел нужное место, протянул Елевферию. — Читайте.

Действительно, было написано: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи».

Подождав, пока был прочитан отмеченный фрагмент, Сергей продолжил:

— И не только у вас за границей по-своему прочли это место декларации, нашлись такие и здесь, у нас. Ко мне обращались с вопросами: что это значит? И пришлось и им объяснить то же.

— Тогда это меняет дело, и оснований для неприятия нет...

— Да, и я уверен, что в скором времени это поймут все. Правда, кроме тех, кто намеренно не хочет читать то, что написано.

— Имеете в виду заграничный клир, Карловацкий собор?

— Да.

— Я с вами солидарен. Мне кажется, что ваши обращения к ним — суть призывы не вмешивать религию и церковь в политику и тем не давать поводов для репрессий против нее в России. Хотя иные говорили, что вы принуждаете заграничное духовенство и паству

признавать себя чуть ли не подданными Советской России со всеми вытекающими для них последствиями.

— Мы своими словами о лояльности хотели исключительно одного: чтобы священнослужители вели себя корректно по отношению к советской власти, не поносили ее в своих публичных выступлениях.

Конечно, в своих воспоминаниях о поездке в СССР, которые митрополит Елевферий опубликовал в Париже в 1933 году, он не мог не коснуться распространявшихся за рубежом инсинуаций о насильственной смерти патриарха Тихона и подложности его Послания к пастве от 7 апреля 1925 года. Первое, со ссылкой на свои встречи и беседы в Москве, митрополит категорически отвергает, а касаясь послания, пишет: «Если вчитаться в послание без предубеждения, то ни по содержанию, ни по стилю, ни тем более по духу оно ни в коем случае не может быть признано произведением безбожного ума. И морально, и психологически не под силу написать его гордому богоборческому уму. И следует ли отрицающим подлинность патриаршего послания, в противоречие своему взгляду на советскую власть, давать ей неподобающую честь, приписывая ей авторство послания?»^[126]

Постановление ВЦИКа и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». XIV Всероссийский съезд Советов. Апрель-май 1929 года

Опубликование митрополитом Сергием декларации пришлось не только на период «церковной разрухи» внутри страны и «церковной смуты» в Зарубежной церкви, но и на то сложное время, когда в партийно-государственных кругах СССР обострилась борьба двух тенденций в осуществлении церковной политики.

За относительное смягчение жесткого курса в отношении религиозных организаций выступали, хотя и с разной степенью последовательности, М. И. Калинин, П. Г. Смидович, П. А. Красиков, А. И. Рыков, А. В. Луначарский. Иной была позиция И. В. Сталина, Н. И. Бухарина, Е. М. Ярославского, В. М. Молотова, ратовавших за авторитарное решение религиозных проблем.

Когда шли переговоры с митрополитом Сергием, существовало примерное равенство сил, непосредственно занимавшихся церковной политикой, — ВЦИК, НКВД РСФСР, ОГПУ. В результате еще было возможным участие религиозных организаций в общественной жизни страны, они могли проявлять свою инициативу в сфере хозяйственной жизни. Даже наблюдался рост количества религиозных организаций. Если на 1 января 1926 года в РСФСР (без автономных республик) было зарегистрировано 34 796 объединений, в том числе 27 126 «тихоновских», то на 1 января 1928 года соответственно — 38 442 и 29 584. О конфессиональной картине в РСФСР дает представление таблица, составленная сотрудниками НКВД:

Количество молитвенных зданий в РСФСР (без автономных республик) в 1926—1928 годах по отдельным верованиям

Год	Количество молитвенных зданий на 1 января					
	в абсолютных числах			в % к 1926 г.		
	1926	1927	1928	1926	1927	1928
Наименование верования						
Православная церковь	27 126	29 596	29 584	100	109,1	109,1
Религии, новообразовавшиеся после революции («Живая церковь», возрожденцы, антониевцы)	3137	3290	3411	100	104,9	108,7
Католическая церковь	158	160	137	100	101,3	86,7
Протестантская церковь	151	173	184	100	114,6	121,9
Армяно-григорианская церковь	54	51	64	100	94,4	118,5
Иудейское исповедание	365	284	265	100	77,8	72,6
Магометанское исповедание	74	2414	2376	100	136,1	133,9
Старообрядцы	99	1594	1707	100	106,3	113,9
Сектантство	532	613	714	100	109,7	110,5
ВСЕГО:	34 796	38 175	38 442	100	109,7	100,5
в том числе:						
в городах	4397	4465	4351	100	101,5	99,0
в сельской местности	30 399	33 710	34 091	100	110,9	112,1

Но со второй половины 1927 года происходила вначале едва заметная, а затем все более очевидная переориентация на вытеснение религиозных организаций на периферию общественной жизни, сведение их деятельности лишь непосредственно к отправлению культа в стенах молитвенных зданий. Этот курс отчетливо проявился в канун принятия декларации, а затем и при решении вопроса о регистрации «Сергиевских» епархиальных управлений. Позиция ОГПУ вновь оказалась решающей и сводилась к следующему:

1) отказывать в официальной регистрации вновь образующихся управлений и 2) существующие де-факто управления официально не регистрировать, но и не препятствовать их деятельности. Такая позиция была подтверждена секретным циркуляром НКВД РСФСР «О „Сергиевских“ епархиальных управлениях».

Очень скоро выявилась и еще одна особенность линии административных органов в отношении епархиальных управлений «тихоновской» церкви. Для НКВД РСФСР и ОГПУ термин «регистрация» не имел какого-либо юридического смысла. К примеру, центральный аппарат НКВД РСФСР в разъяснении от 6 января 1928 года в адрес Административного отдела Дальневосточного края указывал: «Термин „регистрация“ употреблен в силу того, что как так называемый Патриарший Синод, так и так называемые епархиальные управления в своих заявлениях, представляя по установленной форме списки этих организаций, возбуждают вопрос „о регистрации“ их как официальных учреждений, о чем, конечно, не может быть и речи. Каким-либо образом разъяснять им их заблуждение из чисто политических соображений совершенно нецелесообразно»^[127]. Эта установка транслировалась и во всех других «разъяснениях» НКВД РСФСР, направлявшихся в местные органы в связи с их запросами об отношении к деятельности Патриаршего синода.

Иными словами, для НКВД РСФСР и ОГПУ вся линия их поведения в 1925–1927 годах в отношении руководства «тихоновской» церкви была всего лишь тактическим шагом, не менявшим существа отношения этих органов к «религии и церкви». Органы церковного управления, как и вообще религиозные сообщества, были в их понимании «политическими организациями», противостоящими социализму и «нежелательными» в социалистическом обществе. Они не были и не могли

быть признаваемы в качестве юридического лица и были лишь терпимы как неизбежное следствие конъюнктуры симпатий и антипатий к «религии и церкви», сложившейся в государственно-партийном аппарате к этому времени. И очень скоро разрушилось и то непрочное «перемирие» между церковью и государством, что достигнуто было на принципах, изложенных в Декларации митрополита Сергия. За точку отсчета этого процесса здесь должно принять 1929 год, когда окончательно рухнули надежды и намерения не только митрополита Сергия, но и тех сил в коммунистической партии и Советском государстве, которые заявляли о необходимости демократизации государственной вероисповедной политики.

На май 1929 года намечалось проведение XIV Всероссийского съезда Советов. Ожидалось, что съезд внесет изменения в статьи Конституции РСФСР, касавшиеся вопросов свободы совести. А накануне, в апреле 1929 года, планировалось принять новый республиканский нормативно-правовой акт, регулировавший деятельность религиозных объединений.

Весь предсъездовский период был использован властями для нагнетания антирелигиозной истерии. Особую активность проявляла Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), председатель которой, Ем. Ярославский, призывал в своих погромных антирелигиозных статьях «вырвать почву из-под ног всякого церковного и религиозного проповедника»^[128]. Под аккомпанемент таких заявлений на местах все большую популярность приобретала практика проведения сходов, собраний, митингов, на которых простым большинством голосов, зачастую в отсутствие «заинтересованной стороны», принималось решение: быть или не быть действующими церквям, мечетям, синагогам, молитвенным домам в населенных пунктах.

Вот типичная для тех лет выписка из протокола рабочего собрания фабрики «Красный Октябрь» (Средневолжская область), состоявшегося 15 марта 1929 года: «Слушали: О закрытии церкви. Постановили: Считаем, что церковь, как рассадник религиозного дурмана, нам не нужна. Поручаем горсовету и прочим организациям немедленно церковь закрыть, помещение же церковное использовать под школу»^[129].

Фон, на котором происходила подготовка нового закона о религиозных объединениях, хорошо передает и содержание многочисленных аналитических материалов НКВД РСФСР, передаваемых им в центральные партийные и советские органы. Так, 6 апреля 1929 года, буквально накануне принятия нового закона о религиозных организациях, НКВД РСФСР писал, что «религиозники» везде и всегда примыкают к тем силам, которые противодействуют мероприятиям, направленным к «укреплению мощи Советского Союза и к ослаблению капиталистического сектора», организуют антисоветские выступления масс. При этом в документе подчеркивалось, что «возросшая антисоветская активность религиозников» приобретает все более многообразный характер: «давление» на низовые местные органы власти при перевыборах в Советы, создание подпольных контрреволюционных организаций, распространение антисоветских листовок, террор против активистов-безбожников, организация движения за открытие и постройку церквей и недопущение их закрытия^[130].

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «О религиозных объединениях», которое хотя и подвергалось в дальнейшем некоторому уточнению, редактированию и дополнению, но в целом сохранялось как действующее вплоть до начала 90-х годов XX века. Оно законодательно закрепило ставшее к

тому времени господствующим мнением, что религиозные организации не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей верующих преимущественно в рамках молитвенного здания, и что следует «вытеснить» религиозные организации из всех сфер общества, где до этого времени они имели право действовать, и запретить им вообще какой-либо «выход» в общество.

Одновременно деятельность религиозных объединений в части удовлетворения религиозных потребностей граждан была ограничена множеством жестких регламентирующих условий. Так, им было запрещено создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных зданиях и помещениях разрешалось хранить только книги, необходимые для отправления данного культа; не допускалось преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях. Такое преподавание могло быть допущено исключительно на специальных богословских курсах, открываемых гражданами СССР с особого разрешения НКВД РСФСР, а на территории автономных республик —

с разрешения Центрального исполнительного комитета соответствующей автономной республики.

По сути, религиозные объединения превращались в РСФСР в некие «резервации» для исповедующих те или иные религиозные убеждения граждан. Естественно, этот подход через общее партийно-идеологическое руководство страны автоматически распространялся и на все остальные союзные республики, становился общесоюзным.

Справедливости ради надо отметить, что постановление несло в себе и позитивное содержание, отвергая некоторые ошибочные предложения, заложенные в проект союзного законодательства о культах, в предписаниях НКВД РСФСР, ОГПУ и Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), определяя условия образования и функционирования религиозных обществ, совершения обрядов и треб и т. п. Но, к сожалению, очень скоро выяснилось, что многие из этих позитивных статей в условиях развертывающегося процесса «изгнания религии» из общества не реализовывались на практике.

На том же заседании при Президиуме ВЦИКа была образована Постоянная комиссия по культовым вопросам, заменившая Секретариат по культам. Ей поручалось рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций, и представление проектов решений по ним в Президиум ВЦИКа. В состав комиссии вошли представители республиканских наркоматов юстиции, внутренних дел, просвещения, а также ОГПУ, ВЦСПС и ЦК ВКП(б). Возглавил комиссию П. Г. Смидович, и она приступила к своей деятельности в мае 1929 года.

День 8 апреля 1929 года стал рубежным в советских государственно-церковных отношениях. С одной стороны, он означал, что в споре, ведшемся в 1926–1929 годах во властных структурах (союзных и

республиканских), о необходимости принятия общесоюзного закона о религиозных объединениях и создания общесоюзного органа «по делам религии» победили те, кто выступал против. Отныне признавалось целесообразным разрешать все вопросы «религиозной политики» в соответствии с мнением партийных и государственных органов в каждой из союзных республик в отдельности. С другой — принятое постановление свидетельствовало, что в РСФСР в высшем партийно-советском аппарате сильнее оказалась та его часть (И. В. Сталин, В. М. Молотов, Н. И. Бухарин и другие), что выступала за ужесточение вероисповедного курса государства, за отказ от «послаблений» периода нэпа.

Состоявшийся в мае 1929 года XIV Всероссийский съезд Советов наряду с задачами экономического, культурного, социального развития страны много внимания уделил «религиозному вопросу». Причем его обсуждение шло по уже заранее заданной теме, в русле утвердившейся в общественном сознании «теории» об обострении классовой борьбы в социалистическом обществе. В докладах А. И. Рыкова о пятилетнем плане развития РСФСР и А. В. Луначарского о текущих задачах культурного строительства религиозной проблематике уделено было особенное внимание. Оба исходили из посылки, что в классовой борьбе «религия и церковь» оказываются на стороне сил, препятствующих социалистическому строительству.

А. И. Рыков, характеризуя обстановку в обществе, сказал: «Остатки капиталистических классов — кулаки в деревне, нэпманцы в городе и представители старой идеологии, идеологии религиозного дурмана и частной собственности среди интеллигенции, — оказывают и будут оказывать всяческое сопротивление делу организации нового общества. Отсюда то обострение классовой борьбы, которое мы переживаем в настоящее

время. Любое затруднение, встречающееся на нашем пути, классовый враг, конечно, использует для борьбы с диктатурой пролетариата и для того, чтобы создать щель и разлад в союзе рабочего класса с крестьянством»^[131].

Еще более резко говорил о месте и роли религии и церкви А. В. Луначарский. По его мнению, культурное строительство должно сопровождаться борьбой «с двумя главными нашими культурными врагами, со всевозможными церквями и религиями, в каких бы то ни было формах. Это — враг социалистического строительства, и он борется с нами на культурной почве. Школа и все культурные учреждения — батареи, которые обращены против религии со всеми ее ужасами, пакостями, со всем позором узкого национализма, особенно сказывающимся в антисемитизме»^[132].

Подобные заявления нашли горячую поддержку среди слушателей, ибо соответствовали настроению делегатов, и они со своей стороны призывали: усилить борьбу за закрытие церквей, изымать культовые здания под социально-культурные нужды, бороться с престольными праздниками, «поповским» и «религиозным дурманом», сокращать тиражи религиозной литературы, поддерживать коллективные обращения «активистов» о закрытии церквей, не позволять ремонтировать культовые здания, не поддерживать просьбы верующих об оставлении в их пользовании подобных зданий, снимать колокола.

Но в выступлениях Рыкова и Луначарского содержалась не только необходимая дань конъюнктуре идеологических установок политбюро и ЦК. Они предостерегали от поспешности в антирелигиозной работе, от увлечения принудительными административными мерами, настаивали на необходимости соблюдать недавно принятый закон «О

религиозных объединениях». По существу, то была скрытая полемика с победившим мнением большинства в партийно-советском руководстве страны, попытка донести до партийной массы ошибочность нового курса в вопросах религиозной политики.

Предупреждая об опасности и бесперспективности администрирования, А. В. Луначарский говорил: «Губисполком вправе расторгнуть любое соглашение, любой контракт с группой верующих, но если они жалуются на это, то по нашей Конституции ВЦИК обязан это дело рассмотреть применительно к местным условиям. Мы, конечно, все за то, чтобы как можно скорее изжить религиозный дурман, но мы ни на одну минуту не должны забывать, что резкие административные меры без предварительной антирелигиозной пропаганды, которая в данной местности подготовила бы почву для них, создадут положение разрыва между передовыми рабочими и их партийными и советскими органами и огромными массами верующих крестьян и (правда, сравнительно небольшой) отсталой частью рабочего класса. Я присутствовал на собраниях в Москве, где предложения о закрытии церквей большинством голосов рабочих и работниц не только отвергали, но вызывали даже возмущение. Мы должны стараться закрывать церкви, но только предварительно подготовив общественное мнение. ВЦИК проявляет здесь необходимую и правильную осторожность»^[133].

И эта часть выступлений Рыкова и Луначарского в защиту верующих, религиозных организаций и законности вызвала ропот и даже острое неприятие среди делегатов съезда. К примеру, представитель делегации от Владимирской губернии Никитин, полемизируя с Рыковым, призывавшим не спешить с закрытием церквей, заявил следующее: «Теперь я хочу сказать относительно закрытия церквей. Вчера т. Рыков

толковал по этому вопросу, но, по-моему, он не совсем удачно толковал. Возьмем, например, Владимирскую губернию: там закрыли целый ряд церквей. Что получилось? Кроме приветствия, ничего не получилось... Я думаю, что рабочее ядро всегда единогласно выскажется за закрытие церквей... Вообще, вопрос стоит так, что нужна не только одна агитация, а может быть, нужна и рабочая пролетарская рука, может быть, кое-где нужно ударить покрепче по этому дурману и стегнуть его получше»^[134].

Показательно, что А. И. Рыков, отвечая в заключение на вопросы, записки и предложения, специально остановился на критике позиции административного давления на религию, призывов закрывать церкви, «ударить покрепче по дурману». Это было последнее, вплоть до эпохи «перестройки и гласности», публично высказанное несогласие с политикой партийного центра в отношении религии со стороны партийно-советских руководителей такого уровня. Отныне такая позиция станет прерогативой диссидентствующих да зарубежных советологов и кремленологов. Рыков заметил: «Вот такой идеологии, признаюсь, я боюсь. Что она означает? Она означает, что товарищ Никитин доказать вредность религии населению не может и аргументы, идеологическую борьбу думает заменить палкой. Где этот дурман, где его нужно уничтожить? Его нужно уничтожать в головах людей. О каких людях идет речь? О тех крестьянах и рабочих, которые до сих пор еще не расстались с религией. Здесь это не борьба с нэпманом. Речь идет о работе среди трудящихся классов населения. Конечно, нэпманы и кулаки поддерживают религию, находятся в союзе с попом. По отношению к нэпману и кулаку мы принимали и принимаем очень решительные меры борьбы, но по отношению к значительным группам трудящегося населения они едва ли заметны. Поэтому неправильно, когда в борьбе с

религиозным дурманом прибегают к излишним административным мерам. Тогда попадают иногда совсем не туда, куда нужно. Они могут попадать, например, по тем средняцким и бедняцким группам, которые хотя и поддерживают соввласть, но не порвали еще с религиозными пережитками. Ссориться же нам с такими слоями, благодаря административным „увлечениям“, вовсе не с руки»^[135].

Следуя закрытым решениям политбюро по «религиозному вопросу», съезд совершил еще один шаг к законодательному закреплению административного диктата в отношении религиозных организаций: изменил статью 4-ю Конституции РСФСР. Вместо ранее зафиксированного права граждан на «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды» отныне эта статья гарантировала лишь «свободу религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». На практике это означало, что власть лишь «терпела» культовую деятельность, ограниченную молитвенным зданием, а все иные возможные формы религиозной деятельности жестко пресекала.

В стенограммах съезда не содержится какого-либо развернутого и убедительного объяснения причин, побудивших к этому изменению. Лишь указывается, что поправка «вносится в целях ограничения распространения религиозных предрассудков путем пропаганды, используемой весьма часто в контрреволюционных целях». Делегаты не только «приняли» такое обоснование, но многие из них при обсуждении приводили примеры «враждебной» деятельности религиозных организаций в своих регионах.

Стоит еще раз подчеркнуть, что данный тезис был намеренно неверен. Слов нет, отдельные факты нарушений законов со стороны верующих и духовенства были (в скобках заметим, что значительно больше их

было со стороны представителей органов власти), но сами документальные материалы тех лет, сохранившиеся в архивных фондах НКВД и изученные нами, не дают оснований говорить о наличии со стороны религиозных организаций какого-либо организованного и целенаправленного политического противодействия советской власти. Не было среди них организации, которая ставила бы задачу ее свержения. Наоборот, религиозные организации практически всех конфессий делали неоднократные заявления о политической лояльности. Под «контрреволюционные деяния» власть умышленно отнесла требования верующих обеспечить им нормальные условия отправления религиозных потребностей.

На изменение статьи 4-й Конституции РСФСР очень болезненно реагировали руководители всех религиозных организаций, оно воспринималось ими как наступление на права и свободы верующих. Вот почему сразу после съезда на страницах газет и журналов, в антирелигиозной литературе появилось немало материалов, направленных на то, чтобы убедить читателей в правомерности деяний власти. Сошлемся на статью Н. Орлеанского. «Замена в законе понятия „свобода религиозной пропаганды“ словами „свобода религиозных исповеданий“ указывает на то, — подчеркивал автор, — что деятельность верующих по исповеданию своих религиозных догматов ограничена средою верующих и рассматривается как тесно связанная с отправлением религиозного культа той или иной терпимой в нашем государстве религии. Привлечение же новых кадров трудящихся, особенно детей, в число сторонников религии... каковая деятельность, несомненно, вредна с точки зрения интересов пролетариата и сознательного крестьянства, конечно, никоим образом не может находиться под защитой закона и охватываться понятием „свобода

религиозных исповеданий“. Всякая, следовательно, пропагандистская и агитационная деятельность церковников и религиозников — и тем более миссионерская — не может рассматриваться как деятельность, разрешенная законом о религиозных объединениях, напротив, рассматривается как выходящая за пределы охраняемой законом свободы вероисповедания и подпадающая под действие уголовных и гражданских законов, поскольку она им противоречит»^[136].

Делу нагнетания враждебности по отношению к «религии и церкви» послужили и последующие события: работа II съезда Союза воинствующих безбожников (июнь 1929 года). В его решениях «антирелигиозная борьба» рассматривалась как один из важнейших участков классовой борьбы, как одна из важнейших сторон социалистического наступления и в городе, и в деревне. Лозунгом антирелигиозного движения стал призыв: «Борьба с религией — есть борьба за социализм». О содержательной стороне его можно судить, в частности, по выступлению Н. И. Бухарина на этом съезде. «Борьба с религией, — говорил он, — стоит в порядке дня, она актуальна. Она актуальна и с точки зрения всего реконструктивного периода в целом. Но она является актуальной и с точки зрения той особой, специфической оригинальной полосы, в которой мы живем, когда заострение классовой борьбы обрисовалось по всему фронту и когда наши противники используют формы религиозного лозунга, религиозного пароля, религиозной человеческой организации, начиная с церкви и кончая различными видами сектантских организаций, для борьбы с социалистической серединой нашего хозяйства, для ожесточенного сопротивления повседневному продвижению социалистических форм нашего хозяйства, для использования в реакционных целях

наших трудностей, наших прорех, наших болезней. Особенность переживаемой полосы заключается, между прочим, и в том, что всякий оттенок нашего классового противника хочет закрепиться в ряде организаций религиозного типа. Антирелигиозный фронт кричаще ясно виден как фронт классовой борьбы»^[137].

Летом 1929 года ситуация в «религиозном вопросе» резко ухудшилась. Наиболее нетерпеливые советские работники, активисты «антирелигиозного движения» осуществляли на местах массовое закрытие церквей даже с нарушением только что принятого закона, игнорируя настроения и желания верующих, с издевательством над чувствами верующих и надругательством над предметами культа. И все это подавалось как «проявление революционной активности», как исполнение желания масс «покончить со всем, что напоминает о религии». А право и желание большинства рассматривалось как достаточное основание для проведения подобного курса. Ведь нельзя же, в самом деле, утверждали активисты, принимать во внимание настроение меньшинства, да еще, как правило, представляющего собой «чуждый элемент», «врагов», лиц, не желающих идти в колхоз.

Взрыв религиозной нетерпимости серьезно повлиял на социально-политическую ситуацию в стране, особенно в деревне: недовольство, неповиновение со стороны верующей части населения, а в ряде районов вооруженные столкновения, перерастающие в локальные восстания. Стремясь выправить ситуацию, ЦК ВКП(б) направляет в партийные органы на места еще одно письмо (за подписью Молотова), получившее название «О тактичном подходе в деле закрытия церквей» (5 июня 1929 года). В нем прямо указывалось, что «многие партийные организации недооценивают численность верующего населения, степень его неизжитых религиозных суеверий, преувеличивают рост

антирелигиозного движения в массах и полагаются исключительно на антирелигиозные и комсомольские организации в борьбе с религиозными организациями и, в частности, в вопросе о закрытии церквей и других молитвенных домов. В таких случаях закрытие церквей проходит без необходимой и действительно хорошо проведенной предварительной массовой работы среди рабочих и крестьян, без соблюдения советских законов, а иногда и с прямым и вреднейшим для дела антирелигиозной пропаганды издевательством над предметами культа».

И хотя далее в письме ЦК «категорически» предложил всем партийным органам «повести решительную борьбу с... извращениями в практике закрытия церквей и других молитвенных домов», содержащиеся в нем правильные призывы, указания и предложения существенно на улучшение обстановки в «религиозном вопросе» не повлияли. На местах предпочитали быть подвергнутыми критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие молитвенных зданий, чем быть уличенными в отступлении от «идеологических установок» партии на «противоборство» с религией. Так как это автоматически зачисляло «сомневающих» и «колеблющихся» в разряд лиц, отвергающих «генеральную линию» партии, грозя им зачислением в разряд «внутренних врагов» партии, которые проявляют «оппортунизм» и «примиренчество» в борьбе с «религиозной идеологией» — «важнейшим препятствием на пути социалистического переустройства и преодоления буржуазного и мелкобуржуазного влияния на трудящиеся массы»^[138].

В этих условиях немногие отваживались спорить с теми, кто выступал за «натиск на религию». Но они были, и первым следует назвать П. Г. Смидовича. Он в письме Е. М. Ярославскому в связи с обсуждением итогов

II съезда Союза воинствующих безбожников следующим образом выразил свое видение характера «антирелигиозной деятельности»: «Приписать правому оппортунизму терпимость к религии и религиозным пережиткам — значит вызвать целый ряд недоразумений. Нетерпимостью к религии определить курс партии — это дать возможность прийти к заключению, что курс партии меняется, что начинается период открытого гонения на „религиозные убеждения“. Этот курс „нетерпимости“ будет... проводить многомиллионная массовая организация Союза Воинствующих Безбожников, которая должна „превратить антирелигиозную работу в широкое массовое движение“. А между тем именно в антирелигиозной работе, прежде всего, важно качество, а между тем именно качество работы Союза Воинствующих Безбожников подкузьмляет нашу политику. Выше описанные перспективы грозят такому понижению качества, что политика в этом деле полетит окончательно к черту, не говоря уже о тактике. Циркуляр ЦК „О тактичном подходе от 5.06.29 г.“, который безбожниками и теперь, до осуществления вышеуказанных перспектив, в жизнь редко проводится. И теперь уже движение Воинствующих Безбожников часто выливается в формы стихийные и не считается с рамками революционной законности» ^[139].

Очень скоро опасения и предвидения П. Г. Смидовича оправдались. Трудности, выявившиеся осенью 1929 года в ходе кампании по хлебозаготовкам и по мере развертывания коллективизации, были отнесены на счет «кулацких элементов» и «служителей культа». Организуя и проводя кампании массового закрытия и сноса культовых зданий, прибегая к мерам административного ограничения деятельности религиозных организаций и духовенства, местные партийные и советские органы стремились заручиться

поддержкой центра. В адрес ВЦИКа и его комиссии, в НКВД РСФСР они направляют многочисленные обращения, в которых требуют изменения закона 1929 года, упрощения порядка закрытия культовых зданий и снятия с регистрации религиозных обществ, предоставления обл(край)исполкомам права окончательного решения этих вопросов, особенно и, прежде всего, в районах «массовой коллективизации».

Об аргументации и настроении тех лет мы можем судить по письму Административного отдела Дальневосточного краевого исполнительного комитета в НКВД РСФСР (12 октября 1929 года): «Несомненно, что между верующими и неверующими в период обсуждения вопроса о здании церкви происходит борьба, и подчас довольно значительная. Чаще всего на общих собраниях она заканчивается победой неверующих и дело направляется дальше. Вот тут и особенно важно, чтобы дела разрешались возможно скорее и тем создавалось и упрочивалось то положение в глазах трудящихся, что Советская власть идет немедленно навстречу во всех их культурных начинаниях. Отсюда видно, что затяжка в разрешении дел создает как раз обратное положение и дает возможность церковникам демонстрировать перед населением свою якобы силу и значение в глазах органов власти. Насколько это выгодно, очевидно само собою»^[140].

В своих обращениях в высшие инстанции местные органы власти кроме упрощения порядка закрытия церквей требовали и введения таких мер, как ограничение разъездов служителей культа, запрещение подворного обхода для сбора денег, проведения религиозных съездов и собраний вне молитвенных зданий, закрытие «церковных библиотек» и изъятие «лишней» литературы для сдачи ее в макулатуру, ограничение деятельности епархиальных (и им подобных) управлений с постепенным их закрытием.

Подчеркнем, что как эти, так и другие подобные предложения вносились в центральные органы зачастую со ссылкой на измененную статью 4-ю Конституции РСФСР. По мнению советских работников на местах, если гарантированная ранее конституцией «свобода религиозной пропаганды» включала в себя признание за религиозными организациями подобного рода деятельности, то «свобода исповеданий» ее уже не допускала. Более того, в информациях с мест постоянно подчеркивалось, что «статья 4 Конституции имеет в виду уничтожение религии», а «свободу исповеданий» нужно рассматривать лишь как «терпимость» к культовой деятельности, ограниченной церковным зданием.

Наркомат внутренних дел поддерживал подобные настроения и в своих инструкциях местным административным органам и советским работникам указывал на необходимость активизации работы на «религиозном фронте». В одном из циркуляров (16 ноября 1929 года) председателям исполкомов Советов всех ступеней отмечалось: «При намечающейся активизации религиозных объединений, зачастую срачивающихся с контрреволюционными элементами и использующих в этих целях свое влияние на известные прослойки трудящихся, надзору за деятельностью этих объединений должно быть уделено серьезное внимание. Между тем в адморганах это дело находится часто в руках технических сотрудников, недостаточно ориентирующихся в тех важнейших политических задачах, которые преследуются этой работой. В результате адморганы допускают положение, при котором религиозные объединения в своей деятельности выходят за пределы, установленные для них законом, предъявляя тенденцию участвовать в общественной жизни, иногда прикрывая нарушение закона „желанием содействовать мероприятиям

советской власти“. Каждая ошибка, допущенная адморганам в этом вопросе, широко используется церквами для усиления своего влияния на массы и подрыва авторитета советской власти»^[141].

В декабре 1929 года решением политбюро Антиралигиозная комиссия ЦК была упразднена. Вопросом антирелигиозной пропаганды отныне должен был заниматься непосредственно Секретариат ЦК. Произошло своеобразное разъединение идеологической и государственной линий в религиозном вопросе. Но внешнее выведение Постоянной комиссии по культовым вопросам из-под непосредственного ведения ЦК ВКП(б) по существу ничего не изменило. Ибо Секретариат ЦК столь же «заинтересованно» относился к делам П. Г. Смидовича, который принужден был все принципиальные решения согласовывать с ним. Так что ее зависимость от партийных органов не уменьшилась, а даже возросла.

Так заканчивался 1929 год, похоронивший идею демократизации и совершенствования законодательства о культах.

Начало глухих 1930-х годов

1930 год открывал десятилетие, в течение которого Советское государство занимало наиболее жесткую позицию в отношении всех религиозных объединений, когда в центр вероисповедной политики поставлена была задача максимального сужения «поля» для религии и церкви в обществе, борьба с ними как с «антисоветскими и контрреволюционными» явлениями и организациями. Потому «обычными» средствами ее проведения стали административно-уголовные меры, внесудебные акты и репрессии. В целом такая политика стала проявлением общеполитического курса, избранного И. Сталиным и его соратниками, который в

самом общем виде может быть охарактеризован как строительство «казарменного социализма» с минимумом личных прав и свобод для граждан СССР.

На местах партийные и советские работники, стремясь ускорить процесс «изживания религии», прибегали повсеместно к незаконным административным мерам: закрывали церкви, изымали культовое и иное имущество, арестовывали служителей культа и не допускали их на «свою» территорию, снимали колокола и изымали у верующих иконы из домов, запугивая введением специального налога на них.

Комиссия П. Г. Смидовича, созданная в апреле 1929 года, не могла долго игнорировать требования местных партийных и советских органов, которым даже закон 1929 года показался недостаточно жестким. Под давлением сложившихся обстоятельств на заседании 6 февраля 1930 года комиссия принимает решение: «Признать, что в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства от 8 апреля 1929 года подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода». Тогда же право окончательного решения вопроса о закрытии культовых зданий было передано краевым и областным Советам, что, конечно, развязывало «местную инициативу» и вместе с тем в значительной степени ограничивало возможности комиссии по контролю за соблюдением законов, превращало ее в «регистратора» и «свидетеля» процесса «изживания религиозности».

Еще одним откликом на злобу дня стало постановление ЦИКа и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» (11 февраля 1930 года), принятое, как утверждалось в документе, в «целях борьбы с попытками враждебных элементов

использовать религиозные объединения для ведения контрреволюционной работы». Правительствам союзных республик было предложено при регистрации органов церковного управления исключать из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц» и отказывать в регистрации тем религиозным объединениям, где не соблюдено данное условие.

Внутри СССР такой политике противостоять и что-либо возражать было некому. Или, скажем так, отважиться на это могли единицы. Зато на Западе антирелигиозная деятельность коммунистической партии и Советского государства публично и демонстративно осуждалась как в светских, так и в церковных кругах.

В начале февраля 1930 года в печать просочилось письмо папы римского Пия XI с осуждением гонений в СССР, политики Советов против религии. Было очевидно, что во всем католическом мире разворачивается масштабная кампания, своеобразный «крестовый поход» в защиту веры и верующих в СССР. Чтобы как-то сгладить неблагоприятное впечатление, советские власти предприняли «ответ» — организовали заявления ряда руководителей религиозных организаций, протестующих против «инсинуаций Ватикана». Среди них был и Сергей Страгородский.

... 15 февраля в дом митрополита Сергея в Сокольниках нагрянула необычная делегация — представители советской прессы. Предупрежденный накануне о визите и характере возможных вопросов, митрополит Сергей вместе с четырьмя членами Временного синода встретил их в зале, где обычно проходили заседания Синода, усадил за стол и по русской традиции предложил чай. Журналисты были несколько смущены, старались незаметно для хозяина осмотреться, чтобы запомнить обстановку, а также фотографии и портреты, висевшие на стенах. После

короткой «светской беседы» началось, собственно, то, ради чего гости пришли.

— Допускается ли в СССР свобода религиозной пропаганды и кто управляет церковью? — был первый вопрос.

— Перед вами члены Синода, — вступил в разговор Сергей, — которые представляют и направляют религиозную жизнь многих миллионов граждан Союза ССР. Каждый из них может рассказать о своей епархии, о многих и многих церквях, о таинствах и обрядах, совершаемых в них.

— Добавлю, — заговорил архиепископ Алексий (Симанский). — Мы говорим проповеди, наставляем прихожан. А при необходимости и желании со стороны совершеннолетней молодежи наставляем ее в основах веры.

— Да, да, — в один голос подтвердили и другие члены Синода, — есть у нас приходские советы, есть епархиальные советы. А здесь, в Москве, находится центральное церковное управление — патриархия... И всеми вопросами церковной жизни ведает заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей.

— А кто может прокомментировать вопрос о необходимости или, если хотите, потребности для церкви материальной поддержки из-за границы?

— Давайте я скажу, — приподнялся из-за стола митрополит Саратовский Серафим (Александров) и продолжил: — Поддержка, которую нам оказывают верующие, вполне и вполне достаточна. У нас, у духовенства, все необходимое есть. Для себя мы считаем нравственно допустимым содержание нас верующими гражданами. Иная, зарубежная, иноверная или инославная, материальная помощь для нас морально неприемлема. Тем более что очень часто такая помощь оказывается не бескорыстно, а ради политических дивидендов. Это, повторяю, неприемлемо

для нас, от какой бы церкви ни исходила помощь — католической, англиканской или какой-то иной. Неприемлемо, и всё!

— Кстати, хочу добавить, — вновь взял слово митрополит Сергей, — нас крайне удивляет недавнее выступление папы римского против советской власти. Не католической церкви говорить о гонениях против инаковерующих. Да и странно, что сонм голосов церковных одновременно из Англии, Италии, Франции, Германии выступил «в защиту» православной церкви, которая об этом никого не просила.

— Не могу не спросить, — решился задать вопрос еще один журналист, — существует ли сейчас гонение на религию в СССР, закрываются ли церкви, подвергаются ли репрессиям священники?

Встал архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский).

— Да, — заговорил он, — храмы закрывают. Но это не столько инициатива государства, сколько следствие недостаточной активности верующих, которые то ли не могут, то ли не хотят поддерживать церкви, а неверующие ставят вопрос о превращении культовых зданий в «полезные» для общества места — музеи, библиотеки, школы...

Казалось, журналисты хотели задать еще не один вопрос, но митрополит Сергей, ссылаясь на необходимость подготовки к вечерней службе в одном из московских храмов, завершил встречу. Журналистам было предложено оставить вопросы в письменной форме, чтобы руководство православной церкви смогло на них подробно ответить. Так и сделали.

Спустя недолгое время в доме Сергея зазвонил телефон. Звонил Евгений Тучков, просил не затягивать с предоставлением письменных ответов журналистам и настойчиво напоминал, что подписать текст должны все наличные на тот момент члены Синода. Алексей

(Симанский) свел воедино текст состоявшейся беседы и присовокупил к нему ответы на оставленные любопытными журналистами вопросы. Документ был подготовлен в двух экземплярах, оба их все иерархи подписали. Один оставили для порученца Тучкова, который с минуту на минуту должен был появиться, второй — подшили в синодальные дела.

Не успели закончить одно дело, как раздался второй звонок от «внешних». На этот раз звонили из Президиума ВЦИКа, от П. Г. Смидовича. Сообщили, что получили с нарочным Памятную записку митрополита Сергия, обещали по возможности быстрее рассмотреть и дать ответ. Записка состояла из двадцати одного пункта, включающего вопросы страхового обложения церковных зданий; порядок защиты авторского права применительно к музыкальным произведениям, звучащим в храмах; обложение различными налогами и штрафами; наложение ареста на имущество общин; предоставление возможности совершения треб на дому у верующих; отказ от закрытия храмов по желанию неверующих; перерегистрация общин; приравнивание духовенства к лицам свободных профессий, а не к кулакам; упорядочение всякого рода обложений и местных налогов в отношении духовенства, чтобы у них была возможность иметь квартиры в пределах прихода; разрешение детям духовенства учиться в школах и вузах; защиту от исключения из профсоюза «за участие в церковном хоре»; открытие духовных учебных заведений; издание ежемесячного журнала.

Прошло несколько дней, и в квартире Сергия вновь раздался звонок, и вновь это был представитель ОГПУ. И опять, хотя и в мягкой форме, было предложено принять журналистов, на этот раз иностранных. На попытку Сергия узнать о судьбе своей записки последовал вопрос:

— А куда вы ее подавали?

— Во ВЦИК, — отвечал Сергей.

— Вот туда, — указали ему, — и обращайтесь, у нас сведений об этом нет.

— Но о каких же положительных изменениях смогу я сказать в таком случае? — спросил Сергей.

В ответ прозвучало:

— Не волнуйтесь, вам принесут и текст, и ответы.

Действительно, спустя полчаса принесли пакет. Сергей принял его и только собрался ознакомиться с его содержанием, как в дверь снова позвонили... То были иностранные корреспонденты.

— Чем могу служить? — встречая гостей, произнес хозяин.

— Мы хотим знать о положении Русской церкви.

— Проходите, пожалуйста, обсудим.

Митрополит проводил посетителей в зал, предложил садиться, сел сам и положил перед собой только что принесенные ему листки.

— Не могли бы вы предоставить нам статистические данные о церкви за послереволюционный период: количество храмов, монастырей, приходов, прихожан...

— До семнадцатого года церковь не была отделена от государства и вся статистика велась органами государственными. Для нас это не имеет существенного значения, и данными мы не располагаем... Да и многие бывшие православные храмы перешли к сектантам... Кто их теперь сочтет?

— Но Союз безбожников утверждает, что число верующих минимально...

— Нет, это преувеличение штатных безбожников, они хотят казаться «победителями». Церковь поддерживают десятки миллионов... По нашим данным, количество православных «двадцаток» достигает примерно тридцати тысяч. Естественно, что священников больше, поскольку в общинах есть и по два-три священника... А еще у нас больше полутора

сотни иерархов, есть храмы и духовные лица нашей церкви в Литве, Китае, Японии, Франции... — Сергей отвечал, сверяя цифровые данные по листкам, лежащим перед ним.

Но вот, наконец, корреспонденты решились задать, по всей видимости, главные для них вопросы: что вы можете сказать по поводу репрессий против православного духовенства, как вы восприняли заявления папы римского и глав других церквей в защиту веры в СССР?

— В основном мы, члены Синода, на эти вопросы ответили в опубликованной на днях беседе с советскими журналистами. Добавлю, что мы считаем папу «врагом православия»... Например, только в Польше за прошлый год отобрано у православных пятьсот храмов, и мы не слышали, чтобы из религиозных деятелей кто-либо возмутился. Что до репрессий, то гонений на религию в СССР никогда не было и нет.

Содержание бесед русских иерархов с журналистами через газеты доведено было до сведения населения СССР. Надо сказать, что с большой заинтересованностью к нему отнеслось и русское зарубежье. Нежелание иерархов Русской церкви обострять отношения с властью и публично обвинять ее в «преследованиях и гонениях» не могло не отразиться на росте антипатии и протеста среди епископата к митрополиту Сергию. Известный своей нетерпимостью к каким-либо расколам в Русской церкви епископ Мануил (Лемешевский) в знак протеста даже перешел на некоторое время на сторону «непоминающих».

За пределами СССР интервью с митрополитом Сергием породило новую волну критики в его адрес, обвинений в «продажности безбожному государству». Мало кто смог понять причины, подвигнувшие его на этот шаг.

Но все же, несмотря на нападки «внешних» и даже вопреки им, в церковной среде положение Сергия постепенно упрочивается. Вокруг него объединяются — кто раньше, кто позже — те, кто еще недавно пребывал в «расколах», порвал отношения с ним, был среди «не поминающих» его имя за богослужением. И делали они это, подчас находясь в трагических для себя обстоятельствах. Так, известный московский священник В. П. Свенцицкий в предсмертном письме из заключения (сентябрь 1931 года) писал: «Я умираю. Уже давно меня тревожит совесть, что я тяжело согрешил перед Святой Церковью, и перед лицом смерти мне это стало несомненно. Я умоляю Вас простить мой грех и воссоединить меня со Святой Православной Церковью. Я приношу покаяние, что возымел гордость вопреки святым канонам не признавать Вас законным первым епископом, поставив свой личный разум и личное чувство выше соборного разума Церкви, я дерзнул не подчиниться святым канонам». К примирению и возвращению к митрополиту Сергию он призвал и своих прихожан^[142].

Кстати, заметим, что представители не только Русской церкви давали в эти месяцы подобные интервью о положении своих церквей и религий в СССР. Вот что ответил, к примеру, апостольский администратор Минской области монсеньор Авгло на вопрос: «Известны ли вам случаи преследования католического духовенства за совершение религиозных обрядов?»: «Я должен заявить, что мне не известен ни один случай такого рода. Я знаю, что аресту подвергались священники, которые, к моему великому сожалению, занимались антиправительственной деятельностью, несовместимой с их прямыми обязанностями, некоторые из них были даже агентами иностранных государств. В этих условиях виновные призывались к ответу наравне со всеми другими гражданами, что вполне

соответствует советским законам. Я не могу рассматривать эти аресты как гонения за веру в Советском Союзе»^[143].

Папа римский Пий XI, узнав о поступке своего викария, не высказал своего порицания и не отстранил его, а отправил ему распоряжение оставаться на своем месте.

...В один из последних дней февраля 1930 года, с самого утра в кабинете Петра Гермогеновича Смидовича, председателя Постоянной комиссии по культовым вопросам при ВЦИКе, было многолюдно. Комиссия собралась в полном составе, к тому же подошли «наблюдатели» от ЦК ВКП(б), научных, профсоюзных, антирелигиозных организаций. И неудивительно: предполагалось обсудить вопрос о катастрофической обстановке, сложившейся вокруг религиозных объединений. Члены комиссии и приглашенные молча слушали Смидовича, читавшего сухую, а потому еще более грозную информацию о тысячах закрытых храмов, об изъятии из них имущества, о раскулачивании служителей культа, об арестованных в административном порядке духовенстве и верующих активистах, о сосланных на лесозаготовки, о непосильном налогообложении духовенства, о глумлении над православными святынями и духовенством...

— Петр Гермогенович, — первым вступил в обсуждение Евгений Тучков, — не надо так волнительно воспринимать ситуацию. Ответственно заявляю, что жесткость действий коснулась лишь контрреволюционеров и антисоветского сброда, которых выявили в православной и сектантско-церковной среде...

— Да о чем вы, Евгений Александрович! — перебил Смидович. — Что, в каждой из многих тысяч деревень притаились враги?

— Мне кажется, — встала представитель НКВД Владимирова, — надо дать туда, в глубинку, где творится безобразие, особое строгое предписание...

— Нина Петровна, — горячо заговорил Смидович, — по поступившим ко мне данным, — он приподнял над столом листок с цифрами, — только в Московской области в течение последних трех месяцев закрыто более шестисот православных храмов. А это, уж увольте, не провинция и не медвежий угол какой-то.

Обсуждения явно не получалось. Присутствующие сидели потупив глаза, перебирали бумаги и не выказывали желания вступать в разговор. Смидович обвел взглядом собравшихся. Кажется, он уловил невысказываемое вслух общее настроение, потому предложил:

— Мы можем сделать только одно: честно изложить на бумаге то, что знаем, и с официальным докладом войти в Президиум ВЦИКа, прося прекратить беззаконие... А теперь все свободны.

Спустя несколько минут в комнате остались двое: Смидович и Петр Ананьевич Красиков. Добрых 30 лет, со времен подполья и ссылок, продолжалась их дружба, у них не было секретов друг от друга. Первым заговорил Смидович:

— Что происходит в стране, Петр? Все поднято на дыбы. Ты знаешь, я только что приехал из национальных округов Крайнего Севера... И там неспокойно.

— Что происходит? — глухо повторил Красиков. — Я думаю, ты знаешь лучше меня. Говорят, тебе вчера об этом Хозяин сказал.

— Я к нему на прием не просился. Случайно встретил в Большом, куда он пришел уже во втором акте. Выхожу в антракте, смотрю — стоит. Стал ему рассказывать о поездке на Север, как приходит в упадок оленеводство, из-за того что повсюду выискивают и ликвидируют

«кулаков», как обезлюдели стойбища и поселки, как голод подкрадывается к тамошнему кочевому народу...

— И что же сам?

— Молча слушал, опустил голову и рассматривая свои сапоги, а потом выдал: «Твои, Петр Гермогенович, закадычные друзья Рыков и Бухарин сыграли с тобой злую шутку — заразили тебя кулацким духом!»

— Выходит, мы с тобой «правые уклони́сты и оппортуни́сты»?

— Пожалуй, что так... И быть нам битыми. Однако, как ты догадываешься, я тебя не для этого задержал.

— Помню, помню. Сегодня к тебе приедет митрополит Сергей, и ты должен держать ответ по своим...

Смидович сделал недовольный жест, и Красиков уловил его смысл.

— Понимаю, «не свои» ты давал обещания, а твоими устами давало их государство.

Смидович утвердительно кивнул:

— Но нет у меня добрых вестей. Добиться для него почти ничего не удалось.

Дверь кабинета приоткрылась, и секретарша доложила:

— Только что звонили: митрополит Сергей выехал.

— Оставь документы, еще успею посмотреть... Но, Петр, что же я ему скажу?!

Автомобиль плавно притормозил на оживленном перекрестке двух московских улиц — Моховой и Коминтерна. Через стекло митрополит Сергей разглядел Кутафью башню, а вдалеке, за пеленой падающего снега, — Троицкую башню. Выйдя из машины и обернувшись в сторону святого Кремля, он неспешно перекрестился. Вышедший из расположенного напротив парадного служащий мягко взял митрополита под локоть и, минуя начинавшую собираться толпу любопытствующих, ввел в здание. Здесь, в приемной

ВЦИКа, на третьем этаже его ожидал член Президиума ВЦИКа, а с недавнего времени и председатель Комиссии по культовым вопросам Петр Гермогенович Смидович.

Собеседники знали друг друга несколько лет, и им не нужна была дипломатическая увертюра к разговору. Тем более что и дата сегодняшней встречи была определена неделю назад. Тогда, 15 февраля 1930 года, митрополит Сергей согласился поговорить с журналистами и заявить, что «гонений на религию в СССР никогда не было и нет», лишь при условии положительного решения вопросов, заявленных им в поданной правительству «Памятной записке о нуждах православной патриаршей церкви в СССР». Условленный срок истек, и Сергей пришел узнать о результатах.

— Иван Николаевич, — начал Смидович, — думаю, с ежемесячным бюллетенем у нас получится. Принципиальное согласие политической власти дано, тираж определен в три тысячи экземпляров, издателем будете выступать вы лично и сами будете финансировать издание.

— Петр Гермогенович, вот мое дополнительное заявление о характере и содержании предполагаемого журнала. Кстати, и название предлагаем дать — «Журнал Московской патриархии».

— Хорошо. Теперь об открытии в Ленинграде Высших богословских курсов. Как выяснилось, ранее существовавший там Богословский институт был закрыт в 1928 году из-за допущенных его администрацией нарушений закона. Инвентарь за истекшее время утерян. Правда, говорят, что какую-то часть вывез бывший ректор Борис Титлинов. Может, спишетесь с ним?

— Это исключено. Нет и не может быть никаких связей с обновленчеством.

— Скажу и то, что сами здания переоборудованы. Там теперь рабочие общежития, и выселять людей

местная власть не хочет и не будет. В итоге... Ленинград отпадает... Жду ваших новых предложений.

— Выходит, мы в этом деле ни с чем остаемся, — проговорил митрополит Сергей. — А как же с обложениями и налогами на духовенство и церкви?

— Наркомфин «озабочен» нами в этой просьбе. Но все оказалось сложнее, чем виделось ранее. Финансистам нужны цифры, сводки. Вот и копаются в финансовых дебрях. Обещают к весне — лету составить проект инструкции по всем денежным вопросам.

— Ко мне и к правящим преосвященным, как мы писали в «Записке», продолжают поступать жалобы на то, что общества православные на местах не перерегистрируются, как этого требует закон от апреля 1929 года.

— Здесь мы целиком на вашей стороне. Все действовавшие до апреля прошлого года общества, если они хотят, должны быть перерегистрированы. Но с местным нормотворчеством и нам подчас бороться тяжело.

— Петр Гермогенович, поймите меня правильно. Как же мало сделано! И все какие-то проволочки, отсрочки, отговорки... Где же обещанное «понимание» и «благожелательность» к нуждам церкви? Помнится, говорили вы, что навстречу друг другу каждой из сторон предстоит пройти свою часть пути. А на деле... С нашей стороны, кажется, пройдено столь много... И как нам это далось тяжело!

Смидович нервно теребил в пальцах карандаш, постукивая им по столу. На хмуром его лице читалось раздражение. Разговор явно принял иной, неприятный для него характер, и видно было, что он ищет возможность прервать митрополита.

— Иван Николаевич, не будем столь категоричны. Государством делается немало для нормализации отношений с церковью. Согласен, что не все, о чем

договаривались, сделано. Но и вы учтите: старые представления о церкви как союзнице самодержавия, как силе контрреволюционной в годы Гражданской войны и изъятия церковных ценностей не так-то просто изживаются. Да к этому добавьте участие немало числа духовенства в выступлениях против коллективизации, соучастие в антисоветских заговорах, шпионаже. Вы, надеюсь, понимаете, что не все зависит от меня. Я стучусь во все двери, предостерегаю, призываю... Но есть сферы политические... мне недоступные... И не я определяю курс церковной политики государства, а мной повелевают. Давайте учиться ждать и надеяться на лучшее, как бы ни было подчас тяжело и мучительно.

— Да помилуйте, как ждать! Ведь сколько лет я от вас и иных мужей государственных это слышу. Почитайте, что мне пишут!

Сергий из принесенной папки выложил перед Смидовичем кипу писем. На конвертах мелькнули пункты отправления: Москва, Киев, Псков, Уральск, Муром, Барнаул... Боясь, что собеседник прервет неприятный для него разговор, и спеша убедить его в своей правоте, митрополит из взятого наугад письма зачитывал:

— «В Ижевской епархии служители культа задавлены непосильными обложениями, местами совершенно задушены принудительными работами. Облагают и мясом, и яйцами, и живностью, дичью и прочим. И все в чрезвычайно большом количестве. А за сим идут денежные обложения: сельскохозяйственный налог, облигации госзаймов, налоги на индустриализацию, тракторизацию, приобретение инвентаря, а еще самообложение. За невыполнение в срок этих повинностей, исчисляемый нередко всего лишь несколькими часами, следует опись имущества, выселение из домов, отдача под суд, ссылка».

Сергий отложил письмо, наугад взял другое и продолжал:

— «...В Саратовской епархии местная власть воспрещает отпевать умерших, крестить младенцев в домах верующих, а также отказывает священникам в квартирах, угрожая хозяевам квартиры описью имущества и его отображением за то, что держат на квартире попа»...

Смидович встал, показывая, что беседа окончена. Прощаясь, сказал:

— Я могу обещать вам лишь одно: то, что зависит от меня, я буду делать.

Завершившаяся встреча в душах обоих участников оставила горький осадок. Тяжелые раздумья одолевали митрополита Сергия все время, пока ехал он к себе в Сокольники. Тягостно было осознавать, что тот кратковременный период «замирения» государства и церкви, начало которому положил 1927 год, подходит к концу. Митрополит чувствовал, что холодной отчужденности нового, Советского государства к церковным организациям преодолеть не удалось. По-прежнему церковь оставалась под политическим подозрением, а духовенство зачислялось в разряд «социально чуждых элементов»... «Ужель, — спрашивал себя Сергий, — усилия последних лет напрасны и тщетны возникшие было надежды?! А может, правы те, кто осуждал и отвергал меня, видел во мне отступника... Нет, нет, — гнал он прочь мрачные мысли. — Можно разочароваться в себе из-за своих ошибок и слабостей. Но в том, что делал не ради себя?.. Остановиться на полпути? Пусть даже и изменились внешние условия... миром правит Промысл Божий, и всё во власти Божественной воли. Пусть мир земной изменяется, Церковь одна останется неизменной, непоколебимой, верной своей задаче — возжигать в сердце человека при любых исторических обстоятельствах Божественный

огонь, сошедший в день Пятидесятницы на апостолов... Но для этого Церковь должна быть, должна существовать, быть видимой, ей нельзя дать исчезнуть...»

Оставшись один в кабинете, Петр Смидович, не зажигая огня, сел в свое любимое мягкое кресло и задумался, вновь и вновь переживая разговор с митрополитом Сергием.

Петр Смидович, большевик с дореволюционным стажем, переживший тюрьмы, ссылки и эмиграцию, один из «революционных романтиков», кто бросился в борьбу ради светлых идеалов и чистых целей... И вот сейчас, на тринадцатом году советской власти, он испытывал чувство неудовлетворенности и раздвоенности. Идеалы освобождения и раскрепощения человека попорчены. Обещания, в том числе и свободы совести для каждого гражданина, не исполнены. Не отпускало и чувство вины и даже предательства перед митрополитом Сергием. Еще за три дня до его встречи с журналистами ВЦИК и СНК СССР приняли постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», которое фактически вновь начинало «войну» с религией и церковью. «Враги, враги, — стучало в висках, — враги иерархи, враги священники, враги верующие... Зачем их преследуют, мучают?» — задавал он себе вопрос. Уже давно Смидович видел бесперспективность и тупиковость такого курса, честно боролся с ним, как мог. Но сейчас чувствовал, что перед новой волной насилия он бессилен. И все же он не опустил руки, и те пять лет, что оставалось ему прожить, был среди тех немногих, кто осмеливался протестовать и противодействовать административному молоху, пожиравшему очередную жертву в лице церкви и религии. И даже обстоятельства его смерти остаются тайной: что привело к ней — сердечный приступ или роковой выстрел?

К весне 1930 года ситуация в «религиозном вопросе» была критической. Уже нельзя было «не замечать», что коллективизации повсеместно сопутствовало «раскулачивание» служителей культа, неправомерное закрытие церквей и молитвенных домов. На духовенство и наиболее активных верующих обрушились судебные и несудебные расправы. Это вызвало в ряде районов страны волну недовольства и возмущения и верующих, и неверующих. Как отмечалось в информации работников НКВД РСФСР с мест, нередко они носили «характер массовых выступлений», в которых принимали участие «середняки, бедняки, женщины, демобилизованные красноармейцы и даже представители сельских властей». В частности, в одном из докладов НКВД весной 1930 года сообщалось: «Поступившие от административных управлений краев и областей сведения о подъеме антирелигиозного настроения, связанные с сообщением о чрезвычайно быстром темпе коллективизации сельского хозяйства, имеют обратное положение: донесения из ряда мест говорят об отливе середняков из колхозов, сопровождающемся серьезным движением за открытие церквей, возвращение снятых колоколов, освобождение высланных служителей культа. Если до этого в административные отделы поступило большое количество ходатайств об оформлении закрытия церквей, то теперь усилилось поступление заявлений с просьбой об открытии церквей, о разрешении религиозных шествий и т. п.» ^[144].

Чтобы хоть как-то снизить остроту проблем на «религиозном фронте», 5 марта 1930 года в политбюро рассматривался вопрос «Об извращениях партлинии в области колхозного строительства», а 14 марта было принято известное постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В документе содержится требование «решительно прекратить практику закрытия церквей в

административном порядке». Не остался в стороне и ВЦИК, направивший в адрес местных органов власти секретный циркуляр с осуждением административных перегибов.

Опираясь на эти документы, стремится активизировать свою деятельность и Комиссия по вопросам культов, которая в течение первого года своего существования в условиях «великого перелома» в вероисповедной политике Советского государства практически была парализована. При этом она опиралась на «указания» политбюро в адрес президиумов ЦИК союзных республик «выслушивать жалобы по религиозным делам и исправлять допущенные искривления и перегибы», а также в адрес партийных комитетов различных уровней «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытия церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян, и не иначе как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходы в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности».

И действительно, на какое-то время процесс закрытия церквей и молитвенных зданий несколько приостановился. Комиссия отменяла ранее принятые несправедливые решения. Только в Московской области к июню 1930 года верующим было возвращено 545 культовых зданий. К концу года были возвращены многие православные и старообрядческие храмы, костелы, синагоги и мечети в Татарской АССР, в Москве, в Ярославской, Брянской, Рязанской, Уральской, Вологодской, Вятской, Камчатской, Липецкой, Читинской, Нижегородской, Ленинградской и других

областях. Нередко комиссия обязывала местные власти привлекать к уголовной или административной ответственности должностных лиц, нарушивших закон. И такие прецеденты были.

Роль комиссии в деле устранения «перегибов» в религиозном вопросе особенно возросла после того, как в декабре 1930 года постановлением ЦИКа и СНК СССР были упразднены наркоматы внутренних дел в союзных и автономных республиках. Согласно постановлению ВЦИКа и СНК РСФСР (31 декабря 1930 года), отныне комиссия оставалась единственным общесоюзным (центральным) государственным органом, на который возлагалась «обязанность общего руководства и наблюдения за правильным проведением в жизнь политики партии и правительства в области применения законов о культах на всей территории РСФСР».

В декабре 1932 года на заседании комиссии отчитывалась «родная» для Сергея Страгородского Нижегородчина — Горьковский крайисполком. Выяснилось, что здесь в течение 1930–1932 годов было закрыто 305 молитвенных зданий, в основном православных. ВЦИК, рассмотрев обращения верующих, постановил вернуть как незаконно закрытые 119 зданий.

Стремясь улучшить учет и контроль за использованием имеющихся в республике молитвенных зданий, а также пресечь манипуляции со статистикой, которые получили широкое хождение в краях и областях республики в целях сокрытия фактов административного сокращения числа религиозных обществ, комиссия потребовала от местных комиссий предоставления соответствующих сведений, однако столкнулась с трудностями. Местные власти под всякими предлогами не представляли отчетности, или представленная ими статистика вызывала серьезные сомнения в ее достоверности, чаще всего в ней не показывались те культовые здания, которые были

заняты административным путем, в обход существующего порядка. С большими сложностями комиссия лишь к началу 1933 года смогла собрать информацию и представить ее в вышестоящие органы. Ситуация выглядела следующим образом:

Конфессии	Закрыто молитвенных зданий с 1918 по 1933 г.	Количество действующих молитвенных зданий на декабрь 1933 г.	
		всего	в % от общего числа
РПЦ:			
тихоновцы	9005	22 676	63,0
обновленцы	1490	4157	11,6
католики	113	187	0,5
лютеране	667	823	2,3
мусульмане	3559	4856	13,5
иудеи	257	190	0,5
буддисты	44	231	0,6
Армянская церковь	49	56	0,2
старообрядцы	720	1321	3,6
евангелисты	225	711	2,0
баптисты	224	549	1,5
сектанты	111	231	0,6
Греческие церкви	1	22	0,1
Итого:	15 988	36 010	100

Информируя ЦК ВКП(б) о статистической неразберихе, комиссия привела такой пример. В 1931 году в Ленинградской области было учтено 2343 общества, а в 1932-м их оставалось уже 1988. То есть уменьшение составило 355 единиц, тогда как за этот период ВЦИКом было утверждено закрытие лишь тридцати двух церквей. Таким образом, только за год в области, по существу незаконно, закрыто 323 молитвенных здания. К сожалению, такое соотношение «законной» и «незаконной» практики характерно было и для многих других регионов РСФСР.

Собранные отчетные данные от местных комиссий показывали, что проблемой номер один в их деятельности оставался вопрос о закрытии молитвенных зданий и их изъятие у религиозных обществ. Причем лишь очень незначительная часть поступающих к ним протестов от верующих получала положительное разрешение. Например, в 1931-1932 годах в Воронежской области из 113 рассмотренных дел о закрытии культовых зданий только 13 решены были в пользу верующих; в Средне-Волжском крае, соответственно, из 248 — 49; в Крымской АССР из 65 — 2. И такая картина была типичной по всей республике.

Комиссия была органом, куда стекались многочисленные жалобы и обращения верующих и духовенства в связи с нарушениями законодательства о культах. Их динамика отражена в следующей таблице:

Годы	1929	1932	1933	1934
Количество жалоб	5242	6355	4808	8229
Количество посетителей	сведений нет	3219	1719	1094

Как правило, треть из этих обращений связана была с неправомерным закрытием культовых зданий.

И все же, как ни стремилась комиссия выправить ситуацию в религиозной сфере, ей это не удавалось. Начиная с 1933 года ее правозащитные действия все чаще становятся лишь эпизодами, которые тут же перекрываются все новыми и новыми отступлениями (зачастую вынужденными) перед теми силами в государственно-партийном аппарате, что ориентировались в решении религиозного вопроса на административный диктат. К примеру, в феврале 1933 года комиссия под давлением представителя ОГПУ приняла постановление «О состоянии религиозных организаций». В нем утверждалось, что перед лицом

«консолидирующегося контрреволюционного актива в рамках религиозных организаций» необходимо «удвоить бдительность», «провести решительную линию по сокращению возможности влияния служителей культа в массах трудящихся». Подобные призывы «переводились» органами власти на местах в действия по сокращению числа религиозных обществ и групп, монастырей, духовных учебных заведений, по дальнейшему ограничению деятельности служителей культа. Эти же призывы служили оправданием для насаждения в обществе подозрительности и враждебности в отношении духовенства и верующих.

В выступлениях наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко, популяризовавшего идею обострения классовой борьбы в СССР, выделялись в качестве основных следующие ее формы: «1) контрреволюционные организации; 2) элементы бандитизма и разложения в наших учреждениях и вне их; 3) спекулятивная торговля; 4) кулацкое сопротивление. Во всех этих четырех формах классовый враг выступает, так сказать, в чистом виде».

Согласно логике наркома, религиозные организации были отнесены к «контрреволюционным организациям», что оправдывало применение по отношению к ним самых жестких мер воздействия.

В поступающих с мест в комиссию отчетах красной нитью проходит мысль о том, что местные органы власти считают возможным «упрощенное разрешение» вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений, без какого-либо их документирования, без учета «действительной потребности населения в отправлении обрядов религиозного культа». Так, комиссия Горьковского исполкома сообщала о многочисленных случаях нарушений законодательства о культах, в частности в области наложения административных взысканий. Указывалось, что

«штрафы налагаются сельсоветами в размерах до 500 рублей — за несоблюдение противопожарных мероприятий, антисанитарию, невыполнение ремонта и т. д.; сроки для уплаты устанавливаются от „немедленно“ до трех дней. Как выяснилось по некоторым делам, такие штрафы получаются потому, что штраф за одно и то же нарушение исчисляется путем умножения штрафной ставки (обычно в размере установленного законом максимума или даже выше) на количество членов церковного совета или на количество верующих, составляющих т. н. церковный приход. Такой же принцип используется и при взимании пошлины за подаваемые заявления о разрешении всякого рода шествий и церемоний: ставка пошлины в три рубля умножается на количество подписей на заявлении, в других местах — на количество сел и деревень, составляющих „приход“, и даже на количество участников того или иного шествия, для чего предварительно отбираются от церковного совета необходимые сведения».

Единственно возможным выходом из создавшегося положения было, по мнению П. Г. Смидовича, создание общесоюзного органа, ответственного за «церковную политику», принятие общесоюзного акта по регулированию деятельности религиозных организаций. В январе 1934 года в записке в Президиум ЦИКа СССР он отмечает ненормальность сложившегося положения, когда в республиках не было единства в решении одних и тех же вопросов, связанных с законодательством о религиозных культах, как не было и единой системы органов, отвечающих за проведение этого направления советской работы. И предлагает «расширить деятельность Постоянной культовой комиссии при Президиуме ВЦИК, развернув ее в орган союзного значения при Президиуме ЦИК Союза ССР».

...В условиях антирелигиозного и административного разгула все труднее удавалось Сергию удерживать «на плаву» церковный корабль, которому раз за разом наносились удары. На начало 1930 года 37 архиереев отказались от административного подчинения его церковной власти. В храмах ряда областей духовенство «не поминало» за богослужением имени его как заместителя местоблюстителя. Он вынужден был отрешать от кафедр тех епископов, которых власть, инкриминируя им политические или уголовные деяния, осуждала на тюремное заключение. Заменить их было нечем, ибо немногие в те годы решались на пастырское служение.

На страницах «антирелигиозной» прессы вновь появились призывы расправиться с религиозными организациями, творящими «вражеское дело», распространяющими «реакционные, враждебные социализму идеи».

Раскручивающийся в стране маховик репрессий не обошел стороной православное духовенство. Только среди иерархов церкви в 1931-1934 годах было арестовано более тридцати человек. Как правило, им предъявлялось обвинение в «контрреволюционной и шпионской деятельности». Дальнейшая судьба большей части из них трагична.

Доставалось в эти годы и самому митрополиту Сергию. То ему угрожают судебным преследованием за то, что «посмел» разрешить добровольные пожертвования на помощь пострадавшим от стихийных бедствий, то пытаются отобрать здание Елоховского собора в Москве, то выдвигают на страницах «антирелигиозной» литературы вздорное обвинение в шпионаже в пользу японских спецслужб.

И тем не менее Советское государство, фактически тоже вынужденно, пошло на некоторые уступки: временно приостановился процесс закрытия храмов,

частично были возвращены ранее закрытые; разрешено издание «Журнала Московской патриархии» и совершение епископских хиротоний: с 1930 по 1934 год в сан епископа были посвящены 22 человека, в 1932 году Сергей был награжден предношением креста при богослужении, а в 1933 году все члены Временного патриаршего синода были возведены в сан митрополитов.

Свои нападки на церковь власть нередко оправдывала ссылками на деятельность «карловацкого раскола», лидеры которого исповедовали и привносили в ряды русской эмиграции идеи реставрации монархии, борьбы с «большевизмом и Советами». В одном из своих посланий в феврале 1930 года митрополит Антоний (Храповицкий) говорил, обращаясь и к тем, кто был в России: «Идите же смело, други, за веру, царя и отечество!.. Русские люди, я вновь призываю вас на борьбу с врагами Христовыми — большевиками и прочими богоборцами; готов первый умереть в этой борьбе».

Но в самой эмигрантской среде существовала сильная оппозиция этому политическому курсу, и тем более его не разделял митрополит Сергей, который неоднократно призывал «карловчан» не путать церковный амвон с политической трибуной.

В июне 1934 года, считая, что время увещаний, ожиданий и отсрочек окончилось, Патриарший синод принял постановление о предании церковному суду заграничного духовенства «карловацкой группы» как восставшего на свое законное священноначалие и упорствующего в расколе и отстранил его от церковных должностей до суда. С этого времени каких-либо связей между митрополитом Сергием и «карловчанами» не поддерживалось.

Спустя некоторое время в неприметный домик в Бауманском переулке, где в те годы располагалась

Московская патриархия, принесли конверт, сплошь покрытый штемпелями: видно, не одно почтовое отделение он прошел в поисках адресата. Внутри лежал лист бумаги. Неизвестное лицо, скрывшееся за псевдонимом Наблюдатель, сообщало о том, какое тяжкое впечатление произвело на митрополита Антония (Храповицкого) предание его церковному суду. «Я посетил владыку, — писал незнакомец, — и в разговоре со мной он упоминал о Вас исключительно в добрых словах: „светлая голова“, „доброе сердце“; вспоминал совместный труд в Санкт-Петербургской академии, многолетнюю вашу дружбу. И хотя, говорил он, в последние годы Сергей перемудрил и политический курс его я принять не могу, но добрые чувства к нему сохраняю поныне. А в конце беседы Антоний показал когда-то Вами подаренную ему панагию с выгравированной надписью: „Дорогому учителю и другу!“». А еще таинственный корреспондент писал о каком-то спасительном «елее», который в наступивший грозный для православной церкви час Антоний предлагает своему бывшему ученику и другу, увещевая его отвергнуть сотрудничество с безбожниками большевиками и пойти на мученичество.

Глава VI НА МОСКОВСКОЙ КАФЕДРЕ. 1934- 1941 ГОДЫ

Блаженнейший первоиерарх Русской церкви

Видимым признанием авторитета и особенного положения митрополита Сергия стало решение, принятое на расширенном заседании Патриаршего синода 27 апреля 1934 года, о переводе его с Нижегородской кафедры на Московскую кафедру, вдовствующую после кончины патриарха Тихона, и присвоении титула «Блаженнейший» и права ношения двух панагий.

2 мая 1934 года Сергей впервые в своем новом качестве возглавил службу в кафедральном Богоявленском соборе в Дорогомилове^[145]. По русской традиции нового правящего московского владыку хлебом-солью встречали многочисленное приходское духовенство, тысячи и тысячи верующих. В торжественном богослужении в день возведения митрополита Сергия на Московскую кафедру архипастырю сослужили более ста епископов, священников и диаконов. Поздравительные телеграммы пришли не только из епархий, расположенных в СССР, но и от правящих епископов и прихожан далеких Японии, Америки, Литвы.

В поднесенном Сергию адресе, зачитанном митрополитом Ленинградским Алексием (Симанским), отмечалось: «Всеблаговому Промыслу Божию угодно было судьбы Русской православной церкви вручить Вашему мудрому отеческому окормлению. Уже девятый год, подчиняясь нелицемерно этой Божественной Воле, Вы

несете ответственное послушание по управлению Русской православной церковью. И это послушание Вы несете как истинный христианин, являя всем образец христианской любви и смирения. И это мудрое руководство кораблем церковным, безграничная любовь Ваша к Матери-Церкви, братское любовное отношение к соепископам-братьям и отеческое ко всем чадам Церкви соделали Вас в общецерковном сознании Первым епископом страны»^[146].

Тем самым митрополит Сергей признавался правящим первоиерархом Русской церкви. Его резиденцией стал небольшой дом в Бауманском (бывший Девкин) переулке. Тогда это была восточная окраина старинной городской местности — села Елохова. Здесь еще сохранились небольшие одноэтажные дома с уютными двориками, палисадниками и кустами. Этот район с XVIII века входил в приход церкви Богоявления в Елохове — величественного храма, никогда не закрывавшегося и с 1938 года ставшего кафедральным собором Москвы. Его настоятелем с 1924 года был протоиерей Николай Колчицкий, преданный и деятельный сотрудник митрополита Сергея. При его участии помещение для митрополичьего дома было подыскано именно вблизи Елоховского храма. В 1920–1930-х годах район Бауманского переуллка слыл дальней, неблагоустроенной городской окраиной, населенной фабричными и железнодорожными рабочими, сезонниками, служащими местных коммунальных учреждений. Полезная площадь первого этажа дома составляла около 70 квадратных метров. В тесном помещении, разделенном на две изолированные квартиры, не только размещалось жилище владыки Сергея, но и находились органы управления церковью и Московской епархией. Вместе с митрополитом Сергием проживал келейник, эконо́м патриархии. Митрополита Сергея обслуживали монахини, одна из них, матушка

Александра, жившая неподалеку, в Денисовском переулке, была его домашним врачом. В те же годы в доме часто оставался на ночлег молодой иеромонах Пимен (Извеков) — будущий Святейший патриарх Московский и всея Руси, — служивший регентом в кафедральном Богоявленском соборе в Дорогомилове.

Вскоре, 18 мая 1935 года, под давлением «внешних» Сергей вынужденно, по прямому указанию НКВД, распустил Временный патриарший синод и осуществлял управление епархиями с помощью викарного епископа Дмитровского Сергея (Воскресенского), а патриаршая канцелярия отныне состояла из секретаря и машинистки. Как показывают обнаруженные в последние годы документы, роспуск Синода не означал автоматического прекращения действия этого органа или, во всяком случае, коллегиального обсуждения общецерковных вопросов. В этих целях иерархи приезжали в Москву под всякими благовидными предложениями и собирались у Сергея Страгородского. Более того, отсутствие легального церковного центра и объективная в нем потребность вновь, как и в середине 1920-х годов, сделали актуальной идею избрания патриарха путем индивидуального опроса православных иерархов. Правда, на этот раз все осознавали, что единственной обсуждаемой кандидатурой мог быть только митрополит Сергей Страгородский. И, как и десять лет назад, инициаторы поплатились свободой, будучи обвиненными в нелегальной «контрреволюционной деятельности».

В 1936 году был прекращен выпуск «Журнала Московской патриархии». Наряду с массовым закрытием православных церквей в 1936–1939 годах обычным явлением стали судебные процессы над священнослужителями, которых обвиняли во «вредительско-шпионской деятельности, в связях со спецслужбами иностранных государств». В 1935–1937

годах к ответственности за «контрреволюционную деятельность» были привлечены 84 архиерея.

В самых критических обстоятельствах Сергей пытался отстаивать перед властями интересы рядовых верующих, обращавшихся к нему из многих и многих населенных пунктов Советского Союза. В 1935 году он получал из Арзамаса информацию о судьбах городских православных храмов. Горсовет закрывал храмы, несмотря на наличие просьб верующих передать их им в пользование. Ранее изъятые храмы были либо превращены в груды развалин, либо использовались не по назначению, либо просто стояли закрытые на замок. Власть всячески поддерживала обновленческую общину, насильно «внедряя» ее в Арзамасский зимний собор — последнее действующее культовое здание, находящееся в пользовании «Сергиевской» общины. Ни для кого не было секретом, что обновленцы находились в сговоре с властями. Как только они в явочном порядке изгнали «сергиевцев», то сразу заявили о желании передать здание властям, которые намеревались использовать его «по ходатайству жителей города» для постройки Дома советов.

Сергей в обращении в Постоянную комиссию по культовым вопросам при Президиуме ЦИКа СССР просит разобраться в ситуации и удовлетворить просьбы православных верующих Арзамаса о возвращении им Воскресенского собора. Одновременно он указывает, что обновленческий священник Рубинский, которому был передан собор, в свое время был лишен сана, а ранее его общине передавались один за другим два храма, оба потом приведенные в полную негодность из-за отсутствия средств. Комиссия на своем заседании признала факт незаконного закрытия Воскресенского собора и «указала» председателю Арзамасского райисполкома «на отсутствие политического подхода и допущенные им формальные нарушения установленных

законом порядков при закрытии церквей». Однако, учитывая, что «собор фактически ликвидирован» (то есть снята с учета православная община и у нее изъято здание), комиссия постановлением президиума Горьковского крайисполкома о закрытии Воскресенского собора утвердила. «Сергиевцам» для культовых нужд общины было передано другое культовое здание. Справедливость была восстановлена лишь в патриаршество Сергия Страгородского, когда собор возвратили верующим.

В конце июля 1936 года заканчивался срок ссылки митрополита Петра (Полянского), церковная общественность с нетерпением ожидала его возвращения. Однако всех ждало разочарование: в сентябре 1936 года НКВД предоставил информацию о смерти митрополита Петра. В связи с этим 27 декабря 1936 года патриархия приняла особый «Акт о переходе прав и обязанностей местоблюстителя патриаршего престола Православной Российской церкви к заместителю патриаршего местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)», который к тому времени 11 лет реально возглавлял Русскую церковь ^[147].

Сергий неустанно служил в храмах Москвы и ближайшего Подмосковья. Вряд ли мы сможем сегодня хотя бы в малой степени представить и ощутить его тяжелые душевные переживания. То были страшные годы в жизни митрополита Сергия Страгородского да и всей православной церкви. Лишь немногие понимали всю чрезвычайность ситуации и как могли поддерживали его.

...Был праздничный воскресный день. Отец Сергий (Лебедев), сидя за своим рабочим столом, сосредоточенно разбирал принесенную почту для митрополита Сергия. Неожиданно внизу раздался

звонок. Он открыл дверь: на пороге стояли двое — конвоир и... архиепископ Филипп (Гумилевский), о котором с момента его ареста ничего не было известно уже два года.

— Владыко, вы... — радостно и изумленно проговорил секретарь митрополита.

Они бросились в объятия друг друга, ибо их объединяла многолетняя дружба. Конвоир смущенно отошел в сторону.

— Где же владыко? — наконец просил Филипп.

— Еще с утра уехал по приглашению служить где-то в пригороде.

— Как жаль... У меня очень мало времени. — Филипп посмотрел на конвоира. — Спасибо добросердечным людям... позволили заехать к вам по пути на новое место жительства. — Но что же, что же делать? — нервно продолжил он. — Выходит, мне не дожидаться преосвященнейшего... Дайте-ка мне листок бумаги, хоть весточку оставлю о себе, а то, не ровен час, и свидеться больше не удастся...

Часа через три вернулся Сергей Страгородский. Прочитав поданное секретарем письмо, поцеловал его и спрятал на груди со словами: «С таким письмом и на Страшный суд предстать нестрашно!» Потом прошелся по комнате. Сергей Лебедев молча наблюдал за всем происходящим: таким взволнованным и растроганным он митрополита не видел. Тот вновь развернул письмо и прочел его, но на этот раз вслух: «Владыко свитый, когда я размышляю о Ваших трудах для сохранения Русской церкви, я думаю о Вас как о святом мученике, а когда я вспоминаю о Ваших ночных молитвах все о той же Русской церкви и всех нас, я думаю о Вас как о святом праведнике».

— Сережа, — обратился митрополит к своему секретарю, — после моей смерти будут всякие толки... многие будут осуждать меня. Сложно им всем будет

понять, не зная всех трудностей, выпавших на мою долю, что я вынужден был делать в это страшное время, чтобы сохранить литургию, таинства... сделать их доступными для православных прихожан, защитить от гонений не только священнослужителей, но и молящихся... Возьми письмо, подшей в мое личное дело.

Через несколько месяцев стало известно, что архиепископ Филипп Гумилевский был застрелен следователем во время допроса... Хоронили его как простого монаха в закрытом гробу, а сестре сказали, что открыть гроб нельзя, так как владыко умер от инфекционной болезни.

1937 год стал апогеем сталинского режима репрессий. К этому времени было закрыто восемь тысяч православных храмов, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около шестидесяти архиереев. В том же году судьба нанесла еще один удар по Сергию Страгородскому: погибла его родная сестра Александра Архангельская. Она была арестована как «сестра митрополита Страгородского Сергия». Ее обвинили в том, что она «являлась участницей контрреволюционной церковно-фашистской организации, проводила вербовочную работу и вовлекала в организацию 3-х человек, для печатания контрреволюционных листовок хранила шрифт, имея связь с митрополитом Сергием, получала от него контрреволюционные установки для организации». Несмотря на полную абсурдность обвинений, в отношении Александры Николаевны приговор был приведен в исполнение 4 ноября 1937 года. В это же время в Москве был арестован и расстрелян келейник владыки Сергия — иеромонах Афанасий.

...В начале октября 1938 года после многочисленных обращений Сергию удалось добиться приема в ОГПУ. В здании на Лубянке его встретил Е. А. Тучков. В тот

момент он уже был при новой должности — заместитель особоуполномоченного ОГПУ по Москве.

— Я просил принять меня, — начал Сергей, — чтобы узнать причины арестов духовенства, епископов и иереев в Москве, Сибири и на Урале.

Тучков, в новой форме и при орденах, восседал за столом, перед ним — бумаги, бумаги. Мельком взглянув на гостя и вновь обратившись к бумагам, он проговорил:

— Арестованы участники антисоветских организаций, члены террористических групп.

— Но в письмах, поступающих ко мне от родственников, паствы и духовенства, говорится об их невинности. Столь много обращений... неужели все они враги? Я не могу поверить в это. И потом, они под защитой конституции как граждане... Надо назначить дополнительное расследование, чтобы успокоить верующих.

— Иван Николаевич, вы же образованный человек, читаете газеты, знаете положение в стране. Партия и государство не могут миндальничать с врагами. И не надо за них просить, и не нужны никакие дополнительные расследования. Их вина уже доказана. Часть из них понесла высшее наказание. Другая — выслана на поселение.

— Зачем же такой скорый суд? Они люди, и жизнь дана им от Бога. Разве вы вправе решать...

— Послушайте, — перебил Тучков, — мы с вами много лет знакомы. Если я сказал: не надо, значит, разговор закончен. Лучше о себе подумайте.

Сергей удивленно посмотрел на собеседника и, помолчав, проговорил:

— Евгений Александрович, я по вашей милости был уже и контрреволюционером, и антисоветчиком, и агентом Англии, и японским шпионом... Что же вы еще про меня выдумаете?

— Не горячитесь. — Тучков встал, прошелся по кабинету: видно было, что он пытается сдержать раздражение. Вернулся к столу и продолжил: — Мы ничего не придумываем, а лишь действуем по проверенным данным. Если хотите знать, на вас имеется достаточно данных, изобличающих в антисоветской деятельности. Уж не знаю, кто там, наверху, — он оттопыренным большим пальцем показал на потолок, — в вас заинтересован. Но, будьте уверены, долго на свободе вам не протянуть.

— Не верю я вам, и бояться мне нечего. Я много прожил, много сделал для церкви и людей верующих. Церкви, как вам ни хотелось бы, не убить, она жива и будет жить, даже если имя мое ошельмуете. Надеюсь, придет время, и верные разберутся и позором не покроют мои седины. А вот за вами, Тучков, кровь, слезы, горе... Никто не вспомнит вас добрым словом. Прокляты вы будете в потомках. Да и свои со временем от вас отвернутся.

Тучков побелел, стиснул зубы, глаза налились злостью, и уже не проговорил, а прохрипел сдавленно и жутко:

— Не любил я вас всегда, и нутро мое меня не обмануло, контра вы... и кончать вас надо было еще тогда, в двадцать втором. А все наши партийные либералы... У-у-у, ненавижу их, и вас, и религию вашу с церковью вместе. К ногтю всех бы. Но теперь-то вы, патриарх несостоявшийся, от меня не уйдете! — При этих словах Тучков достал из стола несколько листов и бросил перед митрополитом. — Читайте, что о делах ваших братья ваши пишут!

Сергий отодвинул листки и привстал, показывая желание уйти.

— А, не хотите. Нет уж, присядьте да послушайте, я сам зачитаю кое-какие фрагментики из показаний дружка вашего Феофана Туликова.

Тучков развернул бумаги и, водя пальцем по строчкам, искал нужное ему место.

— Вот, цитатка: «В конце 1934 года по инициативе и под руководством Сергея Страгородского создан был церковно-фашистский центр, в который вошли представители крупного духовенства. Его задача состояла в развертывании контрреволюционной деятельности и объединении контрреволюционных церковных сил для борьбы с советской властью, с целью свержения ее и реставрации капитализма в СССР. Мы вели непосредственную работу по подготовке повстанческих и террористических кадров, сеяли возмущение и озлобление среди населения, совершали вредительские и террористические акты, поджоги...»

Сергий встал, негодование переполняло его.

— Я вам не верю, ни одному слову... Вы клеветник! Я готов... я требую встречи с митрополитом Феофаном!

— Успеете, успеете, — проговорил, ухмыляясь, Тучков. — И если здесь нельзя, то там, — он ткнул пальцем вверх, — встретитесь. — И после паузы, наслаждаясь и торжествуя, словно хищник над поверженной жертвой, небрежно обронил: — А подельника вашего, Туликова, недели две как приговорили, а вчера, кажется, и расстреляли.

К концу 1939 года на свободе оставались кроме митрополита Сергея лишь еще три правящих архиерея: митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Луцкий и Волынский Николай (Ярушевич) и архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский). Еще несколько епископов пребывали «на покое» или в должностях настоятелей храмов.

Нападение Германии на Польшу привело к серьезным изменениям внутренней и внешней политики СССР. В 1939–1940 годах в состав Советского Союза вошли Прибалтика, Бессарабия, западные области Украины и Белоруссии.

Под юрисдикцию патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия перешли духовенство, храмы и монастыри этих территорий. Властью признавалось, что здесь влияние духовенства гораздо сильнее, чем в других республиках, и потому предписывалось проводить более осмотрительную церковную политику. В статье Ем. Ярославского «О задачах антирелигиозной пропаганды» об этом говорилось так: «Понятно, что в недавно присоединившихся к СССР союзных республиках вопрос о религии имеет особенное значение. Там еще сильна власть религии, которую всячески насаждали буржуазные режимы. Там в течение десятилетий обманывали население сказками о „религиозных гонениях“ в СССР, о том, что будто бы у нас запрещают молиться и т. д. Вот почему нам нужно быть очень тактичными при объяснении вреда религии трудящимся новых советских республик. Конечно, и там произойдет та революция в сознании трудящихся, которая произошла в нашей стране за двадцать два года, но она пойдет гораздо быстрее, потому что эти народы получают советскую власть в готовом виде, а мы за советскую власть дрались на фронтах гражданской войны. Они в готовом виде получают всю советскую организацию, все созданные советской властью учреждения и весь накопленный за это время опыт. Путь, пройденный нами, они с помощью всего Советского Союза пройдут гораздо скорее» ^[148].

Сохранившиеся учетные сведения о религиозной ситуации в стране отражены в приводимой таблице:

Республики в составе СССР	Количество православных обществ	
	1938 г.	1940 г.
Азербайджанская ССР	—	—
Армянская ССР	—	—
Белорусская ССР	755	838
Грузинская ССР	17	27
Казахская ССР	1	1
Киргизская ССР	2	1
Латвийская ССР	—	164
Литовская ССР	—	72
Молдавская ССР	—	893
РСФСР	3617	950
Таджикская ССР	1	2
Туркменская ССР	—	—
Узбекская ССР	4	3
Украинская ССР	3903	5181
Эстонская ССР	—	164
Всего:	8300	8296

Внешние благополучие и стабильность статистических данных обманчивы, поскольку в 1940 году подсчет велся уже с учетом православных обществ, действовавших на территории, вошедшей в состав СССР. Тогда как за этот же период только в РСФСР количество действовавших православных общин было в административном порядке сокращено с 3617 единиц до 950. Не будет преувеличением сказать, что и из этого числа реально действующей была примерно только треть обществ: к примеру, в 25 областях не имелось ни одного действующего храма, в 20 — от одного до пяти. Остальные храмы, отобранные у религиозных общин властями зачастую даже без видимости соблюдения действующих законов, стояли «на замке» и были недоступны верующим.

Не менее безрадостной была ситуация и на православной Украине. Были закрыты все православные

церкви в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях. По одной церкви действовало в Ворошиловградской, Полтавской, Харьковской областях.

Новые территории, на которых действовало более трех тысяч православных храмов и 60 монастырей и было 14 правящих архиереев, доставляли определенные проблемы Московской патриархии. Дело в том, что тамошние православные епархии в послереволюционный период заявили о своей церковной самостоятельности. Теперь, в новых политических обстоятельствах, неизбежно должны были вноситься изменения в их церковную жизнь.

Патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей стремился упорядочить здесь церковную жизнь и взять ее под контроль. По немногим из дошедших до нас его писем мы можем представить его точку зрения на церковные проблемы на данных территориях. К примеру, в письме епископу Александру (Толстопятову) он писал: «Наши новые области заставляют-таки беспокоиться. Новая заплатка не сразу пристает к старой одежде. Все у них там как-то по-своему. В особенности трудно дается усвоить, что прежняя их автокефалия на церковном языке называется „раскол“ со всеми следующими отсюда выводами: что все, признаваемое за ними, признается лишь „икономии“ ради, а, строго говоря, по канонам ни на что они рассчитывать права не имеют. Они же представляют дело приблизительно вроде Вашего переезда из Череповца в Слободской: взял чемодан, купил билет и с Богом. Много еще придется с ними потерпеть, втолковывая таблицу умножения... Ждет устройства Бессарабия. Туда командирован епископ Алексей Сергеев. В Западную Украину и Белоруссию поехал (временно) экзархом архиепископ Николай Ярушевич. Теперь нянчимся с Латвией и

Эстонией. Командирован в Латвию и Эстонию наш архиепископ Сергей: Латвия принесла покаяние, а об Эстонии пока не знаем»^[149].

В 1940 году митрополит Сергей предложил митрополиту Эстонскому Александру (Паулусу) и митрополиту Латвийскому Августину (Петерсону) вернуться в Московскую патриархию. После переговоров духовенство и приходы перешли в юрисдикцию Московского патриархата. На Таллинской кафедре правящим архиереем остался архиепископ Александр (Паулус), который дал клятву верности Московской патриархии. В начале 1941 года в Литву вместо скончавшегося митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского) был направлен архиепископ Сергей (Воскресенский) с возведением в сан митрополита и назначением экзархом Латвии и Эстонии.

В начале 1941 года на территорию Западной Украины был перемещен архиепископ Николай (Ярушевич), возведенный в сан митрополита Волынского и Луцкого. Он же стал новым экзархом Украины, а резиденцией экзархата стал город Луцк.

На вновь вошедшей в состав Советского Союза территории было значительное число католических и униатских храмов и монастырей. Насчитывалось до восьми миллионов католиков и грекокатоликов. Новая религиозная ситуация актуализировала после почти десятилетнего отсутствия каких-либо официальных и неофициальных связей и вопрос о взаимоотношении СССР с Ватиканом. К тому предпринимал попытки и Ватикан, хотя в августе 1940 года советские власти объявили о разрыве дипломатических отношений стран Прибалтики с Ватиканом.

Известно, что в октябре 1940 года полпред СССР в Югославии В. А. Плотников сообщал в Наркомат иностранных дел, что по поручению Пия XII к нему обратился хорватский католический священник с

официальным предложением принять в Москве уполномоченных Ватикана для переговоров. Однако позиция Москвы была жесткой, и Молотов ответил, что «советское правительство не видит возможности заключить соглашение с Папой, так как это соглашение могло бы вызвать недовольство как православного духовенства, так и религиозно настроенных прихожан, не сочувствующих Католической церкви»^[150].

Правда, при этом советские власти отрицали всякие сообщения зарубежных средств массовой информации о «преследованиях и гонениях» на верующих-католиков. Приведем характерное высказывание Ярославского: «До сих пор еще эти мракобесы продолжают уверять население, будто советская власть закрывает все церкви, запрещает молиться, преследует за веру и т. п. Этим занимается и вражья агентура Ватикана... В зарубежной печати, особенно католической, мы встречаем самые дикие выдумки, относящиеся к антирелигиозной деятельности в Западной Украине и Западной Белоруссии... Мы должны показать всю недобросовестность, всю гнусность выдумок реакционеров, мракобесов»^[151].

Однако очень скоро на «новые советские территории» во все более широком масштабе стал приноситься уже имевшийся опыт «урегулирования» отношений с религиозными организациями: ликвидировались религиозные партии и церковно-общественные объединения; закрывались философско-теологические факультеты в государственных учебных учреждениях, монастыри, храмы, церковные типографии и магазины религиозной литературы; национализировалась собственность религиозных обществ; депортировалась часть духовенства. В качестве оправдания этим и другим подобным мерам использовался тезис о том, что среди духовенства и

церковного актива особенно много тех, кто борется с советской властью и выступает за возвращение старых порядков^[152].

Накануне Великой Отечественной войны казалось, что правящая коммунистическая партия близка к достижению провозглашенной в области религиозных отношений цели. Количество православных храмов сокращалось день ото дня. В 1941 году всего насчитывалось 3021 храм и 64 монастыря, которые обслуживали 28 епископов и 6376 священнослужителей^[153]. «Бесцерковные» и «безбожные» деревни, поселки, города, районы и даже целые области насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда официальным социологическим исследованиям и опросам, количество верующих сокращалось день ото дня^[154]. Государственно-партийные средства массовой информации и антирелигиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами» курса церковной политики государства как наиболее полно обеспечивающего свободу совести.

Буквально в канун войны, в марте 1941 года, на встрече с работниками антирелигиозных музеев Ярославский, главный антирелигиозник страны, говоря о «результативности» антирелигиозной работы, отмечал, что граждане все реже обращаются с ходатайствами об открытии ранее административно закрытых культовых зданий, об организации религиозных общин. «Охотников, — резюмировал он, — обращаться с такими ходатайствами с каждым днем становится все меньше и меньше. А там, где такие ходатайства поступают, инициаторами их являются кулаки, служители культа и бывший церковный актив, единоличники»^[155].

Но, конечно, религиозная жизнь в стране в ее реальном виде была совсем другой, чем представлялось

«антирелигиозным мечтателям». В частности, это проявилось в те же мартовские дни 1941 года, когда в Москве прошли торжества по случаю сорокалетия служения в архиерейском сане митрополита Сергия. Тысячи православных верующих собрались в кафедральном соборе: москвичи, представители почти всех епархий, расположенных в СССР, гости из-за рубежа. Никогда старые стены Елоховского собора не слышали такого могучего многолетствования блаженнейшего юбиляра, которое пелось единодушно всеми молящимися. Когда же по окончании службы митрополит Сергей вышел на паперть собора, люди, заполнившие площадь, обнажили головы и стали забрасывать цветами своего глубокоочтимого и горячо любимого «дедушку-владыку» ^[156].

Правящая партия и Советское государство на антирелигиозном фронте. Вторая половина 1930-х годов

В апреле 1934 года на объединенном заседании Секретариата ЦИКа СССР и ВЦИКа было принято решение об образовании при Президиуме ЦИКа СССР Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов. Спустя месяц комиссия была организована и приступила к работе. В состав союзной комиссии вошли представители Верховного суда СССР, НКВД, ВЦСПС, Верховного Совета и Прокуратуры СССР, ЦК ВКП(б), Института философии Коммунистической академии, Центрального союза воинствующих безбожников. Возглавил комиссию П. Г. Смидович. В качестве первоочередных ставились задачи разработать общесоюзный закон о религиозных организациях и добиваться единообразия в осуществлении органами власти вероисповедной политики в центре и на местах.

В круг ежедневных дел, рассматриваемых комиссией, включались разработка и предварительное рассмотрение проектов постановлений по вопросам, связанным с деятельностью религиозных организаций, внесение их на рассмотрение ЦИКа СССР и его президиума, общий учет религиозных организаций, сбор сведений о религиозной ситуации в стране.

Непросто складывались отношения союзной комиссии с ЦИКаами союзных республик и их комиссиями по культовым вопросам. Стремясь выработать общую точку зрения на церковную политику и скоординировать совместные усилия, Центральная комиссия во второй половине 1934 года заслушала на своих заседаниях отчеты представителей Украины, Белоруссии, Узбекистана, Армении, Грузии. Была достигнута договоренность о совместной работе над союзным законопроектом о религиозных организациях, регулярном обмене информацией о религиозной ситуации и принимаемых правовых актах. Были выработаны порядок и условия рассмотрения материалов о закрытии культовых зданий и коллективных жалоб верующих. Право окончательного решения по всем этим вопросам закреплялось за Президиумом ЦИКа Союза ССР, а материалы к заседанию президиума поручалось вносить Центральной комиссии.

Опираясь на достигнутые договоренности, Центральная комиссия пыталась воздействовать на правительства союзных республик, отказываясь выносить на утверждение Президиума ЦИКа СССР неподготовленные материалы. Председатель комиссии (с 1935 года) П. А. Красиков справедливо указывал республиканским властям на противозаконность ряда принимаемых ими решений. Но очень скоро правозащитные действия комиссии торпедировались республиками. Ссылаясь на отсутствие общесоюзного закона, они добились признания за ними права

окончательного разрешения вопроса о закрытии культовых зданий. За комиссией оставалось право соответствующего оформления принятых решений, то есть проведения их через Президиум ЦИКа СССР. Возникновение подобной ситуации объясняется не только стремлением республик к расширению своей самостоятельности, но и в значительной степени той безучастностью, с которой президиум относился к своей комиссии. Она почти полностью лишена была условий для нормального функционирования: не хватало помещений; штат состоял всего из трех человек; из-за отсутствия средств члены комиссии годами не могли выехать в командировки в республики; положение о комиссии так и не было утверждено; Секретариат ЦИКа СССР отказывал в организационной и материально-технической поддержке.

В июне 1936 года был опубликован проект новой всесоюзной конституции, вынесенный на всенародное обсуждение. Статья 124-я проекта конституции касалась проблем обеспечения свободы совести в СССР. Вместе с обсуждением принципиальных проблем проекта новой Конституции СССР в центре общественного внимания оказались и вопросы деятельности религиозных организаций, их права и обязанности, взаимоотношения с государством, дальнейшего возможного развития законодательства о культах.

В адрес Конституционной комиссии от граждан, государственных учреждений и общественных организаций поступали многочисленные поправки к проекту статьи о свободе совести. В большей своей части они содержали требования запретить все религиозные обряды, всяческое обучение детей религии, деятельность «сектантских течений», не предоставлять священнослужителям полноты гражданских прав, ужесточить действующее законодательство о религиозных культах. В значительной мере они были

порождены той общественной атмосферой в стране, которая сложилась под воздействием партийной антирелигиозной пропаганды, волюнтаристской деятельности советских и административных органов.

На страницах официальной прессы, естественно, не находилось места для изложения позиции верующих по данным вопросам. Но о ней можно узнать, обращаясь к архивным материалам Комиссии по культовым вопросам при Президиуме ЦИКа СССР. В одном из поступивших в комиссию писем указывались следующие предложения верующих относительно статьи 124-й Конституции СССР:

«1. Статью 124 соблюдать тверже и местную власть поставить в определенные рамки.

2. Непосильными налогами как храмы, так и духовенство не облагать, а делать процентные начисления доходов.

3. Запретить всякие „издевательства“ над церковью, духовенством и верующими.

4. Разрешить беспрепятственно, без особых на это разрешений местных властей, собрания верующих и церковного совета, ходить духовенству по домам с молебнами и требами.

5. Не допускать давление на рабочих и служащих за религиозные убеждения.

6. Не закрывать путем административного давления храмов, если не будет на то согласия религиозной общины»^[157].

Позиция комиссии и ее председателя П. А. Красикова была выражена в специальной записке «Состояние религиозных организаций в СССР», поданной в ЦК ВКП(б). Оценка религиозной ситуации была весьма откровенной и прямой: «На основании имеющихся материалов в Комиссии необходимо отметить большое количество грубых нарушений советского

законодательства о религиозных культах на местах. Причем количество нарушений за последние годы растет. Этот рост объясняется тем, что работники на местах недооценивают культовые вопросы, не понимают всей политической глубины».

Вывод Красикова заключался в том, что необходимо в срочном порядке принять самые серьезные меры к исправлению катастрофического положения, сложившегося в религиозном вопросе, устранить в действиях местных властей методы административного давления на верующих и религиозные организации, обновить законодательство о культах, выработать и принять общесоюзный закон о свободе совести и обеспечить его единообразное применение на всей территории СССР.

Отстаивая свою точку зрения, комиссия пыталась воздействовать на сложившуюся неблагоприятную ситуацию в религиозном вопросе и искала для этого союзников. В мае 1936 года по представлению комиссии Президиум ВЦИКа направил в местные органы власти специальный циркуляр с требованием «прекратить административные меры борьбы с религиозными пережитками трудящихся масс» и предупреждением, что «впредь за нарушение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года „О религиозных объединениях“ виновные, невзирая на лица, будут привлекаться к строгой ответственности» ^[158].

В октябре 1936 года Красиков обратился к прокурору СССР А. Я. Вышинскому, прося его расследовать многочисленные случаи нарушения действующего законодательства о культах со стороны органов власти. К таковым были отнесены: незаконные ликвидация религиозных обществ и закрытие молитвенных зданий; изъятие культовых зданий под засыпку хлеба; отказ в регистрации религиозных обществ и служителей культа; закрытие храмов под предлогом невыполнения

верующими предписаний местных властей о ремонте зданий; необоснованные штрафы духовенства и церковного актива.

Но обращение Красикова осталось без должного внимания. Прокуратура отвергала утверждение о повсеместности нарушений законодательства о культах, соглашалась лишь с наличием единичных фактов, в отношении которых обещала провести расследование. Иными словами, серьезной помощи от органа, который призван был контролировать и обеспечивать исполнение закона, ожидать не приходилось.

В ноябре 1936 года по инициативе П. А. Красикова вопрос о формировании союзного закона о культах рассматривался на специальном совещании с участием представителей Академии наук СССР, Центрального совета Союза воинствующих безбожников, ЦИКа СССР, некоторых наркоматов и ведомств.

В принятой резолюции отмечалось: «Состояние работы местных Советов в части правильного проведения в жизнь законодательства о религиозных культах в большинстве республик, краев и областей является неудовлетворительным. Наблюдаются многочисленные факты голого администрирования при закрытии молитвенных зданий без проведения соответствующей массовой работы»^[159]. Участники совещания признали, что выработка и принятие союзного закона о культах становятся задачей первоочередной.

По данным комиссии Красикова, в СССР к 1936 году насчитывалось 42 392 культовых здания. Из них состояло на регистрации 30 862 здания, однако лишь 20 908 зданий из этого числа были действующими, а еще 9954 хотя и числились зарегистрированными, но были изъяты у верующих в административном порядке и не действовали. Вокруг этих храмов развернулось ожесточенное сражение между властью и верующими.

Представление об этом можно почерпнуть из записки Красикова в ЦК ВКП(б):

«Комиссии культов организованы не при всех ЦИК АССР, край- и облисполкомах... Там, где Комиссии имеются, их работа сводится только к обсуждению дел о закрытии молитвенных зданий. Единого закона о религиозных объединениях нет. Каждая союзная республика руководствуется своим законодательством... Комиссия имеет много фактов по всем республикам, краям и областям, когда изъятие церкви производится РИКом или сельским советом, даже не постановлением сельсовета, просто распоряжением председателя. Если церковь закрывается постановлением облисполкома или крайисполкома, это постановление не объявляется верующим, им не дается положенный срок для обжалования во ВЦИК, иногда, несмотря на обжалование, церковь ликвидируется до решения ВЦИК... Большинство церквей закрывается без проведения достаточной массовой антирелигиозной работы среди населения... без учета степени религиозности населения. При закрытии церквей не обращается внимание на то, остается ли поблизости другая функционирующая церковь, где бы верующие могли отправлять религиозные обряды»^[160].

Признавали факт повсеместного распространения мер административного давления на религиозные общества и сами партийные лидеры на различного рода «закрытых заседаниях». В декабре 1936 года на совещании руководства Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский отмечал: «Мы,

несомненно, имеем очень большие перегибы в смысле увлечения административными мероприятиями. Когда мы знакомимся с последними данными относительно ликвидации церковных помещений, то мы приходим к единодушному мнению, что тут были допущены административные перегибы»^[161].

Фактически в одиночку комиссия пыталась отстаивать права верующих перед высшими органами власти. Ее члены понимали, что следует прежде всего сдерживать административное закрытие культовых зданий. В соответствии с советским законодательством о культах за комиссией сохранялось право окончательного утверждения решений местных органов власти о закрытии церквей, поэтому, рассматривая поступившие дела о закрытии молитвенных зданий, комиссия под различными предлогами — закрывается последняя церковь в районе, не ясна перспектива освобождаемого здания, не проводилась должная разъяснительная работа среди верующих, налицо незаконные действия властей, нарушается формальный порядок рассмотрения вопроса о закрытии и т. д. — не соглашалась с предложениями местных властей о закрытии молитвенных зданий, затягивала принятие своего решения, присланные материалы возвращались на места, запрашивались все новые и новые документы, направлялись сотрудники для проверок обращений верующих, а некоторые из материалов направлялись на проверку в правоохранительные органы, партийные и советские инстанции^[162].

Об усилиях комиссии по сдерживанию широко развернувшейся кампании по закрытию храмов дает представление таблица, составленная на основании архивных данных:

Год	Количество рассмотренных дел о закрытии молитвенных зданий	Принятое решение	
		закрыть	не закрывать
1934 (май—декабрь)	105	91	14
1935	373	323	50
1936	420	308	112
1937	359	253	83

Но сдержать волну беззакония комиссия, конечно, не могла. Сами ее попытки призвать к закону в партийно-советской среде воспринимались как «нарушение партийной линии». Стали обычным явлением «доносы» на членов комиссии в высшие партийные органы по обвинению в намеренном сдерживании «наступления на антирелигиозном фронте». К примеру, на родине митрополита Сергия Страгородского Арзамасский горисполком, который закрыл все церкви и длительное время не реагировал на обращения комиссии, прислал в конце концов такой иезуитский ответ: «Всякое отступление в вопросе ликвидации церквей вызовет новое оживление монашеского и поповского элемента, что, безусловно, внесет большой тормоз и прямой срыв работы в районе»^[163].

В ноябре 1936 года открылся VIII Всесоюзный съезд Советов, на котором должны были рассматриваться поправки к проекту конституции и приниматься Конституция СССР. С докладом о проекте Конституции СССР выступил И. В. Сталин, сказавший: «Далее идет поправка к статье 124-й Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть как не соответствующую духу нашей Конституции. Наконец, еще одна поправка, имеющая более или менее существенный характер. Я говорю о поправке к 135-й статье проекта Конституции.

Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общественно полезным трудом, или же, во всяком случае, — ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только пассивное избирательное право, то есть право избирать, но не быть избранным. Я думаю, что эта поправка должна быть отвергнута. Было время, когда эти элементы вели открытую борьбу против народа и открыто противодействовали советским законам... За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время»^[164].

Понятно, что мнение вождя не оспаривалось и обе поправки были отклонены. Статья 124-я Конституции была принята в следующей редакции: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

5 декабря 1936 года Конституция СССР, за которой впоследствии закрепилось наименование «сталинская», была принята в окончательном виде. С ее принятием правозащитная деятельность комиссии П. А. Красикова активизируется. Вновь и вновь она обращается к наиболее злободневному вопросу — незаконному закрытию органами власти культовых зданий. Во все ЦИКи союзных республик направляется предложение о возвращении верующему населению незаконно отторгнутых зданий. А таковых повсеместно насчитывалось немало: в Киргизии — 76 (при 243 действующих молитвенных домах), в Узбекистане — 882

(663), в Грузии — 83 (281), в Азербайджане — 137 (69), в Армении — 45 (40), в Белоруссии — 238 (239).

Но лишь в единичных случаях республиканские власти положительно реагировали на предложение комиссии. Характеризуя складывающееся положение на местах, Красиков писал в ЦК ВКП(б), что «в ходу административные приемы, застрашивания, репрессии. Отдельные работники всех верующих считают контрреволюционерами, а следовательно, и не желают считаться с их просьбами, хотя и вполне законными. Некоторые ответственные районные работники считают, что сектантские религиозные объединения по советским законам должны преследоваться в уголовном порядке».

В середине 1937 года в настроениях партийного и советского актива и вовсе получило широкое хождение мнение о необходимости полной «ликвидации» законодательства о культах и, в частности, постановления ВЦИКа и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 1929 года. Можно упомянуть, что с таким предложением к Сталину непосредственно обращался Г. М. Маленков. Обосновывалось оно тем, что законодательный акт от 8 апреля 1929 года создал «организационную основу для оформления наиболее активной части церковников и сектантов в широко разветвленную враждебную советской власти легальную организацию в 600 тысяч человек по всему СССР». А потому в качестве первостепенных задач выдвигались требования «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией». Эти идеи и настроения находили отражение и на страницах антирелигиозной литературы, и в публичных выступлениях партийных функционеров ^[165].

Комиссия воспротивилась такой «ликвидаторской» позиции. В ее многочисленных письмах, докладах, записках, направляемых в высшие органы власти, указывалось на недопустимость навешивания ярлыка

«яркие враги советской власти» на всех верующих, являющихся членами религиозных обществ и поддерживающих действующие молитвенные дома; на недопустимость использования административно-силовых мер в вопросах регулирования деятельности религиозных обществ, что сделает невозможным их «легальное» существование и будет способствовать «уходу в подполье», что в конечном итоге принесет один лишь вред, дестабилизирует обстановку в обществе.

Соглашаясь с тем, что в церковной среде присутствуют факты «антисоветской деятельности», П. А. Красиков обращал внимание на то, что обострение религиозной ситуации вызывается в первую очередь распространением на местах таких явлений, как «левачество, перегибы, неправильное применение закона, вредительское форсирование „ликвидации религии“».

В направляемых Красиковым письмах в партийные и советские органы союзных республик отстаивалась точка зрения, согласно которой основным направлением государственной политики в «церковном вопросе» должно быть не уничтожение законодательства, а, наоборот, его укрепление, совершенствование, строгое и единообразное соблюдение по всей стране. На это были ориентированы вносимые комиссией в ЦИК и СНК СССР проекты союзных законов по вопросам культа, тексты которых сохранились в архивном фонде комиссии.

Первый из них — «Об отправлении религиозных культов и о молитвенных зданиях». В его восемнадцати статьях определялись порядок образования и условия функционирования групп верующих, получающих в пользование культовое здание. Второй законопроект — «О религиозных объединениях» (24 статьи) — касался деятельности религиозных обществ, то есть объединений, не связанных жестко с получением здания

и имеющих более широкие возможности для своей деятельности. Предполагалось этот закон увязать с другим — «Об общественных объединениях», который должен был регулировать деятельность всех видов «обществ». Для этого предлагалось внести в него статьи, касающиеся конкретно деятельности религиозных организаций. В архивах комиссии сохранился проект закона, относившийся к деятельности именно таких обществ.

Оба законопроекта несли на себе груз запретительства, сохраняли дискриминационные меры в отношении деятельности «групп» и «общин», которым не предоставлялось прав юридического лица, запрещалось иметь какую-либо собственность и заниматься «внекультовой деятельностью», не разрешалось публичное отправление культа, «хождение по домам» и «производство колокольного звона». Сохранялась норма, согласно которой молитвенное здание могло быть закрыто по требованию большинства населения той или иной конкретной местности. Однако ставить в вину все эти недостатки разработчикам законопроектов было бы несправедливо, поскольку, частично сохраняя ограничения и запрещения, они во главе с П. А. Красиковым стремились отстоять пусть даже и ограниченные, но легальные условия существования религиозных общин перед административным молохом, стремившимся вообще покончить с религией и религиозными организациями.

В августе 1937 года окончательные тексты законопроектов были направлены в директивные органы, в ЦИКи союзных республик, однако ответов не последовало. Весной 1938 года Красиков вновь обратился в ЦИК и Верховный Совет СССР, а затем и к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву с просьбой рассмотреть вопрос о реформировании

законодательства о культах. Однако и на этот раз — молчание.

Более того, комиссии не нашлось места во вновь формируемом тогда высшем органе власти — Верховном Совете СССР, и в апреле 1938 года она была упразднена. Тем самым был ликвидирован орган, в той или иной степени осуществлявший связь между государством и религиозными организациями и отстаивавший права верующих и их объединений. С его ликвидацией исчезала сама возможность контактов между правительством и религиозными организациями. Такой исход стал закономерным следствием политики партийных и советских органов, направленной на построение «безрелигиозного общества». Усилий небольшой части партийных и общественных деятелей, стремившихся выправить неверный курс церковной политики государства, оказалось недостаточно.

На общесоюзном уровне оставалась только одна ведомственная структура, которая занималась проблемами религии и церкви, — НКВД СССР. В его недрах, в Секретно-политическом управлении, действовал специальный отдел «по борьбе с церковной и сектантской контрреволюцией». По сегодняшний день мы не располагаем достаточной информацией о его работе, но можно утверждать, что отдел, как и наркомат в целом, в своей деятельности исходил из официальной политической оценки религиозных организаций как противников социализма и советского строя, а духовенства — как явной или скрытой контрреволюционной силы. К примеру, в учебнике для антирелигиозных кружков самообразования утверждалось: «Классовый враг, разгромленный внутри страны, еще не добит окончательно. Одним из его убежищ продолжает быть религиозная организация, распространяющая реакционные, враждебные социализму идеи. Выбитые из своих гнезд монахи и

монашки, тысячи священников разных религий... еще не примирились с мыслью о том, что дело их окончательно проиграно... Все такие элементы поддерживают религию, используют религиозные предрассудки для того, чтобы творить свое вражеское дело» ^[166].

В идеологической работе партийных и общественных организаций по-прежнему одной из приоритетных объявлялась задача строительства «безрелигиозного общества» и борьбы с духовенством — «мракобесами в рясах, ермолках и чалмах». Еще в мае 1932 года Союз воинствующих безбожников (СВБ) принял свою пятилетку — «безбожную». К 1937 году Советский Союз, по планам безбожников, должен был превратиться в страну массового атеизма. Это было логичным, с их точки зрения, шагом — ведь в этом же году ВКП(б) принимает второй пятилетний план, в результате выполнения которого в Советском Союзе должно быть построено «бесклассовое социалистическое общество» ^[167].

Центральный совет Союза воинствующих безбожников был активен в реализации и своих собственных планов, и государственных задач, как он их понимал. Его председатель Емельян Ярославский — главный антирелигиозник тех лет — призывал к активным, наступательным действиям на «антирелигиозном фронте», выступал против какой-либо самоуспокоенности в рядах Союза воинствующих безбожников. О творимых на местах беззакониях в отношении религиозных объединений Ем. Ярославский знал по многочисленной почте, поступавшей в центральные партийные и советские органы, в том числе и к нему лично. Один из корреспондентов газеты «Безбожник», побывавший весной 1938 года на Украине, писал о действиях инспекторов по культам при облісполкомах:

«Они слишком упрощенно подходят к вопросам борьбы с религией. Люди стремятся поскорее прикрыть последние церкви, всеми правдами и неправдами организуя необходимые для этого подписи верующих. Инспектора решили, что-де, поскольку массовые заявления об открытии церквей, подававшиеся в первое время после принятия Конституции, теперь прекратились, то верующие, очевидно, примирились с фактом, и можно „добивать“ оставшиеся единичные молитвенные дома. Я просматривал дела о закрытии, необходимое для формальности количество подписей в них собрано. Но, кроме этих подписей и постановления РИКа, здесь ничего нет. Ни один рядовой колхозник, как это видно из редких протоколов собраний, по этому вопросу не высказывался. Попадают в лучшем случае только высказывания учителей или руководителей сельсовета и колхоза, причем в этих выступлениях часто именуются „ворогами“ люди, не пожелавшие подписаться. Попадались мне заявления отдельных лиц о том, что подписи за закрытие церкви взяты от них обманным путем, что комсомольцы подписывались и правой, и левой руками, чтобы увеличить число почерков, т. е. видимого числа подписей»^[168].

Ярославский знал об этом, но, не в пример Красикову и его сторонникам, ничего не предпринимал для защиты верующих и их организаций. Более того, тема «борьбы с церковниками» вплетена была в острую внутривластную борьбу с различного рода «течениями». Заместитель председателя Союза воинствующих безбожников Ф. Олещук писал в 1937 году: «Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма».

В феврале 1938 года IV расширенный пленум Центрального совета СВБ в послании И. В. Сталину

утверждал, что «перед трудящимися все ярче и ярче обнаруживается реакционная роль религии и гнусная контрреволюционная деятельность религиозных организаций, смыкающихся с фашистскими контрреволюционными элементами», ибо, по его мнению, «в лице религиозных организаций мы имеем прямых врагов социализма, прямых врагов народа, причем чем дальше развиваются успехи коммунизма, тем обостреннее становится борьба этих мракобесов, реакционеров против Советской власти, против народа»^[169].

Повсеместно всей антирелигиозной работе партийных, комсомольских и других общественных организаций был придан характер политического противодействия «контрреволюционным силам» в лице духовенства и верующих. Емельян Ярославский, встречаясь в апреле 1939 года с активом СББ Москвы, разъяснял: «Враги социализма действуют через религиозные организации. А в тех районах, где нет религиозных организаций, где нет ни церкви, ни мечети, ни синагоги, нередко имеется переезжающий с места на место „бродячий поп“, „поп-передвижка“ или осели бывшие обитатели монастырей, орудуют развенчанные вожаки религиозных сект, бывшие церковные старосты и тому подобные бывшие люди»^[170].

Религиозная политика нацистской Германии накануне Второй мировой войны

Следует отметить, что Адольф Гитлер с момента прихода к власти уделял внимание формированию политики государства и Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) как в отношении действовавших на территории Германии разнообразных религиозных организаций, так и религий и церквей,

находившихся на подконтрольных или оккупируемых рейхом территориях^[171]. В программе НСДАП присутствовал и специальный пункт (24-й), которым провозглашалась свобода религии: «Свобода вероисповедания, за исключением религий, опасных для германской расы; партия не связывает себя с каким-либо исключительным вероучением, но борется с еврейским материализмом».

Определяющую роль в формировании партийной точки зрения на религию играл фюрер. Несмотря на то что Гитлер родился в католической семье, он весьма рано отверг и религию в целом, и христианство в частности и публично демонстрировал свое негативное отношение к ним. В соответствии с установками фюрера и партии на территории рейха взят был курс на планомерное уничтожение «неполноценных» людей и религий.

У нацистской партии были также секретные планы «строительства» новой религии и национальной государственной церкви Германии. Они относились как к территории собственно рейха, так и к вновь завоеванным территориям. Более или менее оформленный вид они приобрели в 1939 году. В их основу положена расовая теория, через призму которой рассматривались и проблемы религиозных свобод. Применительно к внутренней политике партии ставилась задача борьбы с «церковью». Очевидно, что под этим термином понимались все действующие на тот момент религиозные организации, а не только какая-либо одна конкретная религиозная организация, хотя конкретно называлась католическая и протестантские церкви.

На место всех религий и церквей в рейхе и на подчиненных ему территориях должна была прийти «государственная религия», свободная от «недостатков» христианства. Она должна быть такой, какой ее знали в

Древней Греции, — соединение музыкально-спортивных мероприятий и государственных праздников, и выражаться она должна была в форме торжественных представлений, соревнований и государственных актов. По мысли идеологов партии, эта религия должна опираться на «германско-нордическое движение», поддержку которому необходимо оказывать скрытно, постепенно внедряя присущие ему обряды и в частную жизнь граждан.

Основными методами борьбы с другими религиозными организациями объявлялись внедрение в религиозные организации «доверенных лиц» — шпионов и агентов, разделение и борьба групп в религиозных организациях. Кроме того, максимально следовало привлечь науку, искусство, образование.

Окончательная реализация нацистского плана «строительства религии и церкви» ожидалась через 25 лет. Тогда «новая» религия объявляется государственной, то есть обязательной для всех граждан. В ней отсутствует духовенство, речи будут произносить только «национальные государственные ораторы», являющиеся государственными служащими. Будут удалены из храмов иконы, кресты и другие предметы культа, отвергнуты многие из христианских таинств и обрядов, закрыты религиозные учебные заведения; будут запрещены Библия и иная христианская богослужебная и религиозная литература, повсюду в молитвенных помещениях изображена свастика, на алтарь вместо Библии положена книга фюрера «Майн кампф», а слева от нее — меч.

О намерении распространения «новой религии» впервые стало известно из документов, обнаруженных на оккупированной советской территории. Так, в директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 года признавалось необходимым дать населению какую-то форму религии,

воспретить всем священнослужителям вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания, одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который после соответствующего обучения будет в состоянии «толковать народу свободную от еврейского влияния религию». После этого «зараженные еврейскими догматами» церкви могли быть закрыты. Под «зараженными церквями» нацистские теоретики подразумевали прежде всего церкви христианские, а также и иудейскую религию^[172].

Для реализации политики НСДАП в отношении религий и церквей в 1936 году было создано министерство церковных дел. С образованием в 1939 году Главного управления имперской безопасности (РСХА) оно стало ведущей силой в реализации религиозной политики. IV управление РСХА (гестапо) имело специальный отдел («церковный реферат»), который осуществлял надзор за деятельностью католической и протестантских церквей, религиозных сект, иудейских организаций и франкмасонов. Другие отделы гестапо, ведавшие делами на оккупированной территории и контрразведкой, также входили в непосредственный контакт со служителями культа и использовали их в своей работе. Добавим, что касательство к религиозно-церковным организациям имели и такие структуры, как СД — служба безопасности СС, разведывательное управление СС, а также зипо — полиция безопасности.

Усилия всех этих ведомств внутри Германии и за ее пределами сосредоточивались по двум направлениям: разрушение (внутреннее и внешнее) сложившихся традиционных устойчивых церковных структур, «атомизация» конфессий и церквей; тотальный контроль за всеми проявлениями религиозной жизни.

В соответствии с этим ставились практические задачи: негласное наблюдение за религиозными организациями всех направлений, изучение настроений духовенства и верующих, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры, вербовка агентуры из среды священно- и церковнослужителей, продвижение «нужных людей» на различные иерархические должности, а также в церковных и общественных фондах, комитетах и т. п. Как можно судить на основании доступных источников, практически во всех странах Европы и во всех крупных конфессиональных организациях действовала широко разветвленная агентурная сеть спецведомств Германии.

Министерство церковных дел в отношении православных приходов, действовавших на территории рейха и принадлежавших к различным церковным юрисдикциям — Русская православная церковь за границей (центр в городе Сремские Карловцы), Временный экзархат Вселенского патриарха на территории Европы (Париж), Московский патриархат (Москва), — ставило перед собой задачу их объединения («унификации»). В качестве «ядра» нового церковного объединения власть полагала Русскую зарубежную церковь. Это в большей мере объяснялось собственными руководителям и активу церкви политическими взглядами — активные антисоветизм, антикоммунизм, клерикализм. Именно поэтому в марте 1936 года прусское правительство предоставило Берлинской и Германской епархии Зарубежной церкви статус корпорации публичного права и принят был ее устав. Таким образом, эта церковь приобрела тот же правовой статус, что и католическая и лютеранские церкви в 1933 году. Через единую православную церковь, которой только одной будет предоставлено государственное признание, власти надеялись иметь возможность воздействовать на русскую эмиграцию,

обеспечив ее политическую лояльность в условиях войны с СССР.

С этого времени политика «унификации» приобрела еще большую агрессивность по отношению к православным приходам иных юрисдикций. Министр А. Керл в докладной записке министру-президенту Пруссии Г. Герингу в феврале 1936 года писал: «Для немецких условий регулирование означало бы, что митрополит Евлогий больше не мог бы оказывать прямого воздействия на евлогианские общины в Германии и что русская эмиграция в Германии собралась бы в рамках одной православной церкви в случае, если бы ей предоставили необходимую организацию и государственное признание»^[173]. Через такого рода шаги власти надеялись иметь возможность воздействовать на русскую эмиграцию в политическом, экономическом, церковном и культурном отношениях, обеспечив в конечном итоге политическую лояльность русской эмиграции в целом.

Эта политика натолкнулась на резко негативное отношение со стороны сторонников митрополита Евлогия. В одном из писем митрополита Евлогия (Георгиевского) старосте православного прихода в Дрездене читаем: «Мы совершенно лояльны правительству, мы благодарны ему за оказанный нам, русским эмигрантам, приют, но мы не можем ломать, менять своих церковных убеждений. И мы питаем надежду, что над нашей церковной совестью и совестью наших прихожан не будет произведено насильственное давление. Прихожане наши имеют свои взгляды, и мы не можем говорить им против нашей совести и их совести. Об этой свободе совести я всегда говорил и теперь открыто говорю. Мы никакого насилия делать не хотим и вправе ожидать, что и с нами не будет этого насилия»^[174].

В дальнейшем положение евлогийанских приходов на территории Берлинской и Германской епархии было урегулировано Соглашением между архиепископом Серафимом (Ляде) и епископом Бельским Сергием (Королевым) в ноябре 1939 года.

В 1938–1939 годах в связи с расширением территории рейха юрисдикция Германской епархии при поддержке министерства церковных дел распространилась на православные приходы в Австрии, Чехии, Бельгии, Люксембурге, Лотарингии, Словакии, Венгрии. Во главе епархии был поставлен епископ Потсдамский Серафим (Ляде) с титулом «епископ Берлинский и Германский». Кандидатура оказалась весьма подходящей и устраивающей всех — немец по национальности, имел германское гражданство, пользовался уважением русской церковной эмиграции в Третьем рейхе, обладал спокойным характером.

Однако план министерства создать некую влиятельную наднациональную православную церковь не мог быть реализован, поскольку ведущими принципами церковной политики нацистского руководства оставались децентрализация православного мира и поддержка самостоятельных и независимых национальных православных церквей на оккупированных территориях. Так, после падения Польши единая Польская православная церковь была раздроблена на церковные организации по национальному признаку (русские, польские, украинские). Внимание обращалось и на другие православные церкви — Болгарскую, Греческую, Сербскую, Румынскую. Их стремились также включить в орбиту влияния рейха.

Еще до начала своего «похода на Восток» спецслужбы нацистской Германии вели поиск возможностей оказывать влияние и на религиозные организации в СССР, и на зарубежные русские

православные приходы. До 1941 года усилия были направлены в основном на Русскую православную церковь за рубежом — религиозную организацию, возникшую в начале 1920-х годов на базе православных приходов, располагавшихся в Западной Европе и руководимых иерархами, покинувшими Советскую Россию в годы Гражданской войны или сразу после ее окончания. По своим политическим взглядам тогдашний глава Архиерейского синода Русской православной церкви за рубежом митрополит Анастасий (Грибановский) и другие иерархи были среди тех представителей русской эмиграции, которых не покидала надежда на крах коммунизма, падение ненавистных им советской власти и Совдепии. Это, естественно, учитывалось Гитлером, и потому особых препятствий деятельности этой церкви на территории Германии не чинилось.

Не случайно 12 июня 1938 года митрополит Анастасий (Грибановский) в благодарственном адресе Гитлеру за помощь, которая была оказана германскими властями в ремонте православных храмов в Германии, писал: «Лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости, видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду. Мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ, стонущий под этим рабством, ожидающий своего освобождения, постоянно возносит к Богу молитвы, чтобы Он сохранил Вас и дал Вам Свою всеильную помощь»^[175].

1 сентября 1939 года нападением нацистской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Отныне Русская православная церковь за рубежом, как и в целом антисоветски настроенная часть русской эмиграции, достижение своих политических целей и осуществление надежд на возвращение в Россию связывала с ходом войны, с перенесением военных действий на территорию СССР.

В этот же день епископ Серафим (Ляде) в послании к пастве выразил отношение церкви к начавшейся Второй мировой войне. Вопреки реальным историческим обстоятельствам, предшествовавшим войне, глава епархии возложил ответственность за войну и неизбежно ей сопутствующие страдания многих тысяч людей не на Германию, а на «кровавые силы, которые двадцать лет назад предприняли попытку санкционировать главенство и власть люмпенов, а побежденных обречь на бессилие, нужду и гибель, и этим попрали самым бесцеремонным образом Божественную и человеческую справедливость». Епископ призвал паству «доказать на деле свою благодарность Германскому правительству и германскому народу за пристанище, сочувствие и за все то хорошее, что они нашли в этой стране», что должно было вылиться в оказание всемерной помощи «жертвам кровопролития» и самоотверженное выполнение воинского долга «православными, сражающимися в рядах Германской армии»^[176].

3 сентября представители русской эмиграции в Югославии, собравшись для обсуждения сложившегося положения в Европе, писали в обращении к великому князю Владимиру Кирилловичу: «Начавшаяся жестокая война может выдвинуть вопрос о судьбе русского народа, о судьбе нашей настрадавшейся Родины. Ход разворачивающихся событий будет нас держать в наивысшем напряжении, и русская эмиграция за рубежом не имеет права не пользоваться могущим представиться случаем, чтобы подвигнуть дорогое нам русское национальное дело. Мы можем и должны рассчитывать на самих себя и на те народные силы „там“, которые сохранили в душах своих чувство любви ко всему родному и русскому»^[177].

Тогда же митрополит Анастасий (Грибановский) в письме королю Сербии выразил верноподданнические чувства к королевской династии Сербии и просил считать русских эмигрантов в полном распоряжении верховной королевской власти и королевского правительства^[178]. Эту же позицию глава церкви еще раз выразил в ноябре 1939 года в Послании по случаю очередной годовщины Октябрьской революции^[179].

Начало Великой Отечественной войны

22 июня 1941 года в четыре часа утра без объявления войны германские войска вторглись на территорию Советского Союза. Уже полтора часа спустя министр иностранных дел СССР В. М. Молотов вызвал посла Германии В. Ф. Шуленбурга. Посол сообщил, что по поручению своего правительства он обязан вручить ноту следующего содержания: «Ввиду нетерпимой долее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации, подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные меры». На вопрос Молотова, что означает эта нота, Шуленбург ответил, что, по его мнению, это начало войны. От имени советского правительства Молотов заявил, что «до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому Союзу. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной».

Войну ждали, к войне готовились. Еще в 1931 году Сталин в одном из своих выступлений так определил дилемму, которая с неотвратимой жестокостью встала перед Советской страной: «Мы отстали от передовых

стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»^[180]. К 1941 году, ровно через десять лет, СССР стал одной из трех-четырех стран в мире, способных производить любой вид промышленной продукции. Но скачок в развитии тяжелой индустрии, являющейся базовой для всего промышленного комплекса, в том числе и для военных нужд, был куплен дорогой ценой: тотальной административной коллективизацией деревни, низким уровнем жизни всего населения, ограничением прав и свобод граждан, всевластием карательно-осведомительной системы.

Однако война все равно началась неожиданно, перечеркнув и разделив советскую историю на то, что было «до войны», и то, что случилось со страной в годы войны.

Днем 22 июня 1941 года от имени советского правительства с сообщением о нападении фашистской Германии на Советский Союз по радио выступил В. М. Молотов. Он выразил уверенность, что «все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду», и призвал «граждан и гражданок Советского Союза еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина»^[181].

В этот же день, после получения известий об интернировании советских граждан в здании посольства СССР в Берлине и о захвате гестапо помещений других дипломатических и торговых представительств Советского Союза в этой стране, в Москве были предприняты ответные адекватные действия в соответствии с нормами международного права.

Советское правительство отдало распоряжение о блокировании здания посольства Германии на улице Станиславского (ныне Леонтьевский переулок, 10). Весь персонал дипломатических, торговых и других учреждений Германии в Москве, включая и посла Шуленбурга, в течение двух дней находился в изоляции на территории своего посольства до тех пор, пока все германские подданные не были отправлены поездом в Кострому, а затем к советско-турецкой границе, в район города Ленинакана, для обмена на доставленных туда из Берлина советских граждан.

Тогда же опергруппа НКВД под командой начальника отделения контрразведки капитана госбезопасности В. С. Рясного заняла здание резиденции посла Германии в Чистом (бывшем Обуховском) переулке, произвела там тщательный обыск и вывезла всю обнаруженную документацию. Дом был опечатан, зачислен на баланс БЮРОБИНа (Бюро по обслуживанию иностранных представительств в Москве) Наркоминдела и пустовал в военный период.

Через десять дней, 3 июля, по радио к стране обратился глава советского правительства и коммунистической партии И. В. Сталин. Это была одна из тех немногих его речей, которая обращена была не к «коммунистам, комсомольцам и беспартийным», а к сердцу каждого советского человека. Потому и начиналась она словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!.. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность»^[182].

Начавшаяся война объявлялась войной не двух армий, а всенародной освободительной Великой Отечественной войной, в ходе которой решались судьбы Советского государства и советских народов и вместе с этим — судьбы поработанных фашизмом народов Европы.

Уже в первый же день войны митрополит Московский Сергей обратился к своей многомиллионной пастве с патриотическим посланием, призывая каждого послужить «словом и делом» Церкви и Родине. В течение короткого времени руководители практически всех религиозных центров и организаций поддержали освободительную борьбу народов СССР против агрессора. Чувство патриотизма оказалось сильнее прежних обид. Обращаясь к верующим с патриотическими посланиями, они призывали их достойно выполнить свой религиозный и гражданский долг, оказать всю возможную материальную помощь нуждам фронта и тыла ^[183].

Задолго до 1941 года, определяя цели своей восточной политики, Гитлер написал в «Майн кампф» о судьбе СССР: «Это огромное государство на Востоке созрело для гибели». В генеральном плане «Ост» достижение этой цели определялось путем «разгрома государства с центром в Москве и разгрома русских как народа», установлением «нового порядка» на огромной восточной территории. Исконные русские национальные центры Москва и Ленинград планировалось сровнять с землей.

Гитлеровская стратегия уничтожения СССР в ходе «молниеносной войны» во многом строилась в надежде на то, что тяготы жизни советских людей, имевшееся недовольство населения политическим режимом, в том числе его национальной и религиозной политикой, будут достаточными, чтобы стать своеобразными «союзниками» Третьего рейха в борьбе с большевизмом и Россией. Отсюда проистекало то существенное внимание, которое уделялось в пропагандистских усилиях национал-социалистов вопросам национально-религиозным, обращению к темам религиозных свобод, «террора и преследований» коммунистов в отношении религий и церквей.

В день вероломного вторжения фашистов на советскую землю свою личную, епископата и мирян позицию к новой политической ситуации выразил в послании к пастве архиепископ Берлинский и Германский Серафим (Ляде). Ее нельзя и невозможно трактовать иначе, нежели как призыв к единению с фашистами в «крестовом походе» против народов Советского Союза, пресмыкательство перед «христолюбивым вождем германского народа» и иудину радость предательства интересов Отчизны. День, ставший прелюдией к четырехлетним невероятным мучениям, жертвам и страданиям многомиллионного населения Советского Союза, в том числе и миллионов православных верующих, объявляется «Днем свершения Божественной справедливости и предначертания, Пасхального утра и Триумфа Божественной правды». Митрополит Серафим фактически призывал свою паству к братоубийству, когда писал: «Будьте участниками новой борьбы, так как это — и ваша борьба, продолжение той борьбы, которая уже была начата вами в 1917 году, но трагически закончилась, главным образом, вследствие предательства тех бывших ваших союзников, которые теперь направили свое оружие против германского народа. Каждый из вас может найти свое место в новом антибольшевистском фронте. Каждый может приложить свои силы, чтобы содействовать свержению советской власти и освобождению Родины от красной диктатуры. Пусть каждый найдет свое место на новом поприще борьбы и служения Родине. Используйте любую возможность, чтобы превратить ваши антибольшевистские убеждения и настрой, и вашу любовь к Родине в активные, героические и исполненные готовности к жертвам поступки»^[184].

Нападение фашистской Германии на Советский Союз было расценено иерархией и духовенством Зарубежной

церкви, политически активными мирянами как первый шаг на пути к «освобождению» России. Официальный орган Архиерейского синода излагал позицию церкви вполне определенно: «По всему земному шару Русская зарубежная церковь с напряженным вниманием следит за ходом войны на Востоке, молитвенно поддерживая самоотверженных бойцов против безбожников и всегда готовая по мере своих сил и возможностей помогать этой борьбе»^[185].

На таком понимании своей «патриотической миссии» эта церковь оставалась и в последующие военные годы. Ее глава митрополит Анастасий (Грибановский) стремится получить от немецких властей разрешение прибыть в Берлин, чтобы, как он писал, иметь возможность «поддержать крестовый поход фюрера против коммунизма», способствовать «восстановлению в освобожденных местностях угнетаемой церковной жизни» и вступить «в непосредственный контакт с руководящими персонами и учреждениями, от которых зависит восстановление жизни в освобожденной России»^[186].

Глава VII

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1941-1943 ГОДЫ

Ради ближних своих

Воскресный день 22 июня 1941 года был особенным днем для православных верующих. В этот день отмечался праздник Всех Святых, в земле Российской просиявших. По традиции митрополит Московский Сергей служил в кафедральном Богоявленском соборе в Елохове.

Возвратившись после службы к себе в скромный деревянный домик, что в Бауманском переулке, он узнает трагическую весть: фашистские войска перешли советскую границу, бомбят города и поселки, пролилась первая кровь граждан Союза ССР. Молча удалился он в комнату-келью. Через некоторое время вышел оттуда с текстом обращения: «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой, и выходили победителями. Не посраим же их славного имени и мы — православные,

родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства»^[187].

То был однозначный призыв главы церкви к своей многомиллионной пастве проявить патриотизм и в словах, и в делах. В послании присутствовали и строки, непосредственно касавшиеся духовенства. Священнослужители призывались ободрить малодушного, утешить огорченного, напомнить колеблющемуся о гражданском и церковном долге. Недопустимыми для пастыря объявлялась позиция «некасательства» к обстоятельствам, переживаемым страной и верующими, а тем более искательство «выгод на той стороне границы», что приравнивалось к измене Родине и Церкви.

Воззвание рассылалось по епархиям, церквям и приходам, вызывая ответные патриотические чувства у миллионов верующих. В условиях военного времени отныне практически за каждым богослужением митрополит Сергей обращается к теме народной войны.

Вечером 26 июня в Елоховском соборе при огромном стечении народа состоялся молебен о победе русского оружия. Оглашено было послание митрополита Сергея от 22 июня. По окончании службы митрополит в проповеди своей вновь обратился к патриотическим чувствам верующих, призывая их на защиту Отечества. В этом слове отчетливо прозвучало предупреждение, что враг угрожает христианству, что он несет на штыках не только рабство, но и «идолопоклонство, уничтожение родных православных святынь и веры». А потому каждый православный обязан противостоять «нашествию идолопоклонников».

12 августа митрополит Сергей проповедует за богослужением в церкви Иоанна Воина. В переполненном людьми храме он напоминает им о неизменной обязанности верующего: молить Господа о даровании «силы, мужества, терпения в перенесении тяжких испытаний войны» всем тем, кто ведет «смертный бой с врагом, напавшим на нашу родину».

Патриотические послания митрополита Сергея встречали единодушную поддержку со стороны его многомиллионной паствы. В письмах в Московскую патриархию верующие и приходские священники сообщали о проводимых в церквях сборах денежных средств, облигаций, предметов из драгоценных металлов, разнообразных вещей, которые передавались ими на нужды фронта и тыла, в помощь раненым бойцам и семьям красноармейцев.

...Октябрь 1941 года был тяжелым месяцем для страны. Фронт приблизился к Москве, в городе были введены военное положение и комендантский час. На улицах появились первые военные укрепления, беженцы. Ходили упорные слухи о возможной сдаче столицы. По решению Моссовета началась эвакуация правительственных учреждений, заводов и фабрик. К эвакуируемым в централизованном порядке были отнесены и религиозные центры, располагавшиеся в то время в Москве: Московская патриархия, Всесоюзный совет евангельских христиан, Митрополия обновленческой церкви, старообрядческая архиепископия.

Решение об эвакуации было объявлено представителю Московской патриархии 7 октября. Местом нового размещения предположительно назывались Чкаловск — город в Куйбышевской области — или Ульяновск. Начались сборы, но дата отъезда переносилась из-за болезни Сергея, как-никак ему шел семьдесят пятый год. В эти тяжелые дни, казавшиеся

ему последними в «земной юдоли плача и печали», митрополит составляет завещание и намечает преемника.

День отъезда, 14 октября, совпал с праздником Покрова. В праздничном послании Сергей вновь призывает верующих исполнить достойно свой религиозный и гражданский долг, не щадя жизни встать на защиту Отечества.

К вечеру того же дня Сергей с ближайшими сотрудниками отправился на Казанский вокзал. На запасных путях формировался специальный эшелон. К вагонам подъезжали одна за другой грузовые и легковые автомашины, сновали грузчики, носильщики с баулами и тюками. Царила обычная для вокзала суэта. Необычным было лишь то, что вокруг поезда стояли вооруженные патрули, тщательно проверявшие документы. Руководил ими генерал, одетый в форму НКВД. Казалось, он знал всех прибывших к эшелону, безошибочно указывал каждому из обратившихся к нему, где какой вагон стоит и каков кратчайший путь к нему.

Вот и очередной автомобиль. Вышел элегантный, интеллигентного вида человек с внешностью киноактера, в модном осеннем пальто и мягкой шляпе. С ним рядом седобородый, высокий, богатырского вида старец. Первый был Александр Введенский — обновленческий первоиерарх Московский и всех обновленческих церквей в СССР, второй — митрополит Виталий, один из обновленческих правящих архиереев. С ними рядом стояли миловидная, хорошо одетая молодая блондинка и пожилая женщина в черном платье, похожая на монахиню. Франтоватый молодой человек с усиками, похожий на Александра Введенского, и другой молодой человек с рыжей бородой и с безумными блуждающими глазами, от которого пахло

водкой, хлопотали возле багажа. То была семья обновленческого первоиерарха.

В вагоне, куда они вошли, уже находились попутчики: несколько скромно одетых людей — руководители баптистской церкви страны и такой же скромный бородатый человек — старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (Парфенов).

Едва уселись по местам — в дверях суматоха, занесли чьи-то вещи, кто-то громко говорил около вагона. И вот открылись двери и в сопровождении нескольких человек вошел среднего роста старик с седой окладистой бородой, в золотом пенсне, одетый в рясу и монашескую скуфейку.

— Какая встреча! — бросился к нему митрополит Александр.

Улыбнувшись, митрополит Сергей, а это был он, промолвил:

— Да уж, встреча!

Последний раз они виделись осенью 1922 года. Тогда Введенский был преуспевающим молодым протоиереем, заместителем председателя обновленческого Высшего церковного управления, а «старик» был членом ВЦУ. Теперь А. И. Введенский, уже и не молодой, и не преуспевающий, был первоиерархом обновленческой церкви, а вошедший носил в это время титул патриаршего местоблюстителя Русской православной церкви. Рядом с Сергием стоял петроградский товарищ юношеских лет Введенского — митрополит Киевский Николай (Ярушевич). Всем им теперь предстоял совместный долгий путь в неизвестность.

Наконец в 16.40 состав медленно отошел от перрона вокзала. За окнами продолжалась московская жизнь, а в вагоне уже думали о том, каков будет путь к конечному пункту и как скоро они туда доберутся. На перроне кто-

то махал платком и утирал слезы, слышались возгласы прощания. Проплывали в окне военные, железнодорожники, обыватели... и никто не обращал внимания, никто не мог и догадаться, что поезд увозил на Восток руководителей религиозных организаций СССР.

Медленно, лишь иногда набирая скорость, состав шел с частыми остановками по Подмоскovie. «Москва скрылась из глаз, — вспоминал впоследствии один из участников переезда протоиерей А. П. Смирнов, — поезд пробегает дачные места. Задерживается долго в Раменском. На горизонте ежеминутно вспыхивают зарницы заградительного огня. В памяти оживают сообщения о бомбежке немцами многих пассажирских поездов... Темная ночь. Приближаемся к Коломне. Близко Москва-река. Поезд идет по высокой насыпи. Допуская возможность присутствия во тьме врагов — диверсантов и десантников, поезд идет этим местом тихо, как бы шагом, и перед мостом через Москва-реку останавливается. Охрана, сопровождавшая поезд, идет на разведку, и наконец поезд переходит на быстрый ход»^[188].

Но тревожны были не только внешние обстоятельства продвижения состава. В ночь на 16 октября Сергию внезапно стало плохо: температура подскочила почти до 40 градусов, бред. В ожидании худшего больного причастили. Митрополит Николай, бывший в эти напряженные минуты рядом с Сергием, передавал потом слова митрополита: «Я готов к смерти. Да будет воля Божия во всем». Однако через день болезнь так же неожиданно отступила. Когда эшелон стоял в Пензе, приходил военный врач, осмотрел митрополита и сказал, что его здоровье опасений не вызывает и он может следовать далее. Понемногу успокоились и бывшие рядом с митрополитом Сергием люди.

Поздно ночью 19 октября 1941 года, в воскресенье, эшелон наконец-то прибыл в Ульяновск, в то время небольшой приволжский провинциальный городок, принявший тысячи эвакуированных. Здесь практически не было заводов и фабрик, а для жителей диковинкой по-прежнему оставался автомобиль. Но с появлением эвакуированных заводов и учреждений, тысяч и тысяч людей жизнь этого города резко преобразилась. Всех необходимо было обеспечить жильем, работой и пропитанием.

Первые несколько дней по приезде Сергей и сопровождавшие его жили в вагоне, в котором прибыли из Москвы. Затем нашли небольшую квартиру в городе, куда Сергей и переселился. Городские власти предложили для нужд патриархии отдельный особняк, но от него пришлось отказаться из-за дальности расположения от центра и плохого с ним сообщения.

Первое соборное богослужение, в котором приняли участие прибывшие в Ульяновск священнослужители во главе с митрополитом Сергием, состоялось 26 октября в маленькой кладбищенской церкви. Храм еще недавно принадлежал общине раскольников-григорианцев, но служивший в нем молодой иеромонах принес покаяние и вместе с общиной перешел в Патриаршую церковь. В течение последующего месяца здесь регулярно проходили богослужения. Однако по своим размерам кладбищенская Воскресенская церковь не подходила для соборных богослужений, на которые день ото дня собиралось все больше верующих, прослышавших о приезде в Ульяновск главы православной церкви.

Начался поиск более подходящего церковного здания. Но это было трудно сделать, поскольку большинство из действовавших в городе до революции храмов было снесено. Гигантская статуя Ленина возвышалась на самом высоком месте города, где когда-то был собор. Сквер был разбит на месте древнего

Воскресенского храма. Две городские церкви — Ильинская и Германовская — не были еще снесены, хотя давно уже бездействовали. Однако они были настолько исковерканы, что привести их в порядок представлялось проблематичным. Действовал только один зарегистрированный православный приход, имевший в своем распоряжении храм очень небольших размеров. Другие сохранившиеся культовые здания были либо перестроены и приспособлены для иных нужд, либо пребывали в небрежении и запустении. Не было и зданий, которые можно было бы в короткий срок отремонтировать и в дальнейшем использовать для культовых целей. После долгих и безуспешных поисков решено было переоборудовать под патриархию бывший костел на улице Водников (бывшая Шатальная, 15), использовавшийся в то время под общежитие.

В течение двух недель был произведен ремонт. Верующие в изобилии принесли в храм иконы, покрывала, церковную утварь. В преддверии первого богослужения в новом здании митрополит Сергей 24 ноября обратился к пастве с третьим патриотическим посланием «Близок час нашей победы». «У русских людей, у всех, кому дорога наша отчизна, — говорилось в нем, — сейчас одна цель — во что бы то ни стало одолеть врага. У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу»^[189].

30 ноября 1941 года главный престол нового храма был посвящен самой чтимой в бывшей Симбирской губернии Казанской иконе Божьей Матери. Новая церковь получила название Казанского патриаршего собора в городе Ульяновске. На втором этаже отремонтированного здания были устроены покои для митрополита. 19 декабря в них въехал митрополит

Сергий. Сюда же въехал и управляющий делами Московской патриархии протоиерей Н. Ф. Колчицкий. Отныне этот дом стал центром Русской православной церкви на долгие 22 месяца эвакуации.

Не так много осталось документальных свидетельств пребывания митрополита Сергия в Ульяновске. Как рассказывают очевидцы, он сохранял обычный для себя распорядок дня, заведенный со дня монашеского пострижения: вставал в пять утра; вычитывал положенные правила; совершал часовую прогулку на свежем воздухе, рекомендованную ему врачами; затем завтракал и в девять часов утра начинал прием посетителей; затем — рассмотрение неотложных церковных дел. В три часа дня — скромный обед, а после небольшого отдыха — чтение поступавшей корреспонденции и подготовка ответных писем и церковных документов, чтение Библии — так называемый библейский урок. Вечером — скромный ужин, к которому приглашались все бывшие в тот момент в доме и за которым велись душевные беседы. И так день за днем.

Особо любимым местом, где гулял митрополит Сергий в хорошую погоду и когда позволяло самочувствие, стали волжские откосы — Старый и Новый венцы. Бывало так, что во время этих прогулок к нему подходили верующие: кто-то делился бедами и заботами, кто-то просил помощи. Со всеми митрополит беседовал, всех утешал и благословлял, а просящим отдавал все, что было при нем. Вспоминают, что однажды к нему подошла незнакомая женщина, как оказалось, вдова, потерявшая не только мужа, но и детей. Сергий хотел было дать ей денег, но их уже не было, и тогда он снял с руки и отдал ей свои золотые часы.

В декабре 1941 года враг был остановлен около Москвы, первые военные победы Красной армии

похоронили надежды немецко-фашистских захватчиков на повторение европейского блицкрига. В освобожденных районах можно было воочию убедиться в том, какой «новый порядок» несли фашисты народам Советского Союза, в том числе и в отношении религии, верующих, церковных организаций.

Информация об этом была представлена митрополиту Сергию, и он спешил оповестить свою паству о том, что творилось на ранее оккупированных территориях: «Храмы разрушены. Взорван, например, единственный в своем роде памятник церковного зодчества, знаменитый храм в Новом Иерусалиме, копия храма Воскресения в старом Иерусалиме. Взорван древний собор в Можайске. Множество церквей разрушено в Калининской области, в Верейском, Боровском и других районах; церкви, больницы и другие благотворительные и культурные учреждения преданы огню, причем в них заживо сожжены и лежавшие там больные, и раненые красноармейцы. По улицам расставлены виселицы с висящими на них трупами граждан, повешенных, по звериному обычаю фашистов, лишь „ради острастки населения“, иначе говоря, повешенных заведомо без личной вины. Все, что можно взять, разграблено, все, что можно осквернить и загадить, загажено с каким-то обезьяньим упоением»^[190].

Будучи сам отзывчив на беды людей, Сергей призывал верующих оказывать посильную помощь и ближним, и дальним. Особенно волновался он за ленинградскую паству. Получая письма из осажденного города, он с горечью приговаривал: «Нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то каково, находясь в руках смерти». Когда летом 1942 года по Волге поплыли караваны судов, вывозившие вглубь страны детей блокадного Ленинграда, Сергей с церковного амвона обращался к пастве, прося о помощи детям-сиротам. И

люди шли и несли маленьким, худеньким, безвинным жертвам войны то немного, чем сами располагали.

Воспоминания близких Сергию людей донесли до нас свидетельства молитвенной помощи главы церкви своему народу. Вот одно из них. В конце января 1943 года болезнь заставила митрополита слечь в постель. А это были дни решительных боев за Сталинград. В ночь на 2 февраля 1943 года, пересилив недуг, Сергей попросил поднять его с постели. Встав, владыко с трудом положил три земных поклона, воссылая благодарение Господу. Помогавшему келейнику Сергей сказал: «Господь воинств, сильный в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом». Утром по радио сообщили радостную весть о разгроме немецких войск под Сталинградом.

Сергий заботился о том, чтобы храмы открывались не только в Ульяновске, но и в примыкавших к нему пригородных селах. В одном из сохранившихся документов можно прочитать: «Протоиерею г. Москвы А. П. Смирнову. Поручаю Вам отправиться в село Полдомасово, принять ключи от местного храма, составить двадцатку и приступить к исполнению священнических обязанностей впредь до усмотрения».

В дом на улицу Водников поступала корреспонденция из епархий, правительственных инстанций и из-за рубежа; с докладами приезжали епископы, и здесь же совершались епископские хиротонии, проводились совещания органов церковного управления и намечались планы устройства церковной жизни в условиях военного времени; впервые оглашались послания митрополита к пастве и отсюда направлялись полномочные представители патриархии в освобождаемые районы для устройства церковной жизни. Регулярно из Москвы поступали письма от митрополита Николая, временно управлявшего

Московской епархией и поддерживавшего необходимые контакты с правительственными и иными инстанциями, оставшимися в Москве. В письмах содержалась информация о наиболее важных событиях в жизни московских церквей, о сборах на патриотические нужды. Все это позволяло митрополиту Сергию быть в курсе основных политических, военных и церковных проблем, откликаться на них своими посланиями и обращениями.

Митрополит Николай (Ярушевич) писал Сергию о подробностях жизни оставшихся в Москве его соратников, знакомых, близких, о доме, в котором он ранее жил и который вынужден был оставить: «В квартире холодно: в канцелярии 5 °С, в комнате моей (за перегородкой) — столько же, а в столовой — градусов 10. Дрова на исходе, но я уже принял меры к подысканию следующей партии дров»; «Вчера, будучи приглашен в Моссовет, я узнал, что согласно нашему ходатайству в Моссовете решено предоставить Патриархии и вторую (ранее ей принадлежавшую) квартиру в доме № 6, то есть предоставить нам весь дом целиком. В ближайшее время предполагается освободить для нас площадь этой второй квартиры. Предстоит, конечно, ремонт, так как та квартира очень запущена».

Митрополит Сергей морально поддерживал паству, оставшуюся на оккупированной территории, призывал верующих участвовать в партизанском движении и помогать ему. В послании от 13 декабря 1942 года говорилось: «Народ наш не думает отказываться от вас. Он не мирится с захватом ваших областей фашистами. Готовый на всякие жертвы ради родины, он не положит оружия, пока не прогонит врага вон. Поэтому и в оккупированных областях враг в общем встречает не покорность и малодушное прислужничество, а партизанскую войну, которая подтачивает с каждым днем его силы и доставляет ему беспокойства немногим

меньше, чем война на фронте. Участник партизанской войны не только тот, кто с оружием в руках нападает на вражеские отряды. Участник и тот, кто доставляет партизанам и хлеб, и все, что им нужно в их полной опасности жизни; кто скрывает партизан от предателей и немецких шпионов; кто ходит за ранеными и пр. Помогите Бог и вам внести в общенародное дело все, что каждому посильно и подручно. Не дайте врагу чувствовать себя хозяином вашей области, жить в ней сытно и безопасно. Пусть и тыл для него не будет лучше фронта, где громит его наша Красная Армия, неуклонно гоня врагов все ближе и ближе к нашей западной границе. Уже не так далек день, когда вы будете радостно встречать ваших братьев-освободителей»^[191].

В 1942 году в Советском Союзе широко развернулось движение по сбору средств на строительство самолетов, торпедных катеров, танков. На деньги советских граждан — колхозников, рабочих, комсомольцев, пионеров, молодежи — построено было более сотни танковых колонн. Митрополит Сергей 30 декабря 1942 года призвал паству присоединиться к общесоюзному движению и жертвовать средства на строительство особой танковой колонны — имени Дмитрия Донского. «Пусть наша церковная колонна имени Димитрия Донского, — писал митрополит, — понесет на себе благословение Православной нашей церкви и ее неумолчную молитву об успехе русского оружия. Нам же всем даст утешительное сознание, что и мы не останемся стоять в стороне, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения родины»^[192].

Уже в феврале 1943 года в телеграмме главнокомандующему И. В. Сталину в связи с 25-летием Красной армии патриарший местоблюститель сообщал о собранных за короткое время шести миллионах рублей

на постройку танковой колонны и о продолжении сбора необходимых средств.

По просьбе Всеславянского комитета борьбы с фашизмом митрополит Московский Сергей в 1942–1943 годах обращался с воззваниями к православным церквям Европы, к духовенству и верующим, к солдатам из Греции, Югославии, Чехословакии, Румынии, сражавшимся на Восточном фронте.

Важными событиями в жизни церкви в период нахождения митрополита Сергея в эвакуации стали Архиерейские соборы 1942 года. В марте в Ульяновск съехались 11 иерархов, практически все находившиеся на свободе и не оставшиеся в оккупации. Обсуждался вопрос о церковной ответственности епископа Поликарпа (Сикорского), провозгласившего об образовании неканонической автокефальной Украинской православной церкви, опиравшейся в своей деятельности на содействие и поддержку немецких властей. Собор осудил действия Поликарпа и не признал автокефалии Украинской церкви. Тем самым подтверждалось принятое в феврале 1942 года специальное обращение митрополита Сергея к украинской пастве в связи с образованием автокефальной православной церкви. В нем подробно говорилось об отступлениях этой псевдоцеркви, осуждалась раскольническая деятельность Поликарпа, за которую он подлежал лишению священства, а совершаемые им хиротонии признавались безблагодатными, распоряжения же в адрес православных приходов — не подлежащими к исполнению. В последующем Пасхальном обращении к украинской пастве митрополит Сергей разъяснил причины и обстоятельства принятого решения Собора. Немаловажным был тот факт, что позиция Московской патриархии нашла понимание и поддержку Восточных

патриархов, о чем они сообщили в специальных телеграммах.

22 сентября 1942 года в заседании Архиерейского собора участвовали 13 иерархов и они обсуждали поведение четырех прибалтийских епископов, которые публично выразили поддержку немецким оккупантам, направив приветственное обращение Гитлеру. Позиция Русской церкви была выражена в Определении Московской патриархии. В нем от архиереев Прибалтики было потребовано объяснение по факту их политического выступления и принятие «мер к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской патриархии». При поддержке спецведомств Определение Собора распространялось на оккупированной территории, безусловно, осложняя положение митрополита Сергия Воскресенского в его взаимоотношениях с оккупационной властью, с населением, с патриотически настроенными рядовыми верующими, с партизанскими отрядами.

Одновременно в московской церкви Преображения было прекращено возношение имени митрополита Сергия (Воскресенского), бывшего в свое время настоятелем этого храма. Через месяц митрополит Николай (Ярушевич) сообщил митрополиту Сергию, что «вчера, на Скорбященскую, я послужил в Преображенской церкви. Там уже никто и не вспоминает о Воскресенском, и всякие знаки напоминания о нем немедленно же были ликвидированы»^[193].

В послании патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского) православной пастве Прибалтики специально разъяснялась позиция в отношении проступков прибалтийских иерархов. Митрополита Сергия особенно возмутили заявления митрополита Сергия (Воскресенского) о «вынужденности патриотических заявлений» патриаршего

местоблюстителя: «Прибалтийские архиереи (или те, кто водил их руками) пытаются набросить тень на меня: я-де пишу свои послания против фашистов и призываю народ на борьбу против них, принуждаемый к тому соввластью. Не буду напоминать, что наша Патриаршая церковь, начиная с покойного Святейшего патриарха Тихона и доселе, неизменно признает соввласть богоустановленной в СССР. Лично же для меня достаточно и одной любви к Родине и моему народу, чтобы и без чьих-либо просьб и тем паче принуждений всячески противиться фашизму и порабощению им нашей страны. Да будет же стыдно пытающимся свое малодушие спрятать под клеветническими выпадами против родной Церкви и меня, ее возглавителя» ^[194].

Патриотическая позиция митрополита Сергия не оставалась незамеченной оккупантами в Прибалтике. По их указанию всячески пресекалось распространение посланий митрополита Сергия Страгородского. Каждый уличенный в этом или в их чтении заключался в тюрьму. Сам же митрополит объявлялся «врагом номер один рейха» и по планам оккупантов сразу после их победы, как они надеялись, должен был быть арестован и расстрелян.

Митрополит Сергей высказывался с осуждением и в отношении некоторых других иерархов и священников, оказавшихся на оккупированной территории и пошедших в услужение к немцам. В Ростове-на-Дону таковыми были архиепископ Николай (Амасийский) и входившие в состав возглавляемого им епархиального управления священники.

Длительное пребывание вне Москвы чрезвычайно тяготило Сергия. С лета 1943 года, когда явственно обозначился перелом в ходе войны и враг был отброшен от столицы, митрополит настойчиво ставил вопрос перед властями о своем возвращении в Москву. Наконец, в

конце августа пришло сообщение о разрешении вернуться в Москву.

В годы вынужденной эвакуации в Ульяновске и сам митрополит Сергей, и бывавшие у него иерархи в ходе частных бесед и во время заседаний Архиерейских соборов неоднократно обращались к теме восстановления патриаршества в Русской церкви. Им казалось, что это не только будет возвращением к традиционно-каноническому устройству церкви, но и послужит росту авторитета русского православия за пределами СССР, а внутри страны поспособствует прекращению существующих церковных расколов и течений и тем укрепит церковь. Не случайно же окружавшие в те годы Сергея люди не раз слышали от него: «Православная Русская церковь не всегда будет находиться в таком плачевном положении... мы еще доживем до времени ее расцвета и объединения». Теперь же, в канун возвращения в Москву, эти надежды казались необычайно близкими.

31 августа поезд, на котором возвращался митрополит Сергей, прибыл на Казанский вокзал. Православные верующие Москвы с почетом встретили истосковавшегося вдали от своей паствы первосвященника. Среди встречавших были митрополиты Алексей и Николай. Присутствовавший при этой встрече епископ Молотовский Александр (Толстопятков) записал такие впечатления об этом дне: «С нескрываемой радостью Блаженнейший вошел в свои скромные покои в Бауманском переулке. Все было ему любо, все по душе: и привычная мебель, и угольник с иконостасом, и портреты святителей на стенах, и живые лица любезных ему москвичей».

Митрополиты Алексей и Николай сообщили Сергию Страгородскому, что «компетентные органы» предложили встречу со Сталиным. В состоявшемся обсуждении все были единодушны в том, что надо

соглашаться и воспользоваться встречей для постановки наиболее животрепещущих вопросов церковной жизни: созыв Архиерейского собора, открытие церквей, монастырей, семинарий...

Религия, церковь и «новый порядок» на оккупированных советских территориях

На оккупированной советской территории в качестве основного органа управления планировалось создание рейхсминистерства восточных земель. Через месяц после начала войны во главе его был поставлен Альфред Розенберг — идеолог нацистской партии, непосредственно занимавшийся церковными вопросами и являвшийся руководителем внешнеполитической службы НСДАП. По мере продвижения немецких войск на восток оккупированные территории отдавались под его контроль. На министерство возлагалась задача общего руководства проведением в жизнь религиозной политики нацистов. В этих целях в министерстве была создана специальная группа религиозной политики под руководством К. Розенфельдера. Ее сотрудники регулярно выезжали на территории рейхскомиссариатов для ознакомления с религиозной ситуацией, подготавливали аналитические материалы, вносили конкретные предложения по проведению тех или иных мероприятий в церковной среде.

На завоеванных восточных территориях создавались новые административно-территориальные образования — рейхскомиссариаты. 1 сентября 1941 года были созданы рейхскомиссариаты — «Остланд» во главе с Х. Лозе и «Украина» во главе с Э. Кохом. Они, в свою очередь, делились на округа, области, районы, уезды и волости. Через эти органы управления министерство намеревалось также реализовывать свое видение церковной политики на востоке. Однако возможности

воздействия министерства были довольно ограниченными, в том числе и по причине того, что Кох и Лозе по партийной линии подчинялись непосредственно М. Борману и исполняли прежде всего его указания. К этому добавлялся и тот факт, что мероприятия по церковной линии здесь зачастую осуществлялись по прямому указанию А. Гитлера и таких ведомств, как Главное управление имперской безопасности.

В стремлении взять под контроль деятельность религиозных организаций оккупационные власти создавали при городских управах отделы по руководству церковными делами. Их деятельность включала в себя подбор церковных кадров, организацию работы церквей, составление расписания церковных служб и т. п. Стоит отметить, что в рейхскомиссариатах по-разному относились к Русской православной церкви. В «Остланде» обстановка для нее была более благоприятной, что в значительной мере объяснялось терпимым отношением к ней Х. Лозе. В «Украине» же, где ставка делалась на образование автокефальных православных церквей, не имеющих никаких связей и зависимости от Москвы, Русская церковь обречена была на уничтожение.

В документах различных немецких ведомств фиксировался факт значительного религиозного оживления на оккупированных в первые месяцы войны советских территориях. Главное управление имперской безопасности, к примеру, отмечало, что «среди части населения бывшего Советского Союза, освобожденной от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей, что особенно относится к старшему поколению, в то время как более молодое поколение смотрит на это безразлично». В связи с этим предлагалось допустить на захваченные территории «новый класс проповедников», обученных и

способных «толковать народу религию», свободную от национальной истории, традиций и культуры^[195].

Аналогичного рода свидетельства можно почерпнуть и из материалов, поступавших в Московскую патриархию. К примеру, вспоминая о первых месяцах войны, псаломщик Николо-Конецкой церкви Гдовского района Псковской области С. Д. Плескач писал митрополиту Алексию (Симанскому): «Русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые вышитые ими самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника и освящали храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне и крестьянки, и я чувствовал, что здесь люди искали утешение»^[196].

Летом и осенью 1941 года было принято множество официальных документов различных ведомств, которые непосредственно призваны были осуществлять партийную политику в отношении религии и церкви на востоке. Среди них основными были:

директива шефа полиции и СД Р. Гейдриха оперативным группам и командам полиции безопасности и СД от 2 июля 1941 года;

указания министерства занятых восточных территорий военным организациям об отношении к религиозному вопросу на оккупированных территориях СССР от 3 августа 1941 года;

приказ верховного командования вермахта, подписанный Кейтелем, от 6 августа 1941 года;

оперативный приказ Главного управления полиции безопасности и СД № 10 «Отношение к церковному вопросу в занятых областях Советского Союза» от 16 августа 1941 года;

циркуляр «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза» Главного управления имперской безопасности от 1 сентября 1941 года;

приказ командующего области тыла группы армий «Юг» о поведении войск в религиозном вопросе по отношению к гражданскому населению от 2 октября 1941 года;

оперативный приказ № 13 Главного управления имперской безопасности «Теологические факультеты в занятых русских областях» от 15 октября 1941 года;

директива Главного управления имперской безопасности «О разрешении церковного вопроса в оккупированных восточных районах Советского Союза» от 31 октября 1941 года.

Во всех этих документах определялся общий подход к религиозной политике применительно ко всем религиозным организациям на оккупированной территории, который выражался в следующих конкретных действиях:

ограничить деятельность Католической, Греко-католической церквей с целью постепенной их ликвидации;

ограничить Евангелические церкви Прибалтики, стремясь «расщепить» их на возможно большее количество самостоятельных групп;

отказывать верующим в возвращении бывшей церковной собственности до особого изучения и последующего решения этого вопроса немецкими властями;

пресекать любую политическую деятельность всех церковных организаций;

не допускать в лагеря советских военнопленных духовенство с территории рейха, предоставляя самим военнопленным из своей среды выделять лиц, обслуживающих их религиозные потребности;

не допускать на восточных территориях миссионерской деятельности религиозных организаций из Германии и иных сопредельных государств.

Учитывая роль православия, мероприятиям в отношении Русской православной церкви на оккупированных территориях уделялось особое внимание. В своих стратегических замыслах руководство Третьего рейха ориентировалось на уничтожение Русской православной церкви как исторического и национально-культурного феномена русского и других православных народов СССР. Ее место должна была занять та самая «новая» религия и государственная церковь, планы создания которых вынашивались идеологами нацизма. На этом пути в отношении православных организаций предусматривалось: не препятствовать и не поощрять религиозной деятельности населения на местном уровне; хотя и не запрещать открытие церквей;

не передавать в собственность приходских общин культовое имущество, предоставляя его исключительно только в аренду;

не разрешать открытие православных духовных учебных заведений;

не допустить объединения приходских общин под руководством единого религиозного центра, ориентирующегося на Москву;

не допускать вхождения образующихся православных епархий в юрисдикцию Зарубежной церкви;

не препятствовать развитию сектантства, противопоставляющего себя православию;

требовать от православного духовенства политической лояльности к оккупационному режиму и воспитания в том же духе паствы;

поощрять создание самостоятельных национальных православных церквей на территориях Прибалтики, Белоруссии и Украины;

тщательно изучить деятельность «Живой» (обновленческой) церкви, не предоставляя ей возможности широкой деятельности, поскольку она рассматривалась как «орган советского правительства»;

разрешать осуществлять религиозную деятельность в лагерях военнопленных на советской территории только лицам из числа военнопленных.

Вообще немецкие власти в оккупационной зоне в своих идеологических целях стремились максимально использовать религиозную проблематику. Пресса, наводненная материалами (в том числе и многочисленными фальшивками) о «терроре», развязанном большевиками в отношении религии и верующих, в то же время всячески подчеркивала, что новая власть несет религиозную свободу. Любопытно, что, не желая давать оснований для критики религиозной политики на территории собственно Германии, Гитлер еще в июле 1941 года секретным приказом запретил на время войны с СССР проведение каких-либо мероприятий против церкви и даже простого опроса епископов без санкционирования свыше.

Оккупанты настойчиво «рекомендовали» священнослужителям в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к Гитлеру и Третьему рейху, а также проводить специальные молебны за победу германской армии и «спасение родины» от большевиков. И вместе с тем жестоко преследовались малейшие попытки духовенства привнести в жизнь общины элементы критического отношения к политической

действительности на оккупированных территориях. Немецкие оккупационные власти, учитывая патриотические позиции патриаршего местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергия, всячески препятствовали деятельности тех священников и приходов, которые заявляли о канонической подчиненности Московской патриархии. Запрещалось и преследовалось распространение (устное и письменное) каких-либо документов митрополита Сергия.

В первые месяцы войны, пока на оккупированной территории не сформировалась гражданская администрация, первую скрипку в церковной политике играла военная администрация. Она же исходила не столько из политико-идеологических целей, сколько из той конкретной военной обстановки, что складывалась в прифронтовой полосе, и старалась не провоцировать конфликты с гражданским населением и не препятствовать стихийному религиозному возрождению, проявившемуся на оккупированной советской территории.

В подтверждение можно привести и слова рейхсминистра восточных территорий А. Розенберга, сказанные им на Нюрнбергском процессе. Отвечая на вопрос: «Каково было ваше отношение к церквям, входящим в круг ведения министерства восточных территорий?» — он сказал: «После вступления немецких войск на восточные территории армия по собственной инициативе даровала свободу богослужений, и, когда я был сделан министром восточных областей, я легально санкционировал эту практику, издав специальный указ „О свободе церкви“ в конце декабря 1941 года»^[197].

О содействии вермахта открытию церквей, проведению богослужений и обрядов, патронированию духовенства, миссионерской деятельности католического духовенства и т. п. на занятых советских территориях свидетельствовали и документы,

поступавшие в Москву, в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)^[198].

Сразу после завершения летней кампании 1941 года в Берлине состоялось совещание под руководством шефа гестапо Мюллера. Доклады касались положения православия на востоке и Балканах, взаимоотношений православной церкви с иными христианскими церквями. Общая позиция была выражена одним из докладчиков, унтер-штурмбаннфюрером СС Вандеслебенем, который подтвердил, что ни о каком воссоздании в завоеванном восточном пространстве «инфицированной большевизмом» Русской церкви не может быть и речи. Предлагалось во внутренней политике на востоке делать все, чтобы сохранять постоянное напряжение между католическими и православными приходами, всячески поддерживать религиозные меньшинства в противовес крупным церквям и, кроме того, максимально внедрять «достаточное количество доверенных лиц» в религиозные группы для получения информации и поддержания борьбы всех против всех.

В апреле 1942 года в кругу приближенных Гитлер изложил свое видение религиозной политики на востоке: насильственное дробление церквей; принудительное изменение вероисповедного статус-кво на оккупированных территориях; запрещение устройства каких-либо централизованных конфессиональных органов и центров; формирование «марионеточных» религиозных органов управления; использование религии и духовенства в политических целях.

«Нашим интересам, — говорил он, — соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или

американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»^[199].

Русская зарубежная церковь надеялась, что с началом военной кампании против Советского Союза она будет призвана нацистским руководством к непосредственному участию в его религиозной политике на оккупированной территории. Разработке плана «сотрудничества» с государством было посвящено епархиальное собрание, состоявшееся в январе 1942 года. Митрополит Серафим так определил позицию церкви: «Мы можем стоять только на стороне антибольшевистских держав. Во главе этих держав стоит Германия. Поэтому мы должны молиться о победе германского оружия и поддерживать германскую армию независимо от того, каковы намерения и цели Германии в отношении России»^[200].

«Карловацкая церковь» в ожидании своего «торжественного въезда» на территорию Советского Союза разрабатывала план восстановления организации высшей церковной власти в СССР. Мысля себя уже на территории СССР, Зарубежная церковь вынашивала планы действий в отношении тех или иных групп в русском православии. К числу схизматических организаций отнесены были обновленцы, липковцы, григорьевцы, с которыми не могло быть никаких контактов. Категорически неприемлемы были и какие-либо отношения с митрополитом Сергием (Страгородским), который, как считали «карловчане», изменил «православной вере в форме компромисса с безбожниками и подчинении им Церкви». Отказано было и в праве какой-либо другой православной автокефальной церкви, например Константинопольской, участвовать в «устроении церковных дел в России».

Единственной силой, могущей разрешить вопрос о высшем церковном управлении в России, называлась Зарубежная церковь, а ее глава митрополит Анастасий должен был стать временным Местоблюстителем Патриаршего престола с поручением сформировать Патриарший синод и подготовить проведение Поместного собора (в Ростове или в Ставрополе) для избрания патриарха Московского и всея Руси^[201].

Но этим надеждам и планам Зарубежной церкви не суждено было сбыться. Германские власти посчитали политически более выгодным не допускать эмигрантское духовенство на советскую территорию, где у него не было серьезной социальной поддержки, а понадеялись на то, что православное духовенство и верующие «тихоновской» ориентации обладают достаточным запасом ненависти к коммунизму и советской власти и потому окажут содействие немецкой армии в выполнении ее «исторической миссии» — разгроме и уничтожении Русского государства, русского народа.

Более того, «карловчане» не дали возможности и окормлять советских военнопленных, вывезенных на немецкую территорию, не разрешили открыть теологическую школу, выезжать в оккупированную зону. Они смогли лишь добиться разрешения организовать снабжение оккупированных советских территорий религиозной литературой, церковной утварью и иным необходимым для богослужения имуществом.

Таким образом, развитие религиозной ситуации и практическая церковная политика немецкого командования на оккупированной территории осуществлялись без какого-либо сотрудничества с Зарубежной церковью.

Осенью 1941 года министерство восточных территорий приступило к разработке закона о религиозной свободе, предназначенного для восточных

территорий, но столкнулось с противодействием Мартина Бормана, не желавшего лишнего шума вокруг «свободы вероисповедания». Затянувшийся конфликт вынужден был разрешать А. Гитлер, пригласивший к себе в Ставку Розенберга и Бормана. В конце концов фюрер занял сторону Бормана, посчитав, что вообще излишни какие-либо обещания религиозных свобод, как и принятие отдельного закона о религиозной свободе. По его мнению, достаточно было, чтобы рейхскомиссары просто подтвердили существование религиозной свободы в некой пропагандистской прокламации.

Розенберг, исполняя распоряжение фюрера, выслал в рейхскомиссариатства «Остланд» и «Украина» письма, в которых определялась немецкая церковная политика на оккупированных территориях. Суть ее можно свести к четырем основополагающим моментам: религиозным группам категорически запрещалось заниматься политикой; религиозные группы должны быть разделены по территориальным и национальным признакам; религиозные группы не должны мешать деятельности оккупационных властей; требовалось проявлять особое внимание и осторожность к Русской православной церкви, которая поддерживала враждебную Германии «национальную идею».

На основании этих писем рейхскомиссары «Остланда» и «Украины» в начале лета 1942 года издали одинаковые циркуляры, определявшие основные аспекты деятельности религиозных объединений и ставившие их под контроль местной германской администрации.

К осени 1942 года стало ясно, что религиозное движение на временно завоеванной территории не вписывается в политические ожидания оккупантов, не удавалось разыграть «религиозную карту» в нужном политическом направлении. Война затягивалась, и оккупационным властям необходимо было считаться с

религиозными объединениями как с долговременным фактором внутривнутриполитической ситуации на востоке. С одной стороны, надо было найти более эффективные способы и формы «включения» религиозных организаций в политическую поддержку властей, с другой — в отношении к ним необходимо было проявлять большую публичную лояльность и терпимость. Конечно, то была вынужденная, в силу складывающихся военно-политических обстоятельств терпимость.

При всей принципиальной схожести церковной политики оккупантов на восточных территориях все же она имела и отличительные черты применительно к каждому из их рейхскомиссариатов.

30 июня 1941 года пала Рига. Отступающие советские войска имели приказ эвакуировать патриаршего экзарха в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского). Выполнить его не удалось, так как экзарх пожелал остаться на оккупированной территории и укрылся в убежище. Покинул он его только при приходе немцев, однако в тот же день был арестован. Заключение оказалось непродолжительным: через четыре дня Сергей был выпущен на свободу и смог беспрепятственно заняться религиозной деятельностью.

Духовенство и верующие во вновь образованном рейхскомиссариате «Остланд» расценили это как свидетельство достигнутой договоренности между митрополитом и оккупационными властями. Но о содержании ее никто ничего не знал. Лишь постепенно стали проступать контуры достигнутого соглашения. На собрании рижского духовенства митрополит объявил, что остается «послушником митрополита Сергия (Страгородского)» и сохраняет каноническое послушание Московской патриархии, возглашая при богослужении имя патриаршего местоблюстителя Сергия. Одновременно митрополит сделал ряд

публичных заявлений, исходя из которых и он, и приходское духовенство должны быть политически лояльными к новой власти.

Сергий (Воскресенский), находясь на оккупированной территории, стремился решить две основные задачи в рамках руководства своим экзархатом. Первая из них — возрождение церковной жизни в Прибалтике, Белоруссии и северо-западных областях РСФСР. Одним из главных его мероприятий стала организация Псковской православной миссии в северо-западных областях СССР. Она была создана в середине августа 1941 года, и туда были направлены миссионеры, которые должны были возродить церковную жизнь в районах Ленинградской, Калининской, Новгородской, Псковской областей, где проживало около двух миллионов человек. Начальниками миссии последовательно были священники Сергей Ефимов, Николай Колиберский и Кирилл Зайц. По подсчетам исследователей, миссия смогла открыть до трехсот церквей, в которых служили более 170 священников.

Деятельность миссии находилась под постоянным контролем органов полиции безопасности. Неоднократно о деятельности миссии и о политико-религиозной ситуации на ее территории информировал немецкие власти и митрополит Сергей (Воскресенский). В одном из его сообщений в марте 1943 года речь шла о взаимоотношениях партизан и местного населения. Митрополит вынужден был констатировать, что население оказывает все большую поддержку партизанам, в том числе и по причине их лояльного отношения к церкви. Не мог не отмечать Сергей и встречающиеся факты негативного отношения немецких и эстонских воинских частей к местному населению, когда помещения храма занимались воинскими

подразделениями, а на верующих возлагались всякого рода повинности.

Политические настроения духовенства миссии отличались противоречивостью. Несомненно, что внешне они должны были свидетельствовать о своей лояльности новым властям, выполнять их поручения по проведению торжественных богослужений, ведению соответствующих бесед с населением, информировать власти о действиях партизан и лиц, сочувствующих им, заниматься вербовкой людей на работу в Германию, в отряды власовской русской освободительной армии. Но в действительности ситуация была значительно сложнее. Многие из приходов миссии оказывались на территории, где действовали советские партизанские отряды, и выступления против советской власти были невозможны.

Другая задача, которой митрополит Сергей уделял пристальное внимание, — сохранение единства Русской православной церкви в Прибалтике, так как считал недопустимым ее разделение по национальному признаку. Но он сразу же столкнулся с нежеланием оккупантов способствовать укреплению единоличной церковной власти прорусски, как они считали, настроенного экзарха.

Сергию пришлось преодолевать не только противодействие оккупационной власти, но и вскоре проявившие себя церковные разделения в Прибалтике. В Латвии митрополит Августин (Петерсон) отказался от своих прежних обязательств перед Московским патриархатом и, объявив о восстановлении прежнего синода, обратился к немцам с просьбой разрешить восстановление автокефальной Латвийской православной церкви под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Но за Августином пошло небольшое число приходов, так как в большинстве из них прихожане были русскими.

В Эстонии же все приняло несколько иной оборот. Православная церковь Эстонии раскололась на Русскую православную церковь в составе тридцати восьми русских приходов и Печерского монастыря и Эстонскую апостольско-православную митрополию.

Митрополит Александр (Паулус) 14 октября 1941 года издал циркуляр, которым объявлял себя главой Эстонской церкви, в которую входили 119 приходов и Пюхтицкий монастырь. В ответ 5 ноября 1942 года митрополит Сергей своим указом запретил митрополиту Александру проводить богослужения и передал суду Собора. На что 16 декабря 1942 года синод Эстонской православной митрополии заявил о нежелании иметь какое-либо общение с Московской патриархией. Немецкие власти признали факт раскола и придали обеим церквям равный правовой статус. Духовенству и верующим власти дали право свободного выбора юрисдикции.

Судьба митрополита Сергея (Воскресенского) находилась в центре противоречий между руководством комиссариата «Остланд» и министерства восточных территорий. Они по-разному относились к личности митрополита Сергея, к его церковной политике и возможной перспективе русского православия в Прибалтике.

Еще в октябре 1941 года в Ригу и Ковно выезжал руководитель группы религиозной политики рейхсминистерства восточных территорий К. Розенфельдер для уяснения общей религиозной ситуации в Прибалтике, а также и вокруг православной церкви. Он встречался с митрополитом Сергием и православным духовенством, с офицерами СД, курировавшими религиозные вопросы. В составленной им записке предлагались следующие меры: максимально ограничить деятельность католической церкви, не допуская окатоличивания России; занять

осторожную позицию в отношении Зарубежной церкви, не допуская ее представителей в Прибалтику; препятствовать намерениям Московского патриархата стать общецерковным центром на востоке; содействовать образованию автокефальных православных церквей, создаваемых по национальному признаку.

Позицию в отношении митрополита Сергия (Воскресенского) Розенфельдер сформулировал так: «Насколько возможно быстро удалить из Остланда представителя Московской церкви в Остланде экзарха Сергия, чтобы полностью исключить там влияние русских. СД собирается первоначально выслать экзарха в Ковно. Точка зрения СД состоит в том, чтобы, удалив экзарха от главного места событий в Остланде, не упускать его совсем из поля зрения из-за очень ценной информации, которую от него получают о Московской церкви»^[202].

Вплоть до лета 1942 года Восточное министерство оставалось на этих позициях, не реагируя на возражения и предложения руководства «Остланда». Тлевший длительное время конфликт разрешился 18 июля 1942 года, когда на совещании в канцелярии начальника главного отдела политики министерства Лейббрандта было признано, что полное разделение верующих по национальному признаку больше нецелесообразно, а потому православные церкви в Эстонии, Латвии и Литве должны оставаться русскими. В дальнейшем они, как чуждые концепции жизненного пространства, должны быть перемещены в планируемый «рейхскомиссариат Москвы».

В результате существование экзархата было разрешено, а митрополит Сергей смог вернуться в Ригу. Тотчас же 23 июля 1942 года в Риге было созвано архиерейское совещание. По настоянию оккупационных властей на нем был принят текст приветственной

телеграммы в адрес Гитлера и одновременно было обнародовано заявление, в котором епископат решительно отмежевался от патриотической позиции митрополита Московского Сергия (Страгородского). Тогда же решено было прекратить при обычных богослужениях возношение его имени, отныне возглашаемого лишь при архиерейских богослужениях как символ канонической связи с Московской патриархией.

В августе 1942 года Сергей реорганизовал церковное управление в Прибалтике. Экзаршее управление епархией было упразднено. Латвийской епархией отныне управлял назначаемый непосредственно митрополитом и ему подчинявшийся епископ, при котором в качестве совещательного органа учреждался совет из шести священников. При самом же экзархе Сергии учреждалась канцелярия для сношений с подчиненными епархиями Латвии, Литвы и Эстонии, а также совещательный орган — архиерейское совещание в составе правящих архиереев и некоторых священников по усмотрению экзарха.

Отстаивая перед немецкими властями необходимость сохранения своей канонической связи с Московской патриархией, Сергей прибегал не только к церковным, но и к «военно-политическим и пропагандистским» аргументам. В одном из своих меморандумов в ведомство рейхскомиссара «Остланда» о «религиозном обслуживании войск генерала Власова» Сергей указывал на недопустимость действия на его канонической территории представителей Зарубежной церкви, которую верующие воспринимают не иначе как схизматическую и прогермански настроенную, что приведет к отторжению большинства верующих от этой церкви и от митрополита Сергия. Тем самым, подчеркивал митрополит, возрастет сила «воздействия политических прокламаций, которые исходят от

Московского митрополита и ослабляют вплоть до полной потери какого-либо значения контрпрокламации, которые выпускают отдельные архиереи или отдельные группы архиереев на занятой территории. Если не признавать канонической свободы архиерея, то больше не будут верить его словам. И если при этом появится предположение, что он призывает к борьбе против Советского Союза не в церковных и не в русских, а, в сущности, в германских интересах, то он пропал — его заклеят трусом и предателем»^[203].

Сергий допускал возможность создания на оккупированной территории единого церковного органа, но он мыслился им исключительно как орган, создающийся на канонически безупречных основаниях — то есть не имеющий никаких связей с Зарубежной церковью — и опирающийся на православных архиереев, действующих на постепенно «освобождаемых немцами» советских территориях. Вместе с тем Сергей не считал, что и после войны Русская церковь должна непременно сохранить свое единство, допуская возможность «создания автокефальных церквей на территории прежде единой Матери-Церкви».

Для оккупационных властей доводы митрополита Сергия (Воскресенского) казались неубедительными, излишне отвлеченными, упирающими на церковно-канонические основания в ущерб прагматизму сложившейся военно-политической ситуации в Прибалтике и таким же прагматическим ожиданиям рейхскомиссариата «Остланд».

Конечно, Сергей понимал, что от него ждут политических заявлений, и он их делал, и не однажды. Так, 15 марта 1943 года он говорил, обращаясь к верующим: «Каждый из нас должен выполнять все директивы германских властей, потому что Германия борется в первую очередь против большевиков. Мы

должны помочь уничтожению большевизма, и прежде всего уничтожить его в сердце народа».

О положении православия в Белоруссии можно судить по свидетельству историка Белорусской церкви епископа Афанасия (Мартоса). В одной из своих работ он писал: «Немецкие войска застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Белоруссии в разрушенном состоянии. Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись, где кто мог, многие умерли в ссылках, в тюрьмах. Но верующие были в огромном числе»^[204].

В самом начале войны, когда Западная Белоруссия была оккупирована немцами и митрополит Николай (Ярушевич) не мог уже осуществлять там церковное управление, местоблюститель Сергей (Страгородский) назначил своим экзархом Белоруссии епископа Пантелеймона (Рожновского) с возведением его в сан архиепископа.

После оккупации Белоруссии немцами в Минск прибыли архиепископ Гродненский и Виленский Пантелеймон (Рожновский) и епископ Брестский Венедикт (Бобковский). Митрополит Пантелеймон оставался твердым сторонником канонической связи с Московской патриархией. Эта позиция не устраивала белорусских националистов, мечтавших о создании национальной, независимой от Москвы, Белорусской православной церкви. Они учредили Белорусскую митрополию и организовали епархиальные управления в областях Белоруссии.

Немецкое командование в переговорах с Пантелеймоном выставило следующие условия: Белорусская православная церковь должна быть самостоятельной и не иметь каких-либо связей с церковными центрами в Москве, Берлине и Варшаве; статут Белорусской автокефальной православной

национальной церкви должен утверждаться оккупационными властями; церковь на территории Белоруссии должна принять наименование «Белорусская автокефальная православная национальная церковь», и ее юрисдикция должна ограничиваться территорией Белоруссии; преподавание Закона Божьего и церковное управление ведутся на белорусском языке, а церковная служба должна вестись на церковнославянском языке; назначение епископов должно осуществляться с ведома немецких властей.

Пантелеймон принял все предъявленные условия, кроме одного — канонического отделения от Русской церкви. Невозможность этого он объяснял тем, что Белорусская церковь еще не соорганизована и может получить и оформить свое отделение только с разрешения Матери-Церкви.

В марте 1942 года состоялся Собор белорусских епископов, избравший Пантелеймона митрополитом Белоруссии. Но вопреки желанию властей и белорусских националистов Собор не провозгласил автокефалии и за богослужениями продолжалось возношение имени митрополита Сергия (Страгородского). По настоянию националистов оккупационные власти в конце мая 1942 года отстранили митрополита Пантелеймона от управления митрополией. Церковная власть перешла к архиепископу Филофею (Норко), который также противился провозглашению автокефалии.

Под давлением оккупантов и националистов в августе-сентябре 1942 года был проведен Всебелорусский православный собор, на рассмотрение которого вновь был вынесен вопрос об автокефалии. В адрес Восточных патриархов были составлены обращения о признании автокефалии Белорусской церкви. По неустановленным обстоятельствам они так и не были отправлены оккупационными властями по назначению.

Церковная политика на территории Украины (рейхскомиссариат «Украина») переплеталась с политикой Германии в отношении настоящего и будущего Украины. О том, какими они виделись, можно сделать вывод из высказываний Э. Коха на одном из совещаний чиновников рейхскомиссариата: «Если этот народ работает по 10 часов в день, тогда он должен работать 8 часов на нас. Все сентиментальные возражения не должны приниматься во внимание. Этим народом должна управлять железная власть, чтобы он нам сейчас помог выиграть войну. Мы освободили его не для того, чтобы осчастливить Украину, а чтобы обеспечить для Германии жизненное пространство и свою продовольственную базу»^[205].

Германская администрация, исходя из необходимости уничтожения Русской церкви на Украине, активно поддержала церковных сепаратистов и создание новых церковных организаций.

18 августа 1941 года в Почаевском монастыре собралась группа православных епископов. Обсуждался вопрос о судьбе православной церкви на Украине. Выдвинуто было два предложения: первое — сохранить отношения с Московской патриархией и рассматривать себя в качестве части Русской православной церкви на правах автономии; второе — провозгласить автокефалию Украинской церкви.

После бурного обсуждения в итоговом документе все же было записано: «До Поместного собора Православной церкви на Украине с участием иерархии, духовенства и мирян считать нашу Церковь и ее иерархию в канонической зависимости от Церкви Русской»^[206].

Таким образом, автономная Украинская православная церковь (УПЦ) сохранила свою юрисдикционную связь с Русской православной церковью. Возглавил церковь в сане митрополита и с

титолом экзарха митрополит Алексей (Громадский). В занятом фашистами Киеве в ноябре — декабре 1941 года митрополит Алексей регулярно проводил собрания подчиненного ему духовенства. На них зачитывались и послания митрополита Сергия (Страгородского) с призывом «бороться с бандой проклятого Гитлера». Немецкая администрация вскоре выявила эти собрания. Несколько человек из числа задержанных священников были признаны немцами «агентами НКВД» и арестованы. На короткий срок был задержан и митрополит Алексей. В отношении остальных власти ограничились взятием подписок о том, что они будут воздерживаться от какой-либо враждебной Германии деятельности.

Первоначально создание Автономной церкви поддержал и вошел в ее состав и епископ Поликарп (Сикорский), о чем он письменно уведомил митрополита Алексея. Однако вскоре Сикорский предпринимает шаги к расколу Автономной церкви.

Приложил руку к этому и митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), который был предстоятелем Польской православной церкви, самочинно провозгласившей автокефалию, признанную Константинопольским патриархатом. Митрополит Дионисий в нарушение церковных правил вмешался в церковную жизнь приходов Русской православной церкви на Украине. Он назначил епископа Поликарпа «временным Администратором Православной автокефальной церкви на освобожденных землях Украины» с одновременным возведением его в сан архиепископа. Архиепископ Поликарп порывает с Украинской автономной церковью и становится на путь возрождения Украинской автокефальной церкви, действовавшей на Украине с 1920 года и самоликвидировавшейся в 1930 году.

К этим событиям церковной жизни имели самое непосредственное отношение гестапо и оккупационные

власти. В беседе с митрополитом Харьковским Феофилом (Булдовским) глава Автокефальной православной церкви Поликарп (Сикорский) вспоминал: «Когда немецкие чиновники вызвали меня и приказали восстановить украинскую автокефальную церковь, я им заявил: „Буду действовать искренне, от всего сердца, с верностью и внушенной мне Богом убежденностью, что по воле его наступило тысячелетнее царствование культурнейшей нации мира, возглавляемой великим фюрером ее — Гитлером“. Приближается полное уничтожение ненавистной Советской власти не только на Украине, но и во всей России. Я глубоко верю, что возврата ей не будет. Мы должны помочь нашим освободителям искоренить из сознания украинцев жидо-большевистскую отраву, остальное сделают сами немцы. Они начали уничтожать среди населения всех, кто оказывает сопротивление немецким властям и новому порядку. С первых же дней своей деятельности я приказал духовенству служить благодарственные молебны, поминать в богослужении власть наших освободителей, провозглашать многая лета фюреру немецкой державы, молиться, чтобы Господь ниспослал ему победу над всеми врагами»^[207].

Поликарп Сикорский выпустил циркулярное послание к пастве, призывая ее быть лояльной в отношении немецкой администрации. В своих обращениях к оккупационной власти он неоднократно высказывал «для великого вождя немецкого народа Адольфа Гитлера пожелания полноты сил духовных и телесных, а также неизменного успеха для окончательной победы над врагом Востока и Запада». В мае 1942 года Автокефальная православная церковь под руководством Поликарпа (Сикорского) была признана немецкими оккупационными властями. С их разрешения открываются церкви, монастыри, возрождается приходская жизнь.

Автокефальная церковь в отличие от Автономной церкви сразу же установила тесную связь с националистическим движением на Украине, прежде всего с Организацией украинских националистов (ОУН). Для этой организации стали обычными террор и запугивание населения, отказывавшегося переходить из Украинской церкви в УАПЦ, оуновцы зверски мучили и убивали духовенство и епископат, не желавших сотрудничать с УАПЦ.

Политика властей в отношении Автономной и Автокефальной церквей следовала принципу «разделяй и властвуй», поощряя то одну, то другую церковь. В основе такой линии — боязнь оказаться перед лицом крупной мощной Украинской церкви, не поддерживающей оккупантов и ориентирующейся на создание самостоятельного Украинского государства.

В начале лета 1942 года рейхскомиссар Украины издал циркуляр, подробно определявший все аспекты деятельности религиозных объединений и ставивший их под контроль местной немецкой администрации. Оккупационный режим допускал деятельность лишь лояльных рейху религиозных общин. В первую годовщину начала вторжения немецко-фашистских войск в Советский Союз имперский комиссар Украины в директиве руководителям СС и полиции писал: «На Украине, точно так же как и в Германии, каждый может верить по-своему. Нами допускается любая религия и любое церковное направление, если оно лояльно к германской администрации и обнаруживает готовность содействовать созданию положительного настроения среди населения и не делать ничего, что способствовало бы отрицательным тенденциям. Разногласия церковных направлений между собой, а именно в религиозных вопросах, нас не интересуют. Мы желаем только, чтобы полемика по этим вопросам не распространялась среди

мирских масс, потому что она способна нарушить гармонию, необходимую для общего строительства»^[208].

В 1942 году Э. Кох предпринял несколько открыто антиукраинских акций: закрыл все учебные заведения, кроме начальных школ, и выслал учащихся вместе с преподавателями на работы в Германию; издал указ о разделении на несколько частей Автокефальной и Автономной церквей, отдавая их под полный контроль германской администрации, в том числе и в сугубо внутрицерковных вопросах.

Такие действия в очередной раз шли вразрез с намерением министерства восточных территорий поддержать объединительный процесс украинских церквей, с тем чтобы разрешить провести Автокефальной и Автономной церквям весной 1943 года в Харькове объединительный съезд. Несмотря на категорический запрет Коха, в Луцке 4–8 октября 1942 года состоялось заседание автокефального синода. По его решению подписать объединительный акт Автокефальной и Автономной церквей в единую церковь было предложено и экзарху Алексию (Громадскому). Он это сделал, но спустя пару месяцев под давлением своих сторонников вынужден был издать указ об отмене объединительного акта и окончательно рассмотреть данный вопрос на послевоенном Соборе епископов экзархата.

Чиновники министерства, пытаясь «реанимировать» сближение двух церквей, выступили с идеей проведения в Харькове в конце декабря 1942 года заседания Синода объединенной Украинской православной церкви с последующим созывом Всеукраинского поместного собора. Но Кох в очередной раз воспротивился идее объединения, запретил епископам выезд в Харьков, и в результате Синод не состоялся.

Следующая попытка проведения объединенного Синода намечалась на весну 1943 года в Почаевской

лавре. Политическую подоплеку данной идеи раскрывает одна из записок (апрель 1943 года) К. Розенфельдера министру А. Розенбергу: «Использование всех сил на Востоке в борьбе против большевизма также требует привлечения Православной церкви. Поэтому следует разрешить Православным церквям или православным церковным группам созвать всеобщий синод или Поместный собор против большевизма. Эта уступка может в большей мере способствовать использованию Церкви в германских интересах и создать благоприятное впечатление у верующего населения»^[209].

Но все замыслы и проекты Розенберга разбивались о непокорную позицию Коха. Становилось понятным, что реализация планов министерства восточных территорий могла стать реальностью лишь при отставке Коха. Розенберг предпринимает попытку за попыткой сместить Коха. Но все они заканчивались ничем, ибо тот, будучи назначен непосредственно Гитлером, пользовался его безоговорочной поддержкой.

В мае 1943 года Гитлер вызвал в ставку А. Розенберга и Э. Коха, пытаясь добиться их примирения. Розенберг прибыл с проектом увольнения рейхскомиссара. Но из этого ничего не вышло. Гитлер, в сущности, поддержал все шаги Коха в отношении церковного вопроса на Украине. Тем самым на попытках создать единую Украинскую церковь была поставлена окончательная точка. Тем более что именно в этот период на территории Украины отряды ОУН начали военные действия против немецких войск. Поскольку же это движение имело тесные связи с Автокефальной церковью, немцы отказали ей в поддержке.

Православная церковь в Советском Союзе в условиях военного времени

Великая Отечественная война потребовала мобилизации не только всех организационных, финансовых, материальных ресурсов, но и ресурсов моральных, духовных, патриотических. Для партийно-советского руководства еще со времен всесоюзной переписи 1937 года не было секретом, что значительная часть населения Советского Союза относилась к категории верующих. В первые же месяцы войны выявилась неправильность и пагубность сформировавшейся в 1930-х годах государственной политики в отношении религии и церкви. Иллюзии об успешном и повсеместном «преодолении» религии и о победе «безбожного движения» рассеялись, уступив место правде жизни — в стране насчитывались миллионы верующих, которые были несправедливо ограничены в возможностях свободно и открыто удовлетворять свои религиозные потребности. Существенным потенциалом влияния на эту категорию граждан могли быть действовавшие в стране религиозные организации и духовенство различных конфессий.

Молчаливое признание этого факта содержится в позиции государства, которое в течение первых двух военных лет фактически заняло позицию невмешательства в церковную жизнь страны. В результате разрешались общецерковные сборы средств и внекультовая деятельность; не чинились препятствия массовым богослужениям и церемониям; расширялась издательская деятельность церквей; признавались де-факто религиозные центры, и им разрешалось устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями.

Впервые после двадцатилетнего перерыва в различных районах Советского Союза, хотя и без юридического оформления, но начали открываться церкви и молитвенные здания. К примеру, в

четырнадцать районах Ярославской области в течение 1942–1943 годов стала функционировать 51 православная церковь — бóльшая часть из них была закрыта в предвоенное время в административном порядке, без принятия соответствующих правовых решений, хотя ключи от зданий оставались в руках верующих.

Свернута была всякая публичная антирелигиозная пропаганда и прекращена деятельность Союза воинствующих безбожников. Наоборот, на страницах официальной прессы появились публикации о патриотической деятельности православной церкви. Первая из них опубликована была в газете «Правда» 16 августа 1941 года. После этого стало уже обычным явлением размещение подобного рода информации не только о православной, но и обо всех других церквях. В кинохронику, показываемую на фронте и в тылу, включались кадры церковных служб, обращения к бойцам Красной армии духовенства, встречи верующих и духовенства с иконами солдат-освободителей, крестных ходов.

Абсолютное большинство религиозных организаций в Советском Союзе заняли позицию осуждения в отношении тех служителей культа, которые осознанно перешли на сторону врага, добровольно стали орудием идеологической пропаганды, помогая насаждать «новый порядок» на оккупированной советской территории.

По сложившейся довоенной традиции информацию о состоянии религиозных объединений в СССР и их патриотической деятельности собирал Наркомат внутренних дел. Он же при необходимости входил в высшие партийные и советские инстанции с предложением о разрешении для религиозных организаций тех или иных видов деятельности. Ему же было поручено собирать информацию о религиозной политике немцев на оккупированной территории, о

политической позиции религиозных центров, поведении духовенства и верующих на захваченной территории и в прифронтовых районах. Информация стекалась из самых различных источников: подразделений НКВД, разведывательных органов, действующей армии, партизанских отрядов, местных партийных и советских органов. Поступающая информация концентрировалась, обобщалась и анализировалась в центральном аппарате НКВД, а затем уже наркомат доводил ее до правительства и ЦК ВКП(б), и он же выходил с инициативами по проведению тех или иных акций в отношении религиозных организаций во внутренних районах Союза ССР, на оккупированной советской территории и даже за пределами СССР.

К концу 1941 года отчетливо проявилась политическая значимость религиозного вопроса как для ситуации на оккупированной немцами территории, так и для внутривнутриполитической обстановки в Советском Союзе. Она сконцентрировалась вокруг наиболее больной проблемы: отношения немецких оккупационных властей и Советского государства к самой крупной религиозной организации — Русской православной церкви, члены которой оказались разделенными фронтом и от политической позиции которых во многом зависел исход войны.

Думается, что именно этим объясняется то, что Советское государство все в большей мере выделяло из общего числа религиозных объединений именно православные приходы, предоставляя им все большую степень свободы и разнообразия культовой и внекультовой деятельности.

Несмотря на осадное положение в столице, на Пасху 1942 года распоряжением коменданта Москвы было разрешено беспрепятственное движение по городу всю ночь. По данным Управления НКВД по Москве и Московской области, в действующих православных

храмах на пасхальные богослужения собралось более 160 тысяч верующих. И, как отмечалось в справке управления, «верующее население и духовенство в связи с религиозным праздником Пасхи, а также полученным разрешением беспрепятственного хождения населения г. Москвы и районов Московской области в ночь с 4 на 5 апреля реагировало положительно»^[210].

Православная церковь привлекается к участию в деятельности государственных и общественных организаций. 2 ноября 1942 года митрополит Николай (Ярушевич) был приглашен в состав Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Комиссии поручалось засвидетельствовать и учесть ущерб, причиненный оккупантами религиозным организациям страны, факты разрушения и осквернения культовых зданий, разграбления церковной утвари, издевательств, насилия и убийств духовенства и верующих. В написанных митрополитом докладах, статьях, сообщениях и публичных выступлениях передавалась страшная картина «разрушения и смерти», оставленная немецкими захватчиками на советской земле. Их и сегодня нельзя читать без боли и гнева.

Церковь приняла активное участие в работе Всеславянского комитета борьбы с фашизмом, призванного способствовать сплочению славянских народов, переходу их на сторону антигитлеровской коалиции, объединению усилий общественных, в том числе религиозных, антифашистских сил в странах со славянским населением. В распоряжение комитета предоставлялись материалы по темам «О свободе совести в СССР», «Бог благословляет народную справедливую войну против гитлеровских захватчиков», «Участие духовенства и верующих в помощи Красной

Армии», «Немцы — злейшие враги христианства», авторами которых выступали митрополиты Алексей (Симанский), Николай (Ярушевич), архиепископы Лука (Войно-Ясенецкий), Фотий (Топиро) и другие. Они печатались на страницах советских и зарубежных средств массовой информации, передавались по радио, распространялись в виде листовок на оккупированной территории и в странах антигитлеровской коалиции, в частях неприятеля и в прифронтовой зоне.

В мае 1943 года митрополит Николай впервые появился в президиуме III Всеславянского митинга в Москве. В своей речи, которая позже была опубликована, он призвал к единению славян в борьбе с общим врагом. В день двухлетия начала войны в особом послании «К братьям-славянам» митрополит Николай писал: «Братья-славяне! Приблизился час великих событий на фронтах. Предстоят решающие бои. Пусть не будет ни одного среди нас, кто бы не содействовал всеми своими силами и возможностями победному разгрому нашего общего ненавистного врага и на полях брани, и в тылу, и мощными ударами народных мстителей-партизан. Будем все, как один, в предстоящих битвах! С нами Бог, дорогие братья!»^[211]

«Религиозный фактор» за пределами СССР

Изменения в церковной политике Советского государства были заметны не только советским людям, о них сообщали в рейх немецкие армейские и разведывательные органы.

Штаб полиции безопасности и СД (от 8 мая 1942 года): «В последние месяцы советское правительство все больше ограничивало мероприятия, враждебные церкви. Недавно даже было объявлено о свободе церкви. Все сохранившиеся храмы были открыты, их посещает много народа. Регулярно проводятся

богослужения, в которых звучат молитвы о свободе русской земли»^[212].

Верховное командование армии (от ноября 1942 года): «Хорошо осознавая большое значение для русской массы церковного руководства в Москве, красная сторона теперь уже оказывает ему полное покровительство и использует для большевистских целей. Германское же руководство, напротив, очень сдержанно допускает существование Русской церкви на занятых территориях».

Штаб полиции безопасности и СД (май 1943 года): «Советская пропаганда сумела ловко использовать религиозные чувства населения в своих целях. Церкви и массы все в большей степени получают поощрения. Как стало известно из Москвы, наплыв жителей в церкви в пасхальные дни был значительным. Этот факт пропагандистски весьма сильно используется и находит распространение прежде всего у союзников»^[213].

Действительно, для союзников по антигитлеровской коалиции вопрос о религиозной свободе в СССР был очень важным. Им всем надо было убедить свое население в необходимости выступить против Германии на стороне СССР, и сделать это можно было, лишь снимая или существенно сокращая общественные предубеждения против антицерковной политики внутри Советского Союза.

Планы президента США Ф. Рузвельта объявить войну Германии широко обсуждались в американском обществе и имели широкую поддержку. Однако они встречали и определенное противодействие. Как пример можно привести резолюцию американского Совета церквей Христа, в которой указывалось, что участие США в войне на стороне Советского Союза недопустимо, ибо Советский Союз — это безбожное государство, где не обеспечена религиозная свобода. Опросы

общественного мнения показывали, что хотя большая часть американцев выражала надежду на победу СССР, но вместе с тем до половины из них выступали против оказания американской финансово-технической помощи Советской стране.

Ф. Рузвельт в обращениях к руководству СССР призывал уделить внимание вопросу расширения религиозной свободы, сделать все, чтобы ею могли пользоваться самые широкие слои советского общества. Это, по его словам, позволило бы преодолеть отрицательное отношение сената к выделению средств на помощь СССР. Президент США поручил своему посольству в Москве собрать и представить материалы о реальном положении различных религиозных общин в СССР.

Корделл Хэлл, бывший в годы войны государственным секретарем США, пишет в воспоминаниях об этих днях: «Президент откровенно объяснил Уманскому (советский посол в США. — *М. О.*) значительные трудности получения от конгресса необходимых ленд-лизских ассигнаций для России из-за недоброжелательного отношения к России со стороны некоторых группировок США, пользующихся значительным политическим влиянием в конгрессе. Указав, что в России имеются церкви и что Конституция СССР 1936 г. разрешает религию, президент сказал, что, если бы Москва организовала информационную кампанию в США о свободе религии в СССР, это могло бы дать хороший просветительский эффект. Он предложил далее, чтобы такая кампания началась до обсуждения законопроекта об ассигнованиях по ленд-лизу в конгрессе и до прибытия американской миссии во главе с А. Гарриманом в Москву для обсуждения советских военных потребностей. Уманский сказал, что он займется этим вопросом» ^[214].

Прибывший в Москву в конце сентября 1941 года А. Гарриман в беседах со Сталиным и Молотовым подтверждал заинтересованность США в либерализации религиозной политики в Советском Союзе. Его собеседники воспринимали это с пониманием. Советским послам в странах формирующейся антигитлеровской коалиции было предписано донести до общественного мнения этих стран, что в СССР религиозные свободы будут в значительной степени восстановлены.

Публикации последних лет дают основание предполагать, что именно в это время советское правительство вступило в определенные контакты с Русской церковью по вопросу делегирования в Америку представителя Русской церкви для информирования американской общественности о позиции церкви в войне и расширения ее контактов с американской общественностью. По просьбе власти митрополит Сергей представил справку об Американской епархии Русской православной церкви. Митрополит убеждал власть, что сохранение епархии имеет не только церковное, но и общественное значение в условиях войны, послужит «рассеянию разных недоразумений касательно и общей советской политики, и действий Московской патриархии»^[215].

Митрополит считал необходимым направить в Америку в качестве заместителя экзарха митрополита Вениамина (Федченкова), одного из представителей Московской патриархии, сразу занявшего позицию поддержки СССР. Можно предполагать, что под этой кандидатурой подразумевался митрополит Николай (Ярушевич). Однако по невыясненным обстоятельствам в визе со стороны США было отказано.

Корреспонденты американских изданий неоднократно встречались с представителями религиозных организаций в СССР, публикуя информацию

о религиозной жизни в стране. В конце декабря 1941 года корреспондент агентства «Ассошиэтед Пресс» взял интервью у архиепископа Саратовского Андрея. Корреспондента интересовали вопросы: чем и как церковь помогает государству в войне; каковы взаимоотношения церкви с государством; существуют ли ограничения на деятельность церкви и открыты ли новые возможности для церковной деятельности^[216].

К вопросу о религиозных свободах в России американский президент вновь обратился в последних числах декабря 1941 года, когда работал над проектом «Декларации 26 государств», которая должна была стать формальным завершением образования антигитлеровской коалиции. Рузвельт в разговоре с новым послом СССР в США М. М. Литвиновым предлагал и настаивал, чтобы в декларацию включено было словосочетание «свобода религии». Советская сторона согласилась с этим, и в окончательный текст «Декларации Объединенных Наций», опубликованной в газете «Известия» 3 января 1942 года, были включены слова: «...будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы».

Еще одним элементом «информационной кампании» СССР стало издание литературы о религиозной жизни в стране. В начале марта 1942 года нарком внутренних дел Л. П. Берия в докладной записке на имя Сталина писал: «Из официальных и агентурных источников известно, что немцы пытаются использовать Православную церковь и духовенство в своих захватнических целях. Оказывая через Церковь влияние на население временно оккупированных территорий, немцы распространяют клеветнические измышления о положении Православной церкви в СССР, как, например, 9 февраля сего года германское радио сообщило о расправах и убийствах духовенства и верующих, якобы

произведенных Красной Армией после освобождения города Можайска от фашистско-немецких войск. В связи с этим НКВД СССР считает целесообразным подготовить в ближайшее время и издать силами работников Московской патриархии книгу-альбом с материалами, изобличающими немцев в варварском отношении к Православной церкви и духовенству. Книгу-альбом предназначить для распространения в церковных кругах за границей, на территории, временно оккупированной немцами, а также и среди верующих в СССР»^[217].

Сталин дал согласие, и в кратчайшие сроки книга была выпущена большим тиражом на нескольких иностранных языках. Она распространялась в европейских странах и в США, сыграв существенную роль в изменении отношения населения этих стран к внутренней политике Советского Союза. В канун первой годовщины нападения фашистской Германии на Советский Союз, 20-21 июня 1942 года, 15 тысяч религиозных общин США устроили особые моления за русских христиан, чтобы поддержать их в справедливой борьбе с агрессором и ширящееся в Америке движение в поддержку народов Советского Союза. По данным опроса Гэллапа, в Англии, например, уже в июле 1942 года 62 процента опрошенных считали, что Россия более популярна, чем США, а в 1943 году «Святая Русь» стала в стране темой года^[218]. Симпатии усилились после впечатляющих побед Красной армии под Сталинградом зимой 1942/43 года. В годы войны авторитет СССР, несшего основную тяжесть в мировой войне, неизмеримо вырос во всех странах мира. Сочувствие к сражающемуся народу изменило в глазах мировой общественности и образ Советского государства в целом.

В июне 1943 года постановление Государственного Комитета Обороны «Об утверждении мероприятий по

улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР» впервые отнесло религиозные организации за рубежом к категории интересов советской внешней разведки. Понятно, что это надо было делать в преддверии освобождения советской территории и развития внешнеполитических связей с союзниками и другими странами.

Таким образом, патриотическая позиция духовенства и верующих Русской православной церкви и других религиозных организаций вступала в противоречие со стереотипами тех социально-политических воззрений, которые насаждались официальной пропагандой в общественном сознании накануне войны. Верующие ожидали и требовали, чтобы государство сделало еще более решительные шаги навстречу Русской православной церкви и другим религиозным объединениям.

Глава VIII НА ПАТРИАРШЕЙ КАФЕДРЕ. 1943- 1944 ГОДЫ

Сталин и церковь: политика примирения и компромисса

Постепенно в первые два года войны стало традицией публиковать в прессе приветствия от И. В. Сталина в ответ на обращения патриаршего местоблюстителя Сергия и других православных иерархов. 5 января 1943 года в газете «Правда» была опубликована очередная телеграмма митрополита Сергия к Сталину со словами: «Сердечно приветствую Вас от имени Православной церкви. Молитвенно желаю в Новом году Вам здоровья и успеха во всех Ваших начинаниях на благо вверенной Вам родной страны. Нашим особым посланием приглашаю духовенство, верующих жертвовать на постройку колонны танков имени Димитрия Донского. Для начала Патриархия вносит 100 тысяч рублей, Елоховский кафедральный собор в Москве — 300 тысяч, настоятель собора Колчицкий Николай Федорович — 100 тысяч. Просим в Госбанке открыть специальный счет. Да завершится победой над темными силами фашизма общенародный подвиг, Вами возглавляемый» ^[219].

Разрешение было дано, о чем также сообщалось в центральной прессе, и православные приходы начали перечислять средства в патриотические фонды. В последующем информация о патриотических взносах стала регулярно поступать в Московскую патриархию. В телеграмме главнокомандующему Красной армией И. В. Сталину по случаю ее 25-летия патриарший

местоблюститель сообщал о собранных за короткое время шести миллионах рублей на постройку танковой колонны и о продолжении сбора необходимых средств^[220].

В начале 1943 года общая политическая обстановка в стране и положение на фронтах, широкая патриотическая деятельность религиозных организаций подталкивали руководство Советского Союза к более решительным шагам по дальнейшей нормализации государственно-церковных отношений.

Внутренние и внешние факторы, сложившиеся к лету 1943 года, предопределили шаги правительства в дальнейшем развитии государственно-церковных отношений. Властям необходимо было определить, в отношении какой из религиозных организаций будет сделан первый шаг в установлении официальных публичных связей. Собственно, речь могла идти только о русском православии, но либо о «сергиевской» («тихоновской») церкви, либо об обновленческой церкви. Сталин подошел к выбору с прагматической позиции.

Обновленческая церковь, возглавляемая митрополитом Александром (Введенским), не пользовалась широкой поддержкой верующих. Да и за рубежом среди автокефальных православных церквей обновленцы не были признаваемы, воспринимались как «раскольники» и «узурпаторы власти церковной». В противоположность им «тихоновская» церковь имела широкую поддержку среди верующих. Зарубежные православные церкви именно ее рассматривали как наследницу тысячелетнего русского православия и желали восстановления с ней отношений. Принимался во внимание и тот факт, что на оккупированных территориях немцы закрывали обновленческие храмы, обвиняя его духовенство в политической поддержке советских властей. И одновременно не препятствовали открытию «тихоновских» храмов и монастырей, полагая,

что священники и рядовые верующие этой церкви, испытывая резкую антипатию к большевикам, положительно воспримут оккупационный режим. Таким образом, политическая и религиозная ситуация в стране и за рубежом диктовала Сталину выбор в пользу «тихоновской» церкви.

Среди тех, кого Сталин допустил к обсуждению вопроса о взаимоотношениях государства и церкви, были В. М. Молотов, заместитель председателя Совнаркома СССР; Г. М. Маленков, начальник управления кадров ЦК ВКП(б); Л. П. Берия, нарком внутренних дел; В. Н. Меркулов, нарком госбезопасности. В тот же период решалось и какому органу поручить проведение новой религиозной политики. Первоначально решено было оставить это право за только что воссозданным (апрель 1943 года) Наркоматом государственной безопасности СССР (НКГБ). Этот наркомат еще в самом начале войны проводил специальные операции среди церковных организаций. Например, уже 22 июня 1941 года в плане агентурно-оперативных мероприятий значилась задача ареста «сектантов-антивоенников и разного антисоветского элемента, интернирование всех германских подданных». Нет сомнений, что среди арестованных по этому плану были представители самых различных религиозных организаций. Наркомат также входил с представлениями о целесообразности распространения листовок, посланий, обращений различных религиозных организаций к верующим в СССР и за его пределами.

Но очень скоро стало ясно, что ему эта деятельность явно не удастся (сказывались традиции 1930-х годов). К примеру, именно по требованию наркомата в мае 1943 года запрещена была такая форма патриотического служения Русской церкви, как шефство епархий над военными госпиталями, снабжение их продуктами питания, проведение концертов и посещение раненых

бойцов представителями приходов и духовенством. Это было расценено как недопустимые попытки «со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства»^[221]. К тому же среди религиозных организаций наркомат воспринимался как «наследник» ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Для внешнеполитического имиджа СССР тоже было лучше вывести (если не совсем, то хотя бы внешне) религиозные организации из-под контроля спецслужб.

В конце концов было решено для связи правительства с Русской православной церковью создать специальный орган. Тогда же родилась идея встречи Сталина с иерархами Русской православной церкви. К ней начали интенсивно готовиться. В канун планируемой встречи нарком госбезопасности В. Н. Меркулов активно ставил вопрос о возвращении в Москву из эвакуации руководителей религиозных центров, находившихся в тот момент в Ульяновске. В обращениях в ЦК ВКП(б) нарком, с одной стороны, отмечал «недовольство» митрополита Сергия длительным пребыванием вдали от Москвы, его «опасение» быть отстраненным от руководства церковью, с другой — необходимость перемещения церковных центров в Москву связывал с предполагаемым приездом в СССР делегации англиканской церкви и необходимостью активизации патриотической работы через церковные структуры на оккупированных территориях, где были открыты многие культовые здания^[222].

Органами госбезопасности были собраны обстоятельные материалы о состоянии церкви, сведения о ее здравствующих иерархах, патриотической деятельности духовенства и т. д. С ними тщательно ознакомился Сталин, которого интересовали не только социально-политические взгляды церковных лидеров, но

и подробности их личных судеб, быта и жизни в годы войны. Приведем краткую выдержку из биографической справки на митрополита Сергия, подготовленную в недрах спецорганов: «Как крупный церковный деятель широко известен в СССР и за границей. Владеет несколькими иностранными языками (японским, финским, английским, греческим, древнееврейским). Вступив на пост патриаршего местоблюстителя, мало чем отличаясь от предшественников в своих антисоветских взглядах, он, однако, резко отошел от политики демонстративной и открытой борьбы с Советской властью, провозгласив новую церковную политику на основе т. н. лояльного отношения к Советской власти. В этом сказалась некоторая прогрессивность митрополита Сергия. Осуществляя этот принцип, он вместе с тем стремится возродить церковь в прежних ее масштабах. С начала войны сам занял патриотическую позицию, организовал патриотическую деятельность во всей церкви и этой деятельностью руководит в настоящее время»^[223].

Судя по всему, предстоящая встреча и должна была стать первым шагом к налаживанию постоянных взаимоотношений между Русской православной церковью и Советским государством. Параллельно шли поиски того, кто мог быть назначен на пост вновь создаваемого государственного органа по связям с Московской патриархией.

...Самолет летел над самым лесом, почти касаясь верхушек деревьев. Дождь, облака, скрывавшие луну, заставляли летчиков чертыхаться и напряженно всматриваться во мглу. Однако условного огня все не было. Но вот налетевший порыв ветра на короткое время разогнал тучи, и внизу, справа, показались костры.

Спустя несколько минут в землянке, где располагался штаб партизанских отрядов на Украине, посланник с Большой земли передавал почту — всего

лишь один пакет. Раскрыв его и быстро пробежав глазами текст, командир бросил посыльному:

— Полковника Карпова в штаб! — Повернувшись к присутствующему здесь же летчику, добавил: — Обсушитесь у огня, чайку партизанского попейте.

Вскоре в землянку торопливо спустился моложавый, плотно сбитый, с приятным открытым лицом военный.

— Товарищ командир, полковник Карпов по вашему приказанию прибыл, — отрапортовал он.

— Садись, полковник. Знаю, ты с группой только что вернулся с задания, но, — командир указал на летчика, — ситуация резко изменилась. Короче, пришел приказ — быть тебе срочно в Москве.

— Товарищ командир, — подал голос летчик, — ночь на исходе... нам бы в путь, времени в обрез, да и погода...

— Ну что же, давай прощаться, Георгий Григорьевич, может, свидимся когда-нибудь.

На исходе дня 5 августа 1943 года Карпов входил в здание Наркомата госбезопасности. В приемной его уже ждали и сразу же провели к наркому В. Н. Меркулову. Разговор был краток.

— Полковник, вам предстоит вернуться в центральный аппарат наркомата и вновь возглавить отдел по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией. Хотя, признаюсь, придется над названием подумать, да и направление работы... будет несколько иным. Но об этом в другой раз. Сейчас о главном. В директивных органах принято решение официально легализовать религиозно-церковную жизнь в стране. С этой целью создается специальный орган при правительстве. Что это за орган и каковы его полномочия, пока полностью не определено. Хотя суть ясна: быть опосредующим звеном между правительством и православной церковью. Но вы его и возглавите, и доработаете все, что необходимо. Вам

дается ровно месяц, чтобы вникнуть во все проблемы православной церкви в стране и за рубежом. Через тридцать дней будете представлены Верховному и дадите все необходимые пояснения о церкви и работе нового органа.

На одном дыхании изложив перспективы, нарком наконец остановился. После паузы спросил:

— Вопросы есть?

— В чьем непосредственном подчинении я буду находиться?

— В моем и только моем.

— Будет ли мне придан оперсостав?

— Для начала можете отобрать себе троих. Дальше видно будет.

— Допуск к текущей информации и к архиву?

— Без ограничений, вас уже ждет рабочий кабинет, машина и все необходимое на первое время. — Нарком встал и, крепко пожимая подчиненному руку, произнес напоследок: — За работу, полковник Карпов. Это твой шанс. Желаю удачи!

Пожалуй, еще никогда за свою 45-летнюю жизнь Карпов не работал так напряженно. Поиск, сбор и обобщение информации о положении православной церкви в стране и за рубежом, на оккупированной территории, в европейских странах, на Ближнем Востоке. Обработка сведений, поступающих в НКГБ из партизанских отрядов, действующей армии, от самых различных источников информации за рубежом. Перехваты радиопередач немецких радиостанций и их союзников. Чтение церковных изданий, советской и иностранной прессы. И встречи, встречи, встречи — со всеми, кто мог дать сколь-либо полезную информацию о православной церкви, иерархах, духовенстве, активистах-мирянах.

Карпов со своими сотрудниками негласно посетил все действующие в Москве и ближнем Подмосковье

храмы — как православные, так и обновленческие. Обошел он и все мало-мальски известные закрытые в разные годы православные соборы и монастыри, проверяя собранную информацию о их состоянии и использовании.

В самом конце августа Карпов провел свою первую «операцию» — в Москву из эвакуации возвратился митрополит Сергей. В столице к тому времени находились митрополиты Ленинградский Алексей и Киевский Николай. Казалось, всё было подготовлено для решающего шага государства навстречу православной церкви.

Днем 4 сентября 1943 года, как и планировалось, Карпов был вызван в Кунцево на Ближнюю дачу Сталина и представлен председателю Совнаркома как возможный кандидат на пост председателя Совета по делам Русской православной церкви, создаваемого при Совнаркоме. Перед Сталиным лежали документы из личного дела Карпова, а также материалы о православной церкви и ее руководителях. И хотя вопрос о назначении был практически решен, он все же задал свои вопросы:

— Что из себя представляют митрополит Сергей и другие архиереи? Каков их авторитет среди православных верующих, отношение к власти?

— Старший из всех митрополит Сергей Страгородский: и по возрасту, и по авторитету. Живет скромно. Лоялен. Остальные во всем ориентируются на него. При их службах храмы полны народа. Много говорят патриотических проповедей, собирают деньги. На это же агитируют паству.

— Кто у нас был последним патриархом?

— Тихон — Московский и всея России.

— Как его избирали?

— На Поместном соборе, в ноябре семнадцатого года.

— Как живут православные церкви на Балканах, на Ближнем Востоке? Имеется ли связь с ними у нашей церкви?

— Достаточной связи нет. Поступают отдельные послания и информации. Но наладить это необходимо, поскольку православие в этих районах имеет сильные исторически обусловленные позиции в обществе и в государственных сферах. Русская православная церковь до революции там была неплохо представлена. Память о ней жива, и многие хотели бы возродить отношения на постоянной основе.

Интерес вождя к «иностранному православию» был вполне понятен. Он объяснялся приближающейся встречей руководителей стран антигитлеровской коалиции в Тегеране. Сталин был информирован, что союзники вновь обратятся к проблемам религиозной свободы в СССР, и ему хотелось иметь свои «козыри» на этой встрече.

Сталин поинтересовался мнением присутствующих здесь же Берии и Молотова относительно своего намерения принять в ближайшее время митрополитов Сергия, Алексия и Николая. Все выразили согласие. Сталин вопросительно посмотрел на Карпова, тот, помня наставление Молотова проявлять понимание и инициативу, не тушеваться, понял, что наступает момент его «боевого крещения» в новой должности. Он подошел к телефонному аппарату, набрал уже известный ему номер телефона в квартире митрополита Сергия:

— С вами говорит представитель Совнаркома Союза. Правительство имеет желание принять вас, а также митрополитов Алексия и Николая, выслушать ваши нужды и разрешить имеющиеся у вас вопросы. Правительство может принять вас сегодня же, через час-полтора. Если это вас не устраивает, то прием может

быть организован завтра, в воскресенье или в любой день следующей недели.

На другой стороне телефонного провода, казалось, давно ждали звонка и прозвучавшего предложения, а потому и ответом было согласие прибыть на встречу.

Поздним вечером 4 сентября 1943 года правительственный лимузин въехал в Кремль. В нем находились митрополиты Сергей, Алексей и Николай. В кабинете председателя Совнаркома, куда они пришли в сопровождении Поскребышева, их ждали Сталин, Молотов и Карпов.

Беседу начал Сталин, сказав, что ему хорошо известно о патриотической работе церкви, что в многочисленных письмах, поступающих в правительство с фронта и тыла, советские граждане, верующие и неверующие, одобряют эту позицию церкви. Да и сам он и правительство дают весьма высокую оценку церковным патриотическим инициативам. После такого вступления Сталин предложил иерархам высказываться.

Первым вступил в беседу митрополит Сергей:

— Самый главный для нас вопрос о центральном руководстве церкви, так как с 1935 года не действует Синод, а церковь управляется патриаршим местоблюстителем. Нужен созыв Архиерейского собора для избрания патриарха.

— Как будет называться патриарх? — спросил Сталин, ничуть не удивляясь прозвучавшей просьбе.

— Вопрос о титуле мы предварительно обсуждали и полагаем правильным, чтобы он звучал так: «Патриарх Московский и всея Руси».

— Когда можно будет собрать Собор? — продолжал Сталин.

— Думаю, в месяц управимся.

Улыбнувшись, Сталин спросил:

— А нельзя ли проявить большевистские темпы? — Обернувшись к Карпову, добавил: — Как вы думаете?

— Если помочь церкви транспортом, прежде всего самолетами, то, думаю, дня через три-четыре можно собрать Собор, — ответил Карпов.

— Так назначим дату 8 сентября... Если нужна какая помощь со стороны правительства: деньги, транспорт, помещения, то скажите, и мы все предоставим, — заключил обсуждение первого вопроса Сталин.

— Нет-нет, — поспешил ответить митрополит Сергей, — денег не требуется, у нас всё есть.

Положительное разрешение основной просьбы церкви прибавило смелости и спутникам митрополита Сергея. Они стали также ставить перед главой государства вопросы об открытии духовных школ, храмов и монастырей, об издании церковной литературы и организации свечных заводов и прочих необходимых церкви мастерских, о предоставлении духовенству отсрочек от армии и уменьшении налогообложения... На все Сталин отвечал утвердительно и лишь повторял: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР».

— Вот мне, — обращаясь к Сергию, сказал Сталин, — доложил товарищ Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Это неправильно, и правительство хотело бы вам в этих и в других вопросах помочь.

— Если это возможно, то мы просили бы предоставить для размещения патриархии и проживания патриарха игуменский корпус в бывшем Новодевичьем монастыре.

— Нет, это не годится. Товарищ Карпов там был и все осмотрел. Корпус неблагоустроенный, сырой, холодный, требует капитального ремонта. А мы хотели бы вам предоставить обустроенное и подготовленное

помещение немедленно. А потому завтра же в ваше ведение перейдет для размещения в нем патриархии особняк по адресу Чистый переулок, дом пять. — Заметив на лицах собеседников тень недоумения и тревоги, Сталин, понимая, чем это вызвано, сказал: — Это советское здание, в нем лишь временно размещался до войны немецкий посол в СССР Шуленбург. Да и к тому же предоставлено будет вам и все находящееся в нем имущество, и прилегающая к дому территория.

В этот момент в кабинет вошел помощник Сталина А. Н. Поскребышев и положил на стол план усадьбы, о которой шла речь. Он хотел было уйти, но Сталин остановил его словами:

— Александр Николаевич, дайте нам небольшое пояснение по плану.

— Иосиф Виссарионович, архивистами к плану подготовлена обстоятельная записка. Если позволите, прочитаю выдержку?

— Пожалуйста.

Поскребышев нашел в пачке документов нужные ему листы и зачитал:

— «Главный корпус усадьбы представляет собой одноэтажный деревянный дом на каменном фундаменте, с мезонином и антресолями. На первом этаже тринадцать светлых комнат, четыре темных чулана и коридор. Деревянная лестница ведет в мезонин, в котором темная комната и три светлых. Полезная площадь особняка была увеличена устройством антресолей — низких помещений в полуэтаже над помещениями первого этажа. В антресолях четыре светлые комнаты, имеющие одиннадцать окон, выходящих во двор. В каменном подвальном этаже находятся помещения людской, кухни, столовой и поварской. Дом имеет печное отопление, водопровод и канализацию. За главным зданием есть небольшой сад и хозяйственный двор с

двумя каменными амбарами и служебными постройками: конюшнями, погребями, кладовыми, сторожками и дворницкими».

— Так как, подходит? — улыбаясь и обращаясь ко всем иерархам, спросил Сталин.

— Да-да, вполне...

— Тогда еще мы прибавим для нужд патриархии два-три легковых автомобиля.

Свертывая план и собирая документы и материалы, Поскребышев как бы невзначай бросил:

— Одной из последних владелиц усадьбы была Мария Протопопова, и фронто́н фасада главного дома, выходящий в переулок, украшен ее вензелем, но теперь он может получить и другое толкование.

В конце беседы всплыли и «неудобные вопросы»: о судьбах иерархов, в разные годы осужденных и находившихся в местах лишения свободы, о снятии ограничений по прописке и выборе места проживания для духовенства, отбывшего свои сроки. Сталин дал обещание разобраться в каждом отдельном случае и поручил Карпову лично заняться этими проблемами.

Когда со стороны приглашенных просьбы и пожелания были исчерпаны, Сталин сообщил, что для постоянной связи правительства с церковью образуется специальный орган — Совет по делам Русской православной церкви, а его председателем назначается Г. Г. Карпов. Тот встал. Обращаясь к нему, Сталин обронил:

— Подберите себе двух-трех помощников, которые будут членами вашего совета, образуйте аппарат. Но только, во-первых, помните, что вы не обер-прокурор, а во-вторых, в своей деятельности больше давайте самостоятельности церкви.

Вступил в разговор и до сего времени молчавший В. М. Молотов:

— Когда руководство Русской церкви могло бы принять делегацию Англиканской церкви, желающей нанести визит в Москву?

— Думаю, сразу же после Архиерейского собора это можно было бы сделать, — ответил Сергей.

Отметим, что сама идея этого визита возникла еще в марте 1943 года при встрече митрополита Николая (Ярушевича) с советником посольства Великобритании в СССР Баггалеем. Ее активно поддержал и проводил в жизнь посол Великобритании в СССР А. Керр. Советские власти сроки визита делегации Англиканской церкви увязывали с внешнеполитическими обстоятельствами, в частности, с проведением в ноябре — декабре 1943 года Тегеранской конференции, где должен был обсуждаться вопрос об открытии второго фронта, и мнение Англиканской церкви о религиозной свободе в России создавало благоприятный фон для переговоров.

— Давайте тогда составим информацию для завтрашних газет, — предложил Молотов.

После завершения проекта текста заявления митрополит Сергей выступил с благодарственным словом в адрес правительства и лично Сталина.

Во втором часу ночи, сердечно попрощавшись с хозяином кремлевского кабинета, митрополиты возвращались в Елохово. Поздний час и усталость давали о себе знать, но все были взволнованны, радостны и полны радужных надежд.

Митрополит Сергей был под впечатлением от встречи. По обыкновению, несмотря на поздний час, он ходил по своей маленькой комнате и о чем-то думал. Келейник Иоанн (Разумов) вдруг услышал: «Какой он добрый! Какой он добрый!»

Келейник то ли сам себе сказал, то ли спросил:

— Так он неверующий? Разве можно от такого ждать добра?

— А знаешь, Иоанн, — остановившись напротив, сказал Сергей, — кто добрый, у того в душе живет Бог.

После непродолжительного отдыха ранним утром 5 сентября митрополит Сергей прибыл в Богоявленский собор. То была его первая встреча с московской паствой спустя почти два года. Хлебом-солью встретили москвичи своего владыку. Несмотря на ранний час, храм был переполнен. Неясные слухи и предположения о ночной поездке владыки в Кремль уже витали в воздухе. Все ожидали разъяснений. В завершении службы митрополит Сергей кратко сообщил о состоявшейся беседе со Сталиным и о Соборе епископов, который намечено созвать в самые ближайшие дни, а также о переезде учреждений патриархии в новое здание, где уже кипела работа по его расконсервации и необходимому ремонту.

Утренние газеты вышли с сообщением ТАСС о встрече Сталина с митрополитами Русской церкви. Из него читатели не только в СССР, но и за рубежом поняли, что в Советской России начинаются новые времена для церкви.

В этот же день митрополиты Сергей, Николай и Алексей написали «дорогому Иосифу Виссарионовичу» письмо с «благодарностью» за «исторический день свидания» и подчеркнули, что «Русская церковь никогда не забудет того, что признанный всем миром Вождь — не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах церкви поднял дух всех церковных людей к еще более усиленной работе на благо дорогого Отечества»^[224].

Очевидно, что события прошедшей ночи и шаги, которые необходимо было предпринять для возрождения церкви, вновь и вновь обсуждались и между иерархами, и совместно с другими церковнослужителями. Понятно, что наиболее сложным было наметить ту линию практических

взаимоотношений с государством, которая позволяла бы реализовать состоявшиеся договоренности и вместе с тем сохранять внутреннюю свободу церкви.

Во главе церковного возрождения

Сразу после встречи церковных деятелей со Сталиным началось практическое претворение в жизнь достигнутых договоренностей.

8 сентября в новом здании патриархии, уже наскоро преображенном — прежде всего, в главном доме усадьбы был устроен крестовый храм в честь Владимирской иконы Божьей Матери, зал заседаний Синода (Красный зал), другие представительские помещения и личные покои святейшего владыки Сергия — собрался Архиерейский собор Русской православной церкви. Съехалось 19 иерархов: три митрополита, 11 архиепископов и пять епископов. Удивление и волнение читалось на лицах собравшихся, многие из которых не видели друг друга много лет и даже десятилетий, будучи в заключении, да к тому же буквально только что сошли с трапа самолетов или с поездов, доставивших их в Москву.

В 11 утра пением тропаря Казанской иконе Божьей Матери «Днесь светло красуется славнейший град Москва» открылись заседания Собора. В его повестке значилось семь вопросов, касавшихся устройства церковной жизни, но все понимали, что главным будет вопрос об избрании патриарха Московского и всея Руси.

Открыл собор патриарший местоблюститель митрополит Сергий. Он прочитал доклад о патриотической деятельности церкви в военное время, напомнил о выпущенных им двадцати трех посланиях и ряде посланий правящих архиереев; о сборе средств и других пожертвований на оборону страны. Отдельно прозвучала информация о встрече со Сталиным и

достигнутых в ходе нее договоренностей. Ключевыми фразами, объяснявшими патриотическую позицию церкви, стали следующие слова митрополита к собравшимся: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что прежде, чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось — фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили... Так что даже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию, кроме той, какую мы заняли, то есть безусловно отрицательную ко всему, что несет на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране»^[225].

Затем перед иерархами с докладом «Долг христианина пред Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны» выступил митрополит Алексей (Симанский). Все содержание доклада было посвящено ответу на вопрос, который митрополит сам же перед собой и поставил: «Где же и как выковывается победа?» Его ответ заключался в том, что для победы нужны не только «усовершенствованные орудия борьбы: воздушные истребители и бомбардировщики, бронепоезда и танки, пулеметы и артиллерия», но и «нравственные условия победы», дающие воодушевление воинству и народу, помогающие переносить лишения и жертвы и зовущие к Победе. А это — твердая вера в Бога, религиозный подъем духа, сознание правды ведомой войны, сознание долга пред Богом и Родиной^[226].

По окончании доклада он обратился к главной теме, ради которой, собственно, и собрались иерархи, — к избранию патриарха. Алексей говорил:

— В настоящее время мы здесь собрались Собором епископов, чтобы избрать святейшего патриарха. Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий... Я считаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для церкви в звании патриаршего местоблюстителя.

Обращение митрополита встречено было с восторгом, раздались возгласы:

— Просим, просим! Аксиос! (Достоин!)

— Может быть, есть другое мнение? — спросил митрополит Сергей, привстав из-за стола.

В ответ раздалось:

— У нас полное единение, епископат единодушен в своем мнении.

Все встали и трижды пропели:

— Аксиос!

Услышав единогласное мнение Собора, митрополит Сергей ответил кратким прочувствованным словом:

— Это избрание меня патриархом будет продолжением того служения, которое выпало мне много лет назад. Но теперь оно делается только более ответственным, потому что сопровождается такой необычной почетностью, которая требует и необычайного исполнения этого служения. Я благодарю за то, что вы остановились на мне и вручаете мне продолжение служения в новом звании. Прошу у всех молитв и всяческого содействия.

Митрополит Алексей объявил формулу поминания святейшего патриарха, которая звучала отныне так: «Святейшего Отца нашего Сергия, патриарха Московского и всея Руси».

В общем воодушевлении члены Собора встали и пропели тропарь Святой Троице «Благословен еси, Христе Боже наш». Протодиакон произнес первое

официальное публичное многолетие: «Блаженнейшему Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, избранному патриарху Московскому и всея Руси». Так свершилось главное дело Собора. Церковь обрела своего возглавителя.

В тот же день был избран и Священный синод при патриархе, состоявший из трех постоянных и трех временных членов. Постоянными членами стали митрополиты Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич), архиепископ Горьковский Сергей (Гришин). Временных членов предполагалось выбирать в порядке старшинства на полугодовые сессии от каждой из трех групп епархий: северо-восточной, центральной и южной. Первыми, кто был приглашен, стали архиепископы Куйбышевский Алексей (Палицын), Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), Ярославский Иоанн (Соколов).

Одновременно Собор принял ряд важных церковно-общественных документов: декларацию об осуждении изменников веры и Отечества из числа духовенства и верующих, запятнавших себя предательством и сотрудничеством с оккупантами; обращение к советскому правительству с выражением благодарности за внимание к «нуждам Русской православной церкви» и благословение на труды правительства СССР; обращение ко всем христианам мира с призывом «дружно, братски, крепко и мощно объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

12 сентября, в День памяти святого князя Александра Невского, покровителя земли Русской, в Богоявленском кафедральном соборе состоялась интронизация (возведение на престол) новоизбранного патриарха. Встреченный всем Собором епископов и представителями московского духовенства и паствы патриарх, приложившись к кресту, поднесенному кафедральным протоиереем, взшел на кафедру посередине храма. Протоиерей Колчицкий огласил

Деяние Собора об избрании митрополита Сергия и о присвоении ему звания Святейшего патриарха Московского и всея Руси. Весь сонм духовенства, а за ним и вся полная народу церковь провозгласили троекратное «Аксиос!». Митрополит Киевский Николай поднес патриарху куколь, тот возложил его на себя. Вслед за этим митрополит Ленинградский Алексий поднес Святейшему патриарший жезл. Протодиакон вновь возгласил многолетие.

Затем последовали выступления маститых иерархов, из их речей зримо предстал жизненный путь патриарха — выдающегося богослова и церковного деятеля. Особенно выделялась его деятельность во времена «раздора и разброда в Церкви» в 1920-1930-х годах, заслуги его как «церковного кормчего» в период местоблюстительства. Архиепископ Григорий (Чуков) так выразил общее настроение: «Тяжелый крест выпал на долю митрополита Сергия; скорбен был путь, которым пришлось идти ему — второму местоблюстителю, и епископы не все признавали его, и в народе враги Церкви старались возбудить против него злые слухи, но он — глубоко убежденный православный канонист — твердо отмежевался от всякой нелояльной в отношении государства работы, на которую толкали его некоторые из его собратьев епископов. Он помнил слова Христа: „Воздадите кесарево кесарю и Божие Богу“, и эти божественные слова легли в основу его деятельности как патриаршего местоблюстителя. Он занялся исключительно устройением Церкви и твердо держался строгой церковной линии»^[227].

В день интронизации Сергей обратился к пастве со своим первым патриаршим посланием. Извещая верующих о «восприятии патриаршего сана», Сергей призвал их «трудиться над очищением церковной ограды от всяких нестроений», устроить церковную жизнь по церковным правилам, охранять православную

веру, всемерно участвовать в общецерковном подвиге противостояния захватчикам^[228].

С избранием на Патриарший престол патриарх Сергей получил множество телеграмм, писем, посланий от духовенства и верующих Советского Союза, а также из-за границы: из Стамбула, Дамаска, Иерусалима, Ливана, Лондона. Из Нью-Йорка пришло поздравительное письмо от митрополита Вениамина (Федченкова), который писал: «...хотя формы избрания Вашего не отвечали по букве постановлению Московского Собора 1917–18 гг. (разумею путь жребия из трех кандидатов), но, как изволили Вы и сами учить нас, Церковь есть Божий орган, и, как таковой, Она — свободна, — подобно как свободен и Сам Дух Святой, действующий в ней, и Церковь вольна принимать формы, какие ей угодны. В данном случае воля Церкви в избрании именно Вашего Святейшества была совершенно очевидна. И потому если и не соблюдена была буква, то исполнена воля той же самой Церкви, которая в свое время избрала иную форму. Буди благословенно имя Церкви Божией, Исполла Вашему Святейшеству и всем братьям Вашим, соепископам, действительно единодушно исполнившим волю Церкви». Пришла телеграмма и с родины патриарха, из Арзамаса, от священника Николая Попова, писавшего: «От лица всех верующих Арзамаса поздравляю с избранием на высокий пост. Многая лета патриарху всея Руси».

Казалось, в жизни Сергея после избрания патриархом внешне ничего не изменилось. Но если в звании местоблюстителя он мог надеяться, что его человеческие слабости и ошибки будут исправлены законно избранным патриархом, то теперь, облеченный новыми правами и обязанностями, Сергей, не имея права на ошибку, должен был поступать по «правде Божией», чтобы вести людей к «вечному спасению»... Легла на него и другая сложная и ответственная роль —

предстательствовать перед государством за всю церковь.

Избрание патриарха Московского воспринято было с одобрением не только в Советском Союзе миллионами верующих, но и большинством зарубежных автокефальных православных и иных христианских церквей. Поздравительные послания по случаю своего избрания Сергей получил от патриархов Константинопольского, Александрийского и Антиохийского. Эти свидетельства восстановления, пока заочно, связей с зарубежными религиозными центрами давали надежду, что в самом ближайшем будущем станут возможны и посещения Москвы главами и делегациями христианских церквей, и поездки делегаций Русской церкви за рубеж.

Первой за многие годы иностранной церковной делегацией, посетившей СССР, стала делегация англиканской церкви: архиепископ Йоркский доктор С. Ф. Гарбет, священники Ф. Г. Хаус и Г. М. Уаддамс^[229]. За те десять сентябрьских дней 1943 года, в течение которых делегация была в Советском Союзе, ее члены встречались с патриархом и иерархами Русской церкви, посещали московские церкви, участвовали в богослужениях в кафедральном соборе, выезжали в Ново-Иерусалимский монастырь в городе Истре и в село Коломенское. Делегацию интересовали различные аспекты религиозной жизни в СССР, будь то наличие действующих церквей, восстановление разрушенных и открытие новых храмов, мобилизация духовенства в армию, возможность изучения религии в школах, наличие духовных учебных заведений и открытых монастырей, деятельность «Живой церкви».

На прощальной встрече с патриархом Сергием архиепископ Йоркский С. Ф. Гарбет, выражая благодарность за гостеприимство, пригласил делегацию Русской церкви посетить Великобританию. Говоря о

своих впечатлениях от Москвы, состоявшихся встречах и возрождающейся церковной жизни, он заявил: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать меня: „Есть ли в России свобода отправления религиозного культа“, и я отвечу, что, безусловно, да»^[230].

Так и произошло. По возвращении архиепископ С. Ф. Гарбет неоднократно выступал публично и на страницах печатных изданий, делясь своими впечатлениями о церковной жизни в СССР. В одной из статей он писал: «Не может быть никакого сомнения в том, что церковная служба ничем не ограничена. Православные священнослужители говорили нам об этом со всей категоричностью. Сталин является мудрым государственным деятелем, который сознает, что Церковь больше не поддерживает старый режим, она лояльно принимает существующий строй, она душой и телом стала помогать общенародному делу, она возносит молитвы и трудится во имя победы, и сделала она это сразу, без малейших колебаний, в первый же день, как была объявлена война»^[231].

Внешнеполитический эффект от визита был огромным и, несомненно, оказал воздействие на позицию союзников, готовившихся в эти дни к встрече в Тегеране для обсуждения злободневного вопроса об открытии второго фронта.

Избрание патриарха, став логической точкой в политике власти в выборе «основного партнера» из двух православных ветвей — «тихоновской» и обновленческой, губительным образом отразилось на положении обновленческой церкви. Все чаще духовенство и верующие сталкивались с проблемами при открытии храмов, регистрации священнослужителей по месту службы, издании религиозной литературы. Появились, пока единичные, случаи возвращения

обновленческих храмов в Патриаршую церковь. Некоторые из обновленческих иерархов вступили в негласные переговоры с иерархами Патриаршей церкви об условиях возможного возвращения в Патриаршую церковь.

Как выразился историк обновленчества, «на сентябрьском рубеже 1943 года это слово („обновленчество“. — *М. О.*) теряет смысл даже и для активнейших деятелей обновленчества, и они бегут из этого стана, как мыши с тонущего корабля»^[232]. Свидетельство тому можно найти в переписке обновленческих иерархов. В частности, митрополит Василий (Кожин) сообщал еще в марте 1943 года митрополиту Виталию (Введенскому): «Не могу скрыть от Вас того обстоятельства, что издание Московской патриархией в 1942 г. книги „Правда о религии в России“ и газетные сообщения о пожертвованиях тихоновских иерархов создали такое впечатление, как будто обновленчество сходит с исторической сцены и потому замечается определенное тяготение среди верующих и духовенства к „сергиевщине“»^[233].

А в записке архиепископа Анатолия (Синицына) на имя обновленческого епископа Ташкентского Сергия (Ларина) говорилось: «У нас же в обновленчестве не чувствуется никакого руководства, утрачиваются последние приходы. В Московской области у староцерковников уже 109 приходов, а у нас не больше 9. Убийственное соотношение сил. Архиепископы и епископы у нас вместо назначения на кафедры получают настоятельские места или остаются не у дел. Обновленчество теряет свое лицо»^[234].

Добавим, что в середине 1943 года в обновленческой церкви насчитывалось всего 13 иерархов и 10 состояли на покое. Тогда как еще пять лет назад, в 1938 году, обновленческий епископат насчитывал 60 человек.

Ряд иерархов обновленческой церкви стремились найти пути спасения церковного корабля, для чего в Ташкенте, в резиденции обновленческого епископа Ташкентского и Самаркандского Сергия (Ларина), в начале октября было созвано совещание. Намечено было в обход Александра Введенского избрать коллегиальный орган управления церковью, который должен был войти в общение с Патриаршей церковью о возможности воссоединения. Однако и среди собравшихся, и среди поступивших письменных отзывов преобладал пессимизм. Митрополит Ярославский и Костромской Корнилий (Попов) писал: «Лично я настроен относительно состояния Первоиерарха и обновления пессимистически, с назначением патриарха дела Первоиерарха в обновлении куда как не блестящи. Правда, конечно, то, что народная верующая масса, особенно здесь, около Москвы, тяготеет к патриарху: это слово „патриарх“ для нашего народа какое-то очаровательное слово, вся святость в нем, думают они»^[235]. Признание этого иерарха особенно показательно, поскольку на протяжении длительного времени он был одним из давних и ярых сторонников обновленчества.

Обобщив поступившие в совет материалы, Карпов в середине октября 1943 года в докладной записке на имя Сталина, испрашивая его указаний, писал: «Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы и принимая во внимание патриотические позиции сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в Патриаршую сергиевскую церковь»^[236].

Записка Сталину понравилась. Красный карандаш его начертал: «Правильно. Согласен с Вами». Такого же мнения придерживался и В. М. Молотов. 16 октября в адрес местных органов власти в республиках, краях и областях Советского Союза ушло следующее секретное указание: «Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР сообщает для сведения, что в тех случаях, когда обновленческое духовенство по своему желанию переходит из обновленческой ориентации в патриаршую сергиевскую церковь, препятствовать не следует. Также не следует препятствовать переходу групп верующих или в целом приходов по желанию верующих из обновленческой в Сергиевскую церковь. Условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергей и на месте его епископат» ^[237].

Вопрос о возможности возвращения в лоно православной церкви обновленческого епископата и духовенства обсуждался в Синоде уже в октябре — декабре 1943 года. По мнению патриарха Сергия, наступил тот момент, когда церковь «выходит навстречу блудному сыну и содействует его обращению». Вместе с тем обновленческий епископат не мог рассчитывать на «автоматическое» прощение своих прегрешений перед церковью. Патриарх в своей резолюции, наложенной на одну из многих записок обновленческого архиерея, жестко обозначил суть обновленчества как «самочинного сблища», отколовшегося от святой церкви «и иной алтарь водрузило» (св. Апп. Прав. 31). И не только водрузило алтарь для себя, но и всячески воевало против святой церкви, стараясь отторгнуть за собой церковных овец. Это — грех, который не омывается, по учению Святых Отцов, «даже мученической кровью». Только через раскаяние, осознание этого греха и покаяние, подчеркивал

патриарх Сергей, возможно просить «общения со Святой православной церковью»^[238].

Тогда же разработаны были правила приема обновленцев. Согласно им каждый из возвращающихся должен был покаяться перед духовником, указанным церковной властью, и отказаться от всех наград, полученных в расколе. Предусматривалось, что те клирики, которые «усмотрены будут содействующими для воссоединения других и поставлены каноническими архиереями, могут быть приняты в сущем сане» и покаяние они должны будут принести до Пасхи 1944 года. Для некоторых из обновленческих деятелей предусматривались и «индивидуальные исключения». Единственным, кто не подпадал под все правила и исключения, был Александр Введенский, который не мог быть принят не только в сане епископа, но и священника, поскольку был трижды женат.

5 ноября 1943 года в зале заседаний Священного синода в Москве был совершен чин приема в Патриаршую церковь первого обновленческого архиерея — архиепископа Михаила (Постникова). Он публично принес покаяние за уклонение в обновленческий раскол. «Придя к сознанию всего совершенного мною, — читал он текст своего покаяния, — я глубоко сожалею, что находился с обновленческой корпорацией, и искренно в этом раскаиваюсь. Ни на какие чины, полученные как награда, я не претендую, я только смиренно прошу принять меня в общение со святою православною церковью, причем заявляю, что всякое сношение с обновленчеством порываю»^[239]. Михаил был принят в сане епископа, как рукоположенный еще в 1922 году до возникновения обновленческого раскола.

Через месяц путем покаяния последовали другие обновленческие архиереи: митрополит Корнилий (Попов), архиепископ Андрей (Румянцев), епископ

Сергий (Ларин). Покаяния архиереев проходили, как правило, в зале заседаний Синода. Всего его принесли 38 обновленческих архиереев. Покаяние рядового духовенства совершалось келейно — в алтаре храма. Епархии, особо «пораженные обновленчеством», принимались в состав Патриаршей церкви специально назначаемыми патриархией епископами, которые принимали окончательное решение после их тщательной «ревизии». Спустя некоторое время по стране прокатилась волна ликвидации обновленческих общин, возвращения духовенства и верующих в Патриаршую церковь.

Поздней осенью 1943 года Александр Введенский возвращается в Москву из Ульяновска. Он вступил в управление Московской обновленческой епархией и каждое воскресенье служил в немногочисленных обновленческих храмах, проводя пышные богослужения, пользуясь патриаршими почестями, проповедуя, призывая духовенство и паству укреплять церковь. По сложившейся традиции Введенский к годовщине Октябрьской революции направил поздравительную телеграмму в адрес И. В. Сталина. Ответная телеграмма была напечатана в центральных газетах, однако глава государства обращался к Введенскому со словами благодарности не как к церковному деятелю, а как к частному лицу. То был неблагоприятный симптом.

В декабре 1943 года у Введенского родилась дочь. Он выхлопотал себе пропуск в Ульяновск, где до того времени находилась его семья, и уехал туда в надежде на скорое возвращение и активизацию усилий по спасению обновленческой церкви.

Совет продолжал наблюдать за ситуацией, сложившейся в обновленческой среде. Карпов регулярно информировал Молотова о ходе распада обновленчества. При встрече в январе 1944 года председатель совета сообщил о переходе

обновленческих приходов и иерархов в Патриаршую церковь в Ленинградской, Московской, Тульской областях, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Средней Азии. По его словам, обновленчество переживало глубокий кризис, но вместе с тем его интересовало, следует ли проводить «специальные мероприятия», прежде всего в Краснодарском и Ставропольском краях, остававшихся «оплотами обновленчества».

Думается, что одно из «специальных мероприятий» как раз и было связано с пребыванием А. Введенского в Ульяновске. При попытке вернуться в Москву уже на ульяновском железнодорожном вокзале при проверке документов произошла заминка: пропуск на въезд в Москву был признан недействительным, и Введенскому пришлось больше запланированного времени оставаться в Ульяновске. Каждый день он звонил в Москву и из разговоров с архиепископом Андреем (Расторгуевым) узнавал все новые удручающие известия: московские храмы один за другим отходили от обновленчества и возвращались в Патриаршую церковь. Не лучше обстояли дела и в провинции, в Средней Азии, на Кубани и Северном Кавказе.

Когда вопрос о проезде в Москву был улажен и Введенский вернулся в столицу, его ожидали нерадостные известия: в Москве верными ему остались всего два епископа — митрополит Виталий (Введенский) и митрополит Северно-Уральский Филарет (Яценко). Фактически распались все обновленческие епархии, да и в самой Москве действовал только один обновленческий храм.

В феврале 1944 года Введенский по собственной инициативе пришел в совет на встречу с Карповым. Он ставил вопрос о предоставлении ему одного из недействующих в Москве культовых зданий или возвращении Воскресенского храма в Сокольниках, о

перемещении епископов и назначении новых епископов на обновленческие кафедры. Ответ Карпова был уже стандартным: здания передаются по просьбам верующих, а таковых от обновленческих общин не поступало, а назначение епископов в регионы СССР, где нет действующих обновленческих общин, недопустимо^[240].

Введенский пытается еще как-то реанимировать церковь, ведет работу с остающимися ему преданными иерархами и духовенством, заклиная их оставаться верными подлинной православной церкви — обновленческой. Но это мало помогало. Продолжались возвращения иерархов в Патриаршую церковь, а вслед за ними — духовенства и приходов. Порой обновленческие иерархи просто изгонялись из епархии как «обманщики и лиходеи церкви» возвращающимися в Патриаршую церковь верующими.

Особенно тяжело воспринят был Александром Введенским уход в марте 1944 года из обновленчества и принятие, через покаяние, в Патриаршую церковь бывшего первоиерарха обновленческой церкви митрополита Виталия (Введенского), который своим авторитетом, как законный по рукоположению епископ, был идейной опорой обновленцев. Это было болезненно, поскольку Введенский помнил, как еще месяц тому назад убеждал Карпова в жизнестойкости обновленческого Пименовского храма в Москве, где служил Виталий и куда к нему на службу стекалось огромное число богомольцев, и свои слова, что митрополит Виталий «скорее умрет, чем перейдет в Патриаршую церковь».

Оставшись в одиночестве, теснимый со всех сторон, Введенский предпринимает попытки примирения с Патриаршей церковью, тем более что до окончания срока приема обновленческих архиереев времени уже почти не оставалось. О первой из них мы узнаём из

письма патриарха Сергия епископу Александру (Толстопятову) от 20 апреля 1944 года: «А. Введенский решил сделать нечто великое или, по крайней мере, громкое. Прислал мне к Пасхе телеграмму: „Друг друга обьемем!“. Меня называет представителем русского большинства в нашем православии, а себя представителем меньшинства. А закончил какой-то арлекинадой, подписался первоиерархом, доктором богословия и доктором философии. Я ответил: „Введенскому А. И. Воистину Христос Воскрес! Патриарх Сергий“. Дело, мол, серьезное и дурачиться при этом совсем не к месту. Кстати, на второй день я служил в Сокольниках, в бывшем гнезде обновленцев. В числе сослужащих был епископ Виталий, их первоиерарх, а настоятелем Расторгуев, протоиерей — бывший архиепископ»^[241].

Безрезультатно закончилась эта попытка «личного воссоединения» Введенского с Русской церковью. Патриарх Сергий категорически отказался «воссоединяться» и настаивал на полном признании обновленцами своего «греха отступничества».

Обновленческий первоиерарх служил в единственном обновленческом храме Москвы — Пименовском храме вместе с митрополитом Филаретом (Яценко). Храм производил жуткое впечатление: давно не ремонтировавшийся, с осыпающейся штукатуркой, потускневшей живописью, стены от влаги, проникавшей внутрь через протекавшую крышу, имели красноватый оттенок. Храм нес на себе печать «мерзости запустения».

Постепенно в лоно Патриаршей церкви стали возвращаться епископы и духовенство, относившиеся к числу так называемых «непоминающих», тех, кто отделился от нее в конце 1920-х годов после подписания митрополитом Сергием декларации 1927 года. Наиболее авторитетный среди «непоминающих» епископ

Афанасий (Сахаров) из Мариинских лагерей прислал Сергию поздравление по случаю избрания на Патриарший престол и просил принять его в общение с церковью. Вслед за ним на этот путь встали и другие епископы из числа «непоминающих». За ними пошла и паства. Лишь небольшая ее часть, называвшая себя «истинными православными христианами», осталась вне Патриаршей церкви. Их немногочисленные группы находились в Воронежской и Тамбовской областях, на Северном Кавказе и в Сибири. Властями они рассматривались как «антисоветские организации», в отношении которых допустимы меры административно-репрессивного характера вплоть до арестов и ссылок.

По мере возрождения церкви Сергей стремился к тому, чтобы каждый храм имел священника. Большие надежды при этом возлагались на духовные учебные заведения, управление которыми должен был взять на себя Учебный комитет во главе с митрополитом Ленинградским Григорием (Чуковым) в составе Н. Ф. Колчицкого и профессора С. В. Савинского. Комитет, понимая, что в короткое время ему не удастся найти достаточное количество преподавателей, просил разрешения на въезд в СССР нескольких профессоров-богословов из-за рубежа, но поддержки эта просьба не нашла. Уже в конце октября 1943 года были разработаны основные документы, относящиеся к деятельности богословского института и богословско-пастырских курсов в Москве. Они активно обсуждались и в Синоде, и в совете. Церковь первоначально надеялась, что под нужды школ будут возвращены здания бывших духовных учебных заведений: в Харитоньевском переулке, на улице Ордынка или на территории бывшего Новодевичьего монастыря. В основу программ богословских школ были положены соответствующие программы дореволюционных академий и семинарий. По инициативе Карпова в программу введен был курс,

посвященный изучению Конституции СССР и законодательства о религиозных культах. Перечень учебных предметов, предполагаемых к изучению в духовных школах, выглядел следующим образом^[242]:

Богословский институт	Богословско-пастырские курсы
Священное Писание Ветхого и Нового Заветов	Чтение и объяснение избранных мест из Священного Писания Ветхого и Нового заветов
История Христианской церкви	История Христианской церкви
История Русской церкви	История Русской церкви
Христианская апологетика	Христианская апологетика
Литургика	Литургика
Церковное проповедничество и научение истинам веры	Церковное проповедничество
История и разбор русского сектантства и раскола	Сектоведение и расколоведение
Чтение богослужебных книг на церковнославянском языке	Церковнославянский язык
Нравственное богословие	Православное веро- и нравоучение
Пастырское богословие	Практическое руководство для пастырей церкви
История религии	Библейская история
Церковное пение	Церковное пение и регентоведение
Аскетика	Православный катехизис
Конституция СССР	Конституция СССР

Председатель совета всемерно содействовал ускорению процесса открытия духовных школ. Ему приходилось преодолевать сопротивление отдельных сотрудников аппарата совета, которые «не видели необходимости» в открытии духовных школ. Выступая на заседании членов совета, Карпов говорил: «Отказать в этом вопросе — значит подчеркнуть обратное, а не декларируемую свободу совести. Церковь нуждается в кадрах. Подготовка новых священнослужителей несколько освежит и даст возможность иметь молодой

состав, который родился и обжился в условиях советской современной обстановки. Они не вкусили ту психологию, мораль, политику, которая была в период монархизма»^[243].

Как было условлено на сентябрьской встрече в Кремле, со всеми вопросами, по которым требовалось решение правительства, церковь должна была предварительно обращаться в Совет по делам Русской православной церкви. Вот и на этот раз глухой осенью 1943 года патриарх приехал в совет и вошел в кабинет Карпова.

— Георгий Григорьевич, — после приветствия начал Сергей, — еще на Архиерейском соборе мы условились начать практическую работу по открытию богословского института. Я хотел бы услышать ваше мнение о кандидатуре протоиерея Боголюбова, которого мы хотели бы поставить во главе института.

— Иван Николаевич, — по заведенной традиции Карпов чаще всего именно так обращался к патриарху, — дело ваше... — Председатель встал, подошел к книжному шкафу в глубине своего кабинета и продолжил: — Здесь у меня томики «Деяний» Поместного собора 1917–1918 годов. Закладки разные... Могу зачитать, что Боголюбов говорил о большевиках, о власти советской, его призывы к борьбе...

— Да ведь это все в прошлом, — заверил Сергей. — Сейчас другое время, другие условия. Что этим попрекать.

— Всё так. Но нам не хотелось бы, чтобы молодое поколение православного духовенства начинало свое образование у этого человека.

— Ну, раз так, — со вздохом проговорил патриарх, — пусть будет по-вашему. Только трудно нам будет другого сыскать... Кадров-то церковных нет.

— Ваше святейшество, — спросил вдруг Карпов, — не слышно ли чего о митрополите Александре Введенском?

— Как не слышно, на днях аудиенцию просил. Не принял я его. Не о чем мне с ним говорить.

— Так-то оно так, по-церковному, может, и не о чем. Но нам-то как быть? Кое-где церкви обновленческие действуют и верующие их поддерживают. Хотя, по правде говоря, все же зачастую они «на ладан дышат». С мест сообщают, что отдельные священники и верующие поговаривают о возвращении в Патриаршую церковь.

— Что касается самого Введенского, то при всем желании он не может быть принят в православную церковь не то что епископом, но и простым священником. Рядовых же батюшек и верующих при определенных с их стороны заявлениях и действиях будем по возможности принимать в лоно церковное.

— И еще у меня есть к вам вопрос. Наши друзья просили узнать: нет ли возможности... — Карпов помолчал, подыскивая слова, — ...обучить, проэкзаменовать и проинструктировать нескольких лиц из сербских и румынских военнопленных, назвавших себя священниками? Предполагается направить их полковыми священниками в формирующиеся национальные воинские части.

— Почему нет? Даже очень рады помочь братским церквям.

Обо всех своих встречах с патриархом председатель докладывал, как правило, заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову, а в некоторых случаях по подсказке последнего писал официальные рапорты на имя Сталина. Получая письменные или устные распоряжения от этих руководителей, Карпов и выстраивал свою линию поведения. Он не чурался и личных отношений с патриархом Сергием, хотя в партийных сферах к ним относились весьма недоброжелательно и неоднозначно. В архивах сохранилось немало «сигналов» тех, кто не одобрял

«линии совета» на нормализацию отношений с церковью и хотел бы возвращения к былым временам, к твердости, решительности и наступательности по отношению к «попам». Карпову приходилось лавировать, скрывая свои действия от «любопытствующих» под грифом «секретно» или «для служебного пользования». История распорядилась так, что лишь в самом конце 1980-х годов стала возможной публикация этих интереснейших документов.

С осени 1943 года начинается возрождение и монастырской жизни. На тот момент действовало более тридцати монастырей, в большинстве своем открытых в период оккупации. Во всех монастырях насчитывалось более трех тысяч монашествующих. В дни религиозных праздников монастыри посещало огромное количество паломников. Почти все монастыри вели свое хозяйство: земледелие, ремесла, различные промыслы. Московская патриархия ходатайствовала перед правительством не препятствовать их деятельности. Такой же позиции придерживался и совет. По его представлению правительство СССР своим особым постановлением предложило совнаркомам республик, на территории которых находились монастыри, «впредь до особых указаний не препятствовать их деятельности и сохранить за ними занимаемые ими жилые и служебные помещения, находящиеся в их пользовании земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь и подсобные мастерские».

Активизируется в 1943-1944 годах издательская деятельность Русской церкви. Выпускались настольные и настенные календари, молитвенники, богослужебная литература. К изданной в 1942 году книге «Правда о религии в России» добавилась новая — «Русская православная церковь и Великая Отечественная война» (1943).

На долгие годы основным официальным изданием Русской православной церкви стал «Журнал Московской патриархии». Первый номер журнала, как указано на обложке, вышел 12 сентября 1943 года, в обращении редакции к читателям сообщалось: «По благословению Святейшего патриарха Московская патриархия, с Божией помощью, приступает к изданию печатного органа, который будет содержать официальные распоряжения Святейшего патриарха по церковным вопросам, его послания, постановления и определения Святейшего патриарха и Священного синода, патриотические выступления Святейшего патриарха и других церковных деятелей, статьи богословского характера, календарные сведения и различные заметки, касающиеся жизни Церкви. Потребность в издании такого печатного органа давно назрела, и потому редакция надеется, что появление его будет встречено духовенством и всем церковным обществом с живейшим сочувствием»^[244]. Сергей был очень придирчивым редактором поступавших в патриархию для публикации материалов.

На страницах «Журнала Московской патриархии» публиковались статьи о патриотической деятельности церкви, о героизме Красной армии и советского народа, о преступлениях фашистов в отношении народов Советского Союза и религиозных объединений, информация об участии духовенства в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию немецких злодеяний. Постоянно присутствовали материалы по исторической тематике и культурному наследию славянских народов, о памятниках письменности, иконописи, храмоздательстве.

Церковь информировала через журнал свою паству об антихристианской сущности фашизма. Публиковались статьи, в которых подвергались осуждению стремления

идеологов нацизма построить «новую религию». К примеру, ее содержание и направленность так характеризовал протоиерей Александр Смирнов в статье «Противники Креста Христова»: «Вместо Христа — фюрер; вместо креста — языческая свастика; вместо вечной книги жизни Библии — фашистская книжонка „Моя борьба“; вместо воскресенья — вечер субботы; вместо священников, пасторов, капелланов, чтецов — один лишь только лектор; вместо крещения, причащения, покаяния, венчания — произнесение фашистской клятвы с прикосновением правой руки к мечу и т. п. С такими новыми обрядами фашисты и вознамерились создать в Германии новую национальную церковь, которая должна, по их замыслам, служить одной только доктрине: „Народ и раса“ и не допускать на подвластной ей территории никаких других форм церковных объединений, в особенности же таких, в которых согласно завету Христа и Его апостолов проводится дух христианской интернациональности, то есть где нет разницы в духовных правах ни для Еллина, ни для Иудея, ни для других национальностей (Колос. 3, 11)»^[245].

Много материалов на страницах «Журнала Московской патриархии» посвящено было отношению оккупантов к историческим и церковным памятникам. В статье митрополита Николая (Ярушевича) «Фашисты — злейшие враги культуры» запечатлены его впечатления от увиденного в ходе поездки летом 1943 года в освобожденные Красной армией районы Калининской, Тульской, Калужской, Смоленской областей. Он свидетельствовал о разграблении и уничтожении исторических, религиозных и культурных памятников на территориях, бывших оккупированными^[246].

В работе территориальных комиссий по расследованию злодеяний фашистов участвовал не

только митрополит Николай, но и другие иерархи и священнослужители православной церкви. Их наблюдения, свидетельства и выводы передавались в государственные органы, помещались на страницах церковной литературы. К примеру, митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), побывав в январе 1944 года в освобожденных Петергофе и Пушкине, писал: «Прекрасный Петергофский собор стоит с разобранными куполами, с которых немцы содрали золоченые листы, с разбитыми стенами, зияющими окнами. Говорят, они простреливали из пистолетов иконы в Петергофском соборе. Другие церкви представляют еще более удручающее зрелище. Разбита церковь бывшего Серафимо-Дивеевского подворья, совершенно разрушена кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Там собрались, спасаясь от бомбежек, верующие и все, кто только мог добежать до нее, — старики, дети. В неимоверной тесноте — их была не одна тысяча, — задыхаясь в спертom воздухе, в течение нескольких дней и ночей, выбегая, чтобы глотнуть свежего воздуха, просидели эти несчастные люди в храме. Но это их не спасло: немцы упорно бомбили храм, затем обстреливали его из орудий и в конце концов превратили его в груды развалин, под которыми нашли свой ужасный конец несчастные петергофцы. Теперь как памятник позорного фашистского зверства лежит на земле огромная груда красных, напоенных кровью русских жертв германского злодейства кирпичей»^[247].

С избранием митрополита Сергия на Московскую патриаршую кафедру приобрела особо масштабный и организованный характер патриотическая деятельность церкви.

7 марта 1944 года танковая колонна, построенная на церковные средства, была передана Красной армии — 38-му и 516-му танковым полкам близ деревни Горелки в

пяти километрах северо-западнее Тулы. Выступая перед танкистами, митрополит Николай говорил: «От имени патриарха Сергия, от имени всей нашей Церкви я хочу сказать вам, братья-воины, из глубины сердца: Бог в помощь вам в вашем светлом деле защиты Родины! Пусть эти боевые машины, руководимые вашей крепкой, как гранит, волей к победе, несут мщение и смерть фашистским палачам нашего народа, истерзавшим и залившим кровью часть нашей священной Родины, сатанистам — врагам культуры и народного счастья, врагам человечества, недостойным носить человеческое имя, недостойным жить на земле!»^[248]

По этому поводу в совете был устроен специальный прием, на котором присутствовали руководители Московской патриархии во главе с патриархом Сергием, военачальники, ответственные сотрудники совета.

Менее чем за два месяца 38-й полк в составе 2-го Украинского фронта в боях за освобождение юго-западных областей Украины и части Бессарабии уничтожил до полутора тысяч гитлеровцев, 40 различных орудий, 10 пулеметов, подбил и захватил 38 танков и 17 бронетранспортеров фашистов, 101 транспортную машину, захватил три склада горючего, были взяты в плен 84 солдата и офицера. 24 апреля 1944 года при освобождении молдавской деревни Жервень и форсировании реки Реут полк принял свой последний бой. Остались «в живых» две машины, которые продолжили боевой путь в составе стрелковых частей. За проявленные мужество и героизм 49 танкистов были награждены орденами и медалями СССР. 21 солдат и 10 офицеров пали в боях смертью храбрых, 19 человек из них сгорели в боевых машинах^[249].

Повсеместно продолжался сбор средств на авиаэскадрилью имени Александра Невского. Возросли

сборы и отчисления в Фонд обороны страны и в другие патриотические фонды, активизировались на местах епископы и местные общины. По мере продвижения Красной армии на запад православные общины в освобожденных районах включались в общецерковную патриотическую деятельность, помогая Родине продуктами питания, деньгами, ценностями, своим трудом. Общая сумма денежных средств, собранная православными верующими за годы войны, составила более 300 миллионов рублей. К этому следует добавить значительное число драгоценностей, цветных металлов, облигаций, переданных верующими в другие патриотические фонды. Тогда же становятся известными факты патриотических поступков духовенства и верующих на оккупированных ранее территориях. О них сообщалось в поступавших в Московскую патриархию письмах от верующих и в докладах священнослужителей, посылавшихся на освобожденную территорию для организации церковной жизни.

Восстановление епархий и образование новых требовало все большего числа иерархов. Из сохранившихся записей бесед Карпова с патриархом Сергием видно, что этот вопрос был одним из самых обсуждаемых. Часть из вакансий заполнялась либо епископами, воссоединенными с Патриаршей церковью, либо рукоположенными из числа вдовствующего белого духовенства. Усилия патриарха Сергия давали результат: уже к концу 1943 года епископат состоял из 25 правящих архиереев, а в марте 1944 года насчитывалось 29 архипастырей. Но этого было недостаточно. И если в первоочередном порядке назначались епископы в епархии на освобождаемой от оккупантов территории, то епископские кафедры в «тыловых» областях страны оставались длительное время незамещенными, или епископам приходилось

окормлять приходы в двух, а то и в трех епархиях. Еще одной попыткой решить «кадровый голод» стало стремление патриарха Сергия добиться освобождения иерархов, в разное время осужденных и отбывавших наказание в лагерях и тюрьмах. Помня слова Сталина на сентябрьской встрече о том, что каждое такое обращение будет рассмотрено, патриарх в октябре 1943 года направил Карпову письмо с просьбой об амнистии ряда иерархов, которых он хотел привлечь к церковной работе.

По мере того как церковь возрождалась, встречи Карпова и патриарха Сергия становились все более частыми. Особенно интенсивными они были весной 1944 года. Вот и в этот раз, 5 мая, Карпов принял патриарха по его просьбе...

— Простите за настойчивость, Георгий Григорьевич, но я просил о встрече по чрезвычайно волнующему меня вопросу.

— Пожалуйста, ваше святейшество, я в вашем распоряжении.

— Во-первых, надо согласовать предложения по перемещению иерархов. Архиепископа Тамбовского Луку (Войно-Ясенецкого) надо бы назначить в Тулу, архиепископа Краснодарского Фотия (Топиро) — на какую-либо свободную кафедру, архиепископа Ставропольского Антония (Романовского) — в Краснодар.

— Что касается архиепископов Фотия и Антония, у меня нет каких-либо возражений, что же до Луки, то надо бы подождать. — Карпов вытащил из стола документ и положил перед собой. — Я зачитаю фрагмент поступившего к нам сообщения: «Архиепископ Лука в хирургическом госпитале в своем кабинете повесил икону, перед исполнением операций совершает молитвы. На совещании врачей эвакогоспиталей за столом президиума находился в архиерейском

облачении. В дни Пасхи 1944 года делал попытки совершать богослужения в нефункционирующих церквях, делал клеветнические по отношению к обновленческому духовенству заявления...» — Карпов отложил документ и продолжил: — Далее в таком же духе. Налицо нарушения существующего законодательства о культах. Отмахнуться от этого я не могу. А потому стоит, может, хлопотать не о переводе его в иную епархию, а об увольнении на покой?

— Да так ли уж тяжки грехи владыки Луки? — вступился патриарх. — Если он что-то нарушает, мы обратим его внимание на это. Но Лука хочет и может еще многие годы служить церкви. Мы этому рады. А перевести его на новое место служения нас побуждает то, что в Туле ему Наркомздрав обещает место хирурга в больнице.

— Если такая договоренность есть, мы уточним все детали в наркомате, а тогда и примем окончательное решение. — Посчитав, что с вопросом о Луке покончено, Карпов стал излагать свои предложения. — Есть у меня к вам маленькая просьба. В ближайшие дни будет объявлено о выпуске третьего Государственного военного займа. Было бы желательно, чтобы Московская патриархия и духовенство приняли участие в подписке на займ своевременно и организованно.

— Георгий Григорьевич, — заулыбался патриарх, — в этом не сомневайтесь, мы откликнемся на нужды Отечества... Есть еще один вопрос, мучающий меня. Помнится, осенью прошлого года подавал я в правительство прошение об амнистии иерархам. Столько времени прошло, а известий все нет.

Патриарх говорил, а сам смотрел на Карпова, пытаясь по выражению его лица угадать предполагаемый ответ. Тот, казалось, ждал этого вопроса. И почудилось патриарху, что собеседник хочет ответить отрицательно. Спеша упредить его в этом и до

конца разъяснить свою позицию по столь щекотливому вопросу, патриарх продолжил:

— Я не беру на себя решение вопроса, насколько эти лица заслужили наказание, но питаю уверенность, что, окажи им правительство милость, это побудит их показать свою полную лояльность к гражданской власти, загладить свою вину.

— Иван Николаевич, совет пытался собрать полные сведения о лицах, коих вы упоминали в письме. Но узнать удалось немного, и только это обстоятельство заставляло нас не торопиться с ответом. Но раз вы настаиваете...

Карпов встал, прошел в угол кабинета и отдернул штору, за которой оказался сейф — в его дверце уже торчал ключ. Повернув его, председатель достал тощую серую папку. Вернувшись к столу, положил ее на стол и раскрыл.

— Раз вы настаиваете, — повторил он, — зачитаю сведения, полученные из архивов НКГБ. — Он стал медленно, словно нехотя, читать: — «По наведенным справкам в разное время в местах заключения умерли: Павел Петрович Борисовский — митрополит Ярославский Павел; Николай Федорович Кузнецов — архиепископ Сарапульский Алексей; Петр Кузьмич Крошечкин — архиепископ Могилевский Павлин; Владимир Сергеевич Козлов — епископ Уфимский Григорий; Андрей Алексеевич Широков — епископ Волоколамский Иоанн; Владимир Сергеевич Смирнов — епископ Пензенский Феодосий. Отбыли свое заключение и освобождены, но нынешнее местожительство неизвестно: Сергей Алексеевич Козырев — епископ Бежецкий Григорий; Илья Константинович Попов — епископ Бугурусланский Ираклий...»

Карпов смолк. Подавленно молчал и патриарх. Многих он знал лично, и теперь трагическое известие

ставило точку в судьбе многих, кто бесследно исчез в мрачные 1930-е годы.

— А что же с остальными? — подал наконец голос патриарх.

— С остальными? О них сведений нет. Но мы не оставляем надежды что-либо узнать и уведомим вас о результатах в ближайшее время.

Совет по делам Русской православной церкви и Московская патриархия: время взаимодействия и взаимопонимания

Параллельно с церковными событиями, ставшими возможными после встречи митрополитов Русской церкви с главой правительства СССР Сталиным, проходили организация и становление нового государственного органа — Совета по делам Русской православной церкви. Местом его размещения поначалу стал старинный особняк на Кропоткинской улице (дом 20), а в конце 1943 года — двухэтажный кирпичный особняк в одном из соседних тихих переулков старой Москвы. Этот дом за ажурной чугунной решеткой, стоящий в тени высоченных деревьев, стал на долгие 20 лет местом встречи и переговоров представителей государства и Русской церкви, приемов различных международных церковных делегаций. Чуть ли не ежемесячно в период своего патриаршества бывал здесь и Сергей Страгородский.

Совет по делам Русской православной церкви становился частью системы центральных государственных учреждений и отнесен был к непосредственному ведению правительства СССР. Все центральные учреждения и ведомства обязывались предварительно согласовывать проводимые ими мероприятия, связанные с вопросами, относящимися к

ведению совета, и предоставлять запрашиваемые материалы и сведения.

В начале октября 1943 года было утверждено положение «О Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР». В перечень его полномочий включалось:

- «предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых патриархом Московским и всея Руси и требующих разрешения Правительства СССР;

- разработка проектов законодательных актов и постановлений по вопросам Русской православной церкви, а также инструкций и других указаний по их применению и внесение их на рассмотрение Совнаркома СССР;

- наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к Русской православной церкви;

- представление Совнаркому СССР заключений по вопросам Русской православной церкви;

- своевременное информирование Правительства СССР о состоянии Русской православной церкви в СССР, ее положении и деятельности на местах;

- общий учет церквей и составление статистических сводок по данным, представляемым местными органами власти»^[250].

Стоит заметить, что Сталин первые несколько лет после достижения «конкордата» лично рассматривал церковные проблемы, требовал предоставления регулярной информации о ситуации в православной и иных церквях. Все принципиальные решения по

церковной политике принимались исключительно с его личной санкции.

В первый же месяц после кремлевской встречи Сталин мог сделать заключение о верности своего курса в религиозном вопросе и его воздействии на внешнеполитическую ситуацию в Европе по многочисленным откликам в зарубежных средствах массовой информации. На страницах «Журналь де Женев» 13 сентября 1943 года была опубликована статья «Сталин и Русская церковь», в ней признавалось: «Отныне все православные сербы, болгары, румыны, часть поляков, греков и народов стран Прибалтики обращают свои взоры к митрополиту Сергию. В результате этого крупного маневра, восстанавливающего старый союз православной церкви с царской политикой, Сталин, может быть, сорвал все попытки создать тот самый „санитарный кордон“, который неотступно раздражает его. Таким образом, он подготавливает себе важный выход на юг и дает новое содержание традиционным намерениям России. Чувствуя, что военное счастье укрепляет его внутреннюю позицию, благоприятствует внешнеполитическим планам, советский режим может теперь позволить себе роскошь и допустить свободу вероисповедания»^[251].

В том же духе писала и пресса союзников по антигитлеровской коалиции. Газета «Таймс» в передовице от 17 сентября 1943 года отмечала: «Главное значение возрождения патриархии и Синода надо усматривать в национальной жизни внутри России. За последние 7–8 лет советские вожди критически пересмотрели идеи, которые были приняты в качестве догмы во время революции 1917 г., подкрепив и укрепив одни из них, изменив и отказавшись от других. Идея патриотизма и преданности родине освобождена от того пренебрежения, с каким к ней относились в первые годы

большевизма, теперь она глубоко почитается. Восстановлена поруганная и осмеянная в свое время святость семьи и семейных уз... Частью этого общего процесса является новое признание религии как идеи, с которой должен считаться новый политический порядок и при котором обоюдная лояльность вполне совместима. Избрание патриарха... можно понимать как признание русскими свободы вероисповедания»^[252].

В конце октября 1943 года Сталин смог получить положительные результаты от состоявшейся встречи с руководством Русской церкви, избрания патриарха, визита в Москву делегации англиканской церкви применительно к внешнеполитическим обстоятельствам позиции СССР на переговорах с союзниками. На конференции министров иностранных дел США, Великобритании и СССР, состоявшейся в Москве, в ответ на прозвучавшее со стороны союзников очередное беспокойство относительно наличия религиозной свободы в Советском Союзе ему было что предоставить в доказательство происшедших в стране изменений.

Признанием вклада религиозных организаций в противостояние врагу можно считать и слова из доклада И. В. Сталина, произнесенные в день 26-й годовщины Октябрьской революции: «Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания».

Избрание патриарха имело и еще один внешнеполитический эффект, воздействуя на религиозную политику немцев на оккупированной советской территории. Чтобы принизить значение факта обретения Русской православной церковью своего канонического главы, в октябре 1943 года в Вене собралась конференция епископов Среднеевропейского митрополичьего округа (ранее Германская и Берлинская

епархия) с участием епископов от Синода Зарубежной церкви. Председательствовал митрополит Серафим. Конференция объявила о своем непризнании решений Архиерейского собора в Москве, однозначно осудив новоизбранного патриарха Сергия за сотрудничество с большевиками. А сам факт избрания признавался «не только неканоничным, но и нецерковным, а политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти». Одновременно в адрес немецких властей была направлена резолюция о «необходимых мерах для борьбы с безбожием». Ее 13 пунктов сводились к просьбам снять ограничения на деятельность духовенства Зарубежной церкви на оккупированной советской территории, отменить запрет на включение православных приходов на занятых территориях в состав Зарубежной церкви.

Одновременно осенью 1943 года весьма осложнилось положение митрополита Сергия Воскресенского в Прибалтике. Оккупационные власти все более склонялись к мысли, что поддержка с их стороны Сергия не приносила ожидаемых политических выгод. Ему откровенно намекали, что вполне могут обойтись и без его услуг. Имперская служба безопасности совместно с министерством оккупированных восточных областей настояли на проведении в ноябре 1943 года совещания представителей православных церквей, действовавших на оккупированных территориях. От Сергия ожидали публичного осуждения Архиерейского собора в Москве, признания недействительным избрание патриарха, принятия заявления против гонений на религию в СССР и провозглашения анафемы советскому правительству.

Однако Сергей и архиереи экзархата не исполнили требуемого от них в полном объеме. Вновь была подтверждена каноническая связь с Русской церковью, хотя и сделано это было весьма витиевато: «Каковая

принадлежность сохраняет все свое значение, несмотря на то, что в настоящее время отсутствует возможность возносить имя ее предстоятеля просто потому, что остается до времени неизвестным, не подлежит ли недавно состоявшееся избрание патриарха каноническому оспариванию». Митрополит отнекивался от более осуждающих решений, ссылаясь на отсутствие материалов Собора, без которых нельзя принять решений. Более того, епископы-«карловчане» названы были схизматиками. Гестапо было недовольно поведением Сергия. Начался сбор материалов, ставящих под сомнение политическую лояльность этого митрополита^[253].

Под давлением немецких оккупационных властей свое мнение о неканоничности избрания в Москве митрополита Сергия (Страгородского) патриархом Московским высказали и архиереи Белоруссии. Однако их мнение и голос не имели для христианского мира какого-либо значения. Ибо большинство автокефальных православных церквей и иных христианских организаций признали каноничность избрания митрополита Сергия главой Русской православной церкви и стремились к возобновлению связей с ним.

Со стороны правительства деятельность совета в 1943–1945 годах курировал В. М. Молотов — заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел. Он рассматривал представляемые Карповым доклады, записки, отчеты, письма. Как правило, решения принимались в момент личных встреч Молотова и Карпова, носивших достаточно регулярный характер. К ним Карпов тщательно готовился, составляя накануне перечень вопросов, которые намеревался обсуждать, а по результатам встреч — итоговые записки, служившие своеобразным ориентиром в практической деятельности совета.

Осенью-зимой 1942/43 года перед Карповым стояла первоочередная задача — формирование центрального аппарата Совета и его уполномоченных на местах. В состав членов Совета по делам Русской православной церкви кроме его председателя Г. Г. Карпова входили четыре человека: заместитель председателя, два члена и ответственный секретарь. Кандидатуры на эти посты утверждались непосредственно Совнаркомом по представлению Карпова. Отметим, что посты председателя и заместителя председателя совета относились к номенклатурным должностям и их утверждение проходило на заседании Секретариата ЦК ВКП(б). С согласия В. М. Молотова Карпов сохранил и должность начальника отдела в структуре НКГБ. Совмещение двух должностей, мыслимое первоначально как кратковременное, затянулось до марта 1955 года, вплоть до увольнения Карпова из КГБ СССР.

Штат центрального аппарата совета — референтский, инструкторский и обслуживающий персонал — формировался усилиями отдела кадров Управления делами Совнаркома. Хотя Молотов и распорядился «весь личный состав поставить в привилегированное положение», что означало предоставление отсрочки по мобилизации в действующую армию, повышенные должностные оклады, медицинское и продуктовое обслуживание, его комплектование проходило медленно и трудно. В 1943–1944 годах в центральном аппарате работало 25–27 человек, примерно 60–70 процентов от штатного расписания. Медлительность, с которой шел процесс заполнения вакансий, объясняется отсутствием необходимого числа подготовленных кадров. Методом проб и ошибок складывалась и структура центрального аппарата.

В течение сентября — октября 1943 года Карпов обдумывает систему формирования в республиках СССР

органов, представляющих Совет по делам Русской православной церкви. Ему казалось, что в Белоруссии и на Украине, где действовало значительное число церквей и была чрезвычайно сложной религиозная ситуация, целесообразно непосредственно при совнаркомах этих республик образовать советы по делам Русской православной церкви. Но предложение не было принято, и там, как и везде, вводились должности уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при исполнительных органах власти.

Формирование института уполномоченных на местах шло непросто. По указанию В. М. Молотова в первоочередном порядке уполномоченные назначались в области, освобождаемые от временной немецко-фашистской оккупации, и приоритет при выборе кандидатур отдавался сотрудникам чекистских органов. К подбору кадров привлекались и местные партийные органы. Процесс был медленным, сложным, поскольку кадров соответствующей квалификации не хватало. К началу 1944 года была заполнена лишь половина выделенных вакансий — 43. Подчас Карпов сталкивался с нежеланием или нерасторопностью органов власти на местах, а то и намеренной волокитой в деле подыскания кадров для назначения на должность уполномоченных. Отсюда постоянные «грозные» телеграммы совета в адрес советских органов и жалобы в партийные инстанции. Отметим, что организационное и материальное обеспечение уполномоченных по сравнению с другими работниками соответствующих советских органов было явно ущемленным. Все это приводило к текучести кадров среди уполномоченных, сказывалось на авторитете совета в целом и его деятельности по нормализации государственно-церковных отношений.

Согласно положению о совете, его уполномоченные «наблюдали» за правильным и своевременным

проведением в жизнь постановлений правительства и других указаний, касающихся деятельности церкви; «представляли» заключения в СНК СССР по вопросам компетенции совета; «вели» общий учет молитвенных зданий. В соответствии с этим на уполномоченных в республиках, краях и областях СССР возлагалось: установление связей с епархиальными архиереями и благочинными; регистрация духовенства, церковнослужителей и другого обслуживающего персонала; рассмотрение заявлений верующих об открытии (закрытии) культовых зданий и регистрации религиозных обществ и подготовка необходимой документации в центральный аппарат совета; учет и регистрация всех действующих и недействующих православных церквей и молитвенных домов; информирование совета о деятельности религиозных объединений и местных органов власти по соблюдению законодательства о религиозных культах; реализация и контроль за исполнением принимаемых советом решений.

Из архивных материалов усматривается, что порядок в проведении этой работы устанавливался чрезвычайно трудно. Многими уполномоченными правила эти нарушались. Не случайно, рассматривая на своих заседаниях итоги поездок инспекторов в Горьковскую, Курскую, Молотовскую, Пензенскую, Ярославскую и некоторые другие области в первом квартале 1944 года, совет отмечал, что учет церквей и культового имущества находится в неудовлетворительном состоянии, заявления верующих о регистрации общин не рассматриваются в срок и надлежащим образом, не налажен учет духовенства.

От уполномоченных совета требовалось ежеквартальное предоставление отчетов о состоянии религиозных объединений и практике деятельности органов власти. Уже их первая информация в совет

свидетельствовала о постепенном возрождении религиозной жизни на территории СССР, в том числе и в ранее оккупированных районах. Уполномоченные сообщали о количестве заявлений верующих об открытии церквей, ходе и результатах их рассмотрения местными властями, об отношении духовенства и верующих к новому церковному курсу государства, о конфликтных ситуациях на местах, фактах администрирования в отношении религиозных общин, патриотической деятельности духовенства и верующих.

Материалы уполномоченных служили для центрального аппарата совета основой при составлении докладных записок и иных документов в СНК СССР и другие ведомства. Укажем, что в них Карпов не уходил от острых проблем и писал о произволе по отношению к верующим и духовенству со стороны партийных и государственных органов, несоблюдении на местах законодательства о религиозных организациях, стремлении кое-где уклониться от реализации нового курса государства в церковных вопросах.

Одной из наиболее важных проблем для совета и его уполномоченных стал вопрос об открытии православных церквей как во внутренних районах страны, так и на территориях, освобождаемых от оккупации. Не было сомнений, что, по мере того как информация о нормализации государственно-церковных отношений и работе совета будет распространяться среди верующих и религиозных объединений, увеличится и количество обращений по вопросам открытия церквей. По данным совета, только за октябрь 1943 года поступило 517 заявлений из 39 регионов Советского Союза. Больше всего — из Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Московской, Рязанской и Ярославской областей. Ожидалось, что число обращений будет возрастать и по мере освобождения ранее оккупированных территорий СССР.

Первоначально Карповым было предложено несколько вариантов порядка рассмотрения заявлений об открытии молитвенных зданий: а) рассматриваются и решаются на местах, в исполкомах краевых и областных советов депутатов трудящихся; б) рассматриваются патриархом; в) рассматриваются в предварительном порядке в совете; протокол о решении представляется в Совнарком и затем направляется для исполнения на места; г) рассматриваются и решаются советом.

Карпову казался наиболее предпочтительным порядок рассмотрения заявлений, определяемый пунктом «в». В одной из докладных записок в партийно-советские органы он так его раскрывает: «Полученные от патриарха, Синода или от верующих заявления рассматриваются аппаратом Совета, запрашивается местный исполком о состоянии храма, о гражданских правах заявителей и их мнение о целесообразности открытия храма. После этого дело рассматривается на заседании Совета и выносится предварительное решение. Протокол заседания утверждается в СНК (зам. Председателя). По утверждении протокола Совет дает указания в местный исполнительный орган о данном решении и праве на регистрацию, уведомляет заявителя»^[254].

В середине октября 1943 года на приеме у Молотова Карпов просит окончательно определить порядок рассмотрения заявлений верующих об открытии церквей, а также «линию в работе» в данном направлении. Молотов признал, что открывать церкви придется, но следует не особенно при этом торопиться. Его практические указания свелись к следующему: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей, а провести следующее: имеющиеся в Совете заявления об открытии церквей переслать на места на заключение, разобраться в обстановке, узнать, где, сколько заявлений, о каких храмах конкретно идет речь,

узнать мнение патриарха и затем представить правительству письмо, в котором показать обстановку и свои предложения, где Совет считает целесообразным открыть церкви. В последующем по вопросу открытия церквей входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы»^[255].

Спустя месяц, в течение которого был проведен первоначальный учет культовых зданий, Карпов обратился к Молотову со специальной запиской, посвященной открытию церквей. В ней он сообщил, что возрастает поток обращений верующих, что местные власти, хотя и могут в соответствии с действующим законодательством самостоятельно решить этот вопрос, но, перестраховываясь, пересылают заявления в вышестоящие инстанции. Отсюда неоправданная волокита при рассмотрении заявлений об открытии церквей. Совет предлагал ускорить принятие правового акта, который внес бы ясность в вопрос об открытии церквей и определил обязанности всех сторон, участвующих в этом. На уполномоченных предполагалось возложить всю работу по приему, учету и предварительному рассмотрению заявлений, проведению проверки и составлению проектов заключений по ним.

В ноябре 1943 года на рассмотрение Совнаркома был внесен разработанный советом проект постановления «О порядке открытия церквей». 28 ноября он был принят. Сложилась своеобразная комбинированная система рассмотрения и принятия решения по вопросам открытия церквей, в которой все же начальное и самое главное решение о приеме к рассмотрению заявлений верующих осталось за местными органами власти. Хотя уполномоченные и принимали непосредственное участие в предварительной работе по рассмотрению заявлений граждан, но не обладали необходимыми полномочиями для пересмотра или отмены решений

местных органов власти. Таким образом, большая часть заявлений не доходила до совета и влиять на их судьбу он не мог.

Новый порядок открытия церквей, изложенный в постановлении правительства СССР, предполагал и возможность участия в разрешении этих проблем епархиальных архиереев. Епископы могли принимать от верующих заявления об открытии церквей и самостоятельно определять, какие из них необходимо поддержать. В этом случае они передавали их уполномоченным. Свои предложения об открытии церквей высказывал и патриарх Сергей при встречах с Карповым. В частности, по его просьбе рассматривались вопросы об открытии церквей в Удмуртской АССР, в Арзамасе Горьковской области, в Ташкенте и других местах.

В соответствии с новым порядком открытия церквей совет уже в феврале — марте 1944 года представил в Совнарком список более полусотни церквей, открытие которых он поддерживал: в Архангельской, Горьковской, Ивановской, Кировской, Курской, Молотовской, Московской, Новосибирской, Тамбовской, Сталинградской, Челябинской областях, во Владивостоке и в Узбекской ССР.

Как и предполагалось, поток заявлений возрастал, возрастала и настойчивость верующих, тогда как количество открываемых церквей оставалось весьма незначительным — менее половины от числа просимых верующими. Нельзя не отметить, что Карпов относился к этому весьма встревоженно, считая, что процент удовлетворенных заявлений должен быть более высоким. Поскольку совет не мог «приказать» или «обязать» местные власти увеличить число открываемых церквей, его председатель прибегал к своеобразной форме «давления» на Молотова, обрушивая на него цифры, факты и подталкивая к «нужному» решению.

Так, во время их встречи в мае 1944 года, после обширного доклада Карпова о ходе рассмотрения обращений граждан об открытии церквей, Молотов сказал то, что от него и ждал председатель совета: «Вопросы об открытии церквей нужно будет рассматривать посмелее и, соответственно, проориентировать места через своих уполномоченных, а в нужных случаях переговорить от имени СНК с председателями Совнаркомов республик и с председателями обл(край)исполкомов»^[256].

Статистика за первое полугодие 1944 года тоже не радовала. В совет поступило 3045 ходатайств. Из таблицы, составленной по данным совета, видны те области, которые были «лидерами» в этом процессе:

Области	Поступило заявлений	Имеется действующих церквей
Ярославская	122	162
Рязанская	127	26
Кировская	132	24
Воронежская	137	80
Калининская	140	81
Тульская	147	6
Горьковская	190	21
Московская	241	187
Ивановская	306	58

Учитывая, что за каждым из заявлений стояли подписи десятков, сотен, а иногда и тысяч верующих, следует признать, что обращения об открытии церквей были настойчивыми и массовыми. Из общего числа поступивших заявлений край(обл)исполкомами рассмотрено было 1432, из которых отклонено — 1280, а принято всего 152 решения об открытии церквей.

В Марийской АССР, в Пензенской, Саратовской, Тамбовской и Тульской областях почти все обращения верующих отклонялись. Нередко делалось это грубо, с

оскорблением чувств верующих и даже с помощью обмана. Например, в Курской области в Октябрьском районе Жерновецкий сельсовет в качестве условия открытия церкви выставил верующим требование бесплатно отремонтировать помещение сельсовета и клуба. Верующие выполнили полный ремонт обоих зданий, но в возвращении церкви им было отказано.

Нередко такое отношение властей к просьбам верующих толкало их на действия без регистрации. И количество подобных религиозных общин из месяца в месяц возрастало, подчас существенно превышая количество зарегистрированных православных общин, тем самым осложняя обстановку в регионах и между верующими и местными органами власти.

Все это неопровержимо доказывает, что власти на местах — от сельсоветов до областных советов депутатов трудящихся и до совнаркомов автономных и союзных республик — заняли в большинстве случаев позицию игнорирования просьб верующих, открытого и скрытого противодействия.

По мере освобождения советской территории остроту приобретал вопрос о храмах и молитвенных домах, открытых в годы оккупации. Во множестве случаев они занимали здания, где ранее располагались общественные и государственные учреждения — клубы, школы, магазины, музеи, местные советы, администрации учреждений. На Украине, например в Сталинской области, до 60 процентов церквей размещалось в бывших государственных и общественных зданиях; в Харьковской области — до 50; Киевской — 30, в Полтавской — до 40 процентов.

Председатели колхозов и сельсоветов, не дожидаясь указаний из центра и основываясь на своих практических интересах и нуждах, начали «изгнание» религиозных обществ. В некоторых регионах, например в ряде областей Украины (Винницкая,

Ворошиловградская, Днепропетровская, Сумская, Черниговская), в Ставропольском крае, эти действия приобретали характер жестких административных кампаний, нередко сопровождавшихся выбрасыванием предметов церковного имущества на улицу, запрещением духовенству совершать богослужения. Председатель Ставропольского крайсовета весной 1944 года издал приказ освободить все занятые здания, в которых проводятся молитвенные собрания, а если других зданий религиозным объединениям возможности предоставить нет, то общины эти распустить.

Такого рода решения и действия вызывали недовольство верующих, рождали конфликтные ситуации, подрывали политическую лояльность людей на освобожденных территориях, а иногда их итогом становились столкновения верующих с органами милиции.

Обращения совета непосредственно к руководителям партийных и советских органов этих регионов, призывы к уполномоченным противодействовать такого рода церковной политике не приносили положительных результатов. Карпов вынужден был обращаться в правительство, указывая на возможные политические последствия в случае бездействия центральных властей, и предлагал меры по смягчению ситуации.

Парадоксальность ситуации заключалась и в том, что, изгоняя верующих из общественных зданий, власти не возвращали им типовые культовые здания, почти три тысячи которых и в конце войны оставались не переоборудованными и не перестроенными под какие-либо хозяйственные и иные нерелигиозные нужды. И это несмотря на то, что верующие активно добивались их возвращения религиозным общинам.

Проблемы с молитвенными зданиями для религиозных объединений осложнялись тем, что на

освобождаемой территории многие из них были перестроены, потеряли церковный вид, а то и просто разрушены. К уничтоженным в 1930-х годах культовым зданиям добавились сотни новых потерь. По данным (далеко не полным) Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории, были сожжены или полностью уничтожены, разграблены или осквернены 1670 церквей, 237 костелов, 69 часовен, 59 синагог и 258 других зданий религиозных организаций. Среди них бесценные памятники истории, культуры и архитектуры, относящиеся к XI-XVII векам, в Новгороде, Чернигове, Смоленске, Полоцке, Киеве, Пскове. Только в Московской области уничтожены 50 православных церквей, а в Литве — 40 костелов. В груды развалин превращены церкви и монастыри Петергофа и Пушкина в Ленинградской области, древние монастыри в Новгородской области, Ново-Иерусалимский монастырь в Истре, Киево-Печерская лавра в Киеве. (Заметим, что эти и многие другие памятники были впоследствии восстановлены «безбожным» государством.) Немало культовых зданий было превращено оккупантами в тюрьмы и места пыток, в конюшни и скотобойни, кабаре и казармы, гаражи и общественные уборные. Обо всем этом сообщалось в многочисленных докладах православного духовенства и верующих в Московскую патриархию. Часть этих сведений позднее была опубликована в книге «Правда о религии в России», и эти факты варварства стали достоянием общественности, в том числе и за рубежом.

При отступлении оккупанты вывозили из молитвенных зданий предметы культовой утвари, иконы, картины, книги, изделия из драгоценных металлов. Они были выявлены, собраны и подготовлены к отправке специальными военными, полувоенными и

гражданскими учреждениями и организациями — «Изобразительное искусство», «Наследие», «Восток», «Кунсткомиссия», «Остланд» и другие. Им было предоставлено право «проверять библиотеки, архивы и иные культурные организации всех видов» и конфисковывать найденные там ценности для последующего их вывоза в Германию. Идеологами ограбления выступили министр по делам оккупированных территорий на востоке А. Розенберг, министр иностранных дел Риббентроп, рейхсфюрер Г. Гиммлер^[257]. Заметим, что возвращение похищенного, за исключением единичных случаев, так и не состоялось.

В первые же месяцы работы совета стало очевидным, что новый курс правительства в отношении религии и церкви требует изменения своей правовой базы — законодательства о религиозных культах. Еще в декабре 1943 года юрисконсульту совета было поручено подготовить соответствующие предложения, заключавшиеся в следующем:

«1. а) пересмотреть закон 1929 года в целом, изучить, что отменяется полностью, что видоизменяется, что сохраняется в прежнем виде;

б) составить на основании этой работы проект нового постановления СНК.

2. Подготовить вопрос о юридических правах церкви. Внести изменения в ч. II. п. 6; ч. III. п. 9 и целиком в пп. 10 и 12 декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“».

По итогам проделанной работы в январе 1944 года Карпов представил в Совнарком проект нового союзного закона «О положении церкви в СССР». В докладной записке он обосновывал этот шаг тем, что декрет об отделении церкви от государства (1918) и

постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929) устарели и требовали исправления. По его мнению, законы союзных республик о религиозных объединениях должны быть заменены общесоюзным законом, что позволило бы проводить единую общегосударственную линию в вопросах взаимоотношения государства с религиозными объединениями. Одновременно на рассмотрение правительства предлагалось вынести и инструкцию для уполномоченных совета, которая конкретизировала бы их практическую деятельность по надзору, контролю, учету, регистрации и отчетности по вопросам деятельности объединений Русской православной церкви.

Однако надеждам Г. Г. Карпова не суждено было сбыться: правительство так и не пошло на принятие общесоюзного закона о религиозных объединениях. Председателю совета Карпову отводилась роль посредника между правительством и церковью и одновременно «проводника» в жизнь сталинской модели свободы совести. К сожалению, мы по-прежнему очень мало знаем об этом человеке, волей судьбы оказавшемся в сложной, противоречивой, а временами и трагичной ситуации. Но и то, что мы знаем, позволяет говорить о нем как о реально мыслящем человеке, заслуги которого в возрождении церкви и нормализации государственно-церковных отношений пока еще объективно не оценены, а в последние годы намеренно принижаются.

У Карпова сложились деловые, а в чем-то даже и доверительные отношения с патриархом Сергием. Первая их официальная встреча состоялась 29 октября 1943 года, а последняя — 5 мая 1944-го. Во время встреч патриарх и председатель могли спокойно обсуждать все самые сложные проблемы жизни Русской церкви в СССР и за ее пределами. Об этом можно судить по сохранившимся записям бесед, сделанных Карповым, и

это, конечно, облегчало для обоих поиск выхода из самых сложных и запутанных ситуаций. Безусловно, Карпов в своих поступках не был свободен ни от власти предержащей, ни от собственных заблуждений и ошибок во взглядах на роль и место церкви в обществе, на формы и методы, дозволенные государству при регулировании деятельности религиозных организаций. Но все же он стремился проводить политику благоприятствования деятельности церкви. Карпов не чурался и личных отношений с патриархом. В этом его поддерживал Молотов, подсказавший, в частности, идею отмечать дни рождения и юбилейные даты патриарха и других церковных деятелей.

24 января 1944 года патриарху исполнилось 77 лет. Он отклонил предложения о торжествах по этому случаю в Елоховском соборе и принял у себя дома лишь ближайших своих сотрудников. Литургия служилась в домовый церкви патриарха. Ему сослужили протоиерей Николай Колчицкий и келейник архимандрит Иоанн (Разумов). Помолиться собрались все служащие Московской патриархии, бывшие в Москве иерархи, а также московские благочинные. Несмотря на всю простоту и скромность обстановки, у собравшихся было торжественное и молитвенное настроение. Они горячо, проникновенно молились и просили Господа продлить годы жизни старца-патриарха.

Неспешно шла беседа за скромной трапезой. Вдруг в прихожей послышались голоса, шум и в зал вошел неожиданный гость — председатель совета Карпов. От имени правительства и от себя лично он пришел поздравить патриарха с днем рождения и преподнес просто царские по тому времени — почти на 30 тысяч рублей — подарки: разнообразные материалы и ткань для пошива одежды и облачения патриарха. Сергей был тронут. Улыбались и оживленно обсуждали происшедшее гости. Карпов при всех подарил патриарху

часы с золотой цепочкой, пожелал ему здоровья. Как нельзя кстати пришлось принесенные для юбиляра коньяк, шампанское, икра, фрукты.

Именно Г. Г. Карпов, высоко оценивая патриотическую деятельность Русской церкви, предложил представлять к государственным наградам иерархов, духовенство, активистов-верующих. Первое большое награждение состоялось еще осенью 1943 года, когда отмечена была деятельность ленинградского духовенства в дни блокады города. Спустя год, в 1944 году, медалями «За оборону Москвы» награждены были представители московского и тульского духовенства.

В Бозе почивший патриарх

В воскресенье 14 мая 1944 года в московском Ризоположенском храме, что расположен неподалеку от Донского монастыря, было особое столпотворение верующих — шла патриаршая служба. Как всегда, она оставляла впечатление большой церковности, духовности и одновременно простоты. Все собравшиеся испытывали чувства благодати, душевности, соборности. Было много сослужащих патриарху, пел замечательный хор. И все это рождало ощущение большого семейного торжества, от которого исходят теплота и вера. И естественным продолжением службы стало возведение во епископа Можайского второго викария Московской епархии, архимандрита Макария (Даева). Патриарх Сергей бодро провел всю торжественную службу и при вручении новопоставленному епископу посоха сказал воодушевленное слово.

Вернулся Сергей к себе в Чистый переулок радостным и бодрым. Прямо с порога заявил своим ближним, что не нуждается и не имеет желания или надобности в отдыхе, а пригласил бывших у него в доме

священников и иерархов в сад. Они гуляли по саду, где уже зазеленели деревья и кусты. Выбрав в тени скамеечку, Святейший пригласил спутников посидеть с ним. Преосвященный Иларий, усаживаясь поудобнее, повредил спинку скамейки, и она едва не отвалилась. Это развеселило Сергия, и его безобидная ирония сопровождала «катастрофу». Сидя на скамейке, Святейший заявил, что за всю весну он не чувствовал себя так хорошо, как сегодня: ни усталости, ни слабости. Потом Сергей радушно угощал домочадцев обедом, а вечером вернулся в сад вместе с протоиереем Н. Колчицким, чтобы побеседовать с ним о делах.

...В половине восьмого утра 15 мая 1944 года в квартире Карпова в Доме на набережной раздался звонок. Привыкший к утренним неожиданным известиям Карпов поднял трубку и услышал трагическую весть. Сообщали о внезапной кончине патриарха Сергия.

Через полчаса Карпов прибыл в Чистый переулок. В доме толпились близкие и родные патриарха. У одра почившего собрались члены Священного синода. Митрополит Крутицкий Николай совершил первую панихиду. Возгласы и общее пение были тихими, скорбными, то и дело прерывавшиеся слезами и вздохами присутствующих, которые нельзя было удержать и которых никто не стеснялся.

Карпов прошел в рабочий кабинет. Здесь были иерархи, духовенство. Вызвали келейника патриарха архимандрита Иоанна, который рассказал о последних часах жизни Сергия Страгородского. «Патриарх проснулся рано утром, — говорил он, — и поскольку до назначенного времени визита домашнего врача оставалось еще немало времени, Сергей решил прилечь. Когда я вернулся спустя час и вошел в спальню, меня поразила необычайная бледность лица патриарха. Я подбежал, окликнул, но он не отвечал... Прибывший врач констатировал кровоизлияние в мозг».

В комнату тихо вошел митрополит Алексей (Симанский), подал знак, прося пройти за ним. Карпов прошел в личные покои патриарха. Находившиеся здесь митрополиты Алексей и Николай вместе с управляющим делами Московской патриархии протоиереем Н. Ф. Колчицким осмотрели письменный стол. В одном из ящиков был обнаружен пакет, скрепленный сургучной печатью Сергия и с нанесенной датой — 12 октября 1941 года. То было завещание патриарха, составленное еще накануне эвакуации в Ульяновск. Первый пункт его гласил: «В случае моей смерти или невозможности исполнять должность патриаршего местоблюстителя, эта должность во всем объеме присвоенных ей патриарших прав и обязанностей переходит к Преосвященному митрополиту Ленинградскому Алексию Симанскому». На экстренном совещании Синода было постановлено исполнить волю патриарха.

По церковному уставу патриарх был переодет иподиаконами в полное архиерейское облачение и митру. Тело усопшего было перенесено в соседний с домовою церковью зал. Гроб патриарха был покрыт патриаршей мантией, осенен рипидами, окружен принадлежностями патриаршего служения: куколем, посохом, трикирием и дикирием. Начатое митрополитом Ленинградским Алексием чтение Евангелия непрерывно совершалось московским духовенством по особому расписанию весь день и всю ночь.

Карпов вернулся в совет, в переулок Островского, где уже сотрудники озабоченно сновали по кабинетам, выполняя поручения председателя о необходимых мерах по подготовке к похоронам патриарха. Пройдя в свой кабинет, Карпов буквально в несколько минут написал срочное секретное письмо Сталину с докладом о смерти патриарха Сергия, его завещании и информацией о местоблюстителе. Здесь же высказывалась мысль о

возможности захоронения почившего патриарха в Богоявленском соборе.

Во вторник 16 мая, в два часа дня, гроб с почившим патриархом был торжественно перевезен в кафедральный собор в сопровождении архиереев. В соборе уже собралась многочисленная толпа верующих, желавших проститься со своим патриархом. Гроб был установлен посреди собора. Наполовину он был закрыт зеленой патриаршей мантией, на нее был положен венок из живых белых роз. В ногах на особом возвышении поставлены икона и белоснежный патриарший куколь. Тут же — предносный патриарший крест и посох, а вокруг гроба — множество живых цветов. В левом Никольском приделе собора была приготовлена могила для патриарха.

Два дня, 16 и 17 мая, Москва прощалась с патриархом. К Богоявленскому собору стекались тысячи и тысячи верующих, делегации епархий и приходов.

...Забрезжил рассвет третьего дня. Длинной вереницей потянулся народ в кафедральный собор. Богомольцы заполнили огромный зал. На правой солее расположились представители дипломатического корпуса и военных миссий. Здесь же в качестве представителя советского правительства встал Г. Г. Карпов. В час дня началось отпевание. Все участвующее духовенство выстроилось в два ряда, тянувшихся от середины храма вокруг гроба и в алтарь. А вокруг престола образовался еще третий ряд. Надгробное слово произнес патриарший местоблюститель митрополит Ленинградский Алексей:

— Не только отца лишили мы с кончиной святейшего патриарха, мы лишились в нем доброго пастыря и мудрого кормчего корабля церковного. Церковь православная скорбит об его утрате. Он весь принадлежит Церкви Божией... На короткое время судил ему Господь воспрять высокое звание патриарха

Московского и всея Руси, главы Церкви Российской, как бы для того только, чтобы дать ему полноту славы церковной в воздаяние его великих заслуг церковных, и для того, чтобы увенчать его церковные заслуги.

Не одна Русская церковь, но и весь православный Восток приветствовал его избрание и свидетельствовал о его высоких достоинствах... Когда страну нашу постигло испытание вражеского нашествия, тогда с особой силой проявилась в почившем патриархе присущая ему горячая любовь к Родине. В многочисленных посланиях и обращениях к пастырям и пастве он призывал всех русских людей стать на защиту любимой Родины...

Господь не судил ему дожить до победного конца, но он непрестанно молился о нашей победе, предвидел ее и уверенно говорил в одном из своих посланий, что «уже ясно занимается заря победы и вместе с нею радость освобождения от немецкого ига всех, имевших несчастье попасть в руки фашистов». Патриотизм и деятельность в Бозе почившего Святейшего Отца нашего поставит его в ряды продолжателей дела печальников Русской земли — патриарха Гермогена и преподобного Сергия^[258].

После слезного целования — прощания с умершим — священники подняли гроб и величественным крестным ходом обнесли его вокруг храма по улицам, наполненным толпами народа. Впереди несли патриарший крест, хоругви и запрестольные иконы. Длинными рядами в белых облачениях, по два в ряд, шли диаконы, священники, протоиереи и архимандриты, за ними — архиереи. Шествие замыкал патриарший местоблюститель митрополит Алексей. Западными дверями крестный ход вернулся в собор, и гроб поднесли к могиле. Архиереи закрыли гроб крышкой и опустили его в могилу. Установили надмогильную плиту, расставили подсвечники и среди них поставили на

аналое икону почившего патриарха, с которой он не расставался всю жизнь, — изображение преподобных Сергия и Германа Валаамских.

Бесчисленные свечи затеплились над почившим — молитвенная жертва любящих сердец...

Мы плачем, скорбим все и горько рыдаем,
Любимый отец наш родной, дорогой,
С печалью великой тебя провожаем
В мир горний, блаженный, святой, неземной...

ИЛЛЮСТРАЦИИ

***Иван и Александра Страгородские. городские.
Арзамас, 1872 г.***

Семья Страгородских. Слева направо: сидят — бабушка Пелагея Васильевна; сестра Александра Архангельская; дед, протоиерей Иоанн; тетка, игуменья Евгения; стоят — муж сестры, диакон Евгений Архангельский; отец, протоиерей Николай; архимандрит Сергей. Арзамас, 1900-е гг.

***Игуменья арзамасского Алексеевского женского
монастыря Евгения, сестра отца Сергия
Страгородского. Фото начала XX в.***

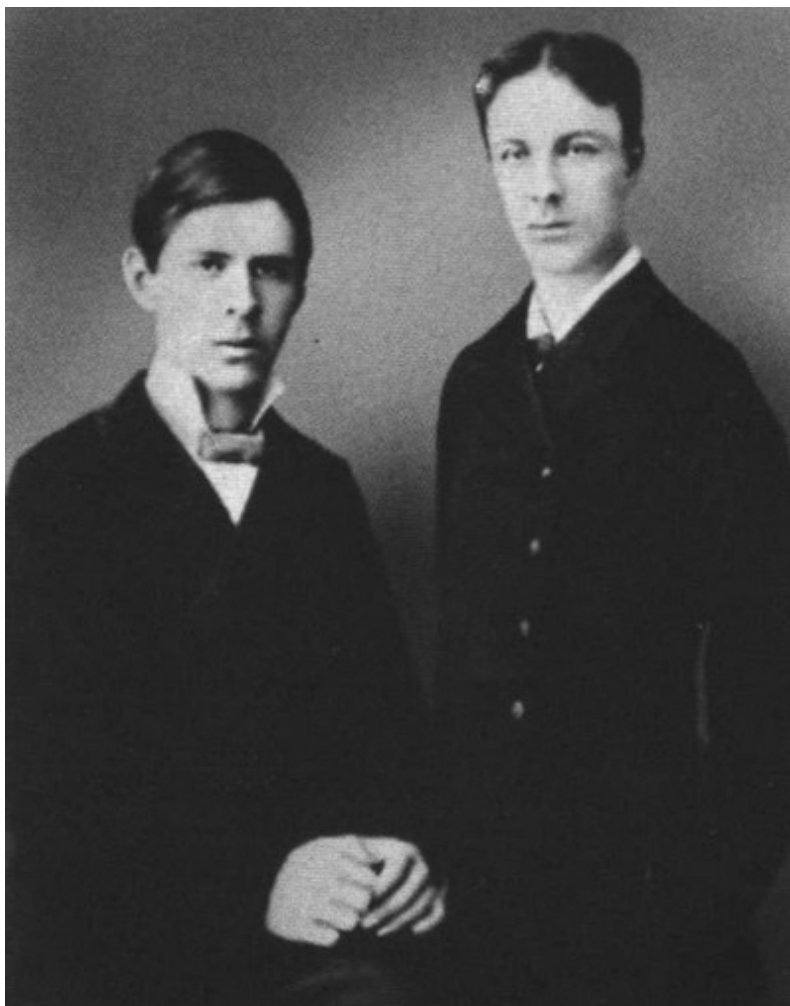
Алексеевский женский монастырь. Арзамас, начало XX в.

***Здание Арзамасского духовного училища. Фото
начало XX в.***

Здание Нижегородской духовной семинарии

***Студент Нижегородской духовной семинарии Иван
Страгородский (слева) со своим товарищем по
семинарии. 1885 г.***

***Митрополит Санкт-Петербургский Антоний
(Вадковский)***

Домовый храм Санкт-Петербургской духовной академии

***В первом ряду: в центре — архимандрит Антоний
(Храповицкий), слева — иеромонах Сергей
Страгородский с монахами Александре-Невской
лавры***

***Начальник японской духовной миссии епископ
Николай (Касаткин)***

Никольский собор в Токио. Фото конца XIX в.

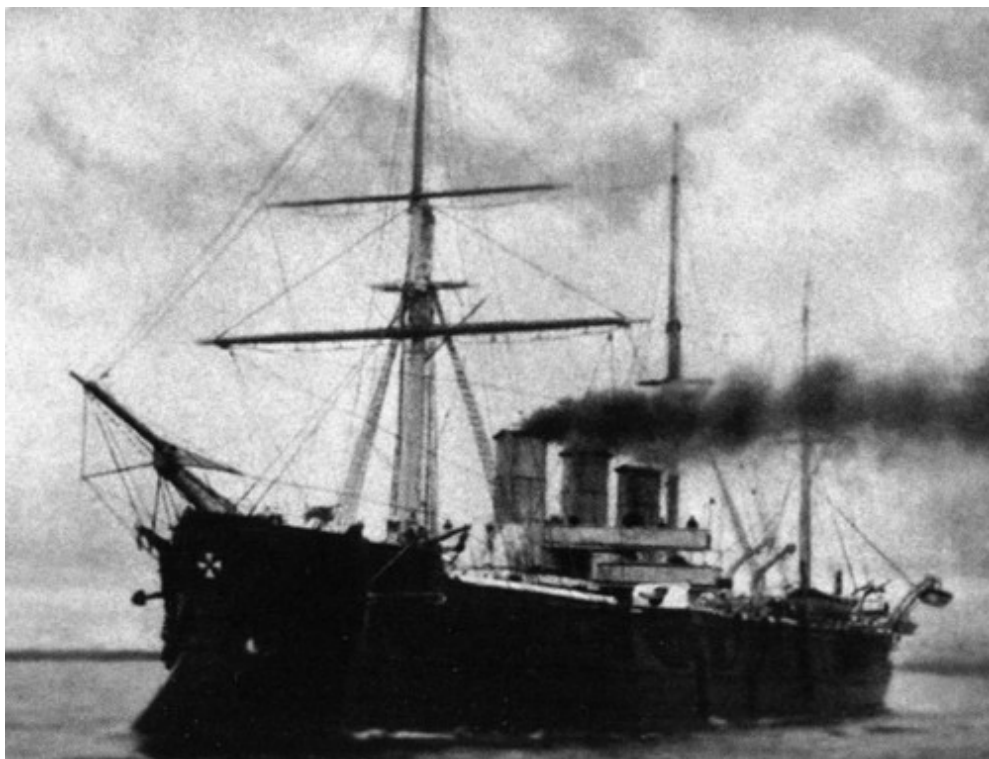
***Иеромонах Сергей (Страгородский) и иеродиакон
Андроник (Никольский) в Японии. 1890-е гг.***

Иконостас Никольского собора в Токио. Фото конца XIX в.

***Архимандрит Сергей (Страгородский) в Афинах.
1894 г.***

Крейсер «Память Азова». Фото конца XIX в.

***Епископ Чистопольский Антоний (Храповицкий) и
архимандрит Сергей (Страгородский) (в центре)
среди преподавателей Санкт-Петербургской
духовной академии***

Здание Московской духовной академии. Троице-Сергиева лавра

***Таврический дворец в Санкт-Петербурге, где
располагалась Государственная дума России в
1906-1917 годах***

Епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии Сергей (Страгородский) (в центре) с преподавателями Санкт-Петербургской духовной академии. 1906 г.

***Обер-прокурор Святейшего синода в составе
Временного правительства князь В. Н. Львов***

***Епископ Финляндский и Выборгский Сергей
(Страгородский) после освящения
новопостроенного храма в своей епархии. 1909 г.***

Архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий)

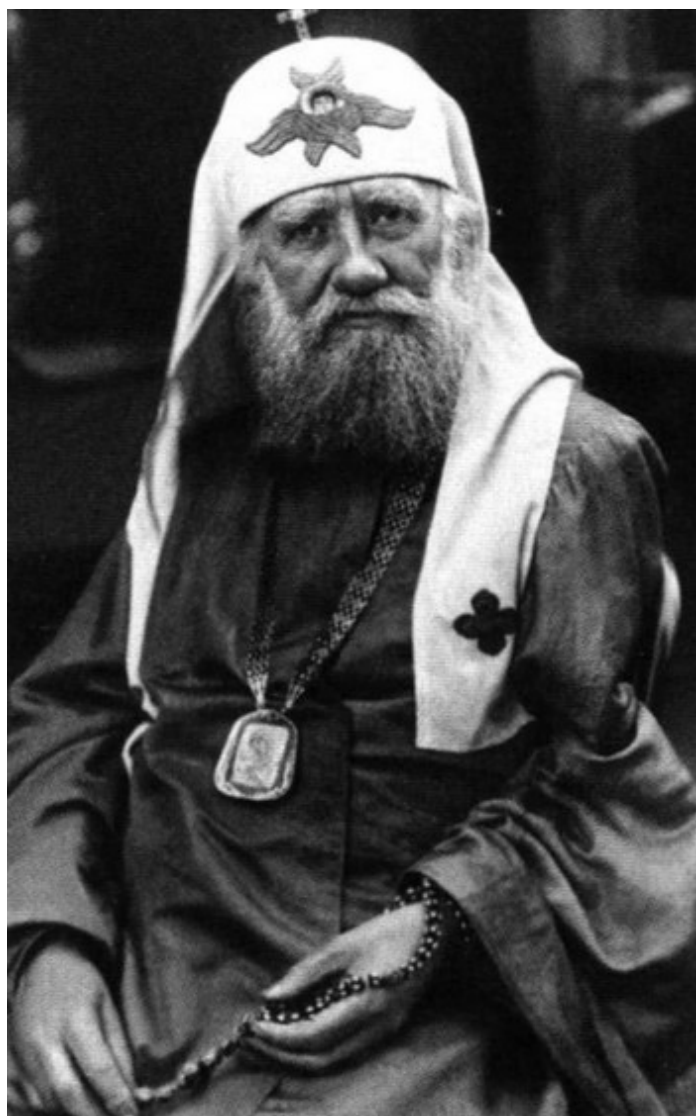
Архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий)

Чудов монастырь в Московском Кремле

***Дом московского генерал-губернатора, где в
октябре 1917 года размещался Военно-
революционный комитет большевиков***

***Патриарх Московский и всея России Тихон
(Белавин)***

***Патриарх Московский и всея России Тихон
(Белавин) и митрополит Владимирский Сергей
(Страгородский) среди духовенства и верующих.
Иваново, 1918 г.***

***Крестовоздвиженский монастырь в Нижнем
Новгороде***

***Митрополит Московский Сергей (Страгородский) в
своем рабочем кабинете***

Митрополит Нижегородский Евдоким (Мещерский)

***Митрополит Нижегородский и Арзамасский Сергей
(Страгородский) в покоях Крестовоздвиженского
монастыря. Нижний Новгород***

Архиепископ Костромской Серафим (Мещеряков)

***Митрополит Нижегородский Сергей
(Страгородский). 1926 г.***

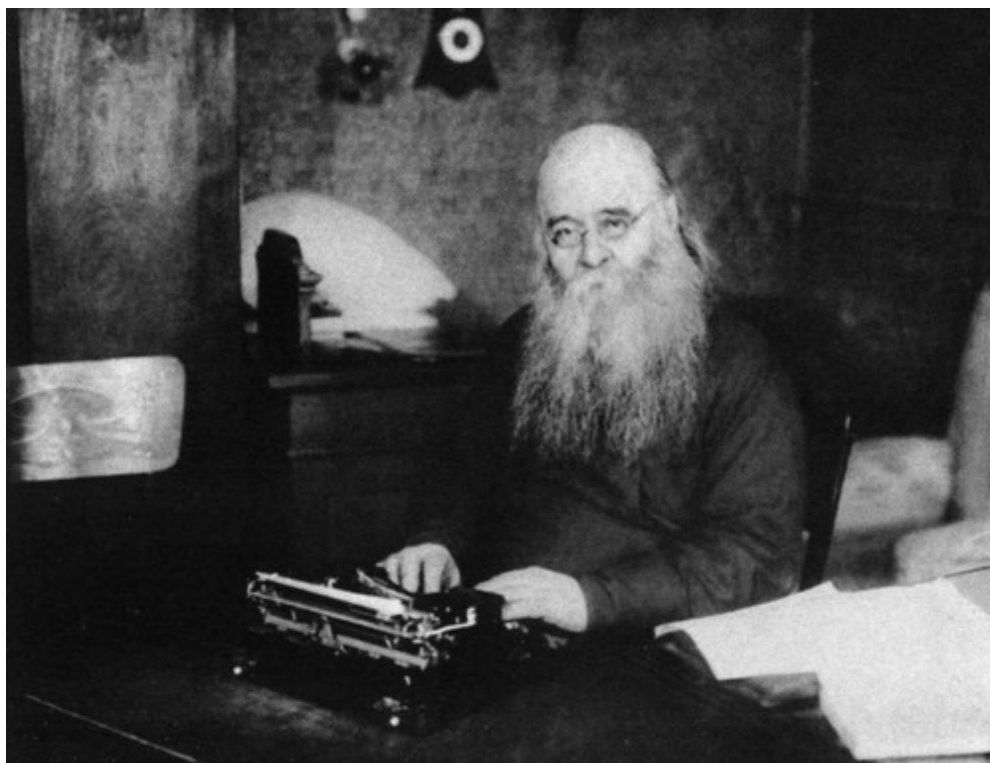
***Митрополит Московский и Коломенский Сергей
(Страгородский). Москва, 1934 г.***

Заседание Временного патриаршего синода. 1926-1927 гг.

П. Г. Смидович, председатель Постоянной комиссии по культовым вопросам при Президиуме ВЦИКа (1929-1934) и Постоянной комиссии по культовым вопросам при Президиуме ЦИКа СССР (1934-1935)

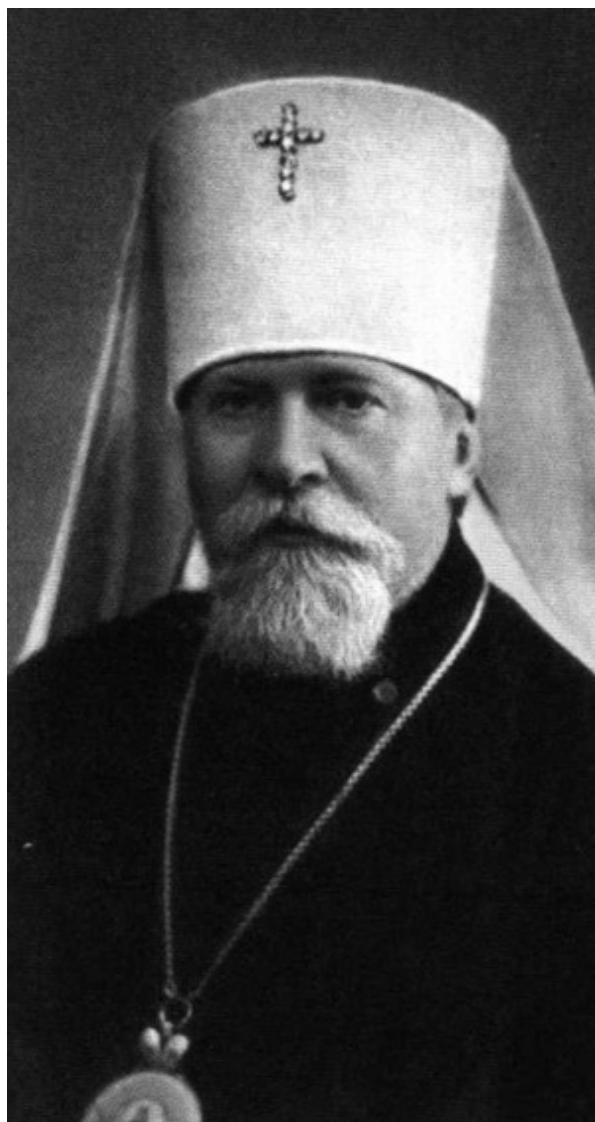
***Митрополит Московский Сергей (Страгородский) в
своем рабочем кабинете. 1937 г.***

***Митрополит Ленинградский и Новгородский
Алексий (Симанский)***

Александра Николаевна Архангельская, сестра патриарха Сергия (Страгородского). 1937 г.

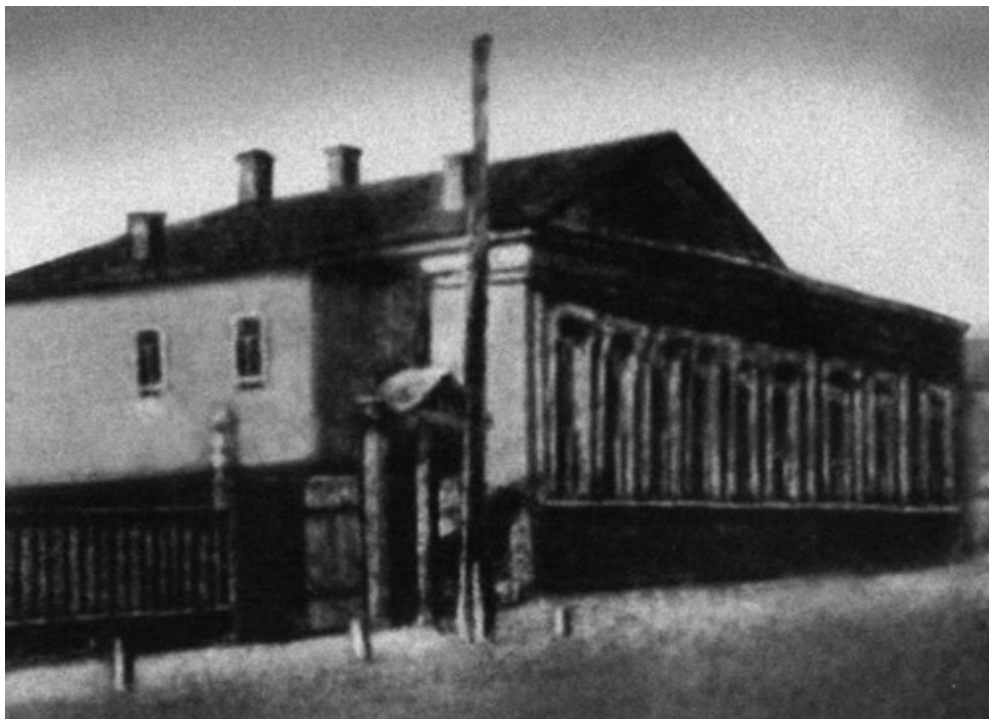
***Митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины
Николай (Ярушевич)***

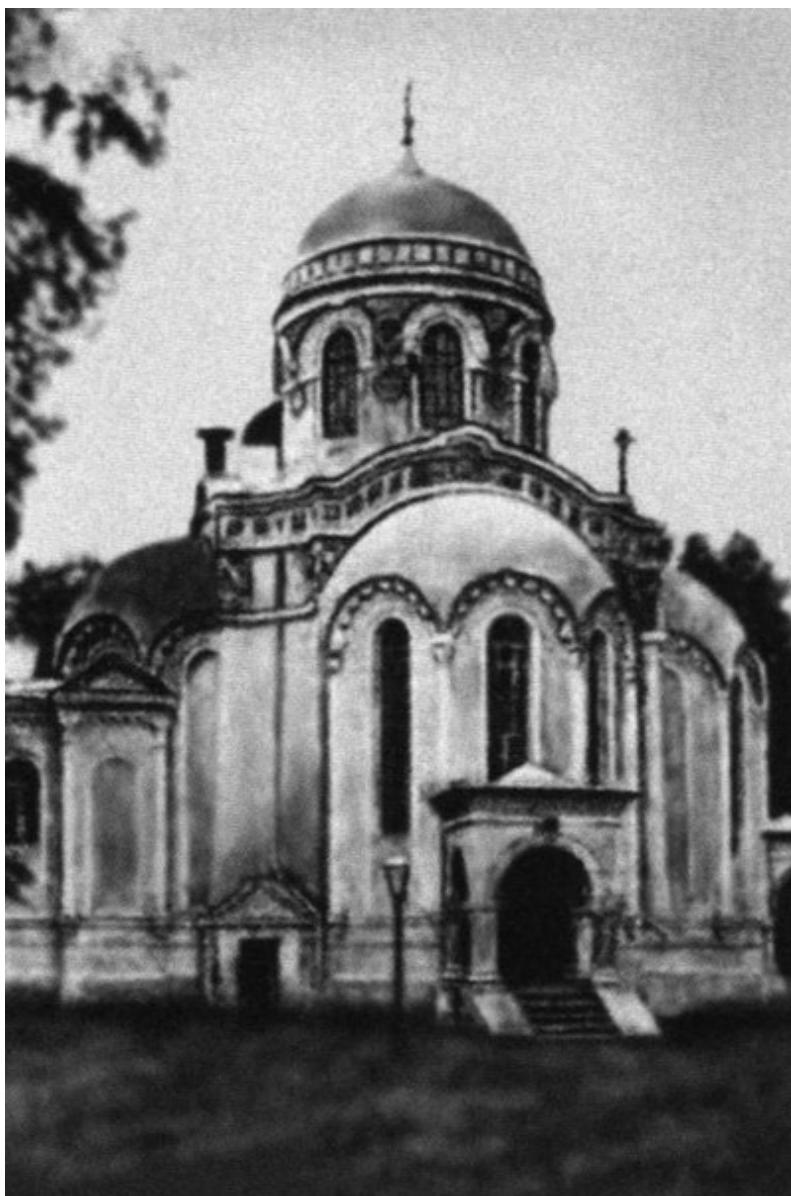
Митрополит Московский Сергей (Страгородский) с архиереями во время праздничной трапезы

Митрополит Московский Сергей (Страгородский) с клириками домово́й церкви в честь Казанской иконы Божьей Матери. Ульяновск, 1943 г.

***Здание, в котором в годы эвакуации (1941-1943)
размещалась Московская патриархия. Ульяновск,
ул. Водников, 15***

Воскресенская церковь в Ульяновске

Митрополит Московский Сергей (Страгородский) с архиереями: слева — митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), справа — архиепископ Варфоломей (Городцов). Ульяновск, 1943 г.

***Московский Богоявленский кафедральный собор в
Елохове. Современный вид***

***Митрополит Московский Сергей (Страгородский)
среди иерархов и духовенства Московской
патриархии Ульяновск***

Мой армянский друг

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Исторический день свидания нашего с великим для всей Русской земли Вождем нашего народа, вездным Господином и славою и процветанием, навсегда останется в глубине сердца каждого члена Церкви. Мы почувствовали в нем слово, в каждом обращении, в каждом предложении сердца, горящее отеческой любовью ко всем своим детям. Русской Православной Церкви особенно дорого то, что мы своим сердцем почувствовали, что она действительно живет вместе со всем русским народом общей волей к победе и священной готовности ко всякой жертве ради спасения Родины.

Русская Церковь никогда не забудет того, что приняв с всем народом Вожда — не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах Церкви поднял дух всех церковных людей к еще более усердной работе на благо дорогого отечества.

От лица Русской Церкви принимаю Вам великую благодарность.

Да сохранит Вас Бог на многие лета, дорогой Иосиф Виссарионович!

5 сентября 1943 г.

Патриархальный Иеродиакон Сергей,
Митрополит Московский
и Коломенский
Алексей (Симанский) Митрополит
Николай (Ярушевич) Митрополит

**Письмо митрополитов Сергия (Страгородского),
Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича)
председателю СНК СССР И. В. Сталину. 5 сентября
1943 г.**

***Митрополит Московский, местоблюститель
Патриаршего престола Сергей (Страгородский) с
архиереями — участниками Архиерейского собора.
Москва, 1943 г.***

***Вручение жезла новопоставленному патриарху
Московскому и всея Руси Сергию (Страгородскому).
Москва, Богоявленский кафедральный собор в
Елохове, 1943 г.***

***Патриарх Московский и всея Руси Сергей
(Страгородский)***

***Резиденция патриарха Московского и всея Руси.
Москва, Чистый переулок, 5***

***Келия патриарха Московского и всея Руси Сергия
(Страгородского)***

Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) и епископ Йоркский С. Ф. Гарбет (в центре) с членами делегации Англиканской церкви, духовенством и иерархами Русской православной церкви. Москва, сентябрь 1943 г.

***Личные вещи патриарха Московского и всея Руси
Сергия (Страгородского)***

***Председатель Совета по делам Русской
православной церкви при СНК (СМ) СССР
Г. Г. Карпов***

***Глава обновленческой церкви митрополит
Александр Введенский***

С В Я Щ Е Н Н Ы Й С И Н О Д
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
С ГЛУБОКОЙ СКОРБЬЮ

ИЗВЕЩАЕТ,

ЧТО 15 МАЯ СЕГО ГОДА
В 6 ЧАС. 50 МИН. УТРА
В БОЖЕ ПОЧИЛ

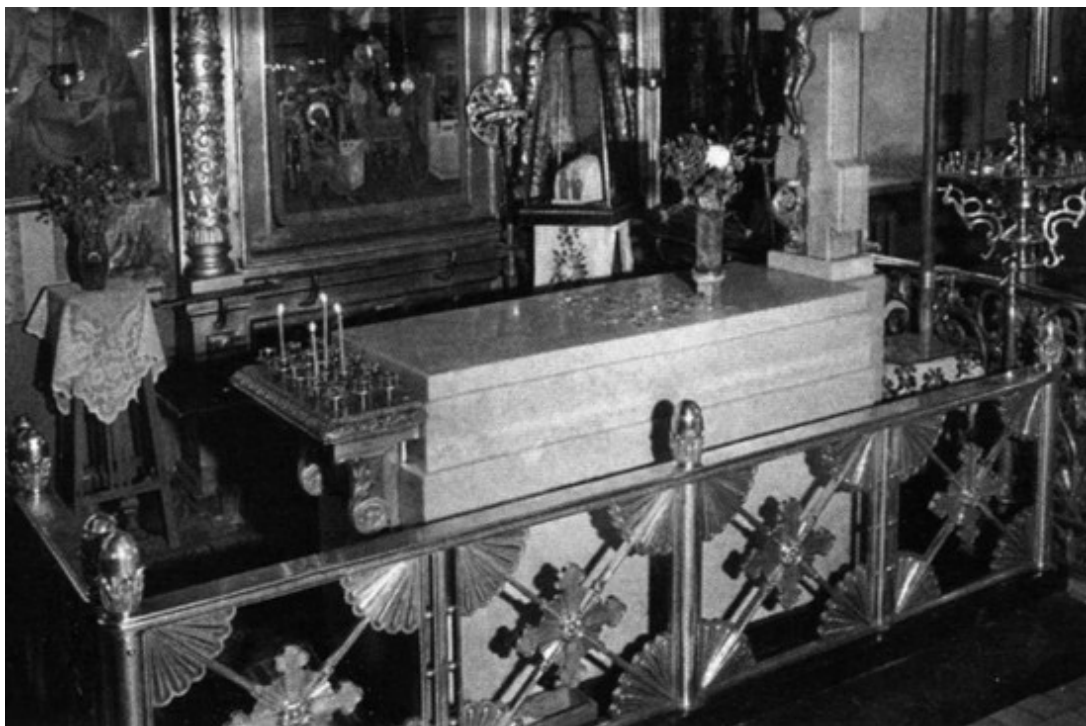
СВЯТЕЙШИЙ
СЕРГИЙ
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ.

СМЕРТЬ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
ПОСЛЕДОВАЛА НА 78-М ГОДУ ЖИЗНИ
от кровоизлияния в мозг.

ОТПЕВАНИЕ И ПОГРЕБЕНИЕ
ПОЧИВШЕГО ПАТРИАРХА СЕРГИЯ
имеют быть 18 мая
в Богоявленском Кафедральном Соборе.

„Известия“, 16 мая 1944 г., № 116.

***Сообщение о кончине патриарха Московского и
всея Руси Сергия (Страгородского). «Известия», 16
мая 1944 г.***

***Гробница патриарха Московского и всея Руси
Сергия (Страгородского) в Елоховском соборе
Москвы***

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРИАРХА СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО)

1867, 11 января — родился в городе Арзамасе, в семье священника.

1886-1890 — учеба в Петербургской духовной академии; кандидат богословия.

1890, 30 января — пострижен в монашество с именем Сергей в честь преподобного Сергия Валаамского.

1890-1893 — рукоположен во иеромонаха; член Православной духовной миссии в Японии.

1893-1894 — доцент Петербургской духовной академии, инспектор Московской духовной академии.

1894, 21 сентября — возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Русской посольской церкви в Афинах.

1895 — магистр богословия.

1897-1898 — помощник начальника Православной духовной миссии в Японии.

1899 — ректор Петербургской духовной семинарии, инспектор Петербургской духовной академии.

1901-1905 — ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

1901, 25 февраля — хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии.

1901-1903 — председатель религиозно-философских собраний представителей духовенства и общественности.

1905, 6 октября — архиепископ Финляндский и Выборгский.

1907 — возглавил Комиссию по исправлению богослужебных книг.

1911, 6 мая — член Святейшего синода.

1912, 1 марта — председатель Предсоборного совещания при Святейшем синоде.

6 мая — награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

1913-1915 — председатель Учебного комитета и Миссионерского совета при Святейшем синоде.

1917, 10 августа — избран архиепископом Владимирским и Шуйским.

1917-1918 — участник Всероссийского Поместного собора, член Священного синода.

1917, 28 ноября — возведен в сан митрополита.

1921, январь-апрель — заключен в тюрьму.

1922-1923 — находился в обновленческом расколе.

1923, 27 августа — после публичного покаяния принят патриархом Тихоном в лоно Патриаршей церкви.

1924, 18 марта — митрополит Нижегородский.

1925-1936 — заместитель патриаршего местоблюстителя.

1926, ноябрь — арестован ОГПУ.

1927, 29 июля — опубликовано Послание православным архипастырям, пастырям и пасомым Московского патриархата (Декларация).

1932, 12 апреля — награжден предношением креста при богослужении.

1934, 27 апреля — удостоен титула «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский» с правом ношения двух панагий.

1936, 27 декабря — издан «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)».

1941-1943 — находился в эвакуации в Ульяновске.

1943, 5 сентября — вместе с митрополитами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) был принят председателем СНК СССР И. В. Сталиным.

8 сентября — на Архиерейском соборе избран патриархом Московским и всея Руси.

12 сентября — интронизация новоизбранного патриарха.

1944, 15 мая — скончался; погребен в Никольском приделе московского Богоявленского собора.

ЛИТЕРАТУРА

Архивы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Российский государственный социально-политический архив (РГАСПИ)

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ)

Периодические издания

Антирелигиозник. 1938. № 2.

Былое. 1917. № 1.

Владимирские епархиальные ведомости. 1917. № 31.

Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 29, 95.

Дело народа. 1917. 31 декабря.

Диспут. 1992. № 3.

Журнал Московской патриархии. 1943. № 1, 3; 1944. № 2; 1990. № 5.

Известия. 1918. 3 июля, 30 августа.

Известия. 1922. 26 февраля, 15 марта.

Известия. 1925. 15 апреля.

Известия. 1927. 19 августа.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 4; 1990. № 4.

Исторический архив. 1994. № 3; 2000. № 1.
Красный архив. М.; Д., 1932. Т. 2.
Миссионерское обозрение. 1900. № 1.
Наука и религия. 1987. № 11; 1998. № 2, 5.
Отечественные архивы. 1993. № 2; 1995. № 2.
Последние новости. Париж, 1927. 13 сентября.
Правда. 1936. 26 ноября.
Правда. 1941. 23 июня, 3 июля.
Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 2;
1906. № 26, 38.
Христианское чтение. СПб., 1900. Май.
Церковно-исторический вестник. 1999. № 2-3, 4-5;
2002. № 9.
Церковно-общественный вестник. 1917. № 22.
Церковные ведомости. 1901. № 9.
Церковный вестник. 1905. № 2.

Воспоминания, сборники, документы

Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994.

Аманжолова Д. А. «Горячо живу и чувствую...». Петр Гермогенович Смидович: Опыт исторического портрета. М., 1998.

Бернев К. К. Православная миссия в оккупированном Пскове. Докладная записка Управления НКГБ по Ленинградской области. 1944 г. // Исторический архив. 2008. № 5.

Борис (Рукин). О современном положении Русской православной патриаршей церкви. М., 1927.

Бухарин Н. И. Реконструктивный период и борьба с религией: Доклад на 2-м Всесоюзном съезде безбожников. М., 1929.

Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994.

Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1.

Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 1923 г. Что постановил Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 27 марта 1923 г. Владимир, 1923.

Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. М., 2003.

Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990.

Григории (Яцковский), архиепископ. Документы, относящиеся к образованию высшего временного церковного совета в Москве. М., 1926.

Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1999. Кн. 3.

Денисов А. И. Первые дни Февральской и Октябрьской революций в 1917 г. в Московском Кремле // Исторический архив. 1997. № 3.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2.

Документы внешней политики. 1940 — июнь 1941. М., 1995. Т. XXIII. Кн. 1.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.

Елевферий, митрополит. Неделя в патриархии: Впечатления и наблюдения от поездки в Москву. Париж, 1933.

Жевахов Н. Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 1, 2.

Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. СПб., 1906–1907. Т. 1–4.

Игнатия (Петровская). Патриарх Сергей и Высоко-Петровский монастырь / Публикация А. Л. Беглова // Альфа и Омега. 1999. № 3 (21).

Из «Дневника» профессора А. Д. Беляева // Богословский сборник. ПСТБИ. М., 2000. Вып. VI.

Из дневника В. И. Вернадского //Исторический архив. 1996. № 5, 6; 1997. № 1; 2000. № 1; 2001. № 5; 2002. № 5.

Из переписки заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) //Церковь и время. 1998. № 2-4; 1999. № 1,3; 2000. № 1; 2001. № 3; 2003. № 2, 4.

Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II. 1898–1905 /Вступительная статья, комментарии и публикация документов М. Н. Курова//Религии мира. История и современность: Ежегодник. М., 1983.

Записки Петербургских религиозно-философских собраний. 1902–1903. СПб., 1906.

Иоанн (Разумов), архиепископ. Патриарх Сергей и его значение в истории Русской православной церкви. Псков, 1963. Машинопись.

Китер И. Православная церковь в СССР в 1930-е годы //Церковно-исторический вестник. 1988. № 1.

Коковцов В. И. Из моего прошлого: Воспоминания. 1911–1919. М., 1991.

Краснов-Левитин А. Лихие годы: 1925–1941. Париж, 1977.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006.

Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской церкви /«Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М., 2002.

Мендельсон Н. М. Дневник: Избранное. 1917–1928 / Свобода совести в России: исторический и современные аспекты: Сборник статей. М.: СПб., 2008. Вып. 6.

Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995.

«Обновленческий раскол»: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики /Сост. И. В. Соловьев //Материалы по истории Церкви. М., 2002. Кн. 27.

XI съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1961.

Одинцов М. И. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти: Документы и материалы о патриархе Тихоне //Вопросы научного атеизма. М., 1989. Вып. 39.

Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы и свидетельства современников //Диспут. 1992. № 1,2.

Одинцов М. И. И. В. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» /Вступительная статья, комментарии и публикация документов //Диспут. 1992. № 3.

Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее /Вступительная статья, комментарии и публикация документов //Отечественная история. 1992. № 6.

Одинцов М. И. «Дело» патриарха Тихона / Вступительная статья, комментарии и публикация документов //Отечественные архивы. 1993. № 6.

Одинцов М. И. «Церковь отделяется от государства»: Доклады эксперта Наркомюста М. В. Галкина. 1918 г. / Комментарии и публикация документов //Исторический архив, 1993. № 6; 1994. № 1.

Одинцов М. И. Крестный путь патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников: К 50-летию со дня кончины /Вступительная статья, комментарии и публикация документов //Отечественные архивы. 1994. № 2.

Одинцов М. И. Униаты и советская власть: Встреча в Москве. Декабрь 1944 г. /Вступительная статья, комментарии и публикация документов //Отечественные архивы. 1994. № 3.

Одинцов М. И. Поездка на Всероссийский церковный собор: Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Г. С. Голубцова. Январь-апрель 1918 г. /Комментарии и публикация документа // Исторический архив. 1994. № 5; 1995. № 5, 6.

Одинцов М. И. Русская православная церковь стала на правильный путь: Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943-1946 гг. // Исторический архив. 1994. № 3.

Одинцов М. И. Лондон — Москва: межцерковный диалог. Обмен делегациями Англиканской и Русской православной церквей. 1943-1945 гг. // Исторический архив. 1995. № 1.

Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. 1938-1943 гг. //Отечественные архивы. 1995. № 2, 3.

Одинцов М. И. Государство и церковь в годы войны: Докладные записки председателей Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. 1945 г. / Комментарии и публикация документов //Исторический архив. 1995. № 4.

Одинцов М. И. Откровения бывшего штурмбаннфюрера СС, доктора теологии и философии Карла Нейгауза /Вступительная статья и публикация документа //Наука и религия. 1995. № 8.

Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. 1938-1943 гг. /Вступительная статья, комментарии и публикация документов //Отечественные архивы. 1995. № 2.

Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1943-1945 гг. /

Вступительная статья, комментарии и публикация документов //Отечественные архивы. 1995. № 3.

Одинцов М. И. Московское духовенство на рубеже веков: Из воспоминаний Н. П. Розанова «Второе сословие» /Вступительная статья, комментарии и публикация документа //Отечественные архивы. 1996. № 5.

Одинцов М. И. «Рю Дарю, 12, Париж». Письма митрополиту Евлогию. 1921-1927 гг. /Комментарии и публикация документов //Исторический архив. 1996. № 1.

Одинцов М. И. Московский Кремль, осажденный революцией. Октябрь-ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев / Комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1997. № 3.

Одинцов М. И. «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности»: ВЧК-ГПУ и патриарх Тихон. 1917-1925 гг. /Комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1997. № 5, 6.

Одинцов М. И. Третий рейх: власть и религия. «Заявление» бывшего начальника отдела IV управления РСХА К. Нейгауза /Комментарии и публикация документа//Исторический архив. 1998. № 1.

Одинцов М. И. Неизвестный документ митрополита Сергия (Страгородского): Историческая справка об Американской епархии Русской православной церкви / Вступительная статья, комментарии и публикация документа //Церковно-исторический вестник. 1999. № 4, 5.

Одинцов М. И. Достойный сын земли Нижегородской: Материалы к биографии патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1901-1944 гг. / Комментарии и публикация документов //Исторический архив. 1999. № 6.

Одинцов М. И. «Прошу Ваших указаний»: Докладные записки Председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК

СССР. 1943–1945 гг. /Комментарии и публикация документов //Исторический архив. 2000. № 2.

Одинцов М. И. «Я все время стоял довольно в близких отношениях к московскому духовенству...»: Из воспоминаний Н. П. Розанова. 1905–1907 гг., 1917 г. /Комментарии и публикация документа //Исторический архив. 2000. № 3.

Одинцов М. И. Высокопреосвященнейший Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский и Туркестанский. 1862–1936 гг.: Биографический очерк // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9.

Одинцов М. И. Справка о приеме председателем Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карповым митрополита (обновленческого) Александра Введенского //Церковно-исторический вестник. 2002. № 9.

Одинцов М. И. «Печально что-то и страшно»: Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А. Д. Беляева. Январь — март 1917 г. //Комментарии и публикация документа //Исторический архив. 2007. № 5.

Одинцов М. И. «Без отделения церкви от государства и от школы нет освобождения от пут духовного рабства»: Из материалов Томского губернского Народного Собрания. Май 1917 г. /Публикация документа //Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сборник статей. М.; СПб., 2008. Вып. 6.

Патриарх Сергей и его духовное наследие. М., 1947.

Патриарх Тихон и история Русской церковной смуты / Сост. М. Е. Губонин. СПб., 1994. Кн. 1.

Правда о религии в России. М., 1942.

Рожденный на Земле Нижегородской: Патриарх Сергей /Сост. Тихон (Затёкин), О. В. Дегтёва. Нижний Новгород, 2007.

Розанов Н. П. Второе сословие: Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией /Комментарии и публикация документа М. И. Одинцова //Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М., 2000.

Российская церковь в годы революции. 1917–1918 гг.: Сборник / Подготовка текста к публикации М. И. Одинцова. М., 1995.

Русская православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1942.

Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996.

Священный Собор православной Российской церкви: Деяния. Пп; М., 1918. Кн. II. Вып. I, VI.

Священный собор православной Российской церкви: Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 3.

Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг.: Документы и материалы. Д., 1990.

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939: Документы и материалы. М., 1988. Т. 1–4.

Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. М., 2001–2002. Т. 4. Ч. 1; Т. 5.

Советские Конституции: Справочник. М., 1963.

Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский /Сост. С. Фомин. М., 2003.

Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919.

Феодосий (Алмазов), архимандрит. Мои воспоминания: Записки соловецкого узника / Вступительная статья и публикация документов М. И. Одинцова. М., 1997.

Фомин С. В. Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М., 2003.

Церковь отделяется от государства: Докладные записки эксперта Наркомюста М. В. Галкина. 1918 г. // Исторический архив. 1993. № 6.

Четверухин И., протоиерей, Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей, старец-затворник Смоленской Зосимовой пустыни. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995.

XIV Всероссийский съезд Советов РСФСР: Бюллетени. М., 1929. Бюллетени № 1, 4, 12, 14.

Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1, 2.

Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины: Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-запада в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005.

Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: Сборник документов. М., 2003.

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996.

Ярославский Ем. Очередная задача на антирелигиозном фронте // Антирелигиозный сборник на 1929 год. М., 1929.

Ярославский Е. М. Антирелигиозный учебник для кружков самообразования. М., 1940.

Книги и статьи

Айвазов И. Новая вероисповедная система русского государства. М., 1908.

Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории //

Русское возрождение. М.;Нью-Йорк, 1980. № И, 12; 1981, № 13-16; 1982, № 17.

Алексеева С. И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006.

Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990.

Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979.

Бердников И. Новое государство в его отношении к религии: К вопросу о свободе совести. Казань, 1904.

Бесстремьянная Г. Е. Японская православная церковь: История и современность. Сергиев Посад, 2006.

Брушлинская О. Я чувствую правду вашего движения //Наука и религия. 1987. № 11.

Бычков С. С. Русская Церковь и императорская власть: Очерки по истории Православной Российской Церкви. 1900–1917 гг. М., 1998. Т. 1; 2006. Т. 2.

Введенский А. И. Революция и церковь. Пг., 1922.

Введенский А. И. Церковь и государство: Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923.

Восторгов И. И. Государственная дума и православно-русская церковь. К вопросу о положении церкви в православном государстве (по поводу законопроектов Думы о свободе совести и отобрании церковных земель). М., 1906.

Гордиенко Н. С., Комаров П. М., Курочкин П. К. Политиканы от религии: Правда о Русской церкви. М., 1973.

Горчаков М. Итоги политики митрополитов Сергия и Евлогия. Париж, 1929–1930. Вып. 1, 2.

Даниленко С. Амвоны черной лжи //Атеистические чтения. М., 1979. Вып. 10.

Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.

Затекин Т., игумен, Дегтева О. В. Святители Земли Нижегородской. Нижний Новгород, 2003.

Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. 2-е изд. Сортавала, 1993.

Историческая переписка о судьбах Православной церкви. М., 1912.

Кашеваров А. Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995.

Корнилов А. А. Преображение России: О религиозном возрождении на оккупированных территориях СССР. 1941–1944. Нижний Новгород, 2000.

Левитин-Краснов В., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.

Казем-бек А. Л. Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей. Загорск, 1973. Машинопись.

Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006.

Макаров Ю. Н. Органы ВЧК — ГПУ — ОГПУ и Российская православная церковь. 1919–1927 гг. Сочи, 2007.

Мельгунов С. П. Церковь и государство в России: К вопросу о свободе совести. М., 1907. Вып. 1.

Мельгунов С. П. Церковь и государство в России в переходное время. 1905–1908: Сборник статей. М., 1909. Вып. 2.

Митрофанов Г., священник. История Русской православной церкви: 1917–1927. СПб., 2002.

На пути к свободе совести: Сборник статей. М., 1989.

Никитин А. К. Нацистский режим и Русская православная община в Германии. 1933–1945. М., 1998.

Об антирелигиозной пропаганде: Сборник статей. М., 1937.

Обозный К. П. История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. М., 2008.

Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: История, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.

Одинцов М. И. Государство и церковь в России: История взаимоотношений. 1917–1939 гг. М., 1991.

Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994.

Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995.

Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999.

Одинцов М. И. Православные воззрения на отечество и патриотизм / Религия и национализм: Сборник статей. М., 2000.

Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005.

Ореханов Г., иерей. На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.

Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР. М., 1930.

Персиц М. М. Отделение церкви от государства. М., 1959.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996.

Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945. Париж, 1977.

Рейснер М. Государство и верующая личность: Сборник статей. СПб., 1905.

Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.

Розанов В. В. Когда начальство ушло... М., 1997.

Сергий (Ларин), епископ. Православие и гитлеризм: Политика гитлеровских оккупантов по религиозным вопросам во временно захваченных районах СССР и ее итоги. Одесса, 1946–1947. Машинопись.

Сергий (Страгородский). О составе ожидаемого чрезвычайного поместного собора русской церкви. СПб., 1905.

Сергий (Страгородский), епископ. Слова и речи. 1901–1905 гг. СПб., 1905.

Сергий (Страгородский). Как православный христианин должен отнестись к предстоящему чествованию графа Толстого. Нижний Новгород, 1908.

Стучка П. И. Избранные произведения по марксистской теории права. Рига, 1964.

Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924.

Токарева Е. С. Ватикан в советской политике и пропаганде в годы Второй мировой войны // Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество. М., 2002.

Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960.

Трубецкой Е. Н. Церковь и духовная школа // Московский еженедельник. 1910. № 2.

Фирсов С. Л. Православная церковь и Российское государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.

Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» русской церковной традиции XX века. СПб., 1999.

Цыпин В. История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004.

Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола в Русской православной церкви. Казань, 1970.

Шпицберг И. А. Церковь в годы Гражданской войны. М., 1933. Машинопись.

Якунин В. Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 207-209.

Церковные ведомости. 1901. № 9. С. 312, 313.

³ Миссионерское обозрение. 1900. № 1. С. 118, 119.

Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 2.
С. 47-52.

См.: *Бердников И.* Новое государство в его отношении к религии: К вопросу о свободе совести. Казань, 1904.

Прибавления к «Церковным ведомостям». 1906.
№ 26. С. 2095.

Опубликовано: Былое. 1917. № 1. С. 17, 18.

Цит. по: *Рожков В., протоиерей*. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 29, 30.

Записки Петербургских религиозно-философских собраний. 1902–1903. СПб., 1906. С. 3, 4.

Цит. по: Красный архив. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 43.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 26, 27.

Розанов В. В. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 497.

Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 42.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 27, 28.

Церковный вестник. 1905. № 2. С. 33, 34.

Рейснер М. Государство и верующая личность:
Сборник. СПб., 1905. С. 397.

См.: Историческая переписка о судьбах
Православной церкви. М., 1912. С. 7-25.

Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 515.

Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 164.

Патриарх Тихон и история Русской церковной смуты /
Сост. М. Е. Губонин. СПб., 1994. Кн. 1. С. 39, 40.

Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 517.

ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 28. Л. 1, об.

Айвазов И. Новая вероисповедная система русского государства. М., 1908. С. 4-7.

См.: *Трубецкой Е. Н.* Церковь и духовная школа // Московский еженедельник. 1910. № 2. С. 3, 4.

См.: *Бронзов А. А.* Христианское чтение. СПб., 1900.
Май. С. 710–745.

См. подробнее: *Одинцов М. И.* Православные воззрения на отечество и патриотизм /Религия и национализм: Сборник статей. М., 2000. С. 9–30.

Бронзов А. А. Христианское чтение. СПб., 1900. Май.
С. 710-745.

Там же. С. 733, 734.

См.: *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 128.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 527.

Прибавления к «Церковным ведомостям». 1906.
№ 38. С. 2613-2614.

Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский. М., 2003. С. 886.

Церковно-общественный вестник. 1917. № 95.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 269.

Цит. по: Всероссийский церковно-общественный
вестник. 1917. № 95.

Денисов А. И. Первые дни Февральской и Октябрьской революций в 1917 г. в Московском Кремле // Исторический архив. 1997. № 3. С.72, 73.

Всероссийский церковно-общественный вестник.
1917. № 29.

См.: Священный собор православной Российской церкви: Деяния. П., 1918. Кн. II. Вып. 1. С. 418, 419.

Цит. по: *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 154.

См.: Дело народа. 1917. 31 декабря.

См.: Священный собор православной Российской церкви: Деяния. М., 1918. Кн. VI. С. 3.

Там же. С. 4, 5.

См.: Мендельсон Н. М. Pro те: Дневник. ОР РГБ. Ф. 165. Картон 1. Д. 1. Л. 50 об. // Мендельсон Н. М. Дневник: Избранное. 1917-1928 /Свобода совести в России: исторический и современные аспекты: Сборник статей / Публикация М. И. Одинцова. М.; СПб., 2008. Вып. 6. С. 348-375.

Священный собор православной Российской церкви:
Деяния. М., 1918. Кн. VI. С. 38, 39.

ГА РФ. Ф. 1235. Оп.1. Д. 10. Л. 205, 205 об.

См.: Священный собор православной Российской церкви: Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 3. С. 55-57.

Там же. С. 58-60.

Цит. по: Наука и религия. 1987. № 11. С. 7.

ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 696. Л. 216.

Брушлинская О. Я чувствую правду вашего движения
//Наука и религия. 1987. № 11. С. 7, 8.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 147.

ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 689. Л. 4, 5.

См. подробнее о работе VIII отдела Наркомюста: *Персии, М. М.* Отделение церкви от государства. М., 1959; *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России: История взаимоотношений. 1917-1939 гг. М., 1991.

Известия. 1918. 3 июля.

Стучка П. И. Избранные произведения по марксистской теории права. Рига, 1964. С. 254.

Советские Конституции: Справочник. М., 1963. С. 133.

Известия. 1918. 30 августа.

См.: *Шпицберг И. А.* Церковь в годы Гражданской войны: Машинопись. М., 1933. С. 85–87.

См.: Церковь отделяется от государства: Докладные записки эксперта Наркомюста М. В. Галкина. 1918 г. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 162-170.

ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 162. Л. 33-36.

Владимирские епархиальные ведомости. 1917. № 31.

Церковные ведомости. 1918. № 13-14.

Одинцов М. И. Государство и церковь. XX век. М., 1999. С. 153.

Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России: Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994. С. 163, 164.

ГА РФ Ф. 579. Оп. 5. Д. 15. Л. 39.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16 341. Л. 1.

Там же. Д. 16 345. Л. 2 об.

Наука и религия. 1997. № 11. С. 33.

Известия. 1922. 26 февраля.

ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 254. Л. 6.

Мистическое совпадение: именно в этот день произошли известные события в Шуе, которые в последующем были «использованы» Л. Троцким для административно-уголовного преследования духовенства и верующих и привнесения в Русскую церковь раскола.

Известия ВЦИК. 1922. 15 марта.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 16, 17.

Там же. Л. 10.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 4.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 284. Л. 4, 9.

Цит. по: Наука и религия. 1997. № 11. С. 34.

См.: XI съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1961. С. 643, 657.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона (Д. Н.-1780). Т. 6. Л. 20.

Исторический архив. 2000. № 1. С. 72.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона (Д. Н.-1780). Т. 2. Л. 58.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году:
Сборник документов из фонда Реввоенсовета
Республики. М., 2006. С. 160.

Там же. С.121-128.

ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 68.

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 49. Д. 17. Л. 4, 5.

Фомин С. Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М., 2003. С. 174-176.

Одинцов М. И. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти: Документы и материалы о патриархе Тихоне //Вопросы научного атеизма. М., 1989. Вып. 39. С. 319, 320.

См.: Отечественные архивы. 1993. № 2.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 291. Л. 2.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона (Д. Н.-1780). Т. 29. Л. 54.

Левитин-Краснов В., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 263.

Цит. по: *Цыпин В.* История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004. С. 403.

Затекин Т., игумен, Дёгтева О. В. Святители Земли Нижегородской. Нижний Новгород, 2003. С. 232.

Цит. по: *Регельсон Л.* Трагедия Русской церкви. М., 1996. С. 376, 377.

Известия. 1925. 15 апреля.

Наука и религия. 1998. № 2. С. 8.

Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России: Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994. С. 420.

Григорий (Яцковский), архиепископ. Документы, относящиеся к образованию высшего временного церковного совета в Москве. М., 1926. С. 5.

Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 176, 177.

Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922-1934 гг. М., 2001. Т. 4.4. 1. 1926 г. С. 251.

См.: ГА РФ. Ф. 6343. Оп.1. Д. 263. Л. 18-21.

См.: *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 224–236.

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 94-96.

Цит. по: Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) /Сост. С. Фомин. М., 2003. С. 237.

Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы и свидетельства современников //Диспут. 1992. № 1. С. 191, 192.

Известия. 1927. 19 августа.

Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922-1934 гг. М., 2001. Т. 5.

Цит. по: *Польский М.* Новые мученики Российские. Джэорданвилль, 1957. Т. 2. С. 5.

Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной церкви в 1920-1930-х годах. М., 2006. С. 173.

Цит. по: *Казем-бек А. Л.* Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей. Загорск, 1973. С. 173. (Машинопись.)

Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 185.

Период местоблюстительства патриаршего престола в Русской православной церкви. 1925–1943 гг.: Доклад архиепископа Куйбышевского и Сызранского Иоанна. (Личный архив автора.)

Цит. по: Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) /Сост. С. Фомин. М., 2003. С. 170.

Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004. С. 433.

См.: *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 255-258.

Цит. по: Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) /Сост. С. Фомин. М., 2003. С. 371.

Четверухин И., протоиерей, Четверухина Е.
Иеросхимонах Алексей, старец-затворник Смоленской
Зосимовой пустыни. Свято-Троицкая Сергиева лавра,
1995. С. 173, 174.

Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004. С. 434

Там же. С. 434, 435.

Цит. по: *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола в Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 339.

Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы и свидетельства современников //Диспут. 1992. № 2. С. 175.

Последние новости. Париж, 1927. 13 сентября.

Цит. по: Наука и религия. 1998. № 5. С. 31.

ГА РФ. Ф. 6342. Оп. 1. Д. 2. Л. 97 об.

Имеется в виду убийство в Варшаве 7 июня 1927 года советского полпреда П. Войкова.

Елевферий, митрополит. Неделя в патриархии: Впечатления и наблюдения от поездки в Москву. Париж, 1933. С. 75.

ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1633. Л. 3.

См.: *Ярославский Ем.* Очередная задача на антирелигиозном фронте //Антирелигиозный сборник на 1929 год. М., 1929. С. 4, 5.

Цит. по: *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 74, 75.

См.: ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1868. Л. 34 об.

XIV Всероссийский съезд Советов РСФСР: Бюллетени.
М., 1929. Бюллетень № 1. С. 20.

Там же. Бюллетень № 12. С. 24, 25.

Там же. Бюллетень № 14. С. 49.

Там же. Бюллетень № 12. С. 24, 25.

Там же. Бюллетень № 4. С. 13.

Орлеанский И. Закон о религиозных объединениях РСФСР. М., 1930. С. 46–48.

Бухарин Н. И. Реконструктивный период и борьба с религией: Доклад на 2-м Всесоюзном съезде безбожников. М., 1929. С. 6, 7.

ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

Там же. Л. 17.

Там же. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1799. Л. 67.

Цит. по: *Одинцов М. И.* Государство и церковь: История взаимоотношений. 1917–1938 гг. М., 1991. С. 45.

Цит. по: *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 194.

Цит. по: Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) /Сост. С. Фомин. М., 2003. С. 350.

См ..*Одинцов М. И.* Государство и церковь в России.
XX век. М., 1994. С. 83.

Чуть позже, в связи с закрытием Дорогомиловского собора, статус кафедрального собора получил Богоявленский собор в Елохове.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 41.

Только в середине 1990-х годов стало известно, что митрополит Петр был расстрелян 10 октября 1937 года по постановлению «тройки» УНКВД по Челябинской области. — См.: *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX в. Тверь, 1996. С. 369.*

Ярославский Ем. О задачах антирелигиозной пропаганды //Безбожник. 1940. 18 августа.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 227.

См.: Документы внешней политики. 1940 —июнь 1941. М., 1995. Т. XXIII. Кн. 1. С. 659, 660, 688.

Цит. по: *Токарева Е. С.* Ватикан в советской политике и пропаганде в годы Второй мировой войны /Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество. М., 2002. С. 99.

См.: На пути к свободе совести. М., 1989. С. 378–386.

См.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 153. Л. 2.

См.: *Барменков А. И.* Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 162.

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 91. Л. 12-14.

См.: Правда о религии в России. М., 1942. С. 61–70.

Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 305.

См.: *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству: Государственно-церковные отношения в истории советского общества // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 53.

Там же. С. 54.

Цит. по: *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 166.

161

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 57. Л. 2.

См.: *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 94, 95.

163

ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 133.

Правда. 1936. 26 ноября.

См., например: Об антирелигиозной пропаганде: Сборник статей. М., 1937.

Ярославский Е. М. Антирелигиозный учебник для кружков самообразования. М., 1940.

Следует уточнить, что планы «безбожников» — это не планы государства, и потому их нельзя отождествлять и тем сводить вероисповедную политику Советского государства в трагических 1930-х годах к законодательному запрету религии и полному закрытию всех церквей и молитвенных домов в СССР.

Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 97, 98.

Антирелигиозник. 1938. № 2. С. 1, 17.

170

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 80. Л. 6.

См.: *Одинцов М. И.* Религиозная политика в Третьем рейхе и на оккупированной советской территории / Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2005. С. 21-60.

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 404.

Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 47, 48.

Цит. по: *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: Сборник документов. М., 2003. С. 51.

Там же. С. 65.

Цит. по: *Троицкий С. В.* О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960. С. 95.

См.: *Никитин А. К.* Нацистский режим и Русская православная община в Германии. 1933-1945. М., 1998. С. 392-395.

Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны: 1938–1943 гг. // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 45.

АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/З. Д. 146. Л. 38.

Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. 1938–1943 гг. //Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 46, 47.

Цит. по: Москва военная. 1941-1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 31.

Правда. 1941. 23 июня.

183

Там же. 3 июля.

См. об этом: *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995; Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005.

Цит. по: *Никитин А. К.* Нацистский режим и Русская православная община в Германии. 1933-1945. М., 1998. С. 401-404.

Цит. по: *Гордиенко Н. С., Комаров П. М., Курочкин П. К.* Политиканы от религии: Правда о Русской церкви. М., 1973. С. 54. См. также: *Троицкий С. В.* О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960.

Правда о религии в России. М., 1942. С. 16.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 238.

Правда о религии в России. М., 1942. С. 413.

Русская православная церковь и Великая
Отечественная война. М., 1942. С. 11, 12.

Там же. С. 39, 40.

Там же. С. 41, 42.

Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. С. 141.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 93. Л. 19 об.

Там же. Д. 92. Л. 23-25.

Цит. по: *Барабаш Т. А.* Судьбы Русской церкви в годы войны: до и после встречи с генералиссимусом Сталиным /Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. М., 2004. С. 554.

Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945.
Париж, 1977. С. 508.

См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 92.

Цит. по: *Барменков А. И.* Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 120.

Цит. по: *Никитин А. К.* Нацистский режим и Русская православная община в Германии. 1933-1945. М., 1998. С. 307.

См.: *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: Сборник документов. М., 2003.

Там же. С. 226.

Там же. С. 251-257.

Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990. С. 271.

Цит. по: *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: Сборник документов. М., 2003. С. 307, 308.

Там же. С. 300.

Цит. по: *Даниленко С.* Амвоны черной лжи /
Атеистические чтения. М., 1979. Вып. 10. С. 66.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251. Л. 12.

Цит. по: *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: Сборник документов. М., 2003. С. 330.

Москва военная. 1941-1945 гг.: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 215-217.

Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 65-67.

Москва военная. 1941-1945 гг.: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 211.

Церковно-исторический вестник. 1999. № 2-3. С. 277.

Цит. по: Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Лети, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990. С. 348.

См.: Церковно-исторический вестник. 1999. № 4-5. С. 154-157.

Правда о религии в России. М., 1942. С. 120-122.

Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1999. Кн. 3. С. 25, 26.

См.: *Чумаченко Т. А.* Внешнеполитическая деятельность Московской патриархии. 1943-1946 гг. / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. М., 2004. С. 574.

Русская Православная церковь и Великая
Отечественная война. М., 1943. С. 94.

Там же. С. 94, 95.

221

См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 13.

Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг М., 1995. С. 78, 79.

Диспут. 1992. № 3. С. 145.

Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 7, 8.

Там же. 1943. № 1.С. 9, 10.

Там же. № 2. С. 9.

Там же. С. 3-5.

См.: Пребывание делегации Англиканской церкви в Москве //Журнал Московской патриархии. 1943. № 2. С. 18-23; *Одинцов М. И.* Лондон — Москва: межцерковный диалог: Обмен делегациями Англиканской и Русской православной церквей. 1943-1945 гг. //Исторический архив. 1995. № 1. С. 95-109.

См.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 143.

231

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946. Л. 81-122.

См.: *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской церкви /«Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М., 2002. С. 590.

Там же. С. 585.

Там же. С. 591.

Там же. С. 592.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 8. Опубликовано:
Одинцов М. И. Русская православная церковь стала на
правильный путь: Докладные записки председателя
Совета по делам Русской православной церкви при СНК
СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943-1946 гг. // *Исторический архив.* 1994. № 3. С. 143-145.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1.Д. 3.Л. 11.

Журнал Московской патриархии. 1943. № 3. С. 7.

Там же. С. 8.

См.: *Одинцов М. И.* Справка о приеме председателем Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карповым митрополита (обновленческого) Александра Введенского //Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 79, 80.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 228, 229.

Кроме того, в Богословском институте преподавались дополнительные предметы: сравнительное богословие, агиология, каноническое право, история христианского искусства, христианская гимнология, древние языки (греческий, латинский, древнееврейский), догматическое богословие, чтение иностранной богословской, апологетической и полемической литературы (католической, протестантской, англиканской), патристика, история русской религиозной мысли, введение в круг богословских наук.

243

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 3.

245

Там же. № 3. С. 27.

246

Там же. С. 20.

Там же. 1944. № 2. С. 20.

См.: *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1943–1945 гг. // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 50, 51.

См.: *Васильева О. Ю.* С именем Димитрия Донского // Журнал Московской патриархии. 1990. № 5.

250

ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 219. Л. 90, 91.

Цит. по: *Волокитина Т. В.* Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии: К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е годы XX в. /Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939-1958. М., 2003. С. 106.

Цит. по: *Якунин В. Н.* Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара, 2001. С. 262.

Имеющиеся документальные материалы дают основания предполагать, что решение о расправе с митрополитом было принято шефом Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннером. 28 апреля 1944 года по дороге из Вильнюса в Ригу недалеко от Каунаса автомашина, в которой находились Сергей и его спутники, была обстреляна неизвестными лицами. Все находившиеся в ней были убиты. Власти не проводили должного расследования, и случившееся списано было на «неких советских террористов», одетых в форму немецкой армии.

См.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 22.

Цит. по: *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 84.

256

См.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

См.: *Кудрина Т. А.* Духовный потенциал Великой Победы /Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1995. С. 143-153.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 170, 171.